ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК

Апрель 2015

*Материалы научной конференции
«Религия, наука, общество:
проект русской культурной политики»
Иваново, 31 мая 2014 г.*

МОСКВА — ИВАНОВО
2015

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
Специальный выпуск. 2015. Апрель. — 354 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов
Редакционно-издательский совет:
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров;
д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:
д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*
Художник — *Е.Ю. Осипова*
Компьютерная верстка — *С.Б. Басараб*

Редакционно-издательский совет специального выпуска (г. Иваново):
д.ф.н. Е.В. Шелкопляс; д.филол.н., проф. В.П. Океанский,
д.э.н., проф. С.С. Мишуров; д.т.н., проф. А.И. Тихонов;
д.и.н., проф. А.А. Федотов

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: *119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел.* (*495*)*939-4183, факс* (*495*)*939-3496, e-mail: lab.phil.ec@mail.ru, skype: philosophy_of_economy, сайт:* ***http://www.philh.ru*** *http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/, http://www.css.msu.ru*
Тираж 1000 экз.

ISSN 2073-6118 © «Философия хозяйства», 2015 г.

Содержание

Е.В. Шелкопляс
Новая культурная политика России: возможность освоения идей завтрашнего дня 7

Раздел I
Глобальные вызовы

Ю.М. Осипов
Россия и «русский фактор» 27
Г.Б. Клейнер
Смит, Веблен, Вернадский, Лихачев:перекличка концепций в контексте системной парадигмы 31
В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская
Константы культурного бытия и кризисность современной антропологии 45
Е.В. Шелкопляс
Метафизические аспекты современной культурологии: ожидание перемен 51
П.С. Лемещенко
Ментальность и русские проекты: возможности и ограничения 83
А.А. Олейников
Национальное хозяйство как формационно-цивилизационная система (к вопросу о макроконкурентоспособности национального хозяйства России в XXI веке) 99
Н.Б. Шулевский
Россия и абсолютный субъект истории 112
М.М. Прохоров
Необходимость системного изменения российской культуры 123
Е.В. Косов
Наука и Церковь, вера и знание 145
А.И. Тихонов
Культ совести как оружие против лжи в эпоху информационных войн 154
Г.В. Фадейчева
Противоречия и траектория развития современного российского общества 162
А.А. Федотов
Современная геополитическая ситуация в контексте политики США второй половины XX – начала XXI века 168

Раздел II
Проблемы и перспективы российского развития

Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова
Философия хозяйства и экономические кризисы 177
А.И. Новиков
Кооперация как антипод общества потребления 193

С.М. Усманов
«Русская цивилизация» и «диктатура импотентов» ... 199
А.В. Тарасов
«Вежливые люди» как новое лицо российской политики и культуры ... 205
К.С. Бакулев
«Счастье – это когда тебя понимают», или Коммуникация как национальная идея ... 215
Е.В. Шелкопляс
Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса ... 230
И.В. Уткин
Русский характер и будущее России ... 248
О.А. Балагуров
Субпсевдоморфозное развитие России как способ преодоления вызовов секулярного глобализма ... 251
М.А. Шутова
Уровни идеального: миф, культура, религия ... 257

Раздел III
Личность, род, народ, человечество. Традиции и обновления

О.Н. Масленникова
Образование без образа, или Об «иностранцах в своем отечестве» ... 271
А.А. Шевцов
Критический обзор проекта «Основы государственной культурной политики РФ» ... 283
В.А. Смирнов
Предания о «волотах» в Ивановском крае ... 301
В.М. Курицын
Иностранный язык как средство культурной идентификации учащейся молодежи в условиях глобализации ... 304
А.В. Петелин, Е.В. Шелкопляс
Материальное и духовное начала в душе русского делового человека: антиномия, антитеза или возможность гармонии ... 310
С.К. Редков
Семейная политика в современной России ... 318
Ю.И. Ермилов
Философские заметки: проблема американизации ... 322
А.Е. Ходаков
Идея кармы: рациональные аспекты страха и надежды на исправление ошибок рода ... 334
А.М. Алябьев
О роли православной школы в развитии общества ... 346

Наши авторы ... 349

Contents

E.V. Shelkoplyas
Russia's New Cultural Policy: an Opportunity to Adopt Ideas of Tomorrow 7

Part I
Global Challenges

Yu.M. Osipov
Russia and the «Russian Factor»..... 27
G.B. Kleiner
Smith, Veblen, Vernadskiy, Likhachev: Reechoing of Concepts
in the Context of Systematic Paradigm 31
V.P. Okeanskiy, Z.L. Okeanskaya
Constants of Cultural Existence and Crisis of Modern Anthropology 45
E.V. Shelkoplyas
Metaphysical Aspects of Modern Culture Science: in Anticipation
of the Changes 51
P.S. Lemeschenko
Mentality and Russian Projects: Opportunities and Limitations 83
A.A. Oleynikov
National Economy as a System Dependent on a Formation and a Civilization
(the Issue of the Russian's National Economy Being Macro-Competitive
in XXI Century)..... 99
N.B. Shulevskiy
Russia and an Absolute Entity of History 112
M.M. Prokhorov
Systemic Changes Needed Russian Culture..... 123
E.V. Kosov
Science and Church, Belief and Knowledge 145
A.I. Tikhonov
Cult of Conscience, as a Weapon Against the Lies in the Era of Information
Warfare 154
G.V. Fadeycheva
Contradictions and the Trajectory of the Development of Modern
Russian Society..... 162
A.A. Fedotov
Modern Geopolitical Situation in the Context of USA's Policy
in the Second Half of the XXth Century and Early XXIst Century..... 168

Part II
Issues and Perspectives of Russia's Development

N.B. Shulevsky, E.S. Zotova
The Philosophy of Economy and Economic Crises 177
A.I. Novikov
Cooperation as the Antithesis of the Consumer Society 193

S.M. Usmanov
«The Russian Civilization» and «The Dictatorship of Impotents» 199
A.V. Tarasov
«Polite People» as a New Person of the Russian Policy and Culture 205
K.S. Bakulev
«Happiness is Being Understood», or Communication as the National Idea 215
E.V. Shelkoplyas
The Dawn of the Liberal Culture: Philosophical and Psychological
Roots of the Crisis 230
I.V. Utkin
Russian Temper and Future of Russia 248
O.A. Balagurov
The Dawn of the Liberal Culture: Philosophical and Psychological
Roots of the Crisis 251
M.A. Shutova
Forms of Ideality. Explanation of the Issue.. 257

Part III
Person, lineage, People, Mankind. Traditions and Innovations

O.N. Maslennikova
Education Withoutan Imageoron «Foreigners in Their Own Homeland» 271
A.A. Shevtsov
A Critical Review of the State's Culture Policy Framework Project 283
V.A. Smirnov
The Legend of Valoth in the Ivanovo Region 301
V.M. Kuritsyn
A Foreign Language as a Means of Cultural Identification of Students
in the Context of Globalization 304
A.V. Petelin, E.V. Shelkoplyas
The Material and the Spiritual in Russian Man's Soul: Antinomy,
Antithesis and Possibility of Harmony 310
S.K. Redkov
Family Politics in Modern Russia 318
Yu.I. Ermilov
Philosophical Notes: the Americanization Problem 322
A.E. Khodakov
The Concept of Karma: Rational Aspects of Fear and Hope for Resolving
Errors of the Kin 334
A.M. Alyabiev
Impact of an Orthodox School on the Development of the Russian Society 346

Our Authors 349

Предисловие к научной конференции
«Религия, наука, общество: проект русской культурной политики»
31 мая 2014г.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Новая культурная политика России: возможность освоения идей завтрашнего дня

В период подготовки и проведения конференции «Религия, наука, общество: проект русской культурной политики» ее организаторы и участники естественно не могли знать, как резко будет меняться жизнь страны в 2014 году. Не было известно и то, что 24 декабря 2014 года президентом Российской Федерации будет подписан, существовавший лишь в виде проекта, Указ «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Этот еще не всеми оцененный документ определил отношение к национальной культуре как к миссии, как к историческому благу, как к национальному наследию, как к идеалу, как к основе национальной безопасности.

Но все события, происходившие в течение полугода, в период от проведения конференции до направления ее материалов в издательство, лишь подтвердили значение науки как отрасли общественного хозяйства, производящей знание. Памятуя о призыве Гераклита слышать окликающий мыслящего человека Логос, наука улавливает и формулирует законы и правила нового, предстоящего периода развития общества и человека («семенные Логосы»). Тем самым она дает возможность и предсказать новые тенденции развития Мира, и принять участие в бытии Мира в соответствии с принципом «тварной Софии» (С.Н. Булгаков), динамичного и соответствующего Промыслу развития «Скользящей Гармонии».

Активная разработка проблем кризисов культуры (метафизики, философии, идеологии, экономики и психологии) в российской науке началась в 70—80-х годах XX столетия. Трудно переоценить вклад в эту многолетнюю работу Академии философии хозяйства и ее президента Ю.М. Осипова, возродившего русскую софиологию и концепцию «философии хозяйства», экономиста, философа и богослова С.Н. Булгакова, давшего современное понимание и развитие взглядам мыслителей начала XX столетия. В рамках этого подхода выступают многие участники коллективного труда: В.П. Океанский

(Центр кризисологических исследований Ивановского государственного университета), разрабатывающий концепцию «метафизической кризисологии», Е.В. Шелкопляс (Институт Развития, Изучения Здоровья и Адаптации Человека), автор антропологической теории системного оптимума адаптации и развития, А.И. Тихонов, исследующий связи ранних христианских и современных российских культурных традиций, и другие авторы. Концепция «философии хозяйства» в сложившейся в современной России ситуации приобретает для общества и политической элиты особое значение. Следует отметить, что абсолютное большинство происходящих сегодня перемен прогнозировалось в трудах членов Академии философии хозяйства. Поистине, «нет ничего практичнее хорошей теории».

В современной социальной науке национальная культура трактуется как выработанная обществом и проверенная веками конструкция, система законов и правил бытия того или иного самобытного общества во всех сферах — духовной, этической, экономической, научной, образовательной, политической и т.д. Культура представляет собой развивающуюся (усложняющуюся) систему, включающую совокупность смыслов бытия, убеждений, знаний, институтов, стандартов, норм отношений и ролей социального поведения, т.е. все основные сочетания стереотипов адаптации и развития человека и социума.

Если культура, прежде всего, есть совокупность смыслов и идей, рожденных обществом, то цивилизация, в первую очередь, — есть совокупность способов их реализации. Исчерпав главные, долгие (метафизические) идеи развития, культура редуцируется до угасающей цивилизации, для того чтобы уступить место на исторической арене новым культурам и цивилизациям, которые могут быть преемниками предшествующих, но могут и отрицать их. Фрактальность «тварного» мира позволяет сравнивать культуры со звездами, которые завершают свое бытие, исчерпав энергию синтеза, творения нового. Но самые большие звезды, угасая, порождают новое качество — «вспышку сверхновой звезды», порождающие более сложные химические элементы, которые будут в дальнейшем необходимы для творения еще более сложных химических структур, жизни, разума, культуры. Совместное действие (энергия) Божественной воли и воли человеческой в деле реализации Замысла, в христианском богословии именуется «сонаправленностью» или «синергией» (Г. Палома).

Полномасштабное восприятие феномена культуры требует учета действия закона динамичности, признания постоянного наличия как кризисных явлений (устаревания существующих идей реализации

бытия и способов их реализации в меняющемся мире), так и признаков преодоления кризиса, рождения новых идей и способов. Анализ динамики культурного развития общества предполагает учет существования коротких (экономико-технологических), средних (идеологических), длительных (культурно-цивилизационных) и сверхдлинных (религиозно-метафизических) циклов развития.

Теория оптимума развития признает наличие принципа цикличности (различной длительности) в любых материальных процессах, в том числе в таком явлении тварного мира как культура. Движение общества в будущее, к Абсолютной Идее осуществляется не одномоментно («вознесение»), а через долгую череду циклов, спираль развития имеющих свою цель, «семенную» идею, реализацию производного закона развития, «семенного Логоса» («восхождение»). По этой причине в политической и художественной культуре можно выявить короткие циклы восхождения, расцвета и заката очередных идей развития, примерно соответствующих времени социальной активности поколения. Угасание идеи («социальной мифологемы») сопровождается разочарованием, снижением уровня нравственности и духовности, однако вслед за этим, если не исчерпана большая метафизическая идея (религиозно-метафизическая система) восходит звезда новой идеологии, которую неизбежно ожидает тот же цикл развития и угасания. Практическое значение этой закономерности, с позиции ТОР, заключается в опережающем прогнозировании содержания идей грядущих циклов, позволяющем избегать пустой растерянности и уныния, реализовать механизм высокой «скользящей гармонии», соответствия человека и общества движению тварного мира к реализации Замысла, Божественной Софии, не постижимой для человека. Но требования другой сущности Бога — Логоса, Закона, порождающей «семенные Логосы», доступно для осознания соборному человеческому разуму, объединенному новым принципом социальной любви, родившемуся в российской культуре и зафиксированному в теории оптимума развития.

Политическая практика — лишь часть культуры любого общества, зависящая от многих ее подсистем и, прежде всего, от стержневой — национальной идеи, которая не придумывается под всякую очередную политическую моду, как и язык, традиции, верования и идеалы. Стержнем всякой культуры является религиозная система, она и порождает «национальную идею». В российской культуре — это идея построения «царства правды» (Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.).

По мере развития цивилизации, т.е. практической реализации долгих смыслов бытия, метафизической и социальной культурной

идеи, достижения одних целей развития, осознания и формулирования новых, смены «технологических укладов», накопления и осознания ошибок адаптации и развития общества, периодически (в пределах одного столетия) в форме социального кризиса происходит смена идеологий, т.е. системы социальных целей и основных способов их достижения. Сегодня кризис общества приобрел глобальный характер. Истощение, устаревание метафизической идеи как цели и ресурса духовного развития человека и общества, ее отставание от развития Мира — означает завершение долгого цикла культурного развития, закат цивилизации (В. Соловьев, С. Булгаков, О. Шпенглер и др.). На смену приходят новые метафизические идеи, формируются новые культуры и цивилизации.

Обновление элементов и подсистем метафизически неистощенной культуры — процесс закономерный. Россия не первая страна, прошедшая в новейшей истории человечества через смену среднесрочных правил социального бытия, через идеологический кризис. Существует большое количество примеров успешной модернизации общества в подобных обстоятельствах — Германия, Япония, Китай, Индия и другие страны. Ключевым принципом успешного обновления, восстановления соответствия новым условиям бытия является бинарно-комплементарное сочетание приверженности общества культурной традиции (большая часть принципов бытия) и принятия, взамен устаревших, необходимой доли новых (меньшая часть социальных правил), часто заимствованных в других культурах.

Сегодня стало очевидным, что извечный конфликт России и Запада имеет не идеологический, а культурно-цивилизационный контекст. В отличие от российской культурно-цивилизационной идеи общей «правды», «справедливости» (с правды веданием), западная культурно-цивилизационная идея «индивидуальной свободы» в новой истории породила ее понимание как индивидуализма, как формальное право каждого человека и каждой сферы культуры на самоопределение (Н.А. Бердяев). Теория оптимума развития (ТОР) условием такой независимости определяет дисгармоничный приоритет «индивидуального» над «социальным», что ведет к отрицанию нравственного и духовного Закона, отказу от средних и долгих смыслов развития. Фиксация общества лишь на коротких, материальных смыслах бытия, в условиях бездуховности и безнравственности делает социум обреченным на скорую гибель вследствие резкого ограничения возможностей среднесрочного и долгосрочного прогнозирования в развитии всех значимых социальных процессов, в том числе и опасных. Длительный системный кризис западного общества, включающий экономические, социальные,

этно-демографические, нравственные, правовые и другие аспекты, подтверждает этот вывод.

Намерение механически соединить духовную, нацеленную на долгие смыслы, православную в своей основе, цивилизацию России и западную цивилизацию коротких смыслов бытия похоже на безнадежную попытку объединить усилия существ из разных стихий — лебедя, рвущегося в небо высоких смыслов, и щуки, ищущей в пучине лишь очередной поживы. Чтобы окончательно не утонуть в бездне западной безнравственности, социальной и экономической лжи, Россия, наконец, приняла решение опираться на собственную культурную традицию.

Одну из лучших характеристик российской самобытности в работе «Судьба России» дал Н.А. Бердяев: **«В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. … В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. … В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем среднем и относительном.** В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он говорит о том, что «И в русском народе, и в русской интеллигенции было и будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда. … Только в России могла произойти коммунистическая революция. … Русский народ не «догоняет» Запад, а идет собственным путем. … В России коммунизм не столько социальная система, сколько религия. Коммунизм стремится быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать жизни смысл. … Русский коммунизм — есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. **… Идея коммунизма более согласна с христианством, чем идея, на которой базируется буржуазное капиталистическое общество. … В коммунизме есть здоровое, верное, и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому. … Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как «Третьем Риме», …священном царстве, основанном на ортодоксальной вере, на русской национальной идее**». Главная метафизическая особенность российской культуры, по мнению философа, заключается

в том, что «идея Богочеловечества, как сущности христианства, мало раскрывалась западной христианской мыслью и является оригинальным порождением русской христианской мысли». Приведенные выше слова выдающегося русского религиозного философа показывают наивность представлений о том, что коммунизм в России был «вывихом истории». Он, по сути, представлял собой эпохальный эксперимент по реализации идей православия в социально-экономической организации бытия общества; эксперимент наивный, но закономерный, соответствующий уровню знаний той эпохи, о чем еще до его реализации писали русские религиозные философы.

Парадоксы попыток соединения несоединимого в российской социально-экономической культурной реальности многочисленны, порой анекдотичны. Введение в современной капиталистической России государственного знака «Готов к труду и обороне» и звания «Героя Труда Российской Федерации» немедленно вызывает вопрос — почему этот знак не вручен и звание не присвоено всем гражданам России, имеющим капитал не менее миллиона (или хотя бы миллиарда) долларов? Страна должна знать своих героев! Ведь денежные знаки, по своей природе, — отражение полезности для общества труда их обладателя. Простой силлогизм приводит к выводу: чем больше таких знаков — тем больше полезности для общества. Все миллионеры — герои, все педагоги — малоценные люди. А если, в реальности, миллионеры не так ценны, как богаты? А если педагоги, в действительности, крайне важны и полезны обществу, отчего они так бедны? И ведь такая ситуация не только в России. Но в России эти противоречия особенно остры, т.к. действующая социально-экономическая модель грубо диссонирует с национальной культурной традицией. Впрочем, эти проблемы есть во всех странах с рыночной экономикой, с приоритетом материальных смыслов бытия над нравственными и духовными, что находит отражение в художественной литературе всех народов. В России, например, мало кто воспринимает самых богатых людей как «героев», как «пример для подражания». Реальностью является негативное отношение многих молодых женщин к «предпринимателям» как потенциальным спутникам жизни. Считается, что абсолютное большинство людей, занятых в этой сфере экономики, — безнравственны, ибо это принципиальное условие серьезного успеха в бизнесе в любой стране. Безнравственный супруг — ненадежен, он не способен быть счастливым сам и сделать счастливой семью. Явное предпочтение современные российские женщины отдают квалифицированным специалистам, у которых они не видят серьезных нравственных

изъянов. Но, бизнесмены — тоже люди, тоже граждане России, они — лишь следствие социальных дисгармоний не ими созданных… В России суждение «богатые тоже плачут» воспринимается не как исключение, а, как правило. Именно они и входят в число самых несчастливых людей (скудных душой и духом), и заслуживают жалости больше других слоев общества, сравниться с ними могут пытаться лишь нищие (материально обездоленные), но у бедных есть выход — перспектива и желание уйти от нищеты, у богатых — желания нет. В существующих ныне правилах жизни общества их положение выглядит безвыходным…

Несложно заметить, что и сегодня счастливы люди честные, имеющие не богатство, а достаток. Реальная психологическая практика автора предисловия к этому сборнику трудов вполне подтверждает сказанное. В современной России появилось расхожее выражение «у богатых людей ничего нет…, кроме денег». Речь идет о реальной проблеме — чем больше у человека денег, тем меньше, обычно, у него уверенности, что окружающие, члены семьи и близкие любят его, его душу, а не его деньги. Также нелепо смотрятся в российском обществе навязываемые ему «герои» массовой культуры, которые легко вызывают жалость у сограждан своей явной несчастливостью, часто болезненной, паясничаньем, дисгармонией семейных отношений, пустыми скандалами, сексуальными девиациями, но не вызывающие уважения к их жизненной позиции, стремления им подражать. Главной ценностью в России была и остается любовь, но не деньги. В этом проявляется важная сторона самобытности нашей культуры. В России нелепой выглядит стандартная в американской бытовой культуре фраза-приветствие: «Делаешь деньги?». В России культурная норма требует деньги зарабатывать, т.е. создавать реальные полезности, а не «делать» их «симулякры». В России «бизнесмен» (занятой человек) — фигура неясная. В российской культуре существует нравственная оценка деятельности человека. Если он занят делом — это «человек деловой», «человек дела». Если он занят «не делом», то это – «жулик», «бездельник», «обманщик», «никчемный человек». Ни в России, ни в «старых» рыночных странах так никто и не нашел ответа на вопрос — «что дает для счастья второй миллиард денежных единиц их обладателю»?.. Именно так, нелепо, при внимательном рассмотрении, выглядят мотивы деятельности бессмысленного (бездушного и бездуховного) «общества без смыслов». Общество, игнорирующее (по сути отменяющее для обывателя) нравственный и духовный закон, делающее ставку лишь на юридические нормы, порождает бесконечную цепь, систему преступлений, с которыми бороться

невозможно, т.к. ложь, подлость, коррупция, насилие для достижения эгоистических целей — не запрещены существующей культурой, и, как следствие, внутренней мотивацией многих индивидов; внешний контроль — в принципе не способен превзойти внутренний самоконтроль.

Погоня за максимальной и скорой «прибылью», игнорирующая не только моральный, но и любой юридический закон (точно по Марксу), безумные мировые биржевые спекуляции, целые страны без будущего, которым запрещается иметь промышленность и сельское хозяйство, но пока разрешается существовать на содержании избранных стран с «эффективной экономикой», горы пустых «ценных бумаг», представляющих собой дериваты от дериватов-дериватов реальных ценностей, государственный долг США, который в принципе невозможно выплатить всему миру, но можно «обнулить» войной с принесением в жертву множества человеческих жизней, но не тех людей, которые создают все это «не дело», — всю эту безнравственную и лживую реальность западной экономической цивилизации отторгает сама сущность традиционной российской культуры.

Идеология современной России, которая Конституцией РФ как бы запрещена, на деле существует, но без юридической фиксации. Ее суть — привнесенный либерализмом культ эгоизма и вседозволенности, «право сильного» (на деле слабого и несчастного) на произвол. Сегодня эта идеология находится в глубоком противоречии, с российской культурой, сохраненной и в повседневной жизни, и в коллективном бессознательном. Подобно движению Солнца по небосводу, культуру — ни запретить, ни разрешить нельзя. С нею нужно считаться, быть в ладу. Она выше и отдельного человека и целого общества. Она происходит от Истории, во многом от Универсального Закона, от Логоса, от Бога. Культура Запада (ее цивилизационный финал) сегодня уничтожается крайне недальновидной ориентацией лишь на короткие смыслы бытия. Она эгоистична, т.е. и антисоциальна и антилогосна, а потому, в отличие от культуры Китая, Индии, России, — исторически недолговечна, а в актуальном состоянии — катастрофична. Указ президента Российской Федерации, посвященный утверждению основ государственной политики, кладет предел фарсу подражания Россией, обладающей глубокой и гармоничной культурой, пошлой и мелкой цивилизации индивидуализма и эгоизма, культуре заката истощившейся метафизики Запада.

Компетенция, соответствие возможностей стоящим задачам, подразумевает наличие соответствующих знаний и умений.

Российская наука уже «знает», в чем состоит суть необходимых для возрождения страны перемен. «Умение» власти соответствовать вызовам нового времени, отлаженная система взаимодействия духовной и политической элит, общества для компетентного управления реформой — будет складываться в социальной практике. Потребуется приведение российского законодательства в соответствие с новой государственной культурной политикой. Формулирование принципов новой российской идеологии и подготовка новой Конституции, взамен оккупационной, неадекватной российской культурной традиции, предложенной нашему «принародно избранному президенту» Б. Ельцину его владельцами — следующие задачи, после утверждения программы возрождения и развития культуры нашей страны. Тогда станет вполне ясно — кто с нами…

Для развития современного культурологического дискурса предельно важно проведение целого цикла научных междисциплинарных конференций, где мог быть согласован и тезаурус базовых понятий новой российской культурологии, и представления об исторических закономерностях развития национальной культуры, и взгляды на ключевые моменты взаимодействиями основных культур современности, и на основные разделы программы национального развития. Профессиональный долг ученых состоит и в том, чтобы разрабатывать новые модели бытия, отвечающие новым условиям жизни. Задача общества и политической элиты — оценить эти модели, выбрать оптимальный вариант и осуществить далее в социальной реальности. К сожалению, социальное планирование, в том числе планирование научного обеспечения развития общества, надолго исчезло из практики, рыночные же отношения, по своей сути, ориентированы лишь на «сиюминутное».

Новая государственная культурная политика неизбежно потребует формулирования яркой и верной социальной идеи, объединяющей все культуры народов России, которую можно найти на основе единой во всех религиях и культурах (православие, ислам, буддизм, иудаизм, разнообразные формы духовной традиции народов, имеющих российское гражданство) «идеи правды», «справедливости». Нечто подобное предлагается современным «евразийством» А. Дугина, но вполне убедительной эта попытка не является.

Культурная политика охватывает всю социальную жизнь России. Кроме президента страны, гарантом сохранения ее смысла, запрета на выхолащивание сути, несомненно, станет мощная, хотя и мало ныне проявленная, нравственная и мыслящая русская интеллигенция, институты гражданского общества, предусмотренные

законодательством и быстро набирающие влияние новые территориальные общины (ТОСы). Новые институты гражданского общества в России ждут, когда политики вспомнят слова Аристотеля о том, что «демократия» — нестабильная, по сути, эфемерная форма власти. Она быстро вырождается в смесь власти толпы (охлократия), власти привилегированных лиц (олигархия) и одинокого, несчастного, окруженного недругами лидера (монархия). Народу, как указывал греческий мыслитель, нужна современная «полития». Это власть, основанная одновременно на ответственности и компетенции лидера (президента), лучших представителей народа (избранные во власть), и, самое главное, — просвещенного, организованного и ответственного народа. В истории еще не было условий для такой формы организации общества. В России эти условия сложились раньше, чем где-либо, поскольку соответствовали сути православия. Сегодня Россия может первой начать строить общество гармонии (Е.В. Шелкопляс, 2013). Культурная традиция страны этому способствует в полной мере.

Несомненно, принципиальные перемены в государственной культурной политике затронут интересы не только граждан России, но и тех стран, отношения с которыми были достаточно интенсивными, но строились на старых, «ельцинско — горбачевских» принципах политической культуры, на принципах системного вассалитета России в отношениях с «Западом», которому не слишком нравится перспектива потери влияния в такой богатейшей колонии, как наша страна. Несмотря на наивное желание президента США (коллективного Запада) превратить Россию в малозначимую региональную державу, «порвать в клочья» экономику страны, устранить любой ценой чрезвычайно популярного в стране президента, подписавшего указ о возврате к государственной политике, основанной на принципах национальной культуры, новые принципы социально-экономического и духовного бытия России позволят ей не только справиться с принуждением к отказу от национальных интересов, но и стабильно и динамично развиваться, процветать тогда, когда мир стремительно меняется, когда с исторической арены рискуют исчезнуть культурно одряхлевшие европейские народы, когда США будут стоять в ближайшие годы не только перед проблемой углубляющегося финансово-экономического кризиса, но и тектонического культурного сдвига в результате предстоящего превышения численности «цветного» населения страны над «белым».

Следует признать, что государственная культура современной России до 2014 года не имела ни эффективного средства пропаганды идей и организации масс, ни самой увлекающей социальной идеи. По

этой причине при духовном и нравственном голоде общества в культуре процветали различные суррогаты этих ресурсов — духовные секты, псевдорелигии, мифотворчество, молодежные «субкультуры», объединения спортивных и музыкальных «фанатов», бесконечные музыкальные и политические шоу. Новая государственная культурная политика должна предложить всем народам, всем гражданам России новую метафизику, основанную на культурной традиции, новую этику, новые правила экономической жизни, новые правила реализации «скользящей гармонии», гармонии сочетания традиции и обновления. Сделать это без участия духовной элиты общества — церкви, науки, высокого искусства — нельзя.

Историческая и социальная наука показывают, что первое важнейшее условие прочности российского государства и гармонии развития нашего общества заключается в том, чтобы реализовывать долгосрочную идею «общего блага»; второе условие — препятствие «одряхлению» элит, превращению их в эгоистические, паразитические группы. Современной российской философией хозяйства и теорией оптимума развития описаны основные условия реализации этих целей. Успешное обновление всех уровней культуры российского общества (духовного, морально-нравственного, материального) на основе традиции и перспективных разработок российской гуманитарной науки может сделать такую модель гармоничного функционирования и развития общества привлекательной и для других стран мира. Рождение новой государственной культурной политики не следует воспринимать только как заказ политической элиты, государства; в первую очередь это требование общества, призыв наступающего нового времени, условие обеспечения новой роли России в глобальном мире.

Серьезные перемены всегда дают поводы для крайних оценок их перспектив, от «ничего не выйдет» до «нам нет преград». Безусловно, истина неблизка ни к той, ни к другой позиции. И все же важно быть реалистами и видеть отчетливо не только светлую цель, но и главные препятствия на пути к ней. Проблема коррупции, по мнению большинства аналитиков, относится к числу таких сложных вопросов. Для его решения стоит помнить, что «коррупция» в переводе с латыни означает «растление», «порчу». Кроме того, в русской культуре существует пословица: «Лжа, что ржа: тлит». Историки утверждают, что бороться с коррупцией начал еще шумерский царь Уруинимгина в XXIV в. до н.э. Результат известен. Что же разрушает коррупция, превращая в тлен, в прах, в «ничто»? С позиции теории оптимума развития — это нематериальный ресурс, — доверие. Казалось бы, какое влияние доверие или недоверие оказывают на экономику,

связанную со сферой материального производства? Ведь речь идет, вроде бы, не о семье, не о любви? На деле — именно о них, хотя это и неочевидно.

Со времен Платона общество считается «семейством семей». И в семье, и в обществе существует так называемая «дискреционная» власть (от фр. discretionnaire — зависящий от личного усмотрения). Если власть построена на любви, то ее носителю доверяют полностью (например, маленькие дети родителям), и трансакции (от лат. transactio — соглашение, договор — единицы общения между людьми) высокоэффективны, легко прогнозируются и осуществляются. Если в семье нет любви, то там нет и искренних знаков любви, нет доверия к трансакциям, которые часто нечестны (искажают истину, лживы, нарушают договор любви и честности), отношения становятся малоэффективными. Они не удовлетворяют и не радуют участников, будущее такой семьи проблематично или отсутствует, долгие и даже среднесрочные планы в ней — имеют мало смысла. По сути, это семейная коррупция, растление лжецом (лжецами) ткани семейных отношений, в которых не остается веры друг к другу.

Совершенно аналогичны механизмы коррупции и в обществе. Использование лжи ради короткой выгоды человеком, бесчестно применяющим свои полномочия, человеком, который не любит ни своей страны, ни окружающих. Но главное (бессознательно), он не любит себя. Это означает, что он неспособен выбрать честные отношения. В глубине души, не считая себя достойным любви (бессознательно, т.к. с детства был недолюблен родителями и обществом), он выбирает «месть» всему миру. «Если мир обманул меня — я имею право ответить ему тем же» — примерно так рассуждает любой эгоист, наивно полагающий, что ему достаточно любить себя самому. На деле он не знает, как это можно сделать качественно (если человеку не дано даже поцеловать себя в щеки). Поэтому несчастливый эгоист действует по принципу доступности — как можно больше есть, пить алкоголя, иметь сексуальных отношений и контролировать окружающих, вызывать страх как негативную зависимость от него, коль недоступна любовь, позитивная зависимость, — главная валюта жизни в любом обществе, для любого человека. При этом, такой человек демонстрирует окружающим в трансакциях ложную доброжелательность, почти любовь. Но каждый совершенный обман разрушает ткань социальной веры людей в справедливость. Деньги — знаки доверия к общественной полезности труда человека, собственность — знак доверия к общественной полезности управления экономическим объектом, власть — знак

доверия к общественной полезности управления принадлежащими обществу ресурсами, религия — знак доверия к высшей справедливости, которая наступает рано или поздно, или в загробной жизни (суд истории, Суд Божий). Разрушенная коррупцией Вера — в людей, в Бога и в самих себя — уничтожает деньги, собственность, власть и, в результате, социальную организацию. В ее основе, как и в психике человека, вся организующая восприятие и поведение система держится на знаках, символах, сигналах среды внешней и внутренней. Когда система получает из окружающей среды ложные (коррупционные, лживые, ничтожные) сигналы, — она дезинтегрируется, сходит с ума. Сегодня мир дорос до понимания одного из выводов ТОР: «самая большая хитрость — быть бесхитростным». Ложные сигналы, направленные в среду, — умножаются и, возвратившись, обманывают обманщика. Он теряет главное — любовь и безопасность, а затем — теряет все…

Отказ от честности, от любви, от Бога (Абсолюта, Логоса, долгих смыслов) — безумие. Именно это мы видим в западном мире и, до недавнего времени, в России. Крупный (частный) бизнес всегда испытывает искушение к скупке (коррумпированию) государства. Процессы глобализации породили и глобальную коррупцию, порождающую проблемы в других странах. Печальным примером этого явления стала Украина. Следует помнить, что безумец считает больным не себя, а окружающих. В своей активности он разрушает мир, который не соответствует его больному восприятию. Он борется не только с людьми, но и с законами природы, например с законом гетеросексуального воспроизводства жизни… Возвращаться к честному, нравственному и духовному образу жизни — сложно. Приходится сдавать как ненужные, ненастоящие, старые знаки «успеха», полученные с помощью обмана, растления себя и окружающих, коррупции. Это «значки» властных полномочий и материального богатства — деньги (неважно, в какой валюте). От них все равно нельзя получить радости; значки — не люди, они равнодушны, любить — неспособны. Но, те, кто обладает настоящим умом, мужеством и благородством для того, чтобы пойти на такое очищение от тлена, — выигрывают, они способны вновь получить утраченное, и социальную любовь и достаток, но уже принося честную пользу социуму. Тогда эти обретения будут и не отторжимы, и радостны для души. Речь не идет о чистом альтруизме. Это удел немногих, удел святых. На деле нет ничего дурного в том, чтобы уважать себя и свои интересы, это проявления разумного эгоизма. Но по настоящему разумный человек — благороден (т.е. рождает благо для окружающих). Упрощая, с прагматической позиции, можно

говорить о том, что благородство — есть дальновидный эгоизм. Коррупция — всегда короткий личный выигрыш, неизбежно ведущий к отложенному проигрышу — и личному, и социальному. Благородство всегда выигрывает в сравнении с эгоизмом на долгих отрезках времени, особенно если это философски и психологически просвещенное благородство. Бог, долгие смыслы, поощряют именно благородных.

Ложь, как известно, — грех, который сиюминутно часто представляется выгодным, а суд над ним кажется отложенным за пределы жизни и негарантированным. Новая модель социально-экономической организации жизни России предусматривает возможность сделать грех невыгодным еще при жизни. Среди многих механизмов важную роль играют принципы открытости и ответственности, обновления элит. Эти принципы должно быть интегрированы в систему воспитания, в обновленную культуру России, что позволит закон внешний, «моральный» интериоризировать, сделав его внутренним, «нравственным» законом, голосом и совести, и рассудка. Современная российская социальная наука, ТОР предлагают новый аргумент в пользу выбора нравственности и духовности социальной жизни — избежание физических и душевных болезней, бессмысленной (несчастливой) жизни. Гармоничная реализация Смыслов Бытия — равнозначна полноте, счастью и радости Бытия.

Обновление государственной культурной политики, всей жизни российского общества, которое переживается в стране с энтузиазмом, может иначе восприниматься за ее пределами. В сегодняшней глобальной кризисной ситуации убедительных поводов для страха перед ролью нового лидера у современной России нет. Конструктивной реакцией элит и общества на появление новых задач может быть лишь творческая «тревожная мобилизация». Объявление «тревоги» — означает временный отказ от второстепенных задач, для решения главнейших, новых.

Предстоящие перемены могут восприниматься оппозиционно не только за рубежом, но и прозападными кругами внутри страны. В этом нет ничего принципиально нового. Ответ на такие тревоги еще в 1880 г. дал Ф.М. Достоевский в своем духовном завещании: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать

исход европейской тоске в своей русской душе... изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» В этих словах сформулирована универсальная мысль о единстве главных выводов «западничества» и «русской идеи», заключающихся, прежде всего, в тенденции единения России и Европы, в «философии всеединства», в выполнении русским народом, народом «почвы», своей всемирно-исторической миссии по всечеловеческому объединению на основе гармонии всех смыслов бытия.

С позиции философии хозяйства, гармоничное сочетание смыслов бытия — задача и непростая, и реальная. Самый сложный ее компонент — долгие смыслы, которые не могут быть реализованы без «идеала» и «идеи его достижения». Человеку необходим «образ идеального в будущем». Различные уровни «идеального» реализуются в религии, мифе, философии, искусстве, идеологии, мечте, проекте, желании — в стремлении к еще несвершенному, недостигнутой цели. Стремление к идеалу, истинному или ложному, — один из мощных мотиваторов поведения человека, главных источников положительных эмоций, ярко переживаемых как смыслы поведения и жизни. Теория оптимума развития считает, что аксиологический взгляд на проблему анализа смыслов и идеалов бытия требует разделения интуитивно-мистических и рациональных (сознательных) подходов в ее решении. Религия не относится к умопостигаемым, логическим категориям бытия. Однако логическая обусловленность Творения и Бытия в монотеистических вероучениях позволяет воспринимать религиозную аксиологию как мистическую, нарративно-логическую философскую интерпретацию идеалов и смыслов. Несколько иное положение занимает «миф», также мистическая, но непреходящая поэтически-философская интерпретация, форма постижения людьми идеального, долгих смыслов бытия. Миф как «предание» (передание поколениям), или «слово», «имя», в котором обобщаются опыты жизни (Тахо-Годи), несомненно, относится к сфере явлений культуры. Миф есть повествование с менее жесткой догматикой, логикой и иерархией субъектов Творения и институализацией организации Бытия, чем в поздних религиозных учениях, передающее текущие представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях.

Иные, более конкретные, чем религия и миф, формы постижения смыслов бытия гораздо более доступны логическому анализу. Следует отметить, что до появления современной философии хозяйства существовало предположение о неспособности русской философии создать что-либо цельное, охватывающее своими логическими

построениями всю проблему жизни и её смысла, от уровня мистической метафизики до физики элементарных частиц, космологии и бытовой культуры. А.Ф. Лосев, который относится к числу признанных авторитетов в этой области, писал о стремлении русской философии выйти за пределы рассмотрения познания только в русле исследования мышления: «Накапливается всё больше оснований привлекать и учитывать не-логические и до-логические слои познания и мышления. ...Мы и должны быть мифологами, потому что вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую, или, лучше сказать, сверхлогическую, сверхсистематическую картину философских течений и направлений… Благодаря широте поставленных задач и небывалой глубине и всеохватности идеалистического направления русской философии, оно ещё бесконечно удалено от систематизации, если таковая здесь вообще возможна. …Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным «ratio» и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим «Логосом» и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом». Предшественниками А.Ф. Лосева были такие мыслители как Г.С. Сковорода и А.С. Хомяков. Антропологизм — главная идея Г.С. Сковороды. В человеке он видел основание познания жизни, в сердце — критерий такого познания. Мистический символизм он воспринимал как антитезу рассудочного метода, создающего исключительно схемы. Истинное познание возможно только в образах. Необъятная и скрытая сущность бытия познается человеком через скрытую, но постигаемую сущность символа. В божественной глубине мирская и божественная сущности — суть одно и то же; цель человека — вернуться в это состояние, то есть познать истину. Соборная теория познания А.С. Хомякова, теория познания целостного духа, полагает, что разум и воля, находящиеся в моральном согласии с «всеобъемлющим разумом», составляют основание всего. Истинный критерий познания — в любви, в церковном общении как организме истины и любви.

В терминах Лосева «миф» есть не что иное, как «чудесное», описываемое в эпической речи, либо осмысляемое затем в прозаической и обыденной речи логосом. Сегодня мы можем отметить, что так сближаются Небесный Логос — Бог-Сын, и логос земной — рассудок, логика сынов человеческих. Платоновская интерпретация мифов означает «древнейшую форму освоения мира, обобщающую в одном слове множественные конкретности жизни».

Так гомеровская поэзия оперирует лишь мифом, ещё не зная логоса, характерного для культуры греков философского периода, придавшей слову выделяющие, определяющие и различающие смыслы.

ТОР полагает, что миф, как проявление веры, ничего не обязан доказывать. Рассудок, претендующий на знание, на доказательство, на выявление частных законов бытия, «семенных логосов», пытается подвергнуть сомнению и проверке все доступное восприятию и размышлению. То, что лежит близко и повторяется часто, — вполне удовлетворительно объясняется рассудком. Но как только масштаб размышлений возрастает до категории «всеобщего» — рассудок в принципе бессилен. Ни повторить «Начало Мира в целом», ни воспринять его должным образом, рассудок человека и человечества не в силах. Здесь «физика» неизбежно уступает место «метафизике», «рассудок» — «вере», «цивилизация» — «культуре» (В. Соловьев, С. Булгаков, О. Шпенглер, А. Лосев).

В наше время фетишизация, характерная для мифа, вполне способна превратить идею в догму массового сознания. Сегодня существуют мифы и бытовые, и научные, без которых неосуществима сама жизнь. Миф, по Лосеву, в принципе неизживаем, он есть вечное становление, бытие, сама жизнь. Значение мифа заключается в его интерпретации, ибо он не только пример для подражания, но переживаем и значим как онтология и история. **Миф, в понимании Лосева, есть тождество идеи и материи. Миф — есть становление идеи как бытия в символе,** и эта символичность применима к любым фактам-феноменам, попадающим в поле сознательной деятельности исследователя. Внешняя проявленность мифа — символ, а если символ проявлен в личности, он становится именем. В личности синтезируется смысл или сущность идеи, оформленной как имя сущности, в ней неразрывно связаны идея, миф, символ, личность сама по себе, энергия сущности, имя... Каждый отдельный миф зависит как от периода, так и от восприятия носителем этого периода, выражая собой комплексно настоящее, прошедшее и будущее.

Человеку дано выбирать смыслы своего бытия; он — или кузнец, или кузнечик своего счастья. Все зависит от уровня его культуры, масштабов души и духа, от состояния культуры общества. В современной культуре есть «Миф» и прагматическое «мифотворчество». Для постижения огромного и Божественно прекрасного Мира необходим «Миф». Для оправдания выбора своей ничтожности — субъективно важно опорочить Мир, превратив его в свой «мирок», а «смыслы» — в «мифотворчество», в оправдание бессмыслицы подленькой и лживой жизни без любви, благородства и идеалов. Стараниями идеологов либерализма, «человек», сегодня, —

не звучит гордо, скорее, — жалко. Без метафизики Абсолюта, Софии, Логоса, без Бога — подобие человека Богу и Миру — полная бессмыслица, а новая идентификация неизбежно, есть проблема редукции «смыслов». Великий Миф, зеркало метафизического отражения грандиозного Мира Вечного Бытия, разбитый иллюзией близорукого индивидуального и группового рационализма и эгоизма, оправдывающей сегодняшнего филистера, — неравнозначен мелким осколкам пустякового «мифотворчества», выживания лишь «здесь и сейчас». Любовь — неравнозначна инфантильно-невротическому вуайеризму. Крайний метафизический индивидуализм породил в итоге и вульгарный рационализм, и постмодернизм, и пустое мелкое современное мифотворчество. Так в современной культуре, которую порой стремятся редуцировать до уровня «культурки», «Боги» и «Герои» прошлого выродились в мелких «бесов» мира «коротких смыслов» пустого существования. Вырождение великого Мифа в мелкое мифотворчество — вовсе не признак конца мира, но всего лишь признак «Заката Европы», завершения доминирования ее культуры. Глобальный культурный кризис, кроме всего прочего, есть вызов великой российской культуре, ее способности порождать долгие и сверхдолгие смыслы бытия, превращения образа жизни России — в цивилизацию эпох.

Для восстановления гармонии жизни Мир вновь нуждается в масштабной «революции смыслов» Бытия, по сути, — к их возвращению в жизнь человека и общества (Е.В. Шелкопляс «Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии», 2013 г.). Тогда возродится Абсолютный Идеал, Образ как Универсальный Закон, как Логос, рождающий всю систему «семенных Логосов», уровней идеального, смыслов и образцов бытия Мира и Человека.

I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Ю.М. ОСИПОВ

Россия и «русский фактор»

Аннотация. Россия — страна русская, а потом уже российская, что никого не возвышает и никого не умаляет, ибо в России всем народам одинаково, и все народы в общем жизнетворном единении. Пока есть русские и русский мир, есть и Россия, есть и другие в России народы. Не будет русских, не станет и России, не станет и других российских народов! Вот почему и русский фактор.

Ключевые слова: Россия, русские, русский мир, русскость, русский фактор, философия, историософия, геостратегия.

Anstract: Russia is firstly a Russians', and only secondly, a Russian country, which must not put certain people above others and vice versa , as all nations feel the same here, and all peoples live in creative unity. While Russians and the Russian world exist, Russia and other nations here exist too. Once Russians are gone, Russia will be gone too, as well as other peoples of Russia! So, this is what we call the Russian factor.

Keywords: Russia, Russians, Russian world, Russianness, Russian factor, philosophy, historiosophia, geo-strategy.

Думая, говоря о России, соотечественники менее всего связывают Россию с… *русским фактором*, отводя слову «Россия» чисто символическую (обозначительное, справочное, определительное) роль. Сегодня вроде бы «Россия», а завтра, глядишь, «Евразия», а послезавтра «Сибирия», а то и вновь, как было когда-то — «Тартария». Мало кто в названии России (или в Российской Федерации) способен заметить, что Россия — не Европа и не Азия, а именно Россия, причем не по названию более всего, а по сути, по корню, по стержню, по стволу, как раз та самая Россия, которую вроде бы умом не понять, а потому и сказать о ней, как когда-то П. Чаадаеву, вроде бы нечего, хотя можно все-таки заключить, что у России «особенная стать» (стержень, ствол), обязанная своим происхождением очень древним временам — гиперборейским, арийским, скифским, а потом, после шлифовочной работы веков (тысячелетий), среди которых и обширная славянская эра, поднявшаяся как собственно Русь, как Россия, включая очень древний русский (проторусский) язык, восходящий прямо к первоязыку (санскриту или ближайшему к нему), и очень древнюю культуру (ведическую, по крайней мере).

Дело, конечно, не в самих по себе словах, таких как Русь, Россия, русский, российский, ибо на их месте, возможно, могли оказаться и

другие словечки, другого корня, но, во-первых, оказались все-таки эти, с корнем «рус», «рос», а во-вторых, раз уж оказались и удерживаются, то это имеет какой-то смысл, но не научно-этнографический, конечно, а метафизический, даже и мистический.

Русский значит не только не китайский или арабский, не только не английский или германский, но даже не сербский, не польский, не украинский, а именно русский, а вследствие обыденной неопределенности, то — наверное — *иной*, не такой как все, из ряда вон выходящий, а лучше сказать — *иномирный*. Славянский вроде бы, но… не совсем и славянский; варяжский, но вовсе не варяжский; византийский, но явно не византийский; христианский, даже ортодоксальный, но все-таки не греческий, а более всего русско-православный; европейский, но… как-то не очень-то и европейский; ордынский, но… увы… не ордынский; евразийский, как будто, но… никакой и не евразийский. Тогда какой же? Вот именно: *русский*!

Глупо, в общем-то, русским отказывать себе в русскости, хотя русскость ничуть не лучше любой иной этнокультурности, может, даже и хуже многих, но ведь это русскость, то бишь содержательная наполненность, а не пустота какая-то!

Очень любопытная случается постановочка: русский язык «е», русская культура «е», русский образ жизни «е», а вот русскости «не», ибо ее, по представлениям слишком многих россиян, просто быть не может. А как же, уважаемые противнички русскости, быть с таким феноменом, как то же обрусевание: европейцев, азиатцев, кавказцев, все равно кого, что и происходит с завидным эффектом как раз в русском этнокультурном котле? Даже Жерар Депардье подлежит непременному обрусеванию, если успеет, конечно!

Есть, есть она — русскость, и лежит она в основании России, прямо в ее сердцевине, в ее бытийно-историческом стволе, — и никуда России от русскости не деться, как и русскости не деться от России, что вполне, в общем-то, и понятно, и совершенно бесспорно, хоть кому-то это и не нравится. Очень многим хочется России без русскости, а русскость наличную совсем не хочется замечать. И что поразительно: научным людоведам, этим европейцам-де в России, в этой азиатской стране, — и никому почему-то невдомек, что все это давно уже набившие оскомину штампы, ничего по сути не значащие, а лишь бездумно, хоть и весьма охотно, повторяемые.

Россия — это прежде всего русскость, это русский мир. Причем сначала все это — совершенно метафизическое, а потом уже и человек таковой, — и тут уже все равно, или почти все равно, по корням и по крови русский или же только по примыканию и принадлежности. Русскость допускает и то, и другое, никому не отказывая в русскости,

как никого особенно и не укоряя за отсутствие оной — что кровного русского, что лишь примкнувшего. Здесь важна не любовь, а признание: русский-де, а на деле-то вовсе и не русский, нерусский вроде бы, а фактически-то совершенно русский. Сначала исходная метафизика русскости, а потом уже живая органика русского человека!

Быть русским совсем и не просто, в особенности вовсю и всюду осуждаемым, если не преследуемым, причем это особенно поразительно в собственной же, как будто бы стране, которая, правда, не такая, может, и собственная, а в немалой степени и… чужая?! Так или иначе, но пользуясь русским языком и русской культурой, как бы при этом висящими неприкаянно в разреженной атмосфере страны, не стоит спешить именовать себя русским, да еще и говорить о русскости, русском мире, ну, и само собой — о титульном этносе: не надо, это неприлично, хотя весь мир называет всех подряд из стороны российской э-э… русскими! Для мира русские, выходит, вроде бы есть, а вот для России их как бы и нет: в России хорошо уже знают, что все для мира русские вовсе и не русские, а так э-э… неизвестно кто, не считая, конечно, любых нерусских этносов — их много, и о них с удовольствием говорят как о нерусских, да и сами русские в России весьма уже подзабыли, что они все-таки русские.

Парадоксы истории, правда, очень уж кривые парадоксы!

Однако несчастные события на то и несчастные, чтобы вдруг что-то непреднамеренно развернуть, подтвердить. И событие такого рода, еще и с очень неожиданными и большими последствиями, нежданно-негаданно произошло, да не в России, а в соседней стране — на Украине, откуда вышло не что-нибудь, а, скажем помягче… отрицание, причем не просто России как страны, ставшей ненужной Украине, ей даже враждебной, а России как оплота… э-э… русскости, русского мира, русских людей. Прелюбопытнейший вышел исторический факт — Украина напомнила русским, что они именно русские, хотя и очень плохие русские, подлежащие не люстрации вовсе, а полной ликвидации! Суровый упрек, беспощадный, но… спасибо за него Украине, которая подняв свой украинский вопрос, возбудила и русский вопрос — сейчас хотя бы уже никто в мире не сомневается в наличии русских, русскости, русского мира, хотя наше интеллигентское сообщество ни в чем русском все равно не убедить: ох, как не хочется нашему «интеллигенчеству» быть русской интеллигенцией — только европейской, только всемирной, только общечеловеческой! Пусть лучше пребудет оно без русскости и без русского мира, хотя, что особенно забавно, с русским все-таки языком и русской все-таки культурой, во всяком случае — пока!

Однако русский фактор вновь вышел в России на социополитическую арену. Нет, вовсе не так, как на Украине заявил вдруг о себе украинский фактор, а совсем по-другому — как глубинная метафизическая субстанция, как историческое первоначало, как оплодотворяющий гумус. Русские люди, из которых, как надо заметить, многие по крови и происхождению совсем и не русские, вдруг вновь почувствовали себя русскими, — а кем же, скажите, еще — перед лицом разгневанной русофобски Украины, поддерживаемой то откровенно, то исподтишка Грузией, Прибалтикой, Польшей — кем там еще из антирусски настроенных территорий, а также под ударами великой ЕвроАмерики, настроенной, правда, не так русофобски, как попросту антироссийски (геополитика ведь!). Что остается русским в таком разе, какой бытийный Ковчег, кроме русского мира, какой мировоззренческий Грааль, кроме русскости, какой руководящий Жезл, кроме русского фактора, какой спасительный тыл, кроме Руси-России? Что вы все, просвещенные по-европейски и сориентированные по-глобальному умники, можете предложить русскому человеку в момент пусть еще и не самой крайней опасности, но уже прямого ему экзистенциального вызова — на выживание, на идентификацию, на независимость? Что?

Но дело тут не в одной чрезвычайности, не в острой потребности спасения, не в исторической крайности, когда уже кто кого, — до этого, слава богу, еще не дошло, хотя и может, увы, дойти, а в самом что ни на есть обыкновенном: не только в обыкновенном быть, но и быть в этом обыкновенном самим собой, быть самостоятельным субъектом, со своими житейскими принципами, со своей историей и своим будущим, своим языком и своей культурой, своим общежитием, своими взаимоотношениями с природой, землей, солнцем, луной, воздухом, водой — жить, короче, по-своему, хотя и не только для себя, но при этом и не только для всех, уважая других и ощущая уважение от других, в общем — жить в планетарном соцветии народов и государств, не забывая, что одним из вполне благородных цветков в нем — Россия!

Российская интеллектуальная элита — разная, она не только антироссийская, мало того, она по преимуществу и не антироссийская, она даже российская, но пока еще не очень свободно российская. Быть российской — быть не просто сориентированной на Россию, русскость, русский мир, нет, этого маловато: быть российской — быть изначально самостоятельной, деловой и творческой, но непременно находясь под обеспокоенным взглядом не только Господа Бога, не только Софии Премудрости Божией, но и самой России, что вовсе не обязывает твердить и твердить что-то нарочито прорусское, еще и

русофильское, а что обязывает быть ответственным за большой Русский, он же Российский, Дом, насыщенный русским — и российским тоже — жизнетворным Духом. Русскому мыслителю надобно быть в русском же духе — вот что главное! Дух поднимет, София подскажет, Господь надоумит!

Город Иваново сегодня — один из центров духовного и умственного напряжения в среде русского мира, в контексте всей России. По инициативе ряда ивановских организаций, обозначенных на титуле спецвыпуска журнала «Философия хозяйства», создан примечательный сборник, в котором нашли отражение мысли и чаяния тридцати «русичей» — участников многозначительной научной конференции «Религия, наука, общество: проект русской культурной политики» (г. Иваново, 31 мая 2014 г.). Проект не проект, но канва кое-какая в сборнике просматривается, что свидетельствует о нарастающем подъеме русского мира, сочетающемся с подъемом и самой Российской Федерации. Проблем в стране много — и это очень всех «русичей» беспокоит, но страна не стоит на месте, она меняется, становится другой, разрешая и кое-какие из имеющихся проблем. Россия 2014 г. — вовсе не разорная Россия 1999 г. — и уже этот факт вселяет в россиян и в русских… нет, еще не уверенность, но все-таки надежду на крепкое русско-российское будущее России!

Остается пожелать читателям сборника примерного удовлетворения!

Г.Б. КЛЕЙНЕР

Смит, Веблен, Вернадский, Лихачев: перекличка концепций в контексте системной парадигмы

Аннотация. Особенностью сегодняшнего дня становиться возможность соединения различных парадигм в культуре в новую единую систему. Важным условием для этого являются междисциплинарные исследования.

Ключевые слова: культура, теория систем, междисциплинарный анализ.

Abstact. Today, it has become possible to combine different paradigms of culture into a new consolidated system. It is important to conduct interdisciplinary research in order to attain this.

Keywords: culture, systems theory, interdisciplinary analysis.

Системная парадигма, сформулированная Я. Корнаи на рубеже столетий (Kornai, 1998; Корнаи, 2002) применительно к общественным явлениям, обобщенная и развитая в ряде исследований в течение последующих полутора десятков лет за счет интеграции с пространственно-временным подходом и положениями общей теории систем (Клейнер, 2002, 2007, 2008, 2013), дает в руки ученых уникальный инструмент междисциплинарного анализа разнообразных культурных феноменов. Появляется возможность с единых методологических и методических позиций подойти к пониманию и сопоставительному анализу ключевых мировоззренческих концепции, выдвинутых крупнейшими мыслителями разных стран и периодов и на первый взгляд слабо связанных между собой. Такой анализ, как показывается в данной статье (исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14—18—02294), позволяет не только систематизировать фундаментальные концепции и выявить своеобразную перекличку «через пространство и время», но и наметить тренды в динамике таких концепций. Опираясь на системную парадигму, мы исследуем теоретические концепции *homo economicus* А. Смита, «эволюционного человека» Т. Веблена, «космического человека» В.И. Вернадского и «целостного нравственного человека» Д.С. Лихачева. В статье показывается, что эти человеческие образы можно рассматривать как символическое представление четырех основных подсистем общества, несущих ключевые обязанности по обеспечению устойчивого функционирования и поступательного развитии общества.

Системная парадигма

Приведем кратко основные положения обобщенной системной парадигмы, необходимые для анализа и касающиеся понятия социально-экономической системы, типологии таких систем и их функционального назначения (Клейнер, 2013).

Согласно системной парадигме, социально-экономическое пространство — арена, на которой во времени и в пространстве разворачивается жизнь общества, природы, человека — рассматривается с точки зрения возникновения, функционирования, взаимодействия и трансформации разнообразных социально-экономических систем. Под социально-экономической системой (далее — системой) мы будем в данной работе понимать относительно обособленную и устойчивую часть или определенный аспект социально-экономического пространственно-временного континуума, для которой характерны внешняя целостность и внутренне многообразие. Это определение представляет собой модификацию

общего определения системы, применяемого в новой теории социально-экономических систем (Клейнер, 2011) и является дополнительным по отношению к известному определению системы как комплекса взаимосвязанных элементов (Берталанфи, 1969). Если определение Л.Фон Берталанфи ориентировано на «внутрисистемный» взгляд наблюдателя (эндогенный подход, то предлагаемое определение построено на внешнем по отношению к системе взгляде (экзогенный подход). В разных ситуациях могут применяться как экзогенный, так и эндогенный подходы. Вместе с тем, эндогенный подход более уместен там, где анализируется какая-либо определенная система или однородный класс таких систем, а экзогенный — там, где предметом анализа являются компаративные характеристики разных систем, в частности, взаимоотношения между ними. Неформально говоря, при экзогенном подходе к числу систем следует относить те образования, которые удовлетворяют принципу Ле Шателье — Брауна.

К числу социально-экономических систем естественным образом относятся предприятие, регион, страны, отрасли, рынки, устойчивые социальные группы, кластеры и т. п. В качестве социально-экономических систем целесообразно рассматривать социально-экономические процессы, программы, планы, проекты и т. п. (с включением в эти системы индивидов, участвующих в их деятельности). Экономическая активность индивидов может осуществляться как путем участия в деятельности (или в создании) какого-либо предприятия, так и посредством участия в реализации экономических проектов, функционировании сред или включения в экономические процессы.

Первым после определения системы шагом к изучению систем является их пространственно-временн***а***я типология. Рассмотрим типологию социально-экономических систем, опираясь на фундаментальные пространственно-временные категории, примененные при определении системы.

Все социально-экономические системы могут быть условно разделены на четыре группы (отнесены к четырем типам, или, точнее, *архетипам*):

- «объекты»,
- «среды»,
- «процессы»;
- «проекты»/»события».

Основанием для такого деления служат особенности жизненного цикла и ареала (т. е. промежутка времени и части пространства,

занимаемые системой). В зависимости от того, существуют ли (другими словами — известны ли наблюдателю) границы пространственной области (временного промежутка), занимаемого системой, мы получаем четыре класса систем. Если пространственные границы системы, но неизвестны или отсутствуют временны**е** границы, то система относится к процессному типу. Если известны временны**е** границы системы, неизвестны или отсутствуют пространственные, то система относится к процессному типу. Если существуют и могут быть выявлены и пространственные, и временные границы, система относится к проектному типу. Если же ни те, ни другие границы для данной системы не существуют либо не могут быть определены, то система относится к средовому типу. Наличие и идентифицируемость границ не означают, что они являются неизменными, однако в каждый момент аналитик в рамках данной концепции считает, что соответствующие пространственные или временные границы для объектных, процессных и средовых систем в обозримом будущем идентифицируемы.

Такая классификация позволяет специфицировать и структурные особенности четырех типов систем, и функциональные свойства. Система каждого типа имеет внутреннюю структуру, в состав которой входят системы меньшего масштаба, принадлежащие к тому же типу. *Объектная* система содержит совокупность *объектных подсистем; средовая* система может быть представлена как соединение *средовых подсистем*; *процессная* — как соединение *процессных подсистем* (подпроцессов), а *проектная* — как совокупность *подпроектов*. Наоборот, соединение конечного числа систем одного типа может при определенных условиях породить объединяющую систему того же типа. Символическое изображение четырех базовых типов систем в условных координатах «пространство-время» представлено на *рис.1*. Утолщенные горизонтальные или вертикальные части границ прямоугольников, соответствующих процессным, проектным и объектным системам, символизируют ограниченность соответствующих систем по периоду функционирования или размещению в пространстве.

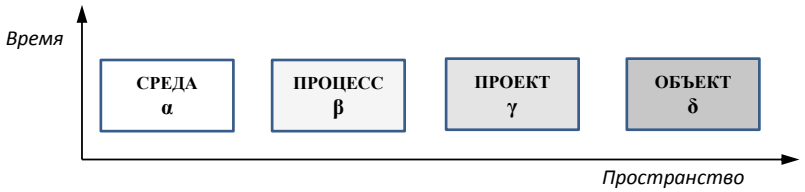


Рис. 1. Символические изображения систем четырех типов

Прямоугольники, соответствующие разным типам систем, заштрихованы на *рис. 1* по-разному. «Открытый» сверху и снизу прямоугольник, обозначающий нелокализованную во времени объектную систему, имеет вертикальную штриховку, делящую его на аналогичные «закрытые» сверху и снизу, т.е. не имеющие временных ограничений прямоугольники. Это означает, что объектная система может рассматриваться как объединение других систем того же типа. Аналогичным образом, процессная система представляет собой сочленение процессов (горизонтальная штриховка прямоугольника, соответствующего процессной системе). «Замкнутый» со всех сторон прямоугольник, символизирующий проектную систему, разделен на подобного же рода «замкнутые» прямоугольники — символы проектов, входящих в проектную систему. Прямоугольник, символизирующий неограниченную средовую систему, имеет пуантилистическое наполнение, соответствующее содержанию среды как системы, стремящейся к однородности внутреннего пространства.

Четыре типа систем обозначены первыми четырьмя буквами греческого алфавита, что соответствует «системообразующей» роли этих систем среди всех экономических образований и явлений. Заметим также, что для систем объектного и проектного типов пространственные границы являются важными и остро ощущаемыми факторами функционирования. Для систем процессного и проектного типа такими ощущаемыми факторами являются временн***ы***е границы. Системы средового типа не имеют четко определенных временных и пространственных границ, и потому факторы их функционирования распределены по всему пространственно-временному ареалу системы.

Для завершения изложения необходимых основ системной парадигмы осталось описать распределение ресурсов, возможностей и функций систем между системами разных типов.

Системы разных типов в силу своих имманентных свойств имеют различный доступ к ресурсам пространства и времени, которые могут быть использованы ими для своего функционирования. Кроме того они обладают имманентно присущими им возможности (способности) по использованию ресурсов пространства и времени. Естественно, что в этих условиях существует стационарное распределение базовых общеэкономических (производство, распределение, обмен, потребление) и общесистемных (диверсификация, унификация, стабилизация, волатилизация) между системами четырех типов. При этом каждая система реализует ровно две общеэкономические и две общесистемные функции, так что одна из каждой такой пары является основной, а другая — дополнительной (табл. 1).

Таблица 1

Распределение базовых общеэкономических функций между системами различных типов

№ п/п	Тип системы	Основная функция	Дополнительная функция
1.	Объектная	Производство	Потребление
2.	Средовая	Потребление	Распределение
3.	Процессная	Распределение	Обмен
4.	Проектная	Обмен	Производство

Подобным образом распределяются и структура «закрепления» за системами каждого типа общесистемных функций (поддержание равновесия между стабилизацией и волатильностью, диверсификацией и унификацией).

Таблица 2

Распределение базовых общесистемных функций между системами различных типов

№ п/п	Тип системы	Основная функция	Дополнительная функция
1.	Объектная	Уменьшение однородности пространства (диверсификация)	Увеличение однородности времени (стабилизация)
2.	Средовая	Увеличение однородности времени (стабилизация)	Увеличение однородности пространства (унификация)
3.	Процессная	Увеличение однородности пространства (унификация)	Уменьшение однородности времени (волатилизация)
4.	Проектная	Уменьшение однородности времени (волатилизация)	Уменьшение однородности пространства (диверсификация)

Описанные выше типы систем представляют собой определенную идеализацию. В реальности каждая социально-экономическая система носит черты всех четырех типов систем. В зависимости от того, где находится наблюдатель — в «толще» системы, у ее границ, вдалеке от нее и т. п., рассматривает ее из прошлого или из будущего, а также в зависимости от собственных размеров наблюдателя и его жизненного

цикла система может демонстрировать ему различные свои качества (можно вспомнить заклинание из русских народных сказок: «Избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!»). Обычно предполагается, что в качестве наблюдателя выступает некий индивид, представляющий собой типового представителя общества («общественный наблюдатель»). С этой точки зрения и делаются выводы о принадлежности системы к тому или иному архетипу.

Можно показать, что в ходе функционирования общества системы, обладающие выраженными чертами объектных, средовых, процессных и проектных систем группируются в устойчивые кластеры, состоявшие из четырех подсистем разных типов. Такая группировка позволяет обеспечить самостоятельное функционирование кластера в течение жизненного цикла его проектной и процессной составляющей, а особая схема взаимодействия кластеров — обеспечить замену систем с ограниченным жизненным циклом на другие системы таких же типов (Клейнер, 2011). Такого рода кластер изображен на *рис. 2*.

В реальности каждая социально-экономическая система содержит в себе все четыре типа, представляющие собой своеобразные ипостаси системы. зависимости от того, в какой пропорции находятся качества для данной системы, ее относят к тому или иному типу.

Так, на рисунке 2 представлена структура системы, в которой доминируют черты объектной системы (ее площадь больше площадей, каждого из трех прямоугольников, отвечающих другим ипостасям системы.

Рис. 2. Социально-экономическая система как комбинация объектной, средовой, процессной и проектной подсистем

Мировоззренческие позиции А. Смита, Т. Веблена, В.И. Вернадского, Д.С. Лихачева в свете системной парадигмы.

В данной работе мы пытаемся определить последовательность «верстовых столбов» движения общественной мысли в течение XVIII—XX вв. в части осмысления взаимосвязи культуры и экономики. В качестве создателей и выразителей узловых концепций фигурируют четырех крупнейших мыслителя, два из которых — А. Смит и Т. Веблен — являлись «чистыми» экономистами, а два — В.И. Вернадский и Д.С. Лихачев, не обходя вниманием и собственно экономику, максимально расширили границы предметной области, мировоззренчески охватывали едва ли не все многообразие явлений общественной жизни, культуры и природы. То обстоятельство, что первые два принадлежали к западной цивилизации, а последние два — к российской, позволяет думать об определенной представительности данной группы мыслителей.

По нашему мнению, каждую из этих фигур можно рассматривать как символическую для определенного этапа в развитии двух взаимосвязанных систем — культуры и экономики. Культурная мировоззренческая квинтэссенция этапа, отражаясь в зеркале экономики, характеризует восприятие экономического пространства-времени и приобретает форму экономической идеологии. Определить стадии движения и проанализировать связки между культурными ценностными установками и типом экономики на каждом этапе — основная задача, рассматриваемая в данной работе.

Согласно концепции обобщенной системной парадигмы, существует четыре системных архетипа, исчерпывающих в определенном смысле многообразие типов социально-экономических систем[1] - системы *объектного типа*, в которых основную роль играют *объекты* — локализованные в пространстве подсистемы с нефиксированным сроком жизненного цикла; системы *процессного типа*, основанные на взаимодействии *процессов* — пространственно нелокализованных систем с фиксированным жизненным циклом; системы *проектного типа*, базирующиеся на инициации и реализации *проектов* — локализованных во времени и в пространстве систем; системы *средового типа*, в которых главными движущими силами выступают социальные, экономические, технологические, информационные и иные *среды* — системы с неограниченным пространственным радиусом и нефиксированным жизненным циклом.

Каждая страна и мировая экономика в целом проходят в своем развитии стадии, на которых доминирую системы одного из указанных системных архетипов. В практическом плане это выражается в

[1]Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. // Вопросы экономики, 2013, № 6, С. 4—28.

ориентации экономической политики государств и, как следствие, национальной экономики на развитие и поддержку систем определенного архетипа. В теоретическом плане это выражается в появлении мыслителей, в концепциях которых отражается «дух» соответствующей эпохи (стадии).

Именно эту роль играли, по нашему мнению, концепции А. Смита, Т. Веблена, В.И. Вернадского и Д.С. Лихачева.

В систематизированном виде краткая характеристика их концепций в интересующем нас ракурсе выглядит следующим образом.

1. *Адам Смит* провозгласил принцип «невидимой руки рынка», трансформирующий экономическую активность каждого хозяйствующего субъекта в целях его личной выгоды в прирастание общественного благосостояния. В свою очередь, общественное развитие трансформируется в рост благосостояния каждого субъекта. Тем самым в концепции А. Смита устанавливалась связь между интересами субъекта и интересами общества. В основе этой связи лежала, говоря сегодняшним языком, совокупность «бизнес-проектов» отдельных экономических субъектов в собственных интересах. Характерной чертой учения А. Смита была уверенность в ведущей роли бизнес-проектов микроэкономического уровня. Фокусом экономического анализа становилась, тем самым, деловая активность экономических субъектов. В центре экономического мировоззрения как проекции общекультурного мировоззрения лежит в данном случае понятие деятельности субъекта, складывающейся из последовательности актов по производству, реализации, потребления и обмена продукции промышленности или сельского хозяйства. Основной единицей анализа становится акт экономической деятельности. Экономика в целом носит архетипические черты системы проектного типа.

2. *Торстейн Веблен* в своей «вечнозеленой» статье 1898 г. «Почему экономика не является эволюционной наукой?» (Веблен, 1898) обратил внимание на отсутствие в современной ему экономической науке, в отличие от биологии, антропологии и др. естественнонаучных дисциплин, эволюционной компоненты, отражающей протекание некоторых объективных саморазворачивающихся процессов генетического характера. Веблен ставил вопрос о необходимости перехода от «таксономической» экономики, в основе которой лежит представление о взаимодействии таксонов в сфере группировок отдельных видов экономической активности, к экономике генетических процессов, т.е. эволюционной экономике. Центральным предметом анализа в этом случае должны стать экономические

процессы, отражающие распространение экономических благ в популяции экономических агентов.

3. *Владимир Иванович Вернадский* в своих фундаментальных мировоззренческих работах предлагал принципиально иное восприятие мира. Единство геосферы, техносферы, биосферы и ноосферы, их взаимное влияние друг на друга как компонентов единого пространственно-временного континуума создавало представление о системах средового типа как основных компонентах бытия (Вернадский, 1960). В экономической сфере это соответствует представлению о нераздельности (синкретичности) экономики, в частности, о единстве спроса и предложения. В глобальном плане и в стратегической перспективе спрос и предложение представляются не в виде разных характеристик экономики, как это имеет место в неоклассической экономической теории, а в виде единого явления. По сути дела, учение Вернадского могло бы стать мировоззренческой основой так называемой средовой экономики — направлении экономической теории, трактующем взаимодействие социально-экономических сред и экономических субъектов между собой. В средовой экономике принадлежность агента к определенной среде (в частности, к определенному социальному институту) выступает как основной источник фундаментальной мотивации поведения агента. В то же время действия агентов находят свое финальное выражение не в конкретных трансакциях, а в диспергированном воздействии на состав и свойства пространственно-временной среды. Такая экономика в теоретическом плане изучена недостаточно. Наиболее изученной частью на сегодняшний день остается институциональная экономическая теория, трактующая взаимодействие агентов и институциональной компоненты пространственно-временной среды.

4. *Дмитрий Сергеевич Лихачев* в своих работах по общественной тематике возвращает нас к гуманитарному измерению экономики. В центре мировоззрения Лихачева и его последователей находится фигура человека. Однако в отличие от предельно упрошенной схемы «экономического человека» А. Смита, «социальный человек» Д.С. Лихачева обретает плоть и кровь, становится живым и многогранным, концентрирует в себе влияние проектных, процессных и средовых факторов, рассматривавшихся в концепциях Смита, Веблена и Вернадского. Интегрируя стремление к собственной выгоде, влияние популяционных генетических процессов, и воздействие разнообразных сред, человек в концепции. Д.С. Лихачева добавляет к этому в качестве ведущего элемента нравственное начало. «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в

произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной» (Лихачев, 1993).

Здесь совесть представляет собой концентрированное и комплексное выражение лучших нравственных человеческих качеств. Заметим, что в словах Лихачева содержится не одна, а две важные идеи. Во-первых, идея *свободы* человека, т.е. наличия некоторого «пространства выбора» вокруг субъекта. Во-вторых, идея совести, причем не просто как ограничения на выбор субъекта, а как драйвер его деятельности. Это означает, что социально-экономическая концепция Лихачева ставит в центр рассмотрения фигуру относительно свободного и нравственно ориентированного субъекта.

Таким образом, экономика в данной концепции предстает в виде архетипа системы объектного типа (не должно возникать недоразумений в связи с перекличкой терминов «экономический субъект» и «экономический объект»: каждый хозяйствующий субъект «объективно» является экономическим объектом, а каждый экономический объект, имеющий субъектность, считается хозяйствующим субъектом).

На каждом историческом этапе движущей силой экономики как подсистемы общества, а также общества в целом, служит ценностная установка, формирующаяся в культурном пространстве общества. Такая установка определяет ценностные ориентиры хозяйствующих субъектов и структурирует их отношения с внешним и внутренним миром. В разных культурах она различна, но наиболее известные установки, сформулированные в трудах упомянутых выше мыслителей, приведены в *табл. 3.*

Таблица 3

Типология состояний экономики

Символическая характеристика экономики данного этапа	Центральная единица экономического анализа	Типологическая характеристика экономики	Превалирующая культурно-ценностная установка	Автор ключевой соц.-экономич. концепции
«Экономика предпринимательских инициатив»	Предпринимательский проект	Проектная экономика	Извлечение максимальной выгоды	А. Смит

«Экономика эволюционных процессов»	Циклический или эволюционный процесс	Процессная экономика	Развитие, согласованное с основными социально-экономическими процессами	Т. Веблен
«Экономика взаимодействующих сред»	Социально-экономическая и/или природная среда	Средовая экономика	Достижение гармонии с основными видами социально-экономических и природных сред	В. Вернадский
«Экономика нравственного выбора»	Нравственно-ориентированный субъект	Объектная экономика	Достижение гармонии с собой	Д. Лихачев

В *табл. 3* представлены главным образом теоретические концепции культурных ценностей и соответствующих характеристик экономики, результаты осмысления взаимосвязи культуры и экономики в трудах крупнейших ученых своего времени. Вопрос о хронологической датировке столь крупных стадий развития общества представляет собой отдельную проблему. Позиция автора в этом вопросе кратко может быть выражена следующим образом.

С точки зрения реального экономического мировоззрения XIX век соответствовал характеристикам, приведенным в первой строке *табл. 3*. Экономическая идеология первой половины XX века под влиянием открытий в физике, генетике и др. науках может характеризоваться как процессная. В конце XX века стало ощущаться влияние средового экономического мировоззрения, усилившееся в результате невиданного прогресса средств коммуникации и глобализации в целом. В XXI веке это давление усилилось, о чем свидетельствует зарождение и распространение мирового финансово-экономического кризис 2008—2010 гг. Что же касается экономики нравственного выбора (последняя строка табл. 3), то несмотря на возрастание роли концепций социальной экономики и социальной ответственности бизнеса, ее время еще не настало.

В итоге мы видим следующую последовательность этапов синхронного развития общества: «система проектного типа — система

процессного типа — система средового типа — система объектного типа». Эта последовательность является лишь повторяющимся фрагментом неограниченного цикла развития общества.

Для каждой стадии характерна, как видим, своя ценностная установка, кристаллизующаяся в сфере культуры (в широком смысле слова) и служащая драйвером функционирования и развития экономики. В то же время, в силу диалектической зависимости между членами связки «система — подсистема», отражающей взаимосвязь культуры и экономики, критериальные установки экономических субъектов порождают внутриэкономические, в частности, внутрипроизводственные особенности организационной культуры (в узком смысле слова). Культура отношений между экономическими субъектами проецируется на отношения между участниками хозяйственной деятельности внутри таких субъектов. В целом культурно-ценностные установки охватывают всю толщу общественных отношений.

Переклички культур и динамика общественного развития

Матрица «стадия — характеристики стадии», представленная в *табл. 3*, позволяет идентифицировать два вида взаимодействия (переклички) культур. Во-первых, имеет место своеобразная перекличка между ценностями общекультурного характера и установками и экономического характера. Здесь в пределах каждой хронологической стадии разворачивается диалог между системой (культурой) и подсистемой (экономикой). Во-вторых, идет перекличка между различными культурно-ценностными установками, относящимися к разным стадиям в рамках хронологического цикла «проект — процесс — среда — объект — проект — …».

Доминирование на каждой стадии экономических подсистем какого-то одного типа позволяет говорить о «проектной», «процессной», «средовой» и «объектной» культуре общества. В каждой конкретной стадии взаимоотношения между доминирующим и остальными типами культур носят непростой, а иногда и конкурентный характер. Грядущая культурно-экономическая парадигма постепенно вытесняет доминирующую, пользуясь порой поддержкой остальных существующих парадигм. Мониторинг реального состояния «профиля» экономики с точки зрения пропорций распространения тех или иных вариантов культурно-экономических идеологических установок, перечисленных в таблице, и прогноз динамики этих пропорций необходимы для обеспечения устойчивого развития экономики под эгидой культуры. Организация

цивилизованного «неразрушающего» диалога между ними — актуальная задача социально-экономической политики государства.

Литература

1. *Берталанфи Л.* фон. Общая теория систем — Критический обзор. //Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969. С. 28.
2. *Веблен Т.* Почему экономика не является эволюционной наукой? //Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Том 4. № 2. С. 99—111.
3. *Вернадский В.И.* Эволюция видов и живое вещество // Избранные сочинения. М., АН СССР, 1960.
4. *Клейнер Г.Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. Вопросы экономики, 2013, № 6.
5. *Клейнер Г.Б.* Новая теория экономических систем и ее приложения. Вестник РАН, 2011, № 9.
6. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента, 2008. Т. 6, № 3.
7. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность, 2007, № 2, 3.
8. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики, 2002, № 10.
9. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, № 4.
10. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции // Новый мир,1993, № 2, С. 3—9.
11. *Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. — 295 с.
12. *Kornai J.* The System Paradigm, William Davidson Institute Working Papers Series 278, William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998.

В.П. ОКЕАНСКИЙ, Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

Константы культурного бытия и кризисность современной антропологии

«Любовь есть самая жизнь Божественного Триединства,
человек создан по образу Божию и посему
в себе он таит возможность боговедения»
Отец Сергий Булгаков

Аннотация. Статья раскрывает структурную специфику устойчивого символического миропонимания традиционного человека, который в своей метафизической основе остаётся константой культурного бытия; кроме того — показывается глубокая кризисность современной антропологии, её причастность нарастающему планетарному хаосу.

Ключевые слова: культура — природа — историчность — тотальность — символ — сотериология — человек — космизм — психизм — кризис — хаос — элевация — Русская идея

Abstact. The article reveals the structural specifics of sustainable traditional world Outlook of a man who is basically remains constant cultural life; in addition see the deep crises of modern anthropology, its involvement growing planetary chaos.

Key words: culture, nature, historical, totality, symbol, soteriology, man, art, psychism, crisis, chaos, elevation, Russian idea.

Культура — это всегда символический космос, подлежащий подобно глубокой книге метафизическому прочтению... В ней природа — нижнее зеркало вечных смыслов; история — скоротечное скольжение по его мерцающей поверхности; собственно же культура исходно обращена к вечному небу, горнему, Непреходящему. Латинское слово «культура» означает не только «возделывание», но и «почитание верховного света» — при корневом, а не суффиксальном рассмотрении морфемы «ур». Культуры вообще живут на пороге вечности, каждая по-своему входит в свою живую вечность и питается от неё, является её творческим самораскрытием. Угасание культурной жизни есть охлаждение вечности, умирание её в качестве культурного истока — на месте оного воцаряются «развитие», «история», «время», которое, по словам С.Л. Франка, «есть как бы выражение мировой бессмысленности» [1, 53], ибо «уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей» [2, 193]…

Проблематика углублённого культурологического сравнения различных «картин мира» обнажает не только историческую

вариативность понимания тотальности [3], проблемность расширенного употребления самого этого понятия [4], но и онтологическую зыбкость внутри самого феномена «историзма» — символическое же миропонимание свидетельствует, напротив, о базовости, фундаментальности исходного расклада: любые «картины мира» частично входят в более общую и грандиозную иконическую структуру символического миропонимания, не подлежащего окончательной и полной профанической объективации, однако дающего сакральное знание реальности и раскрывающегося в сотериологическом направлении.

Сотериология выражает не только нужду гибнущего человечества, но и его смысловую опору, принадлежащую сквозной оси великого макроисторического существования, которая оценивалась принципиально различным образом. Так, К. Ясперс и М. Элиаде видели «осевое начало» в первом тысячелетии до Рождества Христова: первый подчёркивал в нём духовный прорыв за пределы космического циклизма [5], другой — космический упадок [6]… Начало «осевого времени» знаменует рождение риторико-классического типа культурного сознания, ориентированного на радикальный логоцентризм, словесно-смысловую организацию тотальности, при котором Слово понимается не только как «арена самоидеации вселенной» [7], но и образ Боговоплощения (пролог Евангелия от Иоанна: Ин., 1:1-14) — однако, нельзя не согласиться и с тем, что христианство — религия падшего человечества, подошедшего к гибельной черте, о чём со всей откровенностью свидетельствует вся позднеантичная философия, в которой отчётливо предвосхищаются «шопенгауэровские» мотивы [8]…

Можно убедительно указать на дориторическую основу риторико-классической эпохи, заложенную в архаической структуре символического миропонимания [9]: космичность мифа, фундаментальные оппозиции, ценностная градуальность… Все последующие концепции и теории вырастают из нерушимого пред-понимания и клубятся вокруг его базовой пред-рассудочности «как условия понимания» [10, 331]. Остаётся очевидной и устойчивость архаического символизма во все последующие времена. На Животворном Кресте Мирового Древа оказывается распят Предвечный Бог, ставший совершенным человеком!

Представим себе моделирующую картинку, в которой человек в качестве небольшой вертикальной чёрточки расположен в центре обступающей его тотальности, представленной в форме удалённой окружности, где он оказывается как бы заперт и удалён от адекватного понимания и контактного взаимодействия с нею; даже в случае

децентрации и хаотического соприкосновения с окружностью — человеку отведена лишь роль бессмысленной щепочки. Такое эгологическое сиротство пронизывает всё экзистенциалистское сознание, которое нисколько не спасают ясперсовские «шифры трансценденции», ибо они — не энергийные символы взыскуемой сущности, но лишь галлюциногены неприступной крепости «объемлющего»… Не эта ли специфическая антропология передаётся в замечательном четверостишии Ф.И. Тютчева:

Как зыбок человек! Имел он очертанья —
Их не заметили. Ушёл — забыли их.
Его присутствие — едва заметный штрих.
Его отсутствие — пространство мирозданья… [11, 224]

Другой вариант моделирования может быть представлен в следующей изменённой картинке: вертикальная черточка здесь вытягивается до пределов возможного внутри круга и достигает соприкосновения с ним в двух точках — верха и низа. Тем самым создаётся образ антропологически освоенной полноты и полярное напряжение смыслов, как и возможность игровой смены полюсов в грандиозной картине нерушимого космического дизайна. Давление этого принципиально коллективного опыта описано в учении об архетипах К.-Г. Юнга [12]. Природа его специфической сотериологии передана у М. Элиаде указанием на то, что «человек архаических цивилизаций может гордиться своим способом существования, который позволяет ему быть свободным и творить», ибо «архаические и традиционные общества допускали свободу ежегодно начинать новое существование — “чистое“, с новыми, нетронутыми возможностями», а потому «архаический человек, конечно, вправе считать себя в большей мере *творцом*, чем современный человек», «каждый год он участвует в повторении космогонии, особого созидательного акта», «человек был ”творцом“ в плане космическом, имитируя эту периодическую космогонию, преодолевая рамки человеческого существования…» [13, 86].

Тритий вариант моделирования коренным образом меняет всю картину: вертикальная черта вытягивается дальше, преодолевая замкнутость предыдущей антропокосмической модели. Богочеловеческая вертикаль оказывается трансцендентной космосу; его звёздные одежды апокалиптически ветшают на телосе пронизывающей его пустоты единой логоцентрической Традиции, где мир — не производящая, но производная среда, а «конец мира» может быть определён как «конец иллюзии» [14]. Глубочайшую специфику этой модели передаёт ключевое замечание о тайне Боговоплощения

Христа крупнейшего православного богослова XX века В.Н. Лосского, согласно которому «Воплощение Слова — тайна более великая, более глубокая, чем тайна сотворения мира» [15, 197].

«Культура» и «кризис» являются наиболее частотными и наименее продуманными словами в неомифологическом пространстве современности. О культуре как семиотически насыщенной тотальности речь у нас шла ещё в самом начале, но, к сожалению, такое понимание чаще всего осуществляется ныне исключительно в имманентном плане: «Культура, — отмечает яркий современный автор, — это продлённая в вещество и природу душевная среда» [16, 87]. Когда, например, Ницше символически определяет культуру как «тонкую яблочную кожицу над бездной раскалённого хаоса» [17, 343] — он мыслит совершенно онтологически и почти в библейском духе! Когда Шпенглер развёртывает свою герменевтику культуры из «отношения к зримой истории, к душе, к природе, к духу» и указывает на «формы, в которых она выступает», а именно: «народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и произведения искусства, науки, правовые отношения, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события» [18, 129] — он мыслит космически и символически, в духе Новалиса и Гёте! Современный же автор остаётся в пределах космизированного психизма… Сомнения здесь вызывают не сами онтологические интенции душевности за пределы монадного состояния, а принципиальная невозможность постижения метафизической реальности сверхчувственного бытия изнутри психосоматики, к чему однако давно уже склоняется секулярная культура и даже псевдомистика в лице, например, столь модных Гроффов… Традиционалист Р. Генон и некогда увлечённый его наследием американский православный автор иеромонах Серафим Роуз весьма убедительно указывали на однозначную духовную пагубность этой глобальной психизирующей тенденции [19], которой в известной мере захвачены, конечно же, и вышеупомянутые классики «философии жизни»…

В этом же ключе становятся существенными для понимания указанной проблемы тотальной психизации известные творческие максимы Т. Элиота: «Движение художника — это непрерывное самопожертвование, непрерывное погашение в себе индивидуального начала»; «Поэзия есть не свободный поток эмоций, а бегство от эмоций; она не выражение индивидуальности, а бегство от индивидуальности. Но, разумеется, лишь те, кто обладает индивидуальностью и эмоциями, способны понять, что значит стремиться преодолеть их в творчестве» [20, 172, 176].

Много говоря сегодня о *кризисе*, люди практически не воспринимают в окружающих условиях усиления планетарной нестабильности истинной глубины самой реальности, которая скрывается за этим расхожим словом, скрывающим в своей индоевропейской семантике указания на две возможности: суда и творчества… Ведь стоящее за эффектом нарастающего кризиса есть известная культурно-цивилизационная константа, которая фундаментально входит в онтологическую структуру символического миропонимания, являясь феноменально-историческим её проявлением, в котором становится зрима близость бездны и, как во все прежние времена, шевелится древний хаос. Поэтому желаемый всеми выход из кризиса — конечно, не материальная эволюция, не прогрессия и даже не развитие, которое по существу есть распад и рассеяние, а самопреодоление, вертикальный рост и духовная элевация: подъём над кризисом, над временем, над зыбью — к вечным идеям и Творцу миров.

В заключении выскажем свои соображения о сущности «Русской идеи», которую настойчиво искали, определяли через разные реалии, и продолжают раскрывать самые яркие отечественные умы: её видели в семейственности и родственности (ранние славянофилы), в священном царстве и вечной девоциональности (В.С. Соловьёв), в реализации софийности и онтологическом коммунизме (отец Сергий Булгаков), в соборности и коммюнотарности (Н.А. Бердяев), в имманентной вечности (Ю.В. Мамлеев), в анахронной пространственности (А.Г. Дугин) — в самих по себе этих столь разных и метафизически взаимосвязанных качественных данностях, конечно же, нет ничего специфически русского. Ну, разве, например, семья — это «Русская идея»? Можно сказать, что Россия призвана транслировать в истории некие архаические, изначальные и даже вечные, непреходящие смыслы. Таким образом, Русская идея это идея глубинного хранения и творческой передачи памяти о райском бытии и человеческом совершенстве — именно в этом смысле полностью прав Ф.М. Достоевский, назвавший русских «народом-богоносцем», что, конечно же, нельзя адекватно понять на этническом уровне: ведь русские — многонациональный народ.

Но «Русская идея» изначально говорит о большем, чем человеческое — «Русская идея» как *идея Бога* есть и *предвечная идея Пресвятой Троицы*. Она, будучи метафизически производной абсолютной идеацией и не являясь результатом человеческого выбора, не может быть до конца обоснована и объяснена не только в

эмпирически обнаружимых реалиях и ими ограничена, но и вообще проявлена на уровне чисто человеческих предпочтений.

Оптимистична ли «Русская идея»? — Посмотрите на Крест Господень или Его Предвечный Праобраз во Святой Чаше, стоящей пред Вечными Ликами Пресвятой Троицы… Ведь Радость Воскресения Господнего — *в корне иная*, чем эйфория футбольного болельщика, чем любое человеческое, пусть даже — космизированное, торжество! Так Царствие Небесное настолько отличается от всех земных царств, что оно больше похоже на небо, чем на царство… И всё же оно — всецело царственно! Это Радость Неисчерпаемого Непостижимого, иная по отношению ко всякой постигаемой и проживаемой нами радости.

Оптимизм и пессимизм — это не онтологические концепции, но аффекты, порождённые иллюзионизмом, а именно — проецированием летучих настроений, сферы чувственного, психического в область метафизики, где реализуется *сверхчеловеческое* и, как в поэтическом мире А.С. Хомякова, «звёзды светят, словно Божьи очи» [21, 107]…

Постараемся развернуться от земли и увидеть в их свете всё скоротечное и преходящее, а с ними — катастрофическую историю человеческой культуры и саму нашу быстротечную земную жизнь в их Божественном Пределе.

Литература

1. *Франк С.Л.* Смысл жизни. Брюссель: «ЖИЗНЬ С БОГОМ», 1976.
2. *Державин Г.Р.* Река времён // *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л.: «Художественная литература», 1981.
3. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.
4. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: «Прогресс», 1986.
5. *Ясперс К.* Истоки истории и её цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
6. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
7. *Булгаков, отец Сергий.* Философия имени. Paris: «YMCA-PRESS», 1953.
8. *Шопенгауэр А.* Собр. соч.: В 6 т. М.: «ТЕРРА-Книжный клуб»; «Республика», 1999—2001.
9. *Океанский В.П.* Целое и проблемы риторики // Credo-new: теоретический журнал. СПб., 2006. № 1 (45); № 2 (46).

10. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: «Прогресс», 1988.
11. *Тютчев Ф.И.* Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
12. *Юнг К.-Г.* Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству//Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987.
13. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Наука о культуре: теория и история (метафизика и персонология). Учеб. пособие. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011.
14. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М.: «Беловодье», 1994.
15. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев: «Путь к Истине», 1991.
16. *Шевцов А.А.* Общая культурно-историческая психология. СПб.: «Тропа Траянова», 2007.
17. *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: «Культурная революция», 2005—2014. Т. 12.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: «Мысль», 1993.
19. *Роуз, иеромонах Серафим.* Православие и религия будущего. М., 1991.
20. *Элиот Т.С.* Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. М.: МГУ, 1987.
21. *Хомяков А.С.* Ночь // Хомяков А.С. Избранное. Тула: Приокское книжное издательство, 2004.— 544 с.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Метафизические аспекты современной культурологии: ожидание перемен

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна…
М.В. Ломоносов

Аннотация: Естественным метафизическим стержнем русской культуры является православие, в качестве центральной идеи которого русская религиозная философия, софиология и философия хозяйства выделяют «метафизику всеединства», выражающую гармонию мирового бытия, нерасторжимое единение Творца и твари, «цельное знание», где неразрывно связаны эмпирическое (научное),

рациональное (философское) и мистическое (религиозно-созерцательное) знание. В основе аксиологии всеединства — абсолютная ценность Истины, Добра и Красоты, соответствующих трем Ипостасям Божественной Троицы.

Современная философия хозяйства и теория оптимума развития, опираясь на достижения современной науки, демонстрируют обоснованность лидерства российской культуры в формировании новой цивилизации гармонии. Принципы рациональной и системной метафизики позволяют трансформировать непреходящие смыслы православной культуры создания «царства правды», реализации долгих «надличностных» смыслов индивидуального и социального бытия в современные системные модели развития общества.

Ключевые слова: культура, рациональная и системная метафизика, цивилизация гармонии, лидерство России в формировании культуры гармонии.

Abstract: Orthodox faith is a natural metaphysical base of the Russian culture, centering around the idea of "metaphysics of the unity-of-all", which represents world harmony, inseparable unity of the Creator and the creation, "consolidated knowledge", empirical (scientific), rational (philosophic) and mystical (religious perception) experiences tied together, according to Russian philosophers, sophiologists (Sophia if the goddess of wisdom) and philosophers of economy. The unity-of-all is based on the absolute value of Truth, Kindness and Beauty, which correspond to the three aspects of the Holy Trinity.

The modern philosophy of economy and the optimum development theory, which build upon developments of the modern science, can prove that Russian culture is the leader in establishing a new civilization of culture. The concepts of the rational and systematic metaphysics make it possible to convert eternal "kingdom of truth" ideas of the orthodox culture, as well as future-oriented and above-personal drivers of individual and social life into modern organized models of society.

Keywords: culture, rational and systematic metaphysics, civilization of harmony, Russia as the leader in building the culture of harmony.

Стержень всякой культуры, как многоуровневой системы законов и правил бытия, представляют религиозно-мифологические взгляды, свойственные тому или иному социуму [13; 22; 28]. На наш взгляд, предлагаемая сегодня России социально-политическая концепция «евразийства» [5; 9] не обладает высокой проективной направленностью. Подобная модель может претендовать лишь на статус программы среднесрочного политического, но отнюдь не метафизического уровня. Она явно эклектична, ориентированна на

затухающий, но пока еще модный постмодернистский метод. Ее главный недостаток — отсутствие системообразующего метафизического фактора, что выстраивает структуру модели именно так, как это свойственно постмодернизму, с его женственным, произвольно-интуитивным, безответственным «хаосом концепций», включенных в этой модели в обширную совокупность противоречивых философских принципов. Подобные концепции не имеют выхода в область практической философии (социальной мудрости), они ближе к схоластическим экзерсисам, неимеющим существенной практической значимости. В результате в евразийском подходе, без достаточной к тому аргументации, утрачиваются собственно российские ценности и опорные точки в модели будущей культуры, в том числе и метафизические принципы православия, которые авторами концепции формально признаются. Подобные методы «нестрогого мышления» близки и вполне допустимы в сфере искусства; но наука, в том числе гуманитарная, ждет от исследователя признания ее базовых методов. Русская религиозная философия, софиология и философия хозяйства в качестве центральной идеи православия выделяют «метафизику всеединства» воспринятую в творческом развитии из античной греческой натурфилософии (В. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк и др.) [24].

Метафизика всеединства в русской философии выражает гармонию единства мирового бытия, нерасторжимое единение Творца и твари, «цельное знание», где неразрывно связаны эмпирическое (научное), рациональное (философское) и мистическое (религиозно-созерцательное) знание. В основе аксиологии всеединства — абсолютная ценность Истины, Добра и Красоты, соответствующих трем Ипостасям Божественной Троицы. В.С. Соловьев писал: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех… Истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [17]. Поэтому попытка построить метафизическую модель, исходя лишь из смыслов индивидуалистической творческой реализации, изначально несостоятельна. **Без использования в качестве системообразующей стержневой идеи православия в метафизике завтрашней культуры можно говорить не о развитии российской цивилизации, а лишь о ее ускоренном растворении в иных культурах и цивилизациях, что странно для социума, претендующего на ответственное лидерство в процессах новой интеграции культур, идеологий и экономик.**

Но, признание слабости оснований евразийского подхода в сравнении с деятельным идеализмом российской философии хозяйства не сводится к рациональному обоснованию преимуществ метафизического описания картины мира с точки зрения православной традиции (обычно далекой от актуальной социальной практики). Необходимо также ясно описать специфику реализации принципов православного мировоззрения в современной практической философии, именовавшейся мудростью с античных времен, т.е. дать четкие характеристики системообразующих факторов деятельности в научной, идеологической, политической, социально-экономической, просветительской и воспитательной, в иных значимых областях культуры российского общества, т.е. именно в социальной практике.

Преодоление философией хозяйства ложного противоречия между религиозным и научным способами познания мира позволило выработать методологию поиска нравственных решений в самых сложных ситуациях социальной практики. Этот подход базируется на выборе состояния гармонии интуитивного и рационального начал оценки проблемной ситуации. «Без возрождения духовного, возрожденье социальное и хозяйственное невозможно» — так расшифровывал этот принцип С.Н. Булгаков. Теория оптимума развития показала, что в основе выбора гармоничного решения лежит согласование индивидуальных и социальных смыслов бытия — коротких, средних, долгих и сверхдолгих.

Однако, появление метода «гармонизации всех уровней социально-духовной оценки» не означает полного устранения сложностей в реальной социальной динамике. Поиск гармонии идет в острых противоречиях и дискуссиях между «разумом» и «сердцем», аргументами в пользу коротких, средних, долгих и сверхдолгих смыслов бытия. Эта борьба имеет системный характер и осуществляется на ряде уровней — внутриличностном, межличностном, групповом, социальных слоев, социальном, межгосударственном, историческом и метафизическом. Если рациональный критерий «нравственности» и «духовности» принимаемых решений чаще всего формален и определяется его соответствием «букве» юридических, политических, идеологических и религиозных правил, то интуитивный (неосознаваемый) критерий индивидуального и социального решения основывается на его соответствии коллективно выработанному духу религиозной этики, как способу движения к всеобщей мировой гармонии.

Интуитивно достигнутая гармония, снятие описанных противоречий переживается как «тихая душевная радость», свойственная людям святым и близким к такой форме душевной и

духовной жизни. Всякая «бурная радость души» — подобна бурной погоде, отражающей контакт контрастных состояний атмосферы, после которого неизбежно наступает значительно более долгий период спокойствия. Буря чувств неустойчива, обманчива, хаотична, ибо представляет собой лишь старт движения к удовлетворению фрустрированной ранее потребности индивида или социума, начало процесса, еще недостигшего этапа стабилизации представлений о законах бытия в индивидуальной и коллективной, соборной душе. «Бурная радость души» легко обращается в свою противоположность — печаль, разочарование, горе, возмущение, отчаянье, как это часто бывает в любви, в случайных и нечестных выигрышах, в революционных событиях. Спокойная радость и «счастье–система» (в отличие от «счастья-эпизода») не плод случайности, а следствие обретенной органичной целости смыслов бытия, системной организованности когнитивных структур, достигнутых в результате упорного труда в преодолении препятствий, основанного на твердых этических принципах.

Перенесение на других людей «случай», «судьбу», ответственности за свое счастье — явный признак инфантильной безответственности человека, даже если ему какое-то время «везет». Не случайно один из афоризмов Ф. Ларошфуко выглядит так: «Если судьба долгое время улыбается тебе, будь осторожен! Возможно, она оскалила зубы…». Утверждение в качестве универсального смысла мышления и деятельности принципа «всеединства» означает принятие зрелым человеком (гармонично возрастающей личностью) ответственности за прогнозирование будущего и соответствие его базовым принципам.

Наличие в психике (от гр. «душа», «дыхание») человека как интуитивно-мистического (бессознательного) так и рассудочного (сознательного) уровня, подчиненного воле, неизбежно порождает вопрос — дана ли нам возможность рациональной проверки истинности долгих и сверхдолгих смыслов бытия если не проспективно, то хотя бы ретроспективно? История и историософия, исследуя имманентную логику развития социума, системные свойства исторического процесса, его системообразующие факторы, материальные и духовно-нравственные смыслы исторического процесса, указывают и на пределы возможностей такого познания (И. Гердер).

При исследовании долгих и сверхдолгих смыслов исторического процесса особенно важно понимание факторов, определяющих происходящие со временем изменения в религиозных взглядах, т. е. сути культурно-цивилизационных особенностей общества. Известно,

что обвинения в ведении новых божеств, когда-то выдвинутые властями выдающемуся философу Сократу, стоили ему жизни. Спустя четыре столетия в историю человечества вошла крестная смерть Богочеловека — Христа, возвестившего о рождении новой веры. И сегодня мы являемся свидетелями периодически проявляющихся жаркой полемики или конфликтов не только между представителями разных религий, но и между конфессиями одной религии (сегодня это Ирак, Сирия, Украина и др. регионы мира). История духовной жизни человечества наряду с зарождением и сменой (часто конфликтной) религиозных взглядов в человеческих сообществах отмечает также и развитие таких представлений.

В христианской цивилизации развитие богословия (как исследования природы замыслов и деятельности Бога) главным образом опирается на Священное Предание, решения Вселенских соборов и патристику. Но и в этом процессе также извечно присутствуют жаркие споры богословов. Примером длительного и яркого спора в православии нового времени является история развития софиологии в России, в том числе судьба блистательного русского философа и богослова, священника С.Н. Булгакова, долгое время упрекавшегося в стремлении ввести Божественную премудрость, Софию, в метафизическую систему православия как четвертую ипостась Бога [18]. Таким образом, неизбежны дальнейшие исследования Священного Предания с позиций нового, развивающегося понимания Мира, попытки усовершенствованного, углубленного его толкования, обусловленные вызовами обновления Мира, его «скользящей гармонии», способной легко ускользнуть от взгляда с позиции закостеневшей догматики и обскурантизма. И в наше время, как и во все времена, сомнению подвергаются не только частные проблемы, но и главные догматы веры. Где же находится грань между углублением понимания и разрушением живой веры? Отдавая несомненное преимущество в решении этого вопроса богословам, философия хозяйства предлагает представителям социальной науки ответственное участие в обсуждении этой проблемы.

Мой парижский коллега, представитель известного российского рода, потомок представителей первой послереволюционной волны эмиграции, позиционирующий себя убежденным православным христианином, в нашей с ним дискуссии по поводу введения во Франции разрешения на однополые браки и крайней лояльности современной западной культуры к нетрадиционному сексуальному поведению, предложил мне вопрос, казавшийся ему убедительным аргументом. «Жизнь изменилась… Неужели Вы считаете возможным

введение в «Гражданский Кодекс» статьи, ссылающейся на осуждение содомского греха в Священном Писании?» Известно, что оценка Христом подобной формы отношений людей дана во многих библейских текстах («Бытие» 13:13, 18:20-21 9.1-29; «Левит» 18:22 и 20:13; «Первое послание к коринфянам» 6:9). Спасителем сказано, что содомиты «Царствия Божия не наследуют». В ответ я не стал задавать коллеге своего, очевидного вопроса: «В таком случае, быть может, Вам стоит усомниться в способности Бога-Логоса видеть будущее даже на две тысячи лет? Что же непреложно в Вашей Вере?!». Нисколько не сомневаюсь, что такая позиция образованного и разумного человека обусловлена не столько его личностными качествами, сколько малозаметным для обыденного «здравого смысла», но мощнейшим на деле, влиянием социальных факторов.

В своих работах мы уже отмечали ранее, что в психологии человека представление об «истине» проще всего связывается с взглядами, свойственными массовому сознанию, которое переполнено идеологическими симулякрами, насаждаемыми одряхлевшими эгоистическими элитами с помощью средств массовой информации. На наш взгляд, позиция коллеги, по поводу несчастных людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, часто не по собственной вине неспособных соответствовать в любви законам природы и Закону Божьему, обусловлена постмодернистской философской позицией либерального общества [6].

Именно оно, устами своих не слишком счастливых «властителей дум», твердит о тоталитарности и параноидальности идефиксов «вечных ценностей», якобы препятствующих творческой реализации индивида, предлагая в качестве идеала «нескованные возможности двух царствующих начал — «шизоидного» начала творческого становления и «параноидального» начала удушающего порядка, жизнь в состоянии «хаосмоса» [8].

Однако оценки должного соотношения Логоса (осознанного порядка) и Хаоса с позиций теории оптимума развития (ТОР) — принципиально иные. Социальный хаос неизбежно нарастает именно в те эпохи, когда общественное сознание утрачивает ясное восприятие фундаментальных процессов развития Мира (Логоса). В такое время исчезает понимание истины как долгосрочных смыслов бытия, обесцениваются высшие законы жизни человека и общества, а пустая Свобода Индивида от Мира дезинтегрирует социум под напором инфернальной силы Эгоизма, уничтожая и отдельную личность и запрещенное законами бытия существование всех безнравственных и бездуховных индивидов. Нарастание метафизического и этического

хаоса в сознании людей свидетельствует о нарастании кризиса общества, которое при достижении предельного «интегрального возраста» [21] обязано уступить место новой социальной системе. Происходит возвращение к непреходящим смыслам бытия (в этом филологический смысл понятия «революция»), отвергнув преходящие и устаревшие ценности, осознав вызревшие, новые, необходимые метаморфозы, порождаемые Логосом по принципу «скользящей гармонии».

Новейшая история фиксирует стремительное нарастание серьезных перемен в социальной жизни. Однако, в целом, современный человек продолжает воспринимать традиционные базовые принципы социальной этики как непреходящие ценности. Они удивительно похожи в наиболее влиятельных религиозных учениях наших дней — даосизме, буддизме, иудаизме, христианстве и исламе. Метафизические основы перечисленных религий существенно не совпадают, но все они признают действие Мирового Закона (Логоса) [7]. Ретроспективный анализ показывает, что близкие принципы одобряемого социального поведения, законы этики (как «семенного Логоса») нашли в различных культурах и рациональное объяснение, и достаточное практическое подтверждение. Но проспективная метафизика в когнитивной основе индивидуальной и коллективной души не может иметь рационального основания, которое годится лишь для прошлого, для того, что было в давнем или новом опыте, лишь для повторяющейся части бинарно-комплементарной сущности развития — «постоянство — перемены». **Будущее, чем оно более дальнее, тем больше принадлежит области метафизики, тем менее предсказуемо рационально и становится когнитивно доступно лишь интуитивно-мистическому (внесознательному) способу постижения Бытия. Метафизические баталии любого рода всегда протекали так жарко потому, что с позиций ТОР главный смысл бытия человека и человечества — Бытие в Будущем.**

Системное сравнение различий религиозных взглядов современных цивилизаций не входит в задачу данного исследования. Мы обратимся лишь к проблеме масштаба ответственности человека в христианской метафизике.

В книге «Бытие» Священного Писания говорится об общеизвестном принципе (заповеди) нахождения в Едемском саду созданных Богом Адама и Евы, который им следовало возделывать и хранить. «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть. А от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (2:16-17). В массовом сознании гораздо меньше внимания

уделяется следующему далее тексту и расшифровке его смысла. «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог… И сказал змей жене; нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому, что дает знание; и взяла плодов и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания (3:1-7)». Узнав о нарушении запрета, Господь Бог спросил Адама: «…кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела»… (3:11-13).

Но обещанное наказание смертью не постигло Адама и Еву. «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло, и теперь как бы простер руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно… И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (3:21-24) [1].

Метафизика ни в коей мере не есть понятное и однозначное описание Бытия. Она — «тайнопись». Вся человеческая культура и история, природа, миф, поэзия, философия — лишь шифры, через которые трансценденция проявляет, доносит себя до нас (К. Ясперс). В современной психолингвистике и герменевтике шифр определяется как совокупность условных знаков. Шифры трансценденции есть средство, благодаря которому природа раскрывает нам свои прекрасные формы (И. Кант). Способность человека раскрывать шифры трансценденции косвенно свидетельствует о существовании условий, договора, завета, когда-то установленного между человечеством и Логосом.

Современный уровень развития психологической науки, основанный на принципах философии хозяйства и ТОР, позволяет искать в этом каноническом тексте расшифровку смыслов, ранее не представлявшихся актуальными. Раскрыть их позволяют ответы на вопросы, встающие при внимательном прочтении приведенного текста. Мог ли всемогущий и всеведущий Бог не предвидеть нарушения первыми людьми его запрета? Был ли ответ Адама и Евы на вопрос Бога о причине нарушения запрета проявлением ответственной позиции или попыткой переложить ответственность на

иной субъект события? Почему охрана второго запретного дерева выставлена лишь после нарушения запрета? Почему в приведенном тексте идет речь о попытке «творения» сравниться с Творцом, опасениях Властителя на этот счет? Почему к ветхозаветному Адаму не применим новозаветный принцип прощения «блудного сына», в случае если бы он раскаялся в содеянном? В чем смысл искушения? Что было бы с историей человечества, если бы «познание добра и зла» не состоялось, если бы первые люди избежали искушения? Является ли нарушение запрета грехом, если оно было предусмотрено Замыслом? В чем суть этого греха? В полной ли мере люди утратили бессмертие после изгнания из рая? В чем смысл изгнания людей из рая для Творца? Состоялось ли познание добра и зла людьми во времена Адама и Евы? Состоялось ли оно сегодня? Способно ли творение, в том числе змей, падший ангел Сатанаил, противостоять Творцу, или оно лишь невольно способствует реализации Замысла? [3; 4].

Просвещенный человек нашего времени, скорее всего, придет к следующей системе ответов. Идея Всеведущего, Всемогущего и Всеблагого Бога, означает что Бог не может быть непоследовательным, следовательно — не мог не предвидеть нарушения первыми людьми его запрета. Бог, принципиально, — без греха (огреха, погрешности, ошибки, промаха). Любые действия Творца безошибочны, они есть реализация Божественного Замысла. Адам и Ева, совершив ошибку, заняли безответственную позицию, пытаясь переложить ответственность на иной субъект события. Это инфантильная, незрелая, детская позиция, но она неизбежна, ибо до совершения ошибки они были наивны как дети. После событий Великого потопа Бог говорит о причинах грехов (ошибок) человеческих: «И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому, что помышление сердца человеческого — зло от юности его…» (Быт 8:21).

Анализ Священных текстов — сложнейшая задача, решение которой, в первую очередь, поручается обществом богословам. Однако, психология, как важный раздел современной антропологии, обращает внимание исследователей на тот факт, что эти тексты записаны людьми, т. е. фиксируют в них и событийную, и личностную компоненту того, что было воспринято ими в ощущениях. Даже выдающиеся из них неизбежно, по своей природе, склонны к антропоморфическим аналогиям в познании Бытия Мира. Это качество отчетливо видно в архаичной и древней культуре человечества — мифологии, легендах и духовном творчестве, где различные человеческие свойства приписываются и животным, и растениям, порой и неодушевленным предметам. В языческую эпоху

человеческие свойства приписываются даже богам. Один из примеров тому — олимпийские боги античной Греции, с их безнравственностью, интригами, человеческими страстями и слабостями. Отсюда проистекает возможность приписывания Богу, Сущности, Целому того, что свойственно лишь человеку, части, явлению. В отличие от эпохи язычества, главный принцип современных религий — непостижимость Абсолюта для человеческого разума. Именно поэтому в основе познания Бога не знание, а Вера. Знание — лишь дополнение. Однако развивающееся знание, антидогматичное по своей природе, постепенно уменьшает излишки наивного антропоморфизма в восприятии Абсолюта. Поэтому выдвижение новых гипотез о соотношении Знания и Веры, новое обсуждение содержания Священного Предания в этом направлении представляется неизбежным.

Охрана второго запретного библейского дерева — «дерева жизни», в отличие от первого «дерева познания добра и зла», была установлена не случайно. Преодоление запрета на доступ к нему принципиально меняло бы в тот момент сущность человека и не соответствовало Замыслу. Получение свойства вечной жизни человеком означало бы достижение им завершенности в реализации смыслов бытия, т. е. совершенство, неизменность, которые свойственны лишь Богу. Исчезновение процесса движения человека к единству с Богом означало бы бессмысленность сотворения и существования человека. Вкушение плодов «дерева познания добра и зла» — не отрицает смыслов развития (через возрастающее понимание призыва Логоса), но получение плодов «дерева вечной жизни» — означало бы отмену Замысла.

Среди иллюзий, свойственных человеку во все времена, одна из глубочайших — иллюзия ценности бессмертия тела. Отсюда и бесконечные попытки изобретения «средства Макропулоса». Если бы такая попытка реализовалась, то человек получил бы возможность оставаться неизменным в постоянно меняющемся мире. Но неизменность — свойство, противоречащее принципам жизни. Все, что не меняется — прошлое, ушедшее, музейный экспонат, мертвая природа. В реальной жизни человек принимает перемены как необходимость — в прошлое необратимо уходят детство, отрочество, юность, зрелость… По существу, попытка не меняется — есть всего лишь неосознаваемое стремление к смерти, а не к вечной жизни. В религии противоречие снимается. Бессмертна — лишь душа, не включенная в бесконечные события перемен в материальном мире.

Процесс познания человеком Мира приводит к выводу, что любое творение отражает суть творца. Поэтому всегда встает вопрос о его подобии Творцу. Подобие, но не тождество человека Творцу прямо подтверждается Священным Преданием. Далее возникают вопросы о потенциале развитии творения, его месте в Мире, пределах возможностей творения по отношению к Творцу. Задача достижения соответствия «творения» Замыслу Творца представляет собой не краткосрочное событие, а соответствующий Замыслу длительный процесс. По своей природе человек неизбежно связан с искушением (экспериментом, испытанием Закона Божия). Через ошибки, страдание и боль он учится слышать Логос (Гераклит), осознавать и мировой Закон, и производные «семенные Логосы», логосы тварного бытия.

Принципы системности и фрактальности организации мира, находящиеся в основе ТОР, осознавались мыслителями во все времена. Согласно преподобному Максиму Исповеднику, «логосен» весь мир, он весь ими пронизан, они рассеяны по всему тварному бытию. Логосы продолжают и осуществляют божественное повеление творить и умножать. «Так как Бог творит не факты, а факторы, то эти, рассеянные по всей природе семенные причины, называются иногда зиждительными логосами» [12]. Этот процесс приводит человека и человечество как «творение» (в терминах современной науки — как «системы») к возрастанию соответствия с тварным (сотворенным) Миром (универсальной системой), к совершенствованию. В результате, в различных сферах деятельности возможно появление «человека искусного». Под этим в реальной жизни подразумеваются качества человека умелого, виртуозного (обладающего превосходными качествами, способного), искушенного (прошедшего через искус), обладающего мастерством,. Этимологический анализ указывает на родство понятия «искушение» с гнездом однокоренных слов «кусок», «кусать», «вкус», «искуситель», «искусство». В русском языке предельно близкими по смыслу этому вербальному блоку являются целая группа слов иного корня. Это слова «испытывать», «пытать», «опыт», «пытливый». К смыслу приведенных выше понятий, составляя единый смысловой кластер, тяготеют слова, также имеющие общее происхождение – «проба», «спрашивать», «вопрос», «просить». В группе индоевропейских языков по смыслу им близки слова «отрезать», «обдумывать», «полагать», «рассчитывать» (М. Фасмер). Специалисты считают, что понятие «искусство», ныне занимающее в познании своеобразное промежуточное положение между путем рассудочным и мистическим, появилось в русском лексиконе во второй половине XVII века [16]. А. Кантемир, поясняя воспринятый в то время славянами латинизм — «экспериэнция»

(опыт), разъяснял его через искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого-либо действа. Потребность (искушение, соблазн) познания является в теории оптимума развития завершением (вершиной), четвертой ступенью в каждой из трех групп потребностей, смыслов бытия человека [24; 25]. Самосовершенствование, познание Мира через испытание его свойств, постижение искусства жизни — требует опыта, который непременно сопряжен с ошибками обучения безгрешному бытию. Интерпретация понятия ошибка указывает на прямую этимологическую связь «огреха» (ошибки) и «греха». В еврейском и греческом языках, использованных для письменной фиксации Священного Предания, понятия «грех» и «промах» (недостижение цели, смысла) — также синонимичны. Следует отметить, что Русью Священное Писание было получено на греческом языке, в котором существует омонимичное (полисемичное?) понятие «Офеос». Оно одновременно означает яйцо, змея, ящера и символизирует Яхве. В греческом языке «О» — артикль существительного мужского рода, «Феос» — Бог. Продолжая нетеологическую интерпретацию Предания с позиции рациональных взглядов сегодняшнего дня, следует сделать вывод, что Искуситель, негативная производная Абсолюта, в принципе неспособен бороться с Богом, так же как логическая «функция» полностью зависима от «аргумента», как тень не может бороться с создающим ее объектом. Искушение ведет к познанию «семенных логосов» (частных законов бытия) через боль, что и продемонстрировали первые люди в Едемском саду. «Вкусив» с древа познания добра и зла, они лишь начали постигать Замысел, Добро и Зло, как бинарные следствия активности и ответственности. С этого момента человек принял на себя ответственность. Его детская (неподлежащая наказанию) ошибка трансформировалась в грех ответственного (возрастающего духовно и нравственно) человека.

На человеке и сегодня лежит миссия выполнения своих обязательств по реализации Завета. Степень его ответственности возрастает по мере роста возможностей, углубления постижения человеком всеобщего Закона, Логоса и его производных «семенных логосов». В условиях возрастающего познания наградой человеку за ответственную позицию может стать уход от уже постигнутых разрушающих искушений, от бессмысленных ошибок и греха, не только перспектива обретения Царства небесного, но и возрастание уровня счастья в земной жизни.

Ветхозаветный Адам не мог просить прощения как «блудный сын» из преданий Нового Завета. Его одномоментное раскаяние и

возвращение в начальное состояние бессмысленно — оно нарушает Замысел Гармоничного Всеединства. Замысел, вероятно, состоял в том, чтобы человек как богоподобный помощник возрос от начального локального уровня до уровня универсального, ответственности за все Мироздание, за его гармоничное культивирование, за возделывание Мира как истинного Едемского сада. Гармония отношений (комплементарность) творения с Творцом достижима при осознании того, что творение не повторяя, а, будучи иным, лишь подобным, но не тождественным Творцу, в процессе развертывания тварной Софии (С.Н. Булгаков) действительно призвано дополнять своей ответственной деятельностью реализацию Софии Божественной. Бессмертие и неизменность — свойство совершенного Бога. Взамен невозможного статичного индивидуального бессмертия, означающего невозможность принципиальных перемен и развития, несовершенным людям была подарена возможность бессмертия творческого, расцветающей сложности. Она существует как потенциал индивидуального развития, как доступность продолжения жизни в Вечность в поколениях рода, народа, человечества, Богочеловечества. Условием достижения такой цели является выполнение требований определенной Логосом (Универсальным Законом) совокупности «семенных логосов» духовной культуры и производной из нее нравственно-этической системы принципов гармоничных социальных отношений.

Познание людьми Добра и Зла во времена Адама и Евы не состоялось как итоговое событие, а лишь началось как длительный процесс. Сегодня оно продолжается. И продолжится… На время, равное Вечности… Творение, реализуя заданные ему при создании свойства бытия, законы, потребности, дифференцируясь и идентифицируясь с Творцом [23; 27], осуществляет бесконечное познание и приближение к нему, но по определению неравно Создателю. Попытки начальной, наивной и недолгой борьбы «творения» с Творцом — неизбежны. Столь же неизбежно последующее осознание бессмысленности борьбы с Создателем для исходно ранимого «самолюбия» незрелого «творения», уже познавшего свою индивидуальность, отдельность, но еще непознавшего любви извне, рождающей единство. Вслед за «искушением», экспериментом, проверкой своих представлений, важным для углубляющегося познания, происходит трудное постижение сознанием актуальных, дальних и сверхдальних «Смыслов Бытия». **ТОР определяет их суть как задачу возрастания гармоничного единства частей в Целом, как возрастающее соединение частей тварного Мира в Гармонию, Любовь,**

Всеединство. В этом процессе для человека снимается противоречие побуждений «свободы» и «необходимости», справедливости (ведения, знания правды, ведения по пути правды), возникает БК единство Творца и творения, Всеединство. Оно обусловлено единством цели и бинарной комплементарностью свойств элементов единства, являясь одним из ведущих законов творения, семенных Логосов. Идущий по пути правды гармоничный человек, теряет проблему болезненного внешнего принуждения к отказу от малого через обретение принципа и потребности убежденного, внутреннего, интериоризированного самоограничения. В результате потери за счет самоограничения, нравственного (на индивидуальном уровне) и морально-духовного (на социальном), переживания инфантильной радости реализации малозначимого, короткого, невитального, бесполезного или вредного для будущего смысла бытия, рождается спокойная радость бесконечного, в потенциале обретения всего мира.

Известно, что в научный обиход термин «метафизика» был введен Андроником Родосским, систематизатором работ Аристотеля. Тогда это понятие обозначало сверхчувственные принципы, всё выходящее за рамки естественнонаучного восприятия. В истории философии метафизика обычно понимается как «подлинная философия». И. Кант полагал, что метафизика возможна лишь как систематическое знание. А. Шопенгауэр подчеркивал, что человеку свойственна актуальная метафизическая потребность, указывая, что физика, т.е. попытка естественного изучения явлений, всегда упирается в метафизику, ибо физическое знание никогда не может достигнуть начального звена всей подлежащей объяснению цепи причин и следствий. Чем более успешно развивается физика, тем настоятельней возникает потребность в метафизике, чем полнее и точнее исследуется сущность отдельных вещей, тем больше всякое исследование нуждается в объяснении общего и целого. Об этом говорил и М. Хайдеггер, определял метафизику не как философское учение или ее отдельную дисциплину, а как отношение мыслителя к «сущему» в целом.

Сегодня метафизика, как познание начал и смыслов (целей) бытия, в рамках российской «философии хозяйства» преодолевает существовавшее исторически длительное время противоречие между рациональной и религиозно-мистической, интуитивной метафизикой, формируя метафизику единую, системную, с естественной исходной бинарно-комплементарной структурой, как своего предмета изучения, так и методологии.

Начало взаимодействия Творца и творения совпадает с моментом реализации творения. Несмотря на прошедшее с тех пор время, спор мыслителей о важнейших принципах соотношения воли Творца и свободной воли творения не выглядит завершенным. Из всей необозримой сложности этих отношений, мы примем к краткому рассмотрению лишь два важнейших вопроса, имеющих отношение к смыслам бытия человека. Речь идет о Промысле Божьем и о спасении души.

Церковь говорит о том, что промысел, провидение, промышление Бога есть его действия, направленные на создание условий для наибольшего блага всего творения, в том числе человечества и человека. Наука, не обладающая правом на мистическую форму познания, стремится рационально постичь невыразимую пропорцию соотношения в Бытии воли Творца и намерений, свободы его творения. Так Сократ понимал Бога как «мировое целое», мировой разум, действующий на основе идеи добра. В философии стоиков доминировал принцип абсолютного божественного детерминизма, порождающий идею рока, фатализма судьбы, которую необходимо лишь принимать, но не выстраивать. Филон Александрийский, оппонируя стоикам, принимая провиденциальность отношения Бога к миру, отмечал посредство силы Логоса в его отношениях с тварным Миром. **Логос не только создает Мир, но и ведет его к благу с помощью других разумных сил, подчиненных ему. Это посредство необходимо потому, что само верховное Божество, будучи абсолютно неизменным, вневременным, не может иметь никакого непосредственного общения с временными происшествиями во вселенной.** Некоторое сходство в реализации установленных законов можно отметить в человеческом обществе, где верховная власть доводит свои правила и решения до рядового человека через многоуровневую систему социального управления.

Против фатализма стоиков, уничтожающего понятие возможности, свободу воли, нравственную ответственность и с позиций банальной рациональности делающей Божество причиной зла, также выступал Плутарх. Он воспринимал провидение как «волю и мысль верховного Бога, заботящегося обо всем», полагая, что Высшая воля проявляется трояко. Устроение Вселенной прямо зависит от самого Бога. Но исполнительная сила, под именем мировой души, от него отличается. Появление и сохранение живых существ — есть дело «видимых богов» — светил небесных, действующих по мировым законам. Действия и судьбы людей находятся под надзором и руководством гениев (демонов).

Развивая эту логику, ТОР полагает — рок, непреложный закон, проявляется в том, что в материальном мире проверенные опытом известные поступки (например, прыжок с высоты) связаны с немедленными последствиями, которые предсказуемы и хорошо известны всем людям. Можно ли ожидать от стрелки на оси механических часов, что она будет двигаться не по кругу, от камня на вершине горы выбора — скатиться вниз или взлететь в небо, если он не находится на вершине извергающегося вулкана? Ответы очевидны. Иное дело сфера социальной и духовной жизни. Нравственные и особенно метафизические законы, действующие в этих сферах бытия, неочевидны. Время их проявления не сопоставимо велико в сравнении с законами чувственно и рационально воспринимаемого мира. Их постижение в основном интуитивно и мистично [25].

Бытие человека определяется действием множества неравных воздействующих сил. Важнейшим аспектом является время их влияния. Одни — действуют импульсно или непродолжительно, коротко. Другие — представляют собой силы (законы, смыслы бытия) среднесрочные. Третьи — есть сверхдолгие смыслы, законы, действующие силы. Человек, подчиненный совокупности сил Мира, живой и мыслящий объект, — активен, т. е. имеет право выбора в этих взаимодействиях. Но это не выбор «произвола», пустой борьбы с силами, превосходящими его возможности. Произвол недоступен и более простым, не философствующим живым существам. Есть ли у оленя свобода проверять свою ловкость и скорость бега на виду у голодного льва? У кошки — не уступить дорогу стаду идущих слонов? У рыбы — покинуть воду и путешествовать по пустыне? Выбор живого существа в ином. Не соревноваться с абсолютно превосходящей силой, но противостоять всеми своими возможностями тому, что приведет к уничтожению, быстрому, отложенному или неясно долгому по времени реализации приговора.

Человек также незаинтересован в «свободном» выборе приближения и взаимодействия с силой, которая его уничтожит, ни немедленно, ни спустя некоторое время, или в конце концов. Свободный и разумный выбор определяется принципом ТОР: «Главный смысл бытия — бытие в будущем». Таким образом, человек в своем бытии призван выбирать. Суть его «свободного выбора» — необходимость жертвовать ради «долгосрочных» и «вечных» смыслов бытия своим и «сиюминутным», и «среднесрочным» удовлетворением. Это не только рациональный закон, оптимум адаптации и развития, деятельный идеализм, но и Закон жизни — нравственный и духовный. Поэтому совершение или несовершение социально значимого

поступка разумным существом (менее предсказуемого по своим отдаленным последствиям) зависит не от рока, а от нравственной и духовной воли конкретного человека. Во многом, это интуитивный выбор следования своей совести, Закону, Логосу. Противоположность этому — следование инфантильной прихоти, суть которой — стремление немедленно (нетерпеливо) получить удовольствие, иллюзию любви, чтобы неизбежно потерять будущее, вплоть до утраты как переживаемого в ощущениях земной жизни состояния счастья, так и перспективы обретения «жизни вечной».

Все религии и философские системы, по существу, предлагают лишь один выбор – непростое бытие в согласии, гармонии с этими силами, в этом суть Тварной Софии, слышащей призыв Логоса (С.Н. Булгаков). В этом согласие веры и разума. Человек вполне разумно не стремится воплотиться в относительно стабильный, долгоживущий, слабо эволюционирующий, животный вид вроде черепахи или крокодила. Цель человечества заключается в обожении, возрастании человека, получая на этом пути все большую свободу от прежних малых законов, ради сохранения зависимости от Закона Абсолютного, Логоса. Это и есть рациональный смысл спасения души и отдельного человека, и человечества. **Нравственная и духовная слепота губят всегда, любого человека, любое общество.**

Наступление христианской эры истории вызвало переосмысление всех представлений о природе божественного начала Мира, сложившихся в античной философии. Религиозная философия новой веры во многом представляет собой учение о второй Ипостаси Святой Троицы. Следует подчеркнуть, что, несмотря на произошедшие радикальные изменения религиозных взглядов, в христианстве, в представлениях о роли Логоса, мирового Закона в устройстве Бытия сохраняется преемственность с античной эпохой. Так, Иустин-Философ, раннехристианский св. мученик, говорит, что основой понимания второй ипостаси Бога является то, что Иисус Христос есть единственный Сын Божий, или Логос, дарующий Откровение [29]. Поэтому люди, «жившие по Логосу» или «вместе с Логосом», даже если они и считались за «безбожников», были как бы «христианами до Христа». Среди эллинов таковыми являлись Сократ, Гераклит и другие философы, честно искавшие Истину; среди «варваров» подобными «христианами до Христа» были Авраам, Анания и иные ветхозаветные праведники.

В современном богословии отражается наличие двух давних традиций в восприятии сути Бога. Апофатическое богословие (от греч. «отрицающий») утверждает, что трансцендентный (выходящий за пределы восприятия человека) Бог может быть выражен только

посредством отрицательных определений. Богопознание трактуется как «таинственное богословие», выводящее «за пределы света», но мрак таинственного богословия открывает то, что «превышает всякий свет». Катафатическое богословие (от греч. «утверждающий») постулирует познание Бога через понимание того, чем, или вернее, кем он является человеку. Утверждается, что познание Бога человеком возможно через его свойства, понятные человеку, его проявление в мире. Например, «Бог есть Любовь» (1 Иоан.4:8,16), «Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы» (1 Иоан.1:5), «Всякий видевший Меня, видел Отца» (Ин. 14:9).

Св. Иустин – Философ говорит о теофании, явлении Бога людям, как о событии, с одной стороны, полностью апофатичном, трансцендентном, несообщаемом, «анонимном», — с другой, как сторонник центрального для Православия золотого, среднего пути, признающего значимость тварного мира как отражения идеального. Богословие гармонии, Всеединства, свое выражение найдёт в 451 году н.э. в «халкидонском догмате», свидетельствующем о двуединой природе Христа, и свое продолжение — в «умной молитве», в современном православном исихазме, начиная с работ Григория Паламы. В этом мире Бог всей полнотой пребывает в качестве своих энергий. В деле спасения совместное действие (энергия) Божественной воли и человеческой воли в богословии Паламы именуется «синергией».

Принципиально важно то, что в авраамических религиях катафатическое богословие приемлемым считается лишь в христианстве, но отвергается в иудаизме и исламе, т.е. в учениях, которые отрицают соединение Бога с человеком в сыне Божьем, в Боге-Логосе. Тем самым, отрицается и познание Бога человеком, и, следовательно, становится невозможно логосное Богообщение.

Принятие христианством идеи Логоса, божественного откровения мирового закона человеку, как существу близкому Богу, созданному по его образу и подобию, резко повышает Ответственность, творческую перспективу человечества, возможность его «обожения», перехода на качественно новую, высокую степень гармонии, соответствия Замыслу. Человеку, наделенному от Бога разумом, способным в человеческой логике зафиксировать призыв Логоса, с помощью законов мышления увидеть производные, «семенные Логосы», в расшифровке божественных истин найти ответы, создающие основу индивидуальной и социальной ответственности, избавляет всех, принявших нового Адама, от неискупленных грехов, пустых ошибок, вечной инфантильности и иждивенчества.

В учении Св. Иустина-Философа о «семенном Логосе» подчеркивается нравственный характер христианства. Разум человека, как «семя Логоса», непросто познавательная способность, или сила мышления. «Слово в человеке далеко непростая идея. Оно в то же время есть источник всякого добра и всякого познания, живое начало нравственной, как и вообще духовной жизни». Родство человеческих душ с Логосом имеет следствием тот факт, что «созданные Им и по Его образу, они соединены с Ним теснейшими узами. Другими словами: **истинно человеческое в людях есть божественное, потому что чрез это отношение к Логосу человек отличается от всех низших существ**. Так как христианство не частичное, а полное откровение Слова, то на него можно смотреть как на религию, которая, не изменяя своему божественному характеру, может быть названа по преимуществу человеческой религией. Входя в мир, оно приходит к своим, и, чтобы доказать свое право на господство над совестью людей, ему следует только выставить в полном свете эту заранее установленную гармонию между воплотившимся Словом и обитающим внутри нас, — доказать, следовательно, что **«душа человеческая по природе христианка» [20].**

Эсхатология св. Иустина, уже в начале христианской эры, принципиально отличается от стоической, также говорящей о «семенных Логосах». Если для стоиков конец мира есть явление космологического порядка, определяемое «безликим Мировым законом, равнодушным Логосом» неизбежной и фатальной цикличностью материального бытия, то св. Иустину идея «цикличности» чужда. Для него конец мира не является его полным уничтожением, ибо мир примет «лишь новую, лучшую форму» [14]. Согласно св. Иустину, произойдет не «возвращение на круги своя», а преображение мира. Конец тварного бытия для св. Иустина, как и для многих отцов и учителей Церкви, есть явление, в первую очередь духовного и нравственного порядка, которое, с одной стороны, определяется Промыслом Божьим, а с другой, свободой воли разумных существ. Принципиально христианской эсхатологии чужд упрощающий фатализм; конец мира не есть «роковая неизбежность», но, одновременно, он не является и некой абсолютно «произвольной стихийностью». **Вселенским бытием управляют законы духовного порядка, органично включающие в себя и свободную волю человека.** Поэтому конец мира всегда близок, и в то же время он может постоянно быть перспективой достаточно отдаленного будущего (указанная бинарно-комплементарная диалектика «уже — еще не»). Здесь человеческий ум сталкивается с апорией, практически неразрешимой на основе связного логического рассуждения, где

последующий шаг обусловлен результатом предыдущего, включая дедуктивные и индуктивные умозаключения на уровне дискурсивного мышления (последовательного перебора вариантов решения). Такого рода проблемы разрешимы лишь верой, интуитивно-мистическим познанием. **Потенциально дискурсивное мышление бинарно-комплементарно (БК) познанию интуитивно-мистическому, в таком дополнении способно создавать предпосылки познания гармоничного и, основанного на нем, гармоничного развития.**

В российской религиозной философии связь трансцендентной и эмпирической сторон Бытия отражена в работах С.Н Трубецкого, который отмечал: «Всемирный Логос есть семя мира; он заключает в себе все частные логосы — семена всех вещей. Эти «сперматические логосы» исходят из него и возвращаются к нему, и через их посредство он зиждет и образует все. Каждое семя заключает в себе мысль, разумное начало, и вместе каждая мысль, подобно всемирному Логосу, есть телесное начало» [19].

Таким образом, апофатический и катафатический методы в богословии — два пути познания Бога. Апофатическое богословие является мистическим (таинственным), а катафатическое — восходит к Богу от человеческого разума, т. е. из Божественных действий в мире. Путь катафатического богословия не противопоставляется, а ведет к дополнительному апофатическому познанию Бога. Отсюда человек, принявший на себя ответственность бытия, приходит к выводу о том, что ему не следует трепетать попусту перед неизбежностью предстоящего завершения циклов повторения, но необходимо предвосхищать перемены, быть готовыми принять их как требование Логоса, соответствовать переменам, получая право быть в будущем. Принимать Закон Бытия означает принятие ответственности за соответствие своих перемен переменам в развитии Мира.

Второй важнейшей темой дискуссий в христианской культуре являлась проблема спасения души. Длительное обсуждение сложной проблемы ответственности за достижение этой главной цели жизни верующего в богословии отразилось, например, в известном споре в V веке новой эры — кельтского монаха Пелагия и епископа Гиппонского Августина Блаженного. Дискуссия была посвящена соотношению влияния в конечном достижении спасения души двух сущностей — свободной воли человека (сил человеческих) и всемогущества Божественной Благодати. Впервые прибыв в центр католического мира, Пелагий был поражен нравственной распущенностью и мирян, и клириков в Риме, которую они оправдывали слабостью человеческой натуры. **Пелагий и его**

последователи утверждали, что человек, входя в этот мир, свободен как Адам и может делать выбор между добром и злом. Они полагали, что все люди имеют силу не грешить. Подобные взгляды были близки к философии стоиков того времени. Они отражались принципом: «Если я должен — я могу». Полагая, что все в силах человеческих, Пелагий утверждал — неодолимого греха не бывает, т.к. если он есть дело необходимости, то это не грех. Если же — дело воли, то его можно избежать. Пелагий считал, что человек по своей природе добр и всегда может успешно бороться с грехом, достигая праведности. Эти возможности особенно возрастают после пришествия Христа в мир, указавшего людям ясный путь. Пелагий первородный грех Адама признавал лишь актом единичной воли, первого дурного примера, отрицая переходящий на потомков грех. Церковью пелагианство, имевшее немало сторонников, осуждалось как ересь. Но он не настаивал на своих суждениях, указывая, что они лишь дело умственного исследования и не относятся к вопросам веры, где решающее слово остается за церковью.

Августин Блаженный на пути своих духовных исканий вслед за Платоном принимает монизм Добра. Бог — един, и все, что с Ним связано, — есть добро. **Онтологически зла не существует, оно есть лишь отклонение от добра, нечто вроде паразита или болезни. Зло есть ослабленное добро, необходимая ступень движения к добру.** Видимое несовершенство является частью мировой гармонии. «Всякая природа, которая может лучше — хороша». **Без зла — мы бы не знали, что такое добро**. Он признавал прогресс в моральной истории человечества, которая начинается с грехопадения Адама и рассматривается как поступательное движение в благодати к обретаемому нравственному совершенству [10].

Постижение истины невозможно без формирования суждений, как частных, так и общих. Судить же о происходящем, можно лишь сравнивая события с эталоном, Законом. Существование наряду с мировым Законом (Логосом) его производных «семенных логосов», особенно в мире тварном, человеческом, связано с опасностью иллюзорного искажения их сути. Предсказание окончательного вывода, суждения Бога (решения суда Божьего) в земной жизни — невозможно. Простому человеку, не богослову, путь к истине показывает не рациональная, а интуитивная психическая инстанция — совесть, «голос Бога в душе человека».

История религиозной и философской мысли показывает, что понимание ответственности человека за свою судьбу и будущее весьма близки в различных культурах, но не совпадают в отдельных принципах, весьма важных для построения индивидуальной или

социальной этической системы. Все религии и философские системы мира говорят о законе «причины-следствия» в судьбе человека. Так, в индуизме и буддизме учение о «причине-следствии», «воздаянии», «карме» — одно из центральных в соответствующих философских системах. Это вселенский причинно-следственный закон, который определяет судьбу человека в соответствии с праведными и греховными поступками человека. Действие кармы в виде «сансары» выходит за пределы одного существования. Это делает человека ответственным за свою жизнь. Более того, все живые существа несут ответственность за свою карму.

Христианские конфессии отрицают веру в существование кармы, хотя учение о карме и переселении душ исторически существовало в позднеантичных религиозных гностических течениях. Однако, стремление рационализировать непостижимое, придавать духовному бытию чувственный образ, духовные отношения отождествлять с чувственными, способно приводить, например, к тому, что плотские движения принимаются за внушенные Богом, т. е. духовные. Между тем, в современном христианстве существует достаточно новое и не всеми признаваемое понятие «родового греха», отражающее страдания потомков, порожденные тяжелыми преступлениями предков. Современная христианская церковь трактует спасение как дело богочеловеческое, требующее полноты участия человеческого начала. С позиций философии хозяйства, теории оптимума развития, Богу (Логосу) нужно не слепое подчинение человека, а разумное согласие и последовательное действие. Христианство определяет религиозно-нравственную задачу человека тремя факторами: божественным, лично-человеческим и соборно-человеческим. Так осуществляется важнейший для человека аспект реализации Замысла.

Среди неразработанных на сегодняшний день метафизических аспектов культурологии ТОР отмечает проблему «форм идеального». Если категория «идеального» в философии разрабатывается с момента ее формирования как науки, то воплощение этой категории в формах онтологической реальности представляется практически неизученным, по существу, до сегодняшнего дня, системно неотраженным в фундаментальных работах.

Идеальное, материальное, экзистенциальное, как формы бытия, — относится к числу основных понятий онтологии, которая изучает не только фундаментальные принципы бытия, наиболее общих сущностей и категорий, но также их **структуры и закономерности развития [15].** Она представляет собой стремление наиболее общего описания универсума существующего, который не ограничивался бы

данными отдельных наук и не сводился бы к ним. Проблема существования абстрактных объектов (универсалий) актуальна со времен средневековой философии, где она занимала центральное место. «Бытие» в онтологии определяется как полнота и единство всех видов реальности. Это реальность физическая (объективная), субъективная, социальная и виртуальная. С позиции идеализма, бытие делится на мир материальный и мир духовный, включая понятия души и Бога. С позиции материализма — реальность подразделяется на косную, живую и социальную материю. Кроме того, «бытие» определяется еще и как мыслительный процесс, противопоставляемый немыслимому «ничто» (а также «возможности», «ещё-не-бытию» в философии аристотелизма). В экзистенциализме «бытие» интерпретируется через бытие человека, поскольку он обладает способностью мыслить и вопрошать о бытии.

В доплатоновской античной философии, языке и культуре понятие «идея» эквивалентно понятию эйдоса (гр. ἰδέα — внешний вид, внешность, наружность). Обретение вещью «эйдоса» мыслится как его «овеществление», превращение его абстрактности в неабстрактность вещи. Это создает семантическую связанность понятия эйдоса с понятием «формы». Феномен субстрата в античной культуре сопрягался с материальным (соответственно — материнским, женским) началом, а феномен эйдоса — с идеальным (отцовским, мужским).

У Платона содержание понятия существенно трансформируется. Эйдос им интерпретируется не как внешняя, а как внутренняя форма, то есть имманентный способ бытия вещи. Кроме того, эйдос обретает онтологически самостоятельный статус, формируя трансцендентный мир идей (то есть собственно мир эйдосов) как совокупность абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Совершенство эйдоса у Платона обозначается через семантическую фигуру «неподвижности» его сущности (усия, οὐσία), изначально равной самой себе. Способом бытия эйдоса в таком случае является его воплощаемость и воплощенность во множественных вещах в соответствии со своей функциональной структурой как образца, как рода и как собственно образа. В таком контексте взаимодействие между объектом и субъектом в процессе познания интерпретируется Платоном как общение (койнония, κοινόνία) между эйдосом объекта и душой субъекта, результатом чего является отпечаток эйдоса в душе человека, т. н. ноэма (νόημα). Эйдос, по Платону, — то, на что на самом деле направлена постигающая способность человека. Эйдос — то подлинное, что дается в умопостижении, в отвлечении от нашего мнения о вещи и от чувственных впечатлений, которые отражают

только материальное бытие вещи. Согласно Платону, окружающий нас материальный мир мы познаем чувствами, и он является производным от мира идей, он «тень» мира идей [2].

Таким образом, идеальное не может быть представлено в реальном мире кроме как нечто, имеющее и форму и структуру. Что мешало систематизировать в онтологии формы «идеального»? Во многом этим препятствием являлось неразвитая культурная антропология, отсутствие в прошлом научных представлений о структуре языка и о структуре психической организации человека [25].

Методологически онтология разделяет понятия мета-онтологии и онтологии предметной области. Если первое описывает наиболее общие понятия, которые не зависят от предметных областей, то второе — дает формальное описание предметной области для того, чтобы уточнить понятия, определённые в мета-онтологии, и описать общую терминологическую базу предметной области. С позиций современной науки, «формы идеального» могут быть первоначально структурированы с помощью принципов «философии хозяйства», системного подхода, теории оптимума развития, теории семантики и герменевтики.

Р. Карнап в своей работе «Эмпиризм, семантика и онтология» [11] пишет, что «проблема абстрактных объектов встала в связи с семантикой, теорией значения и истины». Природа и следствия принятия языка, ссылающегося на абстрактные объекты, показывает, что употребление такого языка не означает полного признания платоновской онтологии и вполне совместимо с эмпиризмом и строго научным мышлением. Но, при этом необходимо признать фундаментальное различие между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам; мы называем эту **процедуру построением языкового каркаса** для рассматриваемых новых объектов». «Необходимо различать два вида вопросов о существовании: первый — вопросы о существовании определенных объектов нового вида в данном каркасе; мы называем их внутренними вопросами; и второй — вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемые внешними вопросами. Внутренние вопросы и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений. Ответы могут быть найдены или чисто логическими, или эмпирическими методами в зависимости от того, является ли каркас логическим или фактическим. Но внешний вопрос — имеет проблематический

характер». «Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять правила образования предложений и проверки, принятия или отвержения их. Принятие вещного языка ведет, на основе произведенных наблюдений, также к принятию и утверждению определенных предложений и к вере в них. **Но тезиса о реальности мира вещей не может быть среди этих предложений, потому что он не может быть сформулирован на вещном языке и, по-видимому, ни на каком другом теоретическом языке».**

Опираясь на теорию семантики и герменевтики, современную психологию и антропологию, ТОР подчеркивает, что в самом языке, развившемся как способ передачи чувств, которые возникают в результате взаимодействия человека с миром предметов, существуют серьезные ограничения в передаче развившихся позже более сложных психических продуктов — мыслей, а также чувств, вызываемых мыслями, при взаимодействии с миром идеального. Актуальной задачей религиоведения, философии, культурологии, психологии, филологии и других смежных наук является развитие языка взаимодействия «мира физического» и «мира метафизического». Ясно также, что без участия как высокого, так и массового искусства, эта задача не решаема.

Подход к решению проблемы «форм идеального», являющихся еще и «эйдесом», «образом», «идеей» целей и смыслов бытия, ТОР видит, прежде всего, в выделении уровней «идеального». Если абсолютным, высшим уровнем «идеального», «совершенного», целью движения в будущее для человека является Абсолют, Бог и его качества — София Божественная (Замысел, Мудрость) и Божественный Логос (Закон, Слово), то производными уровнями «идеального» будут «тварные», «семенные логосы» и проявления «Софии тварной». Нисходящее движение «идеального» от вечного к повседневному приведет исследователя к анализу таких «божественно — тварных» сущностей, как религиозные учения, мифологические системы, философские концепции, этические и эстетические системы, идеологии, политические и экономические теории, среднесрочные смыслы и правила поведения отдельных людей, социальных групп и государств, краткосрочные смыслы и правила жизни, включая моду, прихоти, сиюминутную выгоду, ошибки, грехи и пороки, с постепенным переходом в противоположно-зеркальный конус бытия — примат инфернального, сатанизм. Разве не видны в этих переходах высокого (идеального) в низменное отголоски платоновских представлений об «идеях» и их испорченных «тенях»? Во всех этих, несопоставимых на первый взгляд, явлениях имеется общие признаки наличия а) цели и

б) правила достижения желаемого. Беда человечества заключается в том, что давно сформулированные «высокие» цели и долгие смыслы бытия обосновывались простому человеку лишь «верой», которая повседневно боролась с могучим и мутным потоком коротких, **чувственных** смыслов жизни, именуемых «страстями». С ними, действительно, страшно трудно бороться, если не видеть между первой, низшей группой «материальных», «физических» свойств адаптации и развития человека в его бытии, наличия качеств, соединяющих их с высшими, «духовными», «метафизическими» потребностями. Это потребности психологические, «физико-метафизические», «душевные» или «социальные» [23; 24; 27]. В бинарно-комплементарном единстве потребности второй группы снимают противоречие «высшего» и «низшего», «идеального» и «реального», соединяя противоположности в диалектическое единство. Этот подход позволяет предложить нашим современникам не только технологии гармонизации личного бытия, но и бытия семьи, рода, общества… Условием поддержания соответствия бытия человека Бытию Мира является реализация принципа «скользящей гармонии», основанной на понимании условий не только текущих, но и среднесрочных, а, главное, выполнении требований долгосрочных, «высших смыслов» и «высших законов» бытия [25].

В завершение предложенного читателю анализа трансформаций современной метафизики в духе философии хозяйства, единства религиозного и рационального познания Мира, антропологических подходов с позиции теории оптимума развития и позиций практической философии представляется важным отметить редко обозначаемые в исследованиях последнего времени различия отношений человека и социума с Логосом в зависимости от гендерного и формационного (социально-экономического) факторов.

Принципиальное неравенство, бинарно-комплементарное (БК) гендерное единство человека в «женско-мужской» сущности, отражается и на метафизическом уровне. Сущностная, духовная слабость женщины, зависимость ее от метафизической опеки мужчины проявляется в том, что она неспособна самостоятельно достичь духовного возрастания, предельно нуждается в духовном наполнении мужской метафизикой. Женщина религиозна изначально и всегда, ибо и ощущает и признает власть сверхъестественных сил, Бога над миром. Мужчине, относительно сильному в социальном бытии, для перехода к метафизическому восприятию Мира часто нужны

испытания бытием, доказавшие его слабость перед силами управляющими каждой судьбой и всем миром.

Подобное, БК, отношение метафизических и этических систем к Логосу демонстрируют и две исчерпавшие себя в XX столетии формации — капитализм и социализм [13]. Социализм отрицает и Бога и дьявола (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»), борется с церковными зданиями и служителями, но не разрушает, а сохраняет и возвышает в своем «нравственном кодексе» христианско-православную этическую систему. Идеология социализма запрещает «власть имущим» принципиальное материальное превосходство над рядовыми гражданами, призывает к развитию духовности, а метафизически представляет собой, по существу, вульгарную православную секту (Н.А. Бердяев).

Капитализм занимает иную, во многом противоположную позицию. Отвергается лишь Бог. В либеральной европейской философии провозглашается, что «Бог умер» (Ф. Ницше), что у покинутого Богом, одинокого индивида, есть лишь один Абсолют — «Ничто» (М. Хайдегер), порождающий ужас и бесконечное одиночество, отсутствие смыслов, заставляющее унылого индивида бесконечно пытаться создавать собственные эфемерные смыслы бытия. В европейской культуре таков Кай, из сказки «Снежная Королева», мальчик с холодным сердцем и умом, утративший представление о любви, бессмысленно складывающий слово «Вечность» — из льдинок. Капитализм — не разрушает церковных зданий и не запрещает религии, он выхолащивает и умертвляет метафизику бытия, сводя его цели к самым коротким смыслам — воли к потреблению (симулякру счастья) и воли к власти (симулякру любви). Либеральная культура воплотила метафизический образ своего мира в словах «Сатана там правит бал!». Помнящий об этом исследователь воспринимает современных критиков «безбожных коммунистов» как прекраснодушных и наивных детей. Конечно, социализм с его принуждением к духовности, не имеет исторической перспективы. Но капитализм, с его принуждением к сведению всех целей бытия к смыслам материальным, с отказом от всех основных нравственных и духовных принципов религии, с социальной и духовной жизнью, основанной на принципе системной лжи, бесконечного производства симулякров, сегодня — уже просто поклонение дьяволу.

Человечеству предстоит создание принципиально новой формации, общества гармонии, контуры и законы бытия которого уже обозначены российской социальной наукой [24; 25; 26]. Российское общество ждет от своей духовной элиты (церкви, науки, искусства)

современного формулирования метафизических принципов предстоящего бытия, что создает возможность нового соответствия, возвращения человека в поток вечной «скользящей гармонии».

В условиях стремительного развития науки, рационального познания мира, сегодня превратившего Землю, большой, но метафизически гармоничный мир человека библейских времен в маленький фрагмент беспредельного Макро и Микро Космоса современности, человечество вновь с возрастающей тревогой ищет Большой Смысл своего бытия в Бытии Мира. В 1743 г. эту эмоцию М.В. Ломоносов, для своего времени, выразил словами: «Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна». Однако, с тех пор рост рационального знания происходил почти взрывообразно. Этот «большой взрыв» в принципе не может быть упорядочен в гармонию развития одной лишь наукой, рациональной метафизикой. Сингулярный шифр культуры завтрашнего дня должен быть раскрыт и новой религиозной метафизикой, охватывающей события Вселенной (Мультивселенной?) сегодняшней и будущей. Общество с нетерпением ждет также рождения и третьего компонента системной метафизики — метафизики нового искусства, не остановившегося на повторении великих вопросов прошлого о сути человека, но ставящего вопросы о сути проблем и сегодняшнего дня, и далекого будущего, искусства, интуитивно прозревающего пути их решения. Синтез трех составляющих познания сущности Бытия — мистической, рациональной и интуитивной позволяет рассчитывать на рождение единой, цельной, системной метафизики и открытия для человечества новых, сверхдолгих смыслов бытия.

Без осознания сути необходимых метафизических перемен, гармония превращается в «ускользающую» от человека, который в своем несоответствии Миру может стать ему ненужным, бесполезным, утратить любовь Логоса, а значит — исчезнуть. «Бог есть любовь!». Это выражение отражает и суть земного бытия человека, и требование Логоса к своему творению. Отвергнуть этот принцип — означает лишь одно — богоборчество, индивидуальный и социальный суицид.

Российская культура уникальна тем, что в современном мире она первой отказалась от материальных целей как от ведущих смыслов бытия, декларировала высочайшую ценность нравственного и духовного начал в жизни человека и общества. Именно в советскую эпоху появились произведения культуры, где социальная этическая система и социальная душевность рядовых граждан в реальной жизни гармонично и убедительно сочетались с оптимизмом и гармонией семейных и дружеских отношений. Завершение этой эпохи привело к

выравниванию российских культурных стереотипов восприятия бытия с западными стандартами — цинизм, культ насилия, одиночество человека, предельная безнравственность, попытки доказать недоступность любви, упрек к небесам в оставленности человека Богом.

Сегодня существует немало желающих отказать российской культуре в свойствах «цивилизации». Да, каждый народ обладает культурой, но не каждый создает цивилизацию — идею и практику бытия, вдохновляющих многие народы на долгие времена в стремлении к гармонии с Логосом. На вопрос о том, станет ли российская культура цивилизацией — ответит время. История российской православной культуры, ее социалистический эксперимент, дают, по мнению автора статьи, надежду на то, что сегодня мы живем на заре расцвета российской цивилизации, способной осуществить мечту человечества о системной гармонии Духа, души и дела. Если искать поддержку этой гипотезы у признанных авторитетов, пожалуй, следует вновь обратиться к великому человеку русской культуры, совмещавшему в своем взгляде на Бытие метафизику религии, науки и искусства — к Михаилу Васильевичу Ломоносову.

«Вечернее размышление о Божием величестве
при случае великаго севернаго сияния»

….Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.
….О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,–
Скажите, что нас так мятет?
….Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

Литература

1. Библия. Российское библейское общество. М., 1996.
2. *Блинников Л.* Краткий словарь философских персоналий. М., 2002. [Электронный ресурс] http://terme.ru/dictionary/174/word/platon-427-347-do-r-h
3. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита: Роман / Вступ. ст. П.А. Николаева. М.: Художественная литература, 1988.
4. *Гете И.В.* Фауст / перевод Б. Пастернак. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. [Электронный ресурс] lib.ru. Поэзия http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust.txt
5. *Глазьев С.Ю.* Евразийская интеграция: дорогу осилит идущий // Газета «Завтра», № 49 (1046), 2013.
6. *Горбачев А.Ю.* Метафизика любви // Философия хозяйства, 2014. № 1.
7. *Григорьева Т.П.* Дао и Логос: Встреча культур. М.: Наука,1992
8. *Делёз Ж., Гватари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория,2007.
9. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М., 2006.
10. *Иоанн Мейендорф протоиерей*. Блаженный Августин // Введение в Святоотеческое Богословие. [Электронный ресурс] http://www.klikovo.ru/db/book/msg/898
11. *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика и онтология / пер. Н.В. Воробьева. [Электронный ресурс] // Белорусская цифровая библиотека: http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?archive=&id=1175752680&start_from=&subaction=showfull&ucat=5
12. *Киприан (Керн) архим*. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996 (переизд.: Париж, 1950). [Электронный ресурс] http://www.xpa-spb.ru/libr/Kiprian-Kern/AGP-all.html#AGP06
13. Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. ЦЭМИ РАН. Москва, 2012 / Е.В. Шелкопляс. — Иваново, 2012.
14. *Оксиюк М.Ф.* Эсхатология св. Григория Нисского: Историко-догматическое исслед. — Киев, 1914. С. 51. [Электронный вариант]: Издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009.
15. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогрес, 1983. [Электронный ресурс] http://abuss.narod.ru/Biblio/popper1.htm
16. *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб, 1910. — Т. 88, № 2.

17. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996.

18. *Струве Н.А.* Православие и культура // 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2000.

19. *Трубецкой С.Н.* Сочинения. М., 1994. С. 86—89.

20. *Хитров М.* Св. Иустин Философ-Мученик и его время // Странник, 1878. Т. 1. [Электронный ресурс] http://krotov.info/history/02/sidorov/09.html

21. *Шелкопляс Е.В.* К вопросу о социально-психологических аспектах психиатрии в профилактике пограничных нервно-психических расстройств и реадаптации психических больных. // Вопросы социальной и клинической психиатрии. Вологда, 1982.

22. *Шелкопляс Е.В.* Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции / под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. С. 158—179.

23. *Шелкопляс Е.В.* Новые реальности софиологии в России // Экономическая теория в XXI веке — 8(15): Экономика модернизации: монография / под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. С. 81—87.

24. *Шелкопляс Е.В.* Психология уровней тварной Софии и Логоса // София. 100 лет русской философии. / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2012. С. 217—228.

25. *Шелкопляс Е.В.* Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. матер. Междунар. науч. конф., 20—22 сентября 2012 г. / под общ. ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013. С. 40—129.

26. *Шелкопляс Е.В.* Российская модель глобализации как предчувствие сингулярного состояния культуры // «Новая наука»: рождение культурологии в России. Сб. науч. трудов конф. «Рождение культурологии в России». Научный редактор — проф. В.П. Океанский. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. С. 51—88.

27. *Шелкопляс Е.В.* Традиции софиологии и психологические аспекты социокультурной динамики современной России // Ренессанс философии хозяйства. К 140-летию С.Н. Булгакова / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2011. С. 63—73.

28. *Шелкопляс Е.В.* Философия хозяйства и обновление культурной системы России // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал № 2 (14), 2014. С. 61—74.

29. *Little V. A. C.* The Christology of the Apologists. — London, 1934. P.95. [Электронный ресурс] http://apologia christ.ru/earlyfat/modernav/sid_iustin.htm#29

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Ментальность и русские проекты: возможности и ограничения

Аннотация. В статье анализируются основные свойства экономической российской ментальности, их генетика, историческая эволюция и противоречия. Предлагается карта экономической ментальности народов различных стран, включая Россию, Беларусь и Украину. Выдвигается положение об основном противоречии современной рыночной реформы, как противоречии между ментальностью, хозяйственной культурой, другими неформальными институтами и политико-правовыми, организационно-административными нормами и другими формальными институтами. Таким образом, именно ментальные свойства российского народа выступают источником и ограничителем социально-экономического развития.

Ключевые слова: экономическая ментальность, хозяйственная культура, зависимость от предшествующего исторического развития, формальные институты, противоречие между неформальными и формальными институтами.

Abstract. The article analyses the basic properties of the Russian economic mentality, their genetics, historical evolution and contradictions. Offers a map of economic mentality of the peoples of different countries, including Russia, Belarus and Ukraine. Extends the regulations on the main contradiction of the modern market reforms, as the contradiction between the mentality, economic culture, other informal institutions and the political-legal, organizational and administrative regulations and other formal institutions. Thus, it is the mental properties Russian people are the source and limiter socio-economic development.

Keywords: economic mentality, economic culture, the dependence of the preceding historical development, formal institutions, the contradiction between the informal and formal institutions.

Любой российский проект вызывает не только в самой стране, но и во всем мире огромнейший резонанс. Скорее всего, такая острота обсуждений и участий (тайных и явных) связана не столь с огромной территорией, богатством природных ископаемых, привлекающих к себе внимание крупных геополитических игроков, сколь с иным типом цивилизации, в котором ментальность выступает основной доминирующей характеристикой. Так называемые «чистые экономисты» (неоклассика), которые сегодня наиболее влиятельны в

части рекомендаций проводимых реформ, пожалуй, своими универсальными оценками относительно уровня рациональности субъектов хозяйствования, норм поведения, стимулов и пр. выдают желаемое за действительное, не отражая истории и реальности хозяйственного бытия, социально-экономического пространства, климата, времени, нравственно-этических норм и прочих компонентов человеческого поведения. «Они не такие», а «мы — другие» и в этом одна из причин традиционных разногласий, выливающиеся в серьезные конфликты не только между Западом и Востоком, но и внутри России, многих бывших стран СССР. В острой риторике «западников» и «славянофилов» мало что поменялось в содержании дискуссии. Фактом же является лишь то, что два с половиной десятка лет весьма «решительных реформ» в постсоциалистических странах не дали не только заметных результатов с точки зрения *общего благосостояния стран*, к чему как бы стремились, но даже разрушили их потенциал для будущего социально-экономического развития. Речь идет, в том числе о реальной национально-государственной независимости, независимости валютной, технологической, всплеска развития культуры, языка и пр.

Постсоветским исследователям характерен весьма прямолинейный и шаблонный поиск ответа на вопрос как сделать национальные экономики более эффективными: в более развитых странах найти лучшие институты, организации и импортировать их в свои национальные системы как «образцовые». Но по истечении времени, а почти три десятка лет это уже вполне экспериментально доказуемый период, оказывается, что внедренные за короткий период времени формальные институты и правила в экономиках «работают» далеко не так эффективно как предполагалось. Оказалось, что культура и история страны имеет, по сути, первостепенное значение и для экономического благосостояния. Но мышление человеческое легче воспринимает и изучает то, что на поверхности, что легче усвоить сначала визуально-явленческом уровне. Весь же спектр неформальных отношений и их влияние на экономические процессы более глубоки и поэтому более скрыты, но менее поддающиеся количественному измерению. Следовательно, и влияние последних в отличие от математическо-формализованных выводов и аргументов тоже менее убедительное. Так уж сформирован аналитический аппарат на текущий период. Руководитель фирмы заинтересован производством (в лучшем случае) и извлечением денег, а для политика надо доказать, что, например, увеличение расходов из бюджета на 2 % на культуру принесет не менее тех же процентов ВВП. Власть денег стала фанатично определяющей.

Но значимость неформальных правил обусловлена тем, что именно последние определяют систему страны, ее ген и основу. К тому же одни и те же формальные институты в каждом обществе приводят к различным последствиям из-за тех же разных ментальных свойств и сложившихся отношений. После распада СССР появилось огромное количество исследований, посвященных быстрому внедрению (трансплантации) формальных институтов: это требовали реформаторы с их, надо отметить, неискренними мотивами изменить страны к лучшему. Главное — ликвидировать старое советско-социалистическое наследие. Поэтому главное внимание исследователи уделяли не каким образом и как, например, политическое устройство, судебная система, законодательная и избирательная система и прочие формальные институты определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, а где и какие институты более результативные. Тональность и методологическую заданность при этом задавали разного рода фонды, комитеты, комиссии более развитых западных стран. К неформальным отношениям и институциям начали более внимательно относиться в реформирующихся странах сравнительно недавно, когда потребовалось более глубокое осмысление по стандарту проводимых реформ и итогов приватизации, либерализации.

Термин «ментальность» впервые ввел в научный оборот французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе «Первобытное мышление». На его работы оказало сильное влияние труды Дюркгейма о «коллективном представлении». Применял он его с уничижительным оттенком и воспринимался как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов» противостоящих «высоколобым творцам». Центральной особенностью менталитета считалось его нечувствительность к социальным и логическим противоречиям, зафиксированным в преданиях, мифах и сказаниях. Говоря языком Фрейда, менталитету присуще амбивалентность. Как научная категория «ментальность» была впервые разработана исторической школой «Анналы экономической и социальной истории». Именно эта школа увидела в менталитете систему образов и представлений различных социальных групп, в которых все элементы тесно связаны друг с другом и «помогают друг другу» в регулировании поведения людей. Причем на разных этапах своего развития содержание этой категории менялось. Школа «Анналов» прошла в своем становлении и развитии несколько этапов. Если систематизировать взгляды авторов школы «Анналы», то первоработчики категории «ментальность» (от позднелат. mentalis,

где лат. mentis-ум, alis–другие; от франц. mentalite, — образ мышления) понимают под ней систему образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, тем самым определяя мысли, поведение и поступки людей. Это значит, что у каждого общества есть общий психологический стержень, который позволяет всем его членам воспринимать окружающие вещи и явления более или менее одинаково, т.е. ментальность — это не просто набор характеристик, а целостная система взаимосвязанных качеств, закладывающая в основу поведения людей общее основание. Также следует отметить, что, несмотря на разнообразие исследований на эту тему в рамках этой школы, в основном исследования имеют психо-биологическую окраску.

Подводя итог развитию категории «менталитет» можно сделать вывод, что хотя сейчас в западной мысли проводятся попытки синтезировать и интегрировать различные научные подходы и объединить общенаучные позиции (К. Бюлер, В. Фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коула), все равно единого общенаучного определения менталитета, его функций, особенностей пока не существует. Одни считают, что менталитет — «психологическая оснастка» единой социальной общности («Анналы»), другие — коллективное бессознательное (К. Юнг, В. Кантор), третьи видят в менталитете не связь с бессознательным, а, наоборот, с сознанием человека (П. Динцельбахер).

Итак, в западной науке менталитет — нечто общее, то, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, логического и интуитивного, рационального и эмоционального. Менталитет является глубинным, трудно фиксируемым источником мышления и эмоций. Это понятие тесно соприкасается с феноменом национального разнообразия и различиями в траектории развития разных стран и народов. Именно менталитет и определяет зависимость или эффект «исторической обусловленности» в развитии той или иной страны.

Нельзя сказать, что в советское время не понимали смысла и значения данной категории. Конечно, бытовал определенный империализм, который влиял на понимание и формирование особенностей и отличий республик, входивших в СССР. То, что вторым секретарем ЦК союзной республики был, как правило, выходец из республики, свидетельствовало о понимании союзным руководством национального вопроса в «деле социалистического и коммунистического строительства». Более того, конец 70-х и начало 80-х годов знаменуется качественно (!) новым этапом строительства «развитого социализма», поскольку, как было зафиксировано в

партийных документах, сформировалась новая историческая общность — «советский народ» с его новыми социально-психологическими особенностями. О том, что так это или нет, вопрос будет неоднозначным в ответе, но когда в начале 90-х годов прошлого столетия проводили опрос относительно целостности СССР, все же более 80 % ответили положительно на желание сохранить эту организационно-политическую организацию. Наверное, и сознательно, и интуитивно понимали не только историческое прошлое, но и некое свое перспективное будущее, которое в разных интеграционных формах пытаются воссоздать.

В постсоветских странах целенаправленно исследования на тему ментальности активизировались лишь с распадом СССР и необходимостью поиска своего собственного пути развития.

У истоков изучения особенностей российского народа стоят такие мыслители, как Владимир Мономах, Нил Сорский, Г. Сковорода. Большой вклад в разработку проблемы своеобразия русского народа внесли П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, К.Д. Кавелин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Д.Н. Овсянико-Куликовский. Эти мыслители конца XIX—XX веков в своих трудах занялись анализом противоречивых сторон русского характера, что и составляет особую, специфическую черту его ментальности. Они занимались разгадкой русской души.

Возможность диалога и обсуждения проблемы ментальности была представлена на международной конференции в 1989 года в Москве «Школа «Анналы»: вчера и сегодня». А в 90-х в журнале «Вопросы экономики» была организована дискуссия на тему российской ментальности. В ней принимали участие Г.Д. Гачев, И.К. Пантин, А.С. Панарин. Это позволило возродить интерес к исследованию проблемы менталитета и его влияния на различные стороны общественной жизни. Создание единой концепции менталитета была предпринята журналом «Вопросы философии». Это нашло отражение в ряде диссертаций М.Ю. Шевякова («Менталитет: сущность и особенности функционирования»), М.А. Шенкао, В.М. Сторчак («Архетип и ментальность в контексте религиоведения»), Ф.Т. Аутлевой («Ценностно-нормативные ориентиры русского менталитета»), Г.А. Орлова («Российская бюрократическая ментальность»), А.И. Грищук («Философский анализ ментальности: содержание и методы исследования»), Э.А. Корнейчук («Менталитет: истоки и исторические формы») и т. д. Тем не менее, эти исследования так и не смогли выработать единой позиции по сущности данной

категории и ее содержания. Одни рассматривают ментальность как систему способов оценивания (М.Ю. Шевяков), для других ментальность — это комплекс устойчивых свойств индивидов (Ю.Б. Смирнов «Эволюция и особенности ценностно-нормативных западноевропейской и российской ментальности» и Ф.Т. Аутлева). Ряд исследователей связывают ментальность с этнической составляющей, этническим самосознанием (М.М. Балыков, В.П. Уланов, О.В. Рядов).

Подобные прикладные исследования начали активно проводиться в постсоветских странах. Некоторые элементы исследований духовных характеристик белорусского народа можно найти еще в XVI веке. Так знаменитая поэма Николая Гусовского «Песня про зубра» содержит описание духовных особенностей белорусского народа. В 19-первой половине XX века многие историки, этнографы в своих трудах затрагивали вопрос историко-культурного наследия белорусов: М. Довнар-Запольский, М. Никифоровский, П.В. Шейн, Е.Ф. Карский (отец белорусской этнографии), Ф.Ф. Федоровский, А.А. Смолич, В.У. Ластовский. Они изучали помимо истории и языка, национальные особенности белорусского народа и те общие черты, которые характерны именно для этого этноса и отличают его от других народов. С помощью этих исследований пытались обосновать путь развития белорусского народа и белорусской государственности.

В Республике Беларусь также на современном этапе проводятся исследования на эту тему. Достаточно много работ можно найти в журнале «Социология» (В.В. Кириенко, Е.С. Лученкова, Р.А. Смирнова, Д.М. Булынко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротман, И.В. Котляров и т. д.). Важное место в исследованиях занимает изучение славянского менталитета (Е.М. Бабосов, А.В. Горский, И.В. Котляров, В.В. Кириенко, В.В. Козловский, А.В. Коршук, Ю. Чернявская).

Подводя итоги развития и исследования данной категории, можно сделать вывод, что все работы и на Западе и в постсоветских странах при разработке данной категории разделяются условно на три подхода:

1) Культурологическое направление. Представители данного направления рассматривают ментальность как совокупность представлений и воззрений людей, проживающей на одной территории и в определенную эпоху. Ментальность определяется как коллективное сознание, опосредованное социальной средой.

2) Психологическое направление. Менталитет — это система взглядов, оценок, раскрывающихся на индивидуальном уровне и основывающихся на бытующих в определенном обществе знаниях, традициях и верованиях. Важно чертой менталитета является то, что он задается архетипами коллективного бессознательного.

3) Социологическое направление. Ментальность рассматривается как исторически обусловленные социальные настроения и установки, сложившиеся в конкретных условиях. Менталитет определяет опыт и поведение, как индивида, так и социальных групп.

Основными свойствами менталитета, таким образом, характерными для всех направлений и определяющими саму его сущность, являются:

1) Латентность — скрытость от непосредственного наблюдения;

2) Константность — устойчивость и воспроизводимость в любых условиях, в том числе и кризисных;

3) Амбивалентность — двойственность, противоречивость проявления;

4) Взаимосвязанность и агрегатность — проявление в качественной системности характеристик менталитета.

Вне зависимости от конкретного направления общепринятыми характеристиками ментальностиявляются: а) обобщенный и абстрактный признак, который усредняет все индивидуальные признаки и превращает общество в примерно однородную массу; б) это — результат исторического развития общества; в) это наиболее скрытая, глубинная, неотфлектированная часть общественного сознания, основанная на бессознательных и подсознательных механизмах; г) это — скрытые ценностные взгляды и ориентиры в оценке картины мира, стереотипов сознания; д) это — устойчивая характеристика, которая очень медленно подвергается изменению и является одним из главных детерминант любого другого поведения людей.

При всем разбросе мнений относительно зарождения и характеристик российского менталитета все же можно выделить некоторые закономерности в формировании «русской души» или его характера «русскости». Ведь даже несмотря на порой очень крутые повороты в российской истории, резкие смены вектора политико-экономического развития, можно увидеть определенные черты, которые были присущи российскому народу на всех этапах его развития. Это своего рода основная база, которая объединяет все социальные слои российского общества. На протяжении всей истории эта база (или основная доминанта) могла модифицироваться, отшлифоваться, но базовый набор специфических качеств оставался тот же. Наличие общих характеристик обусловлено, скорее всего, тем, что они сформировались еще во время зарождения российской нации, и передавалось на генетически-социальном уровне.

Зарождение и становление российского менталитета прошло несколько этапов, которые надо рассматривать с точки зрения наиболее яркого проявления народных черт.

1) Протоэтап. На данном этапе еще не существует российский народ как отдельная самостоятельная нация, но именно те сообщества людей, чьи потомки впоследствии станут российским народом, уже несут в себе в определенной мере основные базовые характеристики, которые со временем станут доминантными.

2) Формирование Московского княжества. В этот период российский народ только начал осознавать себя целостным сообществом, уже неся в себе определенные специфические черты.

3) Времена Российской империи. В этот период у российского народа уже сложился свой особый менталитет. И, несмотря на достаточные резкие смены курса правления («окно в Европу» Петра Первого, правление «просвещённой» Екатерины, правление Безумного Павла, пришедшее ему на смену царствование Александра и т. д.), менталитет приобрел устойчивые выраженные черты.

4) Советский период. В этот период шло формирование единого советского менталитета.

5) Постсоветский период. Попытки трансформации социально-экономической структуры путем проведения рыночных реформ, которые в итоге не привели к желаемым результатам, вновь обратили внимание исследователей к неформальным институтам в целом и экономической ментальности в частности, а также их детерминирование вектора развития. Это активизировало изучение современной российской ментальности, поскольку именно этот феномен является основой структурных реформ [1].

Систематизированным и целенаправленным исследованием российского менталитета начали активно заниматься исследователи, начиная с XIX в. Именно на XIX-начало XX вв. приходится расцвет подобных исследований. До этого подобных исследований как таковых не велось. Характеристики российского народа можно было найти в художественных произведениях, а также в наблюдениях различных путешественников, которые приезжали в страну.

Но уже П.Я. Чаадаев отмечал проявления ярко выраженной противоречивости русского национального характера. Также В.О. Ключевский в Т. 1 своего собрания сочинений приводит следующий перечень черт национального характера великоросса [2, 315—317]:

- Осмотрительность и расчетливость;
- Изворотливость в мелких затруднениях;
- Привычка к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями;

– Привык больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед;
– Характерна в большей степени осмотрительность, чем предусмотрительность;
– Привык больше замечать следствия, чем ставить цели;
– Привык действовать на «авось»;
– Производит впечатление непрямоты, неискренности;
– Думает надвое, и это кажется двоедушием;
– Характерно кратковременное напряжение сил («аврал»);
– Приемлемость совместной работы на больших пространствах.

Согласно современным подходам основными факторами, повлиявшими на становление российского менталитета, можно считать следующие:

1) Природные условия (российская нация формировалась достаточно в суровых географо-климатических условиях, что предопределило развитие многих духовных качеств, например, коллективизма).
2) Отсутствие этнической монолитности;
3) Геополитическое месторасположение (часть России находится в Азии, а часть России — в Европе, что во многом обусловила ментальность российского народа);
4) Христианство и особенно его православный византийский тип);
5) Татаро-монгольское иго [3, 191—208].

Н. Бердяев считал, что российский национальный дух сложился под воздействием двух противоречивых факторов:
– Влияние православного элемента;
– Влияние природно-языческого (дионисического) элемента.

Н. Бердяев в результате выделял следующие черты «русской души»:
– Женственность;
– Державность;
– Религиозность (церковность);
– Коммунитарность;
– Соборность;
– Максимализм;
– Антиномичность (противоречивость): подчинение государству (государственность) и анархическое свободолюбие; агрессивный национализм и всечеловечность; жестокость и сострадательность; терпеливость и стремление все получить в кратчайшие сроки;

непредсказуемость поведения и склонность к риску и традиционализм и консерватизм; послушание перед властью и стремление к ее ниспровержению [4, 100—112].

Итак, приведенными выше характеристиками мы отметили, по сути, два обстоятельства.

Первое, неформальные институции, а среди них ментальность имеет первостепенное значение, выступает и началом, и ограничителем любых социально-экономических трансформаций. Проблема состоит лишь в том, чтобы на основании имеющихся генетических свойств народа страны адекватно через институциональную политику *сфокусировать* имеющуюся силу и потенцию к возможно лучшим и более прогрессивным изменениям. «Чутье» народа можно обманывать, но недолго, поскольку «антинародность» реформ очень явственно проявляется даже не в культуре, морали и пр., что и явственно, но трудноизмеримо для убедительности изменений в экономической политике, а в элементарных демографических негативных тенденциях. За последние сто лет население США выросло более чем вдвое, а в то же время «рыночные реформы» и политические процессы в странах бывшего СССР сократили здесь население на десятки миллионов без войны. Правда, реально гражданская война на Украине уже грубо и цинично этот процесс деградации стран и населения под фальшивой риторикой о демократии и пр. возвела в апофеоз.

Второе, ментальные свойства изменяются очень медленно, несмотря на желание политиков и пр. что-то принципиально и быстро изменить, руководствуясь даже благими намерениями. Поэтому формальные институты, к которым, как правило прибегают для изменения социальных и экономических стимулов, могут создать блокировочные эффекты или ловушки. В результате европейского образца законы, «хорошие законы» не воплотят тех замыслов, к которым могут прибегать разного уровня реформаторы. Собственно, это случилось и в России, других странах бывшей социалистической ориентации: показатели экономической и тем более социальной эффективности по многим параметрам не превзошли, а где-то даже ухудшились даже по сравнению с восьмидесятыми годами прошлого столетия. Например, это относится к показателям производительности труда, энергоемкости, капиталоотдачи, продолжительности жизни и пр.

Таким образом, зависимость от более глубокого предшествующего исторического общинно-капиталистического развития прошлых столетий России дополнилась определенным историческим опытом поколений советского периода, который, в свою очередь, столкнулся в

противоречии с негативной практикой текущих преобразований на основе имплантированной рыночной идеологии ценностей Запада периода XVIII века. Собственно, такой «решительной» политики требует глобализация, которая пытается унифицировать мир-экономику, растворив национально-исторические особенности в неких «общих» культурно-экономических ценностях.

Но при сопоставлении ценностей систем «западной» американской и «восточной» — российской хозяйственной культуры оказывается, что они не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Безусловно, это создает не только условия для конфликтов в социально-экономических отношениях между различными слоями и классами общества, но и к размытости в массовом и индивидуальном сознании ориентиров и ценностей, которые крайне нужны для формирования общности страны как единого целого, а также для определения критериев мотивации и стимулов трудовой активности. По сути, сегодня исчерпал себя вульгарный тезис о том, что «сам хозяин» лучше знает, как стимулировать и влиять на работника для повышения активности последнего и для его творческой активности. Ведь как раз-таки различные формы и системы заработной платы, системы поощрения и стимулов были созданы в период поиска оптимальных партнерских отношений между капиталом и трудом как ведущих экономических феноменов. А частная собственность была здесь всего лишь как институциональная предпосылка, условие.

Таблица 1

Структура ценностей в западных и восточных культурах [5]

Приоритет ценностей	Западные культуры	Восточные культуры
Имеют первостепенное значение	Индивидуальность Иерархия власти Мужественность Деньги Пунктуальность Первенство, активность Уважение к молодежи Национальность Человеческое достоинство Эффективность и качество работы	Материнство (женственность) Иерархия власти Мощь государства Мир Скромность Коллективизм Уважение к старшим Гостеприимство Сохранение среды Национальность Святость пахотной

	Религия Образование Непосредственность	земли Патриотизм Авторитаризм
Ценности второго уровня	Материнство Патриотизм Авторитаризм	Уважение к молодежи Равенство женщин Человеческое достоинство Образование Самовыражение
Ценности третьего уровня	Мощь государства Мир Сохранение среды	Индивидуальность Деньги (богатство) Пунктуальность Активность Эффективность и качество работы

Причины отличий ментальных свойств двух хозяйственных культур самые разные и мы не ставим задачу их раскрытия. Скорее всего, религиозный и территориальный аспекты здесь являются доминирующими. Но мы хотим обратить внимание на то, что в русской традиции коллективно-общинные, хозяйственно-культурные свойства является доминирующими *(табл. 1 и 2)*. Русский воспринимает мир не из индивидуально-эгоистического, а из коллективно-общинного, что отражено и в народном эпосе, пословицах и поговорках: «Все от Бога», «Ваша воля – наша доля», «Что ни делается — все к лучшему», «Живи, ни о чем не тужи, проживешь — авось еще наживешь», «Беден, да честен», «Заработанный ломоть лучше краденого каравая» и др. Русские ценности представляют собой ценности самодостаточного зрелого народа, который спокойно относится к достижениям других и особенно к материальному богатству. По крайне мере, история не знает ни одной войны, которую бы навязал русский народ, стремясь к материальному богатству. А ведь война это тоже весьма специфическая форма перераспределения богатства.

Конечно, ценности и приоритеты с течением времени и под воздействием различных обстоятельств изменяются. Но ментальные свойства изменяются крайне медленно. В 1995 г. социологи провели исследование по методике США. Результаты, зафиксированные в *таблице 2,* показали, что ценности россиян к текущему моменту изменяются, сочетая в себе ценности традиционные и привнесенные современными событиями. В качестве приоритетных остались значимость мира, влияние культуры, гостеприимство, оценка

значимости государства, уважение к старшим, патриотизм, святость пахотной земли. Изменилось положение ценности коллективной ответственности, переместившись из значимости первостепенной в разряд ценностей третьего уровня. Однако началось больше цениться и человеческое достоинство, эффективность работы, пунктуальность, личный успех и пр. Денежный успех однозначно не отождествляется успехом личным вообще. Что касается данной ценности, то ее значение неодинаково для европейской культуры хозяйствования и американской. Например, и там и там «деньги имеют значение». Но если для европейцев деньги имеют важное значение для достижения более широкой стратегии — человеческой жизни и достижения жизненных целей и установок, то для американской общности деньги имеют значение ради оценки жизненного успеха, который выражается в деньгах [6].

В русской ментальности нет агрессивности и стремления к глобальной жесткой имперскости. Их имперскость определяется тем пространством и временем, которые гарантируют элементарную выживаемость и стремление к воле. Не к свободе в традиционном западном оформлении, а к воле, которая ассоциируется где-то с отношением не нарушить и чужую свободу.

Недавно проведенные исследования по Беларуси позволили сделать, по крайней мере, несколько выводов. *Первое.* Ментальность является исторической памятью, «программным кодом», определяющим основные установки, стереотипы и инстинкты поведения как населения страны в целом, так и политической элиты. И именно эти свойства лежат в основе хозяйственной деятельности и ее особенностях политики реформ в различных странах. Это означает, что вопросы влияния неформальных институтов на проведение стратегии рыночной реформы в наших странах сильно недоучитываются в политике реформ. *Второе.* Противоречие ментальных свойств и формальных институтов является основным противоречием современной рыночной реформы. Речь идет о том, что политико-правовые институты, которые, как правило, импортируют из-за рубежа, не являются адекватными для реализации внутренних интересов и мотивов различных социальных групп и классов. Не проводится «селекция и выращивание» тех институциональных норм, вытекающих из внутренних исторических традиций и отношений стран, получивших формальную независимость, но испытывающих проблему реального национального политико-экономического самоопределения. *Третье.* Конкретно проведенное исследование по показателям дистанция власти, индивидуализм/коллективизм,

избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, маскулинность/фемининность показывает на их статичность в Беларуси, хотя уже реформа длится около трех десятков лет. Итогом этого является крайне скромная результативность проводимых современных рыночных преобразований.

Таблица 2

Структура ценностей россиян [7]

Приоритет ценностей	Ценности	% от числа опрошен-ных
Ценности первостепенной важности	Человеческое достоинство	83.1
	Мир	76.7
	Эффективность работы	63.6
	Сохранение среды	64.8
	Индивидуальность, личный успех	57.2
	Гостеприимство	48.7
	Материнство	57.2
	Пунктуальность	50.0
	Образование	43.6
	Активность, настойчивость	42.5
	Мужественность	36.4
	Мощь государства	36.0
	Патриотизм	31.8
	Святость пахотной земли	32.3
Ценности второстепенной важности	Богатство	19.9
	Равенство женщин	23.3
	Первенство	15.3
Ценности третьего уровня	Религия	20.3
	Коллективная ответственность	15.7
	Иерархия власти	13.1

Четвертое. Для Республики Беларусь характерно выше среднего (можно сказать умеренный) уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма. Согласно данной методике Республика Беларусь занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, немного ближе к Востоку. Эти показатели незначительно отклоняются от показателей ментальных свойств российских граждан *(рис. 1)*, что делает возможным интеграционных процессов осуществлять более эффективно и непротиворечиво. Другие методики,

(например, методика Тромпенаарса) позволяет определить экономическую ментальность в динамике: универсализм vs. партикуляризм, специфичность vs. диффузность, индивидуализм vs. коммунитарность, достигнутое vs. предопределенное, последовательность vs. синхронность, внешний контроль vs. внутренний контроль (я и окружение), аффективность vs. нейтральность. Согласно данной методике Республика Беларусь и Россия также находятся между Западом и Востоком, ближе к нерыночному менталитету. Также осталось нерыночное отношение к собственности: люди рассматривают отношение к собственности в первую очередь с позиции потребления, а не получения денежного дохода. Что касается оценки мотивов людей, то здесь также противоречивая ситуация. За последние десятилетия отмечается позитивный сдвиг, в таких фундаментальных мотивах людей, как правопослушание, риск, любознательность, традиционализм и т. д. в сторону рынка. В ряде других мотивов — тяга к независимости, чувство защищенности, мотивов поведения «проголосовала» не в пользу рынка. Следует сделать вывод, что хозяйственная культура белорусов и россиян, в принципе, допускает освоение модели «рыночного хозяйства», но только не в классической «западной» версии.

Действительно, здесь есть собственные «социально-институциональные накопления», отличные от других стран и народностей. И в этом нет никакого противоречия исторического развития — собственный велосипед истории надо изобретать.

Оценка некоторых ментальных свойств ряда стран также показывает возможности эффективных интеграционных процессов. Вполне логичными являются выводы относительно того, страны, у которых будут незначительные отклонения по этим показателям, будут осуществлять свои интеграционные процессы более эффективно.

Конечно, график, помещенный снизу, не указывает на разночтения ментального поведения «политических элит». Как показывает мировой опыт, понятие «державности» и «государственного интереса», к сожалению, во многих странах не являются признаками, которые так необходимы национальным политическим элитам.

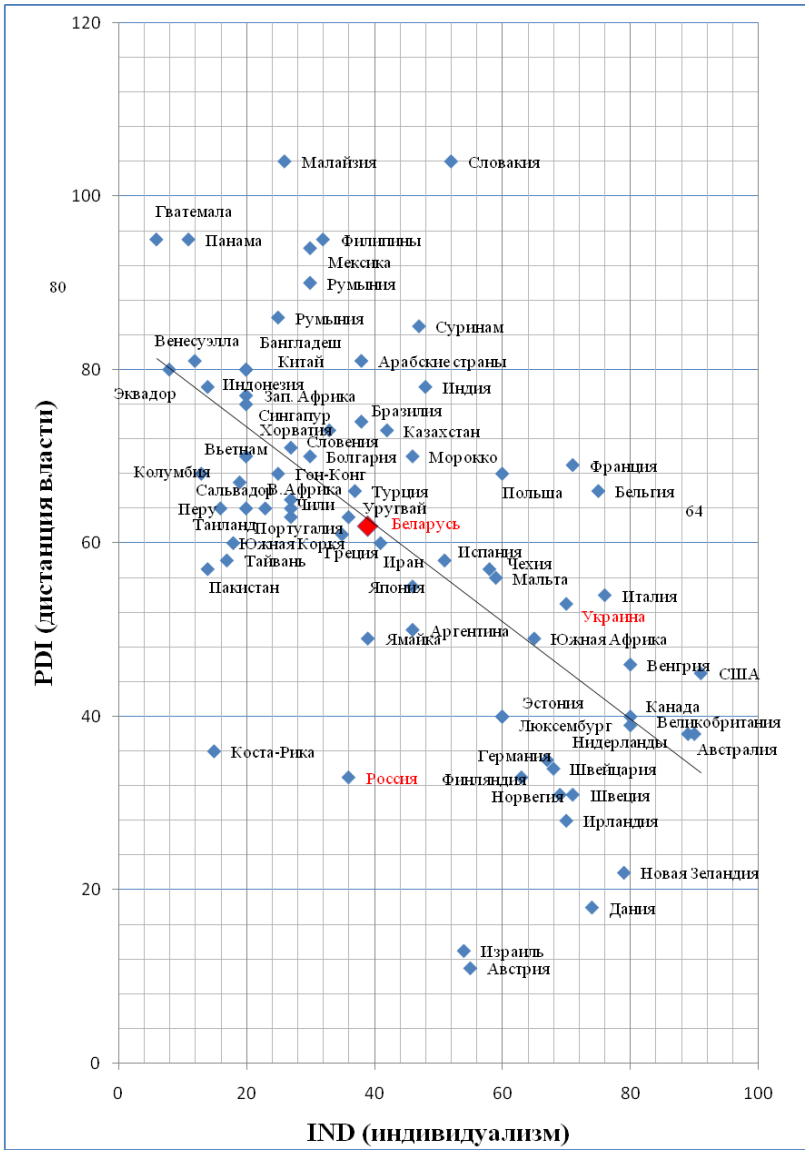


Рис. 1. Корреляционное поле стран по признакам индивидуализма и дистанции власти [8]

Литература

1. *Лемещенко П.С., Сидорова А.М.* Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Мн.: Мисанта, 2013. — 112 с.
2. *Ключевский, В.О.* Собрание сочинений: в 9 томах. Москва: «Мысль», 1987—1990. Т. 1: Курс русской истории.
3. *Кукоба О.А.* Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. гуманитарные наук. — 2004, № 2.
4. *Бердяев, Н.А.* Судьба России [Электронный ресурс]. — Гл. 1. Психология русского народа. Душа России. Режим доступа: http://www.lib.eparhia saratov.ru/books/02b/berdiaev/berdiaev1/berdiaev1. pdf. Дата доступа: 06.12.2013. С. 100—112; 75. С. 5—26; Розов, Н.С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика / Н.С. Розов // Мир России. 2011, № 1.
5. *Каган М.С.* Философская теория ценностей. СПб, 1997.
6. *Альбер М.* Капитализм против капитализма / М. Альбер. СПб.: Эконом.школа, 1998. — 296 с.
7. *Крокинская О.К.* О различии ценностных систем разных культур // Петербуржцы (Этносоциальные аспекты массового сознания). Социологические очерки. СПб, 1995.
8. *Сидорова А.М.* Экономическая ментальность как субстанция развития интеграционных процессов стран таможенного союза / Дис. маг. экон. наук. — научн. рук. проф. П.С. Лемещенко. — Мн.: БГУ, 2014. — 128 с.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Национальное хозяйство как формационно-цивилизационная система (к вопросу о макроконкурентоспособности национального хозяйства России в XXI веке)

Аннотация. Статья посвящена анализу национального хозяйства как единого целого, которое и должно быть предметом анализа конкурентоспособности национальной экономики. Речь идет о необходимости учета социокультурных факторов, которые уже давно учитываются крупнейшими корпорациями, например, США и Японии. Передовые компании Запада активно и успешно используют такие

неосязаемые факторы, как — культура производства, стиль управления, организационная философия и система ценностей фирмы.

Автор показывает, что на практике интересы корпоративной конкурентоспособности могут вступать в резкое противоречие с вопросами народнохозяйственной эффективности. Речь идет о противоречии между целями национальной экономики и всего национального хозяйства, взятого в целом. По сути, речь идет о выборе между двумя моделями национального хозяйства, основанными на либерализме и традиционализме.

Главный парадокс современной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности экономики России, заключается в том, что она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, а именно: стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом.

Ключевые слова: национальная экономика, конкурентоспособность, социокультурные факторы, либерализм, традиционализм, культура производства, стиль управления, организационная философия, ценности фирмы.

Abstract. This article analyzes the national economy, which should be the subject of analysis of competitiveness of the national economy as a whole. It is the need to integrate socio-cultural factors that have long been counted by major corporations, such as the U.S. and Japan. Advanced Western companies actively and successfully used such intangible factors as — corporate culture, management style, organizational philosophy and values of the company.

The author shows that in practice the interests of corporate competitiveness may come into sharp conflict with economic efficiency issues. It is the contradiction between the goals of the sectoral national economy and the entire national economy, taken as a whole. In fact, it is a choice between two models of the national economy based on liberalism and traditionalism.

The main paradox of modern politics, aimed at improving metacompetitiveness of Russian economy is that it their methods in principle exclude achieving its objective, namely, — the desire to increase national competitiveness liberal-market funds simultaneously undermines the economic and national security whole.

Keywords: national economy, competitiveness, socio-cultural factors, liberalism, traditionalism, culture production, management style, organizational philosophy, value of the firm.

Очередной международный экономический форум в Санкт-Петербурге (май 2014 года) прошел под лозунгом «Новая конкурентоспособность: альтернативы и перспективы». Парадоксально при этом то, что, обсуждая проблемы модернизации и повышения конкурентоспособности российской экономики, указывая на необходимость новых подходов к экономической политике, поиска источников «новой конкурентоспособности», практически никто из представителей правительства и т. н. *проправительственной* экономической науки **не высказал никаких новых подходов** [1]. Со всех сторон только и слышны разговоры, что об инвестициях, о привлечении иностранного капитала, об и инновациях, и новых технологиях как основе модернизации экономики и страны. Никто на форуме и слова не сказал о «новой конкурентоспособности» как **конкурентоспособности всего национального хозяйства**, как **его способности к выживанию в условиях геополитических и цивилизационных вызовов**.

1. Социокультурные критерии конкурентоспособности частных корпораций (опыт США и Японии)

Деньги, инвестиции и технологии наши либералы по-прежнему рассматриваются в качестве ключевых — неких фундаментальных факторов экономического развития и роста конкурентоспособности экономики России. Однако данный подход уже давно подвергается сомнению, причем в самих США. Так, например, согласно исследованиям, проведенными учеными-управленцами: только 20 % повышения производительности труда в США зависят от денег, новых инвестиций и технологий [2, 135]**.**

В условиях современного производства многократно возросла роль управления, управленческой культуры и управленческой философии. Объясняя необходимость перехода к новому мышлению в управлении производством, американские ученые Эрнст Хьюдж и Элан Андерсон указывали в своем исследовании, проведенном в середине 80-х гг., на необходимость использования в системе управления компаниями таких неосязаемых факторов, как «*культура производства, стиль управления, организационная философия и система ценностей фирмы».* Они подчеркивали, что «*все эти на первый взгляд неосязаемые факторы в конечном счете материализуются в конкретные показатели хозяйственной деятельности. Общая цель объединяет людей, вносит смысл и придает целенаправленность их усилиям, дает основополагающее начало в процессе выработки управленческих решений*» [3, 52—53]. Новый подход делал главный акцент на *изменениях в культуре и климате организации,* помогая

новым работникам быстро «вписаться» в организацию, идентифицируя себя с коллективом, его целями и ценностями.

Специалист по вопросам управления Р. Уотермен считает, что «серьезнейшим препятствием на пути перемен и обновления служит позиция мы/они, которая ведет к расколу организации. Подход мы/они распространен повсеместно. Самый очевидный пример — противостояние рабочих и администрации. Затем можно назвать классический пример между линейными и функциональными руководителями. Сбыт и производство… Общей чертой такого рода раскола является утрата связей. Доверие исчезает — или же так никогда и не возникает. В результате организация попадает в тупик» [4, 207].

Для преодоления барьеров мы/они американские и другие западные компании стремятся преодолеть конфронтацию между администрацией и работниками предприятий. Для этого практикуются различные формы коллективной работы и так называемый «групповой динамизм», при котором весь коллектив посвящается во все основные дела и проблемы компании и подключается к их решению. Причем, это экономически стимулируется.

Принцип узкой специализации каждого из работников заменяется подходом, при котором группа рабочих универсальной квалификации несет полную ответственность за определенный участок работы. Она отвечает за качество, экономию ресурсов, привлечение новых специалистов, подготовку персонала — т. е. за весьма широкий набор видов деятельности.

Такой групповой подход получил в последние годы довольно широкое распространение в США. Так, проведенное в 1986 г. обследование **1600** компаний показало, что более 8 % из них использовали различного типа самоуправленческие структуры. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что групповой подход к организации работ приносит значительный экономический эффект и позволяет повысить производительность от 60 до 600 % [2, 247]. Очень показателен в этом контексте американо-японский проект «Сатурн» (завод «Сатурн» компании «Дженерал моторс» в Спрингфилде, штат Тенесси). Это была новая организационная модель, полностью основанная на системе производственного самоуправления: завод получил оперативную самостоятельность, его работники были переведены на оклад, составляющий 80 % суммы, обычно получаемой членами профсоюза на других предприятиях компании, а остальные 20 % они стали зарабатывать в зависимости от своего вклада в прибыль компании, участвуя в его коллективном управлении [2, 219—220].

Японские ученые-управленцы выводят организационную структуру компании и принципы ее управленческой философии из общенациональной культуры. При таком подходе управленческая культура и хозяйственная этика рассматриваются как производные фундаментальных духовных ценностей, лежащих в основе культуры нации. Управление предприятиями (объединениями) здесь строится, исходя из общей предпосылки их целостности, а также народнохозяйственной интегративности. Именно в этом заключается принципиальное различие американского и японского менеджмента.

Итак, все *упирается в* единство, а оно создается единством целей, интересов и ценностей. В теории национальной экономики и национального хозяйства известно, что, что «**игнорирование принципа социокультурной интегративности** (народно-хозяйственного подхода) **приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества**. При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведет к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу» **[**5, 105**].**

2. Противоречие двух моделей макроконкурентоспособности: частная конкурентоспособность против народнохозяйственной эффективности

Речь идет о выборе между двумя моделями национального хозяйства, основанными на либерализме и традиционализме. Суть проблемы выбора в том, что эти модели имеют разные цели. Говоря об этой проблеме, М.И. Гельвановский подчеркивает, что попытка совместить несовместимое — либерализм и традиционализм, хрематистику и домостроительство — неизбежно приводит к — «обескураживающему противоречию: задача выстроить крепкий дом — национальное хозяйство — входит в противоречие с задачей каждого субъекта рынка получить максимальную прибыль, т. е. накопить богатство» [6, 132].

Как известно, либеральная доктрина не проводит различие между национальной экономикой и национальным хозяйством, рассматривая все хозяйство страны сквозь призму коммерческих интересов. Национальная экономика здесь выстраивается снизу вверх, поглощая практически все сферы хозяйствования, стремясь подчинить их интересам рынка, рассматривая все сферы общества как сферы

вложения капитала. Очевидно, что при таком подходе главным критерием эффективности функционирования всех сфер национального хозяйства становится норма прибыли, уровень рентабельности вложения капиталов.

Главная цель либерально-рыночной модели хозяйства сводится в конечном итоге к потребительству и накоплению товарно-денежных ценностей. Однако главная цель национального хозяйства, основанного на традиционных ценностях, безусловно, стоит выше «потребительного производства» (К. Маркс). Национальное хозяйство здесь сливается с общегосударственной стратегией национального развития, с общенациональными целями и фундаментальными ценностями данной локальной цивилизации, превращаясь неизбежно в механизм реализации этих общенациональных целей и ценностей.

Очень показателен пример Японии. Япония, например, *смогла* устоять после поражения во Второй мировой войне, а затем и вырваться вперед. Но это потребовало мобилизации и сплочения всех сил нации, потребовало жесткого подчинения экономических интересов абсолютно всех хозяйствующих субъектов — интересам всего общества. Перед лицом внешних цивилизационных и геополитических угроз и вызовов Япония смогла сплотиться, создав модель мобилизационной экономики и мобилизационного хозяйства, подчиненного общенациональным задачам. Хозяйство страны превратилось в механизм воспроизводства всего японского общества и японской нации.

Прошу обратить внимание читателей на следующий факт: условия, в которых оказалась Япония после 1945, а Россия после 1991 года — почти полностью совпадают: 1) обе страны оказались в состоянии фактической американской оккупации; 2) экономика обеих стран находилась в состоянии разрухи и полнейшей дезорганизации, а национальное хозяйство как такое было разрушено; 3) оба общества в целом (японское после 1945, а русское после 1991) находились под сильным американским контролем; 4) в конечном итоге обе цивилизации (и русская, и японская) были поставлены, хотя и в разных исторических условиях, но по сути перед одинаковой проблемой: *проблемой выживания нации.*

Таким образом, модель экономики и национального хозяйства России это — есть путь мобилизации всех духовных сил нации всех угрозой подрыва и уничтожения самих основ ее жизнедеятельности. Мы все, наконец, должны осознать, что решающей движущей силой общенационального хозяйственного развития являются — *духовные силы* нации, состоящие из духовных ценностей и духовных сил самого человека, его духа, всегда производного от ***духа нации.***

Не менее показателен опыт советской экономики. Так, например, данные сравнительного анализа, проведенного учеными за 1985—1986 гг. по Японии, США, Англии, ФРГ, Франции и СССР, подтверждают тезис о том, что условия открытой рыночной экономики подрывают живучесть национального хозяйства, а значит и его способность быть макроконкурентоспособным, то есть противостоять эффективно и в интересах всего национального хозяйства — иностранной конкуренции. Очевидно, что уровень безопасности «экономического пространства» страны будет тем выше, чем выше степень защищенности национального хозяйства и его рынка от иностранной конкуренции [7, 65—66].

Итак, результаты анализа были представлены в виде таблицы компонентов показателя и индекса «национальной силы» государства в процентах. Показатель одной из стран принимался за 100 %. В соответствии с выводами ученых, способность к выживанию СССР была самой высокой в группе указанных стран и составила 119 %, что было выше, чем у США (100 %), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других стран. «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны [8, 878—879].

Отвечая на вопрос, что обеспечивало *высокую* способность к выживанию СССР, мы тем самым получим ответ и на другой интересующий нас вопрос, а именно: к*акие принципы необходимо положить в основу народнохозяйственной модели современной России*. Известно, что модель народного хозяйства СССР была основана на принципах — *целостности, интегративности, самодостаточности, хозяйственной автаркии и жесткой иерархии.*

Примечательно, что страны ЮВА (Япония, Ю. Корея, Тайвань и др)., например, имеют точно такой же тип экономики, основанный на жестком государственном управлении. Очевидно, что именно тип закрытой экономики способен обеспечить живучесть национальной экономики, ее конкурентоспособность и, соответственно, безопасность территории и её экономического пространства. Принципиальное значение здесь имеют все пять принципов: целостности, интегративности, иерархии, самодостаточности и автаркии.

По сути, речь идет сегодня о выборе между двумя моделями — речь идет о *выборе между открытостью и национальной безопасностью*. Сегодня примерно 40—70 и более процентов продуктов питания, ширпотреба, а также машин и оборудования —

импортируется. Условия открытой рыночной экономики подрывают живучесть НХ в целом, а значит, — угрожают и самой безопасности «экономического пространства» страны. Стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом. Так, например, Россия в 2009 году производила самостоятельно только 14 позиций из 84-х важнейших видов (номенклатуры) промышленной продукции [9, 611].

3. Национальная экономика и национальное хозяйство: противоречие интересов и целей

Мы должны отделять экономику от хозяйства и, соответственно, национальную экономику отделять от национального хозяйства в целом. Национальная экономика служит деньгам и рынку, подчиняясь законам рыночной эффективности, а национальное хозяйство в целом — служит всему обществу, обеспечивая его воспроизводство. Его критериями являются показатели социальной эффективности.

Цель хозяйства — обеспечение жизнедеятельности человека и его среды обитания. Соответственно, хозяйство включает в себя экономику, которая в нормальном, здоровом обществе должна служить всему обществу, обеспечивая его всеми необходимыми ресурсами.

Экономика — это частный случай хозяйства, она нацелена на производство денежного дохода. Если производство — это *процесс труда*, то хозяйство — это *процесс жизнедеятельности* [10, 350—354]. Если первое нацелено на создание продуктов труда и получение дохода, то второе — на производство жизни, на воспроизводство укладов и человеческого общества в целом. Соответственно, хозяйство как жизнедеятельный процесс предполагает следующие моменты: 1) *духовные силы* человека, 2) *организационно-институциональные формы* хозяйственного бытия, 3) *производительные организации,* т. е. конкретные хозяйственные формы производства, формы хозяйственных укладов.

Таким образом, национальное хозяйство — это, во-первых, сложная *формационно-цивилизационная система*, состоящая из совокупности 1) *формационных структур*, т.е. различных способов производства и хозяйственных укладов; 2) *цивилизационных структур* — административных учреждений, различных политических институтов, организационно-правовых форм предпринимательства и пр.

Во-вторых, это — *многоукладная система*, которая включает в себя *две ключевые сферы*: 1) *сферу рыночной экономики*, которая нацелена

на прибыль, на рыночную эффективность; 2) *сферу нерыночного хозяйствования* (социальная сфера, фундаментальная наука, инфраструктурные отрасли национального хозяйства, включая ЛЭП, дорожное хозяйство, лесное хозяйство, ЖКХ и др.). В основе модели национального хозяйства лежит цивилизационный подход, который равнозначен взгляду на общество с позиций традиционализма. В рамках традиционного общества сложившиеся уклады — это, прежде всего, *образы жизни* и формы *бытия*, формы национальной *жизнедеятельности* части народа в данной стране. А многоукладность предоставляет его различным группам возможность самим выбирать наиболее подходящий для них уклад жизни. *В этом и есть суть народной демократии*.

В-третьих, национальное хозяйство — это основа воспроизводства социальной среды обитания человек, а значит и воспроизводства всего общества в целом. Подчеркну особо: воспроизводство всего общества в целом происходит в сфере нерыночного хозяйствования и прежде всего в социальной сфере. *Экономика ответственна за производство и поставку обществу материальных ресурсов*, а сфера нерыночного хозяйства (социальная сфера, наука, инфраструктура, включая ЖКХ и жилищное строительство) — отвечает уже за воспроизводство человека, социальной среды обитания, всего общества в целом.

В-четвертых, национальное хозяйство, являясь основой воспроизводство всего общества, — ответственно за воспроизводство национальной культуры и человека, общества и цивилизации. Нации и цивилизации гибнут не от хозяйственной разрухи как таковой. Они гибнут только тогда, когда разрушается духовный стержень нации, когда — *размягчаются национальные устои.* И это происходит не тогда, когда останавливаются заводы и наступает хозяйственный кризис, а только тогда, когда — прекращается духовное производство, когда — *останавливается пассионарный пульс нации.* А за этим уже неизбежно наступает — смерть нации.

Принципиально важно понимать, что с*истемообразующие ценности* цивилизации являются сквозными, организуя общество. Принципы *жизнедеятельности* любой данной цивилизации (как способа жизнедеятельности) являются производными от базисных — с*истемообразующих ценностей* цивилизации, известных как культурное ядро. В свою очередь *организационные принципы,* лежащие в основе движения всех звеньев общества, включая и бизнес — управление корпорациями, — формируются ценностями и принципами данной цивилизационной системы. Россия это страна-цивилизация. Соответственно, что вся система организационных

отношений и принципов здесь, как и в любой другой цивилизации, должна формироваться и развиваться на основе культурного ядра, лежащего в основе национальной культуры русской Евразии. Согласно тектологии, *организационные отношения идентичны культуре своей среды*. Это означает, что *работающие принципы*, определяющие институциональный механизм функционирования национальной экономики и национального хозяйства, *определяются принципами социокультурной системы*.

Отсюда следует, что **структурное единство и иерархическая зависимость организационных отношений и принципов экономики от ценностей и принципов цивилизации как способа жизнедеятельности является важнейшим законом формационно-цивизационного развития любого данного общества.**

Поскольку содержание любого социального закона проявляется в системе работающих принципов, постольку, говоря о зависимости принципов экономической системы от социокультурных принципов, мы тем самым утверждаем, что обществом управляют нравственные законы. Выполняя функцию морального ориентира, они воздействуют на общественное сознание, принуждая людей к соблюдению норм нравственности и морали, опираясь при этом на силу морального авторитета и общественного мнения.

4. Базовые ценности, культура и стратегическое управление национальным хозяйством

Провал либеральных реформ в постсоветской России был предопределен изначально: самим выбором модели «догоняющей вестернизации», изжившей себя исторически и неадекватной социокультурному и цивилизационному генотипу России. Они были отвергнуты на уровне культуры. Анализ динамики формационно-цивилизационного развития дает нам ответ на вопрос, почему именно *после войны* в Японии усилилось внимание к своему «феодальному наследию». Цивилизацию создает борьба за ее существование. О. Шпенглер верно заметил, что цивилизации рождаются и живут в борьбе за утверждение своих фундаментальных ценностей, и эта борьба — «*есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение* ***идеи*** *против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности*, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы» [11, 184].

В цивилизациях, созданных культурой одной великой страны, данная борьба неизбежно превращается в общенациональную борьбу — за выживание всей нации. Как подчеркивает М.И. Гельвановский, «макроконкурентоспособность — это

способность к историческому соревнованию стран-конкурентов», что «сама мировая история — это процесс непрерывной конкурентной борьбы наций» [12].

Повторим еще раз — **все упирается в единство** национального хозяйства. Сегодня мы уже почти досконально знаем, какие механизмы его разрушают. А знаем ли мы, что создает единство, что способно вновь превратить государство в общее дело всего народа? Излишне напоминать, что ответ на этот вопрос имеет для нас сугубо практическое значение, будучи напрямую связан с жизнедеятельностью всего нашего государства, общества и его народного хозяйства.

Главный парадокс современной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности экономики России, заключается в том, что она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, а именно: стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом.

Сделаем краткие выводы:

1. Национальная конкурентоспособность далеко не равнозначна рыночной конкурентоспособности. Для того чтобы уцелеть в глобальной конкурентной борьбе мы должны от модели частной конкуренции (где каждый сам за себя, а государство — также само по себе) — перейти к модели **макроконкурентоспособности всего национального хозяйства** — как его способности к выживанию в условиях современных геополитических вызовов, равнозначных объявлению войне. А для этого мы должны уже рассматривать не просто модель национальной экономики. В центре нашего анализа и внимания должно быть все национальное хозяйство. Экономика не может развиваться на основе привнесенных извне принципов, не может быть чужеродной по отношению к цивилизации. В основе национальной модели должны лежать ценности и принципы, сформировавшие **национальную культуру русской Евразии, России как страны-цивилизации.**

2. Общество и все его звенья, включая и бизнес динамично развиваются только в том случае, если ценности и принципы жизнедеятельности (цивилизации) формируют организационные принципы, то есть работающие принципы экономики, бизнеса и всего национального хозяйства. Напомню, что структурное единство и иерархическая зависимость организационных отношений и принципов

экономики от ценностей и принципов цивилизации как способа жизнедеятельности является важнейшим законом формационно-цивизационного развития любого данного общества.

3. Россия — это страна-цивилизация, это русская Евразия является коллективистской северо-восточной страной, принципы жизнедеятельности многонационального, а точнее — суперэтнического народа (180 этносов) определяются культурой и традициями трех великих восточных религий: православия как восточного христианства, ислама и буддизма, укоренённых в русской культуре и русской истории, ставших — русским православием, русским исламом и русским буддизмом. Добавим к этому, что многонациональная культура народов нашей страны является абсолютно восточной, произрастая из трех величайших источников восточной религиозной культуры — восточного христианства (православия), ислама и буддизма.

Именно эти религии и их культура сформировали наш многонациональный северо-восточный народ, слившийся исторически в одну неразрывную суперэтническую общность, известную в мире как — русский народ. А культура нашего многонационального народа, живущего в русской Евразии, является *русской* культурой — по своему происхождению; язык и литература, отражающие эту культуру, являются *русскими*.

Итак, русско-евразийская цивилизация (русская Евразия) сформировалась как способ и образ жизнедеятельности, определяемый религиозно-нравственными ценностями *русского* православия, *русского* ислама и *русского* буддизма. При этом Бог управил все так, что, различаясь между собой конфессионально и этнически, все мы живем и хозяйствуем практически на основе одних и тех же морально-этических принципах и ценностях, которые формируют жизнедеятельность нашего многонационального (суперэтнического, наднационального) народа, а именно: общественная иерархия и взаимозависимость, общинность и коллективизм, справедливость и солидарность, общественный долг и служение, нестяжательство, честь и достоинство.

Литература

1. http://www.forumspb.com/ru/2014/sections/30/materials/229/sessions/763#keyfacts.

2. *Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. — М.: Экономика, 1991.

3. Новое мышление в управлении производством. Реферат книги: Хьюдж Э., Андерсон А. Дух превосходного производства. Пособие по формированию нового мышления у руководителей. Нью-Йорк: Доу Джонс Ирвинг, 1988 [Ernest C. Huge, Alan D. Anderson. The Spirit of Manufacturing Excellence. An Executive's Guide to the New Mind Set. The Dow Jones-Irrin, 1988] // Как добиться успеха: Практ. советы деловым людям/Под общ. ред. В.Е. Хруцкого. М.: Политиздат, 1991.

4. *Уотермен Р.* Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. /Пер с англ. М.: Прогресс, 1988.

5. *Олейников А.А.* Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): дисс… доктора эконом. наук (спец. 08.00.01-экономическая теории). — М.: Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. — С. 105.

6. *Гельвановский М.И.*. Философия хозяйства и конкурентоспособность. — Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юристь, 2002. — С. 132.

7. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности // Вопросы экономики. — 2001, № 8.

8. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 611.

9. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 ч. М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 611.

10. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства. В 2-х книгах. — М.: Юристь, 2001.

11. *Шпенглер О.* Закат Европы. — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998.

12. *Гельвановский М.И.* Национально-государственная стратегия конкурентоспособности России: методологические аспекты. — Доклад директора Национального института развития М.И. Гельвановского на заседании Отделения общественных наук РАН Институт экономики РАН // http:// HYPERLINK "http://www.hse.ru/ic5/65.pdf" /

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Россия и абсолютный субъект истории

Аннотация. Статья посвящается анализу сути субъекта истории как активного носителя сознания, мысли, воли, языка; поднимается проблема роли и функции абсолютного субъекта истории, способного решить проблему спасения человечества от исчезновения; подчеркивается необходимость обновления всех форм вековой мудрости — перехода философии в софиасофию, способную изменить картину мира.

Ключевые слова: субъект истории, Россия, софиасофия.

Abstract. The articles contains analysis of the nature of a historical individual as an a active carrier of perception, thought, will, and language; the article raises an issue of the role and function of an absolute historical individual, who is able to address the challenge of human rescue from extinction; the stress is laid on the need for updating all forms of age-long wisdom by evolution of Philosophy into "Sophiasophia", which has the capacity to change the world.

Keywords: historical individual, Russia, Sophiasophia.

Проблема абсолютного субъекта становится центром философского обсуждения и размышления в судьбоносные и эсхатологические времена страны, народа, когда они решают не просто свои текущие частные, конкретные, хотя и необходимые дела, а когда они начинают мыслить и действовать как единое целостное существо, исполняющее свою миссию, свое назначение, оправдывающее их эмпирическое бытие. Идея абсолютного субъекта рождается не из декартовской субъектно-объектной гносеологии, а из онтологии этого эсхатологического периода. Эта тема является всегда чрезвычайно новой и чрезвычайно опасной, ибо в ней мы приближаемся к источнику, в котором зарождаются социальные бури, молнии, катастрофы изменяющие ход и качество времени, динамики и самих людей.

В абсолютном субъекте мыслит, сознает, решает и действует вечность, принуждая все эмпирические, временные задачи отодвинуть в сторону и подчинить движение страны, умы и дела людей императиву этой трансцендентной воли. Но абсолютный субъект, исполняя проективные императивы вечности, в то же время вырабатывает, созидает, углубляет, уточняет и утверждает свою идентичность («А=А»); развиваясь «в-себе-и-для-себя», он движется к своему творческому ядру, к своему проективному центру, выявляя

свои внутренние и внешне земные формы, свою независимость и самодостаточность.

После возвращения Крыма Россия продолжает свой исторический путь в качестве абсолютного субъекта, исполняя трансцендентный проект своего бытия, творя вечные события для мира вечности и в то же время двигаясь к самой себе, к центру русского мира и русскости. И даже правящая элита, бюрократия, занятая в обычные времена рутинной работой управления, коррупции, неожиданно поднимается над своими частными интересами и начинает работать по логике и смысловым приказам вечности. Поэтому возвращение Крыма есть не просто политическое деяние. Нет, милостивые государи! Это акт абсолютного субъекта, волевой акт вечности. Россия это сделала, потому что не могла этого не сделать, ибо такова воля вечности — часть целого должна быть в составе *Своего* целого.

Краткое разъяснение сути субъекта вообще, абсолютного субъекта и его роли в делах мире сего.

Субъект есть активный носитель сознания, мысли, воли, языка и практических форм жизнедеятельности, творец и хранитель смыслового мира человека, его ценностей. Субъект есть «самость», самодействующее, самоопределяющее и самообусловливающее себя бытие, источник и движущая сила реальности. Субъектом может быть индивид, группа, партия, государство, народ, союзы государств, все человечество. Но внутри обычного субъекта, занятого эмпирическими делами и заботами, таится и живет абсолютный субъект, который действует по императивам миротворных инициатив, создающих новое бытие, новую реальность, новое сознание для новых людей. Абсолютный субъект создает новые типы развития, новые миры, преображает само развитие, выступая как самодействующее и самодостаточное трансцендентное начало, как «перводвигатель» жизненного мира. Абсолютный субъект изменяет и устанавливает границы сущего, создает всеобщие стратегические проекты жизненных влечений народов и стран. И самое главное — абсолютный субъект хранит творческие потенции сознания и мысли, слова и воли, знания и понимания. Абсолютный субъект имеет глубокую идейную обоснованность, резонируя с острыми гранями метафизических смысловых структур; он свободен от законов, которые правят устроением внутренних пропорций сущего. Поэтому он находится в ведении Софии Премудрости Божьей, которая посредством Логоса, логики, воображения и лектонов отчасти реализуется человеческим любомудрием во всех сферах исторического и социального бытия.

Но самая важная роль и функция абсолютного субъекта заключается в том, что именно он может решить и решает проблему спасения человека от исчезновения. Что означает мир, полностью и наглухо запертый в сфере потребительской суеты, закрытый от смысловых дождей небес? Это — мир без возможности спасения? Это среда, где вообще нет Традиции, Бога, Природы, Мысли; даже следы их исчезли. А ночь становится настолько плотной, что человек вообще отвыкает от света, забывает о нем. В таком мире, где нет еще выхода, как нет уже и входа, внезапно вспыхивает свет абсолютного субъекта, радикально не приемлющего самого факта безальтернативной онтологии, обрекающей человека на потребительское «бытие-к-смерти». Гераклит говорил, что «человек в ночи зажигает себе свет», потому что мир больше не дает ему света. Но это не природный свет, это свет абсолютного субъекта, побуждающий эмпирическую Россию на абсолютные дела.

Но если абсолютный субъект отбрасывает, отменяет данную антижизненную реальность, то, что собой представляет утверждаемая им реальность? Евангелист Марк утверждает: «И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни» (Марк 13. 20)

Но здесь встает вопрос метафизики экзистенциальных смыслов. Как спастись, когда двери спасения закрыты? Милостивый Бог посылает в исключительно негативные, в адские и апокалипсические исторические условия ангела абсолютной мудрости — Софию. Для нас важно сейчас, что такие условия, при которых сама по себе «не спаслась бы никакая плоть», исторически чаще всего повторяются в России, которой суждено вершить тяжелое неземное дело абсолютного субъекта. Почти непрерывный опыт адского существования России в посреди хаоса ничто пробуждает, активирует и ее антиадские силы во главе с абсолютным субъектом, который работает на границах материи и в контакте со смыслами софийного духа.

И вот сегодня после реакции «мирового сбродчества» на возвращение Крыма России снова приходится играть экзистенциально-историческую роль абсолютного субъекта, реализуя тайную трансцендентную идентичность своего «перводвигателя».

Эта задача требует радикального изменения и обновления конкретно-эмпирического, хозяйственного, социокультурного, образовательного, военного и духовного облика России. Требуется переход от России «в себе» к целостной, органической России, идущей

через все мировые преграды в свое родное «Инобытие»,[2] где куется, свершается будущее. Инобытие — это не Ад, не Рай, не Чистилище, не Царство Божье, не порядок Антихриста, а некая ведомо-неведомая сакральная норма устроения социального бытия. Все известные формы организации социума человечество не приемлет, стремясь найти то подлинное жизненное устроение, которое преобразит вражду племен, вражду человека с самим собой, со своим внутренним и скрытым первородным зверем. Эту сакральную норму особенно остро чувствует Россия, становясь на стезю абсолютного субъекта ради ее достижения. Есть вертикальные и горизонтальные движения и структуры, которые содержат норму в самих себе, но есть масса диагональных путей, среди которых норму нужно еще отыскать и закрепить в абсолютной мере. Не зря Россия пережила византийское, ордынское, западное, финикийское, государственное, глобалистское иго, совершив невозможное в противостоянии всем сильным мира сего и своей деструктивной Антироссии. Не случайно Россия не приняла крепостничество, капитализм, социализм, государственный этатизм, либерализм в качестве основы своего жизненного проекта. Россия ищет общественный миростой, который соответствовал бы императивному проекту абсолютного субъекта, скрыто живущего в ней и отвергающего в целом все несоответствующие ему проекты, хотя из всех нерусских проектов этот субъект внимательно отбирает отдельные части для своего проекта — Спасения. Так или иначе, Русь всегда знает об этом субъекте и его временах, внутренне призывая думать о нем, готовиться к его призывам. Ибо то, что постигается размышляющим умом России, стоит выше того, кто и что его постигает. Поэтому умом Россию и не понять; требуется целостное умозрение, охватывающее все времена в одной точке. А такое знание требует ориентации на софийные инициативы и смыслы правды непреложной, которая сама открывается пытливым и страдающим сердцам в роковые минуты России, идущей путем абсолютного

[2] Философия Иного есть смысловая формула «Русского Выхода» из данного мира и его неразрешимых проблем. Но выхода не в сакральный мир благодати (это решается не человеком), и не в мир деградации или тления (это решается безволием человека), а в мир нормального единения, единоречия власти и человека, хлеба и свободы, жизни и смысла, неба и земли, трансцендентности и реальности, вечности и бытия. Иное — меньше, чем вечное быте, но больше, чем преходящая вещественная жизнь. Иное — это нормообразующая, нормоохраняющая и нормосохраняющаяся основа бытия, жизни, удерживающая минимальное единство вечного и земного

субъекта к Иному в самой себе. А отсутствие крыльев есть унижение и аномалия.

Деяния в качестве абсолютного субъекта требует абсолютного обновления всех форм ее жизнедеятельности. Нужна, прежде всего, трансформация вековой мудрости — философии, в новый вид мудрости, которая сегодня заявляет о себе в качестве *софиасофии* (Ю.М. Осипов) в качестве метамудрости, в качестве мудрости самой мудрости, охватывающей в единой картине мира проект абсолютного спасения человечества, бездумно идущего в смартфонный рай блаженной эвтаназии.

В конкретно геополитическом плане софиасофия воспринимает жизненный мир человечества как истинную целостность, в которой каждый народ выступает и центром, и периметром, и субъектным радиусом, связывающим все центры между собой. Первый набросок софиасофской картины мира представила монадология Г. Лейбница, творчество которого неотделимо от исторической генеалогии русского сознания. Лейбниц разработал конкретный монизм и моноцентризм, в котором каждое отдельное бытие представляет в своих микропропорциях все мироздание. Но только в русской философии Вл. С. Соловьева софиасофия стала конкретным учением о всеединстве; этот принцип выступает как методологический аналог деяний Св. Троицы, требующей видеть место, роль и функции частей целого в их неотделимости от целого, но в тоже время и в их неслиянности с тотальностью целого. Софиасофия решает проклятую проблему свободы, подчиняя ее мудрости (пониманию) и превращая ее в орган (орудие) созидания общества как пестрого многообразие форм всеединства. Именно софиасофия всеединства является адекватным мировоззрением России в ее роли абсолютного субъекта, пронизывая всю ее жизнь смысловыми лучами софийных посланий.

Именно софиасофия служит идеологией абсолютной России, выступая в качестве философии хозяйства, которая несет разработанный вплоть до деталей проект перехода кризисогенной, исчезающей экономики, которая, трансформируется в непонятную и конспиративную постэкономику, в технолого-информационные структуры циркуляции жизненных благ. В философии хозяйства невидимые трансцендентные инициативы, идеи и смыслы становятся видимо-невидимой основой размыслительного сознания и принципами различных видов трудовой, социокультурной, организационно-управленческой и политической деятельности.

Философия хозяйства выдвигает на первый план основополагающую основу-категорию человеческого бытия — хозяйство, обогащая его всеми жизнесохранительными элементами

многовековой истории экономики. Рационально-смысловой опыт экономизма может быть сохранен только философией хозяйства. Посредством хозяйства человек реализует жажду своего творческого бытия, проект своей жизнедеятельности во всем ее позитиве и негативе, во всей ее нормальности и экстремальности, во всей ее земной, метафизической и смысловой полноте. Философия хозяйства — это духовно-практический организм абсолютной субъекта России, который она пока использует в самой малой мере. Сам факт возникновения и возрождения философии хозяйства после семидесятилетнего заточения свидетельствует о том, что вызвала ее к жизни агония экономики, перешедшей в режим перманентной мировой войны с сакральностью, с природой и человеком. На метафизической карте мира философия хозяйства представляет поднявшуюся с доисторических бездн истории первичную форму жизнеобеспечения, первое сознание, первое мышление, первую идею, первую социально-смысловую связь с Богом.

Русская мысль, признавая традиционное хозяйствование, опиралась на внеэкономическое отношение к экономике, к богатству и к бедности. Экономика — часть общества и жизни человека, а не общество и человек — части и слуги экономики. Экономика есть средство, а не цель. И главный продукт и товар, который должна приносить экономика — это вера, ибо будет вера чистой и сильной, будет и все остальное, а с ослаблением веры рухнет любое богатство. Выше и дороже веры, ведущей к спасению ничего нет. Экономика же стремится к богатству, оценивая веру деньгами. Хозяйство должно укреплять веру в Бога, углублять понимание божественного промысла, служить важным средством спасения. Экономика же пытается посредством смерти увеличить саму смерть, стать самовозрастающей смертью. Экономика выполняет не только функции жизни, но и функции смерти, вынуждающей после греха приносить ей постоянную дань. Поэтому русская мысль связывает постижение экономики и хозяйства с пониманием сути греха, приведшего к смерти. И если экономика не ведет к Спасению, то зачем «вкалывать», «копить», «прогрессировать»? Ведь дух личности превыше накопления богатств.

Важнейшим атрибутом абсолютного субъекта является имперский характер экономико-хозяйственной, трудовой, интеллектуальной деятельности людей. И эффективность имперской экономики определяется большими стратегическими проектами, инициативами, задачами, посредством которых абсолютный субъект может действовать в сфере производительных сил.

В империях общечеловеческое становится реальным, а национальное — общечеловеческим. Империя — это особый мир смыслов, ценностей, значений, проектов, посредством которых индивиды и народы прорываются в Большое Время вечности. Не властители и цари, а жрецы и священники, мифы и религии создают духовный космос империи. Империя — основная структурная единица истории, ибо именно империи накапливают смысловые, духовные энергии, которые служат творческими инициативами мироустроительных проектов. Экономические блага в империи имеют чувственно-сверхчувственный характер, причем, сакральный уровень является в них определяющим (Мать-Земля). Империи вырабатывают веротерпимость, в них субъектом экономики и хозяйства, системообразующим институтом служит власть. В составе абсолютного субъекта русская хозяйственно-экономическая мысль приобретает метаэкономический характер, а ее перводвигателем служат только стратегические дальносрочные, футуристические и утопистические социопрограммы и технопроекты, которые мобилизуют неутолимую жажду жизни. А экономика частной собственности не знает, что предложить человеку после насыщения; поэтому он разлагается и как субъект, и как индивид.

Методологией абсолютного субъекта-России может служить только триалектика и полилектика, преодолевающие воинственность и тоталитаризм диалектики в магически-сакральной формуле — мир, все в мире, каждое бытие содержит в себе нераздельность своих частей друг от друга и от целого, но в то же время не допускает их унылого и плоскомерного тождества и слияния. В триалектике различия и противоположности не доходят до их полного разрыва, а их сходство и одинаковость не бросает их в бездну неразличимой сплошности.

Для абсолютного субъекта понимание экономики-хозяйства включало в себя социономику, т. е. внеэкономические факторы: воспитание гражданина, патриота, героя своего Отечества, воспитание человека, достойного вечной жизни. Институтами такого воспитания служат дом, семья, школа, образование, а его субъектом — **учитель**. В этом плане **социономика и педагогика** есть самая важная часть хозяйства-экономики, ибо взращивание и воспитание новых поколений есть сакрально требование самого абсолютного субъекта. А для экономики, занятой лишь ростом богатства, дети и воспитание только помеха, хотя сегодня и дети стали материалом субстанции богатства.

Абсолютный субъект требует превратить школу, образование в главное орудие совершенствования общества и человека; школа непрерывно, от начала до конца жизни человеческой должна учить

науке спасения, науке побеждать смерть в деле созидания сакрального социума.

Известно мудрое стоическое высказывание Александра I; после освобождения Европы от наполеоновской диктатуры царь встретил даже не холодно равнодушное отношение, а ненависть к России. И в этой связи он сказал, что у России есть только два друга — армия и флот. Монарх прав, но эту идею обосновывал и М.В. Ломоносов, который видел абсолютную проблему-задачу России в том, что она имеет огромную территорию и малочисленное (по размерам земли) население. Отсюда близкие и далекие соседи России только и мечтают о том, как бы отхватить часть ее земель. Поэтому М.В. Ломоносов считал абсолютным императивом России опережающее создание наилучшего в мире оружия, чтобы никому даже в кошмарных снах не захотелось бы русских земель. Увы, не всегда власть следовала этому императиву. М.В. Ломоносов тоже считал, что у России только два друга, но армию и флот он рассматривал как «единого друга», а вторым другом он считал школу, образование. Воин и учитель — два друга спасителя России во все времена.

Становясь абсолютным субъектом, Россия должна все ресурсы, усилия, все свои институты и умы, все властные и государственные структуры направлять на школу в самом широком смысле, включая вузы, университеты, научные школы и армию. Но школу нужно понимать еще в более широком смысле: не школа — часть общества, а общество должно стать частью школы, армейской школы спасения жизни. Основной инструменты школы — образование и воспитание, а основной инструмент армии — оружие и героизм в защите Отечества для абсолютного субъекта. Но если развитие Вооруженных сил современной России движется в направлении императивов абсолютного субъекта, то со школой дела обстоят, — нужно прямо сказать — катастрофически. Наших детей (не всех, не всех!) в основном воспитывает Интернет, виртуальные игры, которые внушают им антирусские, антипатриотические ценности, возводя в культ поклонения всякие извращения и уродства, формируя внутри России смердяковскую Антироссию.

Благочестивый читатель может спросить: «А как же религия, Церковь? Какова их роль в реализации проектов абсолютного субъекта?». Огромная, метафизическая и сакральная роль. Они тоже должны сосредоточить все свои духовные и реальные силы на совершенствование школы и армии, показывая и доказывая святость меча и детства, священный характер учебы и воинской службы. Ибо спасение современного общества и человека невозможно без

самоотверженного служения истине и мужеству. И тогда чисто внутренние религиозно-церковные ценности обретут свой подлинно творчески спасительный смысл. Нужно иметь в виду, что абсолютный субъект черпает смыслы и вдохновение у Софии, которая принадлежит всему миру, а не только религии или Церкви.

Возведение школы в ранг социального демиурга, в ранг соавтора абсолютного субъекта может показать преувеличением, а то и вовсе утопическим проектом. Послушаем умных, знающих и практических людей. Послушаем сначала интеллигенцию прошлого века. В разговоре с М.А. Горьким А.П. Чехов сказал: «Если б вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обоженного кирпича! Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас — это чернорабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой бы пошел в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба. А нужно, чтобы он был первым человеком на деревне, чтобы он мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения, чтобы никто не смел орать на него… унижать его личность, как это делают у нас все: урядник, богатый лавочник, поп, становой, попечитель школы, старшина и тот чиновник, который носит звание инспектора школ, но заботится не о лучшей постановке образования, а только о тщательном исполнении циркуляров округа. Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете? — воспитывать народ! нельзя же допускать, чтобы этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, наживал себе к тридцати годам ларингит, ревматизм, туберкулез… ведь это же стыдно нам!»[3] Вот где скрыта подлинная революционная суть русского Слова. И в этом Слове величие Чехова, а не в его погребальных рассказах и пьесах.

Абсолютную роль школы принимал и В.И. Ленин. Основным орудием построения коммунистического общества, по В.И. Ленину, должна стать ШКОЛА. Более того, В.И. Ленин видел в школе единственный спасительный орган, который способен покончить с войной, государственным, классовым и клановым терроризмом. На первом съезде по народному образованию в 1918 году В.И. Ленин сказал: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы

[3] Горький М.А. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М., 1975, с.374—375.

возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год. Именно школа должна стать основным орудием преодоления классовых антагонизмов и созидания бесклассового общества».[4] Все лучшее, что имеет общество (ресурсы, культуру, свободу, все богатства его) должно быть поставлено на службу школы, и через два поколения люди будут сомневаться в том, что когда-то была дикая капиталистическая эксплуатация. А.В. Луначарский, комментируя эти слова В.И. Ленина, писал: «Пусть никто не подумает, что это был ляпсус со стороны Владимира Ильича, что это было увлечение, что это случайно «сказанулось» в специальной среде, которой окружен был на съезде Владимир Ильич. Все, кто знал покойного вождя, знают и то, что таких случайностей у него не бывало».[5] Ленин полагал, что партия должна в максимально сжатые сроки создать новую — трудовую, политехническую, социально-политическую — школу, которая будет воспитывать, обучать, растить ученых-воинов и воинов-ученых, которые сумеют постоять за истину и за Россию. И эта школа выполнила свою задачу, взрастив героев, которые уничтожили европейский фашизм.

Н.Н. Моисеев, разрабатывая концепцию глобального эволюционизма, ставит вопрос о том, кто будет субъектом этой абсолютной эволюции? И отвечает, что «решающую роль здесь предстоит сыграть все тому же институту, который я назвал «Учитель». Именно этому институту наши далекие предки обязаны тем, что они стали людьми, тем, что человечество есть сегодня, всем достижениям цивилизации, своей моралью и нравственностью… Когда я слово «Учитель» пишу с большой буквы, то имею в виду всю систему воздействия на человеческое сознание, его психику, воздействия, которые оказывает на него семья, школа, общественная среда… В системе «Учитель» центральной фигурой является сам учитель. В эпоху ноосферы его личность станет играть решающую роль… Проблема строительства системы «Учитель» —

---

[4] В.И. Ленин о воспитании и образовании. М., 1973, с. 608.

[5] Там же, с. 608. С этим высказыванием В.И. Ленина связана прямо-таки криминальная история. Его речь на съезде учителей в 1918 г. была напечатана в газете «Правда» по стенографическому отчету. В полном собрании сочинений В.И. Ленина эту речь «отредактировали» и слова о школе исчезли. Но в хрестоматии для учителей, изданной в 1973 г., речь В.И. Ленина опубликовали в первоначальном виде, как она была напечатана в «Правде». Хранители идеологии заметили оплошность, но оргвыводов не сделали.

общепланетарная. И в наступающем веке (в XXI в. — Н.Ш.) именно ей, я думаю, будут посвящены мысли и усилия ученых и государственных деятелей, всех передовых людей, обеспокоенных будущим человеческого общества».[6] Все проблемы общества и жизни упираются, в конечном счете, в школу и в оружие.

Итак, становясь абсолютным субъектом, Россия нуждается в новой мудрости — софиасофии; в новом — софийном или софиологическом — мировоззрении; в новой — философии хозяйства — идеологии; в новом типе экономики — в хозяйственном предпринимательстве; в новой методологии — в триалектике и полилектике; в трансформации старых институтов школы и армии, которые должны стать «перводвигателем» страны по пути ее продвижения в мир Иного, где куются будущие формы бытия и реальности.

Вот только тогда приоткроется загадочная суть России, ее истоки и назначение, цель и смысл ее бесконечных исторических страданий. Россия должна стать достойной замыслов Абсолютного Субъекта, ибо она обречена самой своей духовной и социальной генетикой стать именно абсолютным субъектом, а все разрешения ее проблем коренятся в самой же России, в понимании ее абсолютного статуса.

Метафизика абсолютного субъекта — чрезвычайно опасная и рискованная область по причинам, которые понятны любому русскому человеку. Любопытным вход туда воспрещен. Занятие же этой проблематикой является нежелательным в силу полной непредсказуемости последствий таких исследований. Но соблазны виртуальные, ритуальные, сексуальные, бифуркальные, некрофальные, дигитальные, профитальные и аморальные она пресекает.

Все возвращается и должно возвращаться. Опыт падения, нисхождения бытия в глубины дна исчерпан; бытие должно теперь посредством восхождения достичь статуса абсолютного субъекта вернуться в центр самого себя. Россия, обретя опыт бытования на дне социальной бездны, теперь может только идти путем абсолютного субъекта. Не мы так решаем, и не Россия, а так решено в совете вечных миротворных сил.

---

[6] Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — «Молодая гвардия», 1990. — С. 351, 255, 256.

М.М. ПРОХОРОВ

Необходимость системного изменения российской культуры

Аннотация: В центре статьи — анализ событий социальной динамики последнего времени на Украине, которые приобрели резонансное значение в эволюции России и всего мирового сообщества (ликвидация режима Януковича, референдум в Крыму 16 марта 2014 г., воссоединение Крыма с Россией, образование Донецкой и Луганской народных республик, вооруженное противостояние на Юго-Востоке Украины, стремление властей Киева к «нацификации» всей страны и т. д.). Возвращение Крыма в Россию было поддержано внутри страны: прошли многочисленные митинги во многих городах, собиралась гуманитарная помощь и т. д.

Эти события демонстрируют связь с событиями «перестройки» СССР. Если «перестройку» трактовать как «отрицание», то описанные события демонстрируют бифуркационные процессы: во-первых, черты углубления ее негативных характеристик, ибо сегодня дело дошло до проявлений неофашизма (в отличие от 1991 г., когда произошел «августовский путч» СССР с последующей ликвидацией СССР, а 3—4 октября 1993 г. — двоевластие и расстрел «Белого дома»), во-вторых, признаков «отрицания отрицания». Автор выявляет последние и демонстрирует необходимость системного изменения российского культурного пространства. Происшедшие и продолжающиеся события свидетельствуют о намерении России выйти из объектного состояния к субъектному статусу. Однако наиболее важной чертой в обретении субъектности является обретение последней в конечном счете каждым членом общества, а не только главой государства, когда свобода и «суверенность» принадлежат, в духе восточных монархий, только одному или ограниченному числу лиц.

Методологией в статье выступает материалистическая диалектика, дополненная положением о ее альтернативности негативной диалектике, что говорит о новой исторической форме — противоположности диалектики и метафизики. В таком контексте автором предлагается специальная методология исследования, совмещающая диалектический и системный подходы. Она использована при раскрытии альтернатив «экономики» и «экономизма», как аналога «механицизма» в сфере социальной динамики, политической подсистемы социальной системы и «макиавеллизма», как разновидности редукционизма в политической подсистеме социальной динамики. Эксплицирована философско-мировоззренческая база методологии исследования подобных

альтернатив. Предложенная методология может быть применена при анализе и иных «подсистем» общества.

Ключевые слова: экономика, «экономизм», редукционизм, субстанциальность, гипостазирование, политика, «макиавеллизм», симулирование, фальсификация

Abstract: In the center of the article — the analysis of the social dynamics of the events of the last time in Ukraine, which have acquired the resonance value in the evolution of Russia and the international community (the elimination of the regime of Yanukovych, the referendum in the Crimea, March 16, 2014, the reunification of the Crimea with Russia, the formation of the Donetsk and Lugansk People's Republic of armed conflict in the South-East of Ukraine, Kyiv authorities' desire to "nazification" across the country, etc.). The return of the Crimea to Russia was supported internally: there have been numerous rallies in many cities, going to humanitarian aid, etc.

These events demonstrate the connection with the events of "perestroika" of the USSR. If the "restructuring" interpreted as "denial" that these events demonstrate bifurcation processes: firstly, the features of the deepening of its negative characteristics, because today it came to manifestations of neo-fascism (in contrast to 1991, when there was a "coup in August" with the USSR subsequent liquidation of the USSR, and on October 3-4, 1993 — dual power, and shooting the "White House"), and secondly, signs of a "negation of the negation." The author reveals them and demonstrates the need for systemic change in the Russian cultural space. In addition, past and ongoing events demonstrate Russia's intention to withdraw from the state of the object to subjective status. However, the most important feature in the acquisition of subjectivity is to find the latest in the long run by every member of society, not just the head of state, when freedom and "sovereignty" belong, in the spirit of Oriental monarchies, only one or a limited number of persons.

Methodology in the article serves the materialist dialectic, to supplement the provisions of its alternativity negative dialectic, which means a new historical form opposites dialectics and metaphysics. In this context, the author proposes a special research methodology that combines the dialectical and system approaches. It is used when disclosing alternatives "economy" and "economism" as analogue "mechanistic" in the field of social dynamics, political subsystem of the social system and the "Machiavellian" as a kind of reductionism in the political subsystem of social dynamics. Explicate the philosophical and ideological basis of the research methodology of such alternatives. It is shown that the proposed methodology can be applied in the analysis and other "subsystems" of society.

Keywords: economy, "economism", reductionism, substantiality, hypostatization, politics, "Machiavellianism", simulation, falsification

События по воссоединению Крыма с Россией, поддержанные подавляющим большинством населения страны, свидетельствуют о намерении России выйти из объектного состояния к субъектному статусу и коррелируют с неизбежностью системного изменения российской культуры в сферах экономики и социально-политической системы, идеологии и образования, семьи и других социальных подсистем.

Начнем с экономики, создающей условия для существования и развития человека и общества, реализуемой частью членов общества, взаимодействующих с другими системами и субъектами. Она не может заменять собой другие сферы общества, «проглатывая» или подминая их. По Т. Парсонсу, общество, как система, состоит из трех подсистем: 1) культуры из ценностей, норм и образцов, регулирующих действия и поступки людей, 2) экономики, основная функция которой — адаптация к внешней среде, и 3) социально-политической подсистемы с функцией интеграции общества. Т. Парсонс подчеркивает, что именно в их взаимодействии в сложной открытой саморегулирующейся социальной системе общества порождается консумматорное состояние удовлетворения. Таким образом, система общества предполагает кооперацию соответствующих видов деятельности и их продуктов, образующих культуру в целом, в которой из них образуется «единство многообразия» всей социальной системы, которое достигается благодаря «кодам социальной информации и управлению, учитывающему обратное влияние результатов деятельности на целостное состояние социальной системы»[7].

Эта модель оставляет нас в границах *саморегулирующихся* систем. Более сложную модель дает переход к саморазвивающимся «человекоразмерным» системам». В них недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого: наличие системного качества дополняется идеей изменения видов системной целостности по мере развития всей системы, учитываются «переходы от одного типа саморегуляции к другому», вводятся представления «о превращении возможности в действительность», «целевой причинности» и направленности развития в «эволюции основных сфер Универсума — неживой природы, живой природы и общества», эволюции,

[7]Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 175.

охватывающей все уровни организации материи[8]. Описанная «картина мира» выступает ядром «исследовательской программы по отношению к эмпирическим и теоретическим исследованиям конкретных наук»[9]

Экономика не может быть гипостазирована, отчуждаема от бытия, движения и развития, ее исследование предполагает «мировоззрение», включающее картину мира в целом, обобщенную картину человека и модель отношения человека с миром. Средоточием такой картины выступает субстанционально определяемое понятие бытия, которое идентифицируется с категорией материи, служащей для обозначения первичной к сознанию объективной реальности в значении единственной и последней; у бытия нет и не может быть начала; последнее есть только у сущего, а бытие и способы его существования единят собой все, поддерживают все сущие «в единстве». Поэтому категория материи есть не частно(научно)е понятие, а «философская категория»[10];она не может «устареть», ибо выражает суть материализма, оппозиционного философии идеализма и метафизики. Подмена бытия, как философской категории частными понятиями (студенты вузов, например, подменяют ее представлениями о веществе; идеалисты — понятием материала) оборачивается подменой философского мировоззрения разного рода «поделками» и «подделками» (например, механицизм XVIII столетия).

Ни человеческая история в целом, ни экономика, как ее подсистема, не могут отчуждаться от бытия и его изменений, в которых они возникают как особые системы или сферы реальности. С их гипостазированием мы сталкиваемся и в радикальных мировоззренческих концепциях конструктивизма, отвергающих первичность бытия (подобно Бенно Хюбнеру, отвергшему категорию бытия как проявление человеческого сумасшествия[11]). Такие модели — попытки самоутверждения человека как *субъекта-без-бытия*, в качестве особого конструкта *субъекта-субстанции*. Присущий им *активизм (*в форме конструктивизма) претендует выйти за границы постановки и разумного решения основного вопроса философии. Идеализм до сих пор пытается выдать сознание за аналогичное образование *субъекта-субстанции.* Ныне подобный статус придают человеку, вооружающемуся достижениями науки и техники, приспосабливающему их на службу радикальному конструктивизму. Не

[8]Степин В.С. Ук. соч. С. 179—181.
[9]Степин В.С. Ук. соч. С. 182.
[10]Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм//Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1973. С. 130—131.
[11]Хюбнер Б. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием. СПб., 2011.

считаясь с бытием, во всем усматривая лишь материал для своей деятельности, игнорируют субстанциальность бытия. Этой мировоззренческой установке соответствует огромный корпус литературных источников (И. Канта, И. Фихте, Л. Шестова, русского космизма, С.Н. Булгакова, Ю.М. Осипова[12], Г.П. Щедровицкого, Г.С. Батищева, П.П. Гайденко и других).

Радикальный конструктивист, согласно М. Хайдеггеру[13], вырос из «техне» Платона и Аристотеля, отличного от народного «техне», которое было и осталось вплетенным в бытие и его изменение. «Техне» Платона и Аристотеля не признавало таких «ограничений», стремилось освободиться от них. Это позволяло распространить технократические формы мышления и действия вообще на всю действительность. Не только на всякое сущее, но и на само бытие, чтобы отвергнуть его первичность, категориально выраженные способы и формы существования, отдав последние «в руки» категорий деятельности, «хозяйства», как абсолютизируемого творчества или игры.

С учетом изложенного, утверждение Дж. Грея, будто «экономическая деятельность не просто отличается от всех других проявлений общественной жизни, но, сверх того, обусловливает общество в целом, а порой и господствует над ним»[14], лежит в русле не экономики, но экономизма, все еще встроенного в механизмы, посредством которых мы производим и воспроизводим свою материальную жизнь. Поэтому демаркация между экономикой и экономизмом есть важнейшая задача, без решения которой невозможно исследовать выход России к субъектному статусу и раскрыть необходимость системного изменения модели российской.

Сущностной характеристикой человека является его потенциальная универсальность, бесконечность и всеобщность, реализуемые в актах преобразования окружающей реальности, издавна называемое «производством». Оно есть «полная разработка потенциальных возможностей человека», «развитие всех человеческих способностей как самоцель» или развитие «без всякой установленной заранее мерки»[15], предполагает «соразмерность» человека всему бытию, способом существования которого являются движение (единство изменчивости и устойчивости) и развитие (единство восхождения и

[12]Осипов Ю.М. Философия хозяйства. В двух книгах. М., 2001.
[13]Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007.
[14]Цит. по: Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. М., 2013. С. 147.
[15]Иглтон Терри. Ук. соч. С. 167

нисхождения, деградации), где тенденция восхождения является ведущей. Именно этот способ существования мира приводит к появлению человека, в котором и через которого продолжается мировое изменение. К понятию «производство» относится любая обеспечивающая самореализацию деятельность, будь то игра на флейте, угощение персиками, спор о Платоне, быстрый танец, произнесение речи или организация празднования дня рождения детей». Маркс говорит о сущности производства как основании человечества; он не имеет в виду, что сущность человечества состоит «в набивании колбасы. Труд, как мы знаем, есть отчужденная форма того, что он называл praxis — слово, означавшее у античных греков вид свободной, самоорганизуемой деятельности, посредством которой мы преобразуем мир»[16]. В таком контексте экономика призвана создавать условия для восходящего развития человека и человечества, выполняя в общественном развитии соответствующие функции. Но в каждый исторический период человек ограничен совокупностью конкретных локальных и исторических условий — природных и общественных, включая сферу экономики. В эту совокупность ограничений вносит вклад и экономика. В то же время ее существование и развитие, и это главное, связано с позитивной диалектикой бытия, с преодолением всевозможных границ и ограниченностей, иначе она стала бы принципиальным препятствием для развития бытия, общества, человека и человечества.

От указанного критерия бытия и его развития, которым следует поверять экономику и ее динамику, отказались «реформаторы» в постсоветской России, когда заявили свое знаменитое: «Мы не можем выбирать между плохим и хорошим, мы вынуждены выбирать между плохим и еще более плохим». Они выбрали курс «на выживание», а не на развитие, а на первый план вышли интересы олигархов «в эпоху Ельцина». Не случайно, Е. Гайдар[17] субъектами истории признавал бизнесменов и чиновников, которые ведут между собой борьбу по типу «господство и/или подчинение», а остальные признавались «средствами производства», орудиями труда и не признавались субъектами истории. Переход «от Ельцина к Путину» стал периодом выстраивания «вертикали власти», укрепления позиции чиновников государства, тогда как Е. Гайдар мечтал «освободить бизнес от власти» (так сказано в подзаголовке книги), превратив государство в «полугосударство», чтобы всеми процессами в обществе «заведовала»

[16]Иглтон Терри. Ук. соч. С. 167—168.

[17] Гайдар Е. Государство и эволюция. Как освободить бизнес от власти и повысить благосостояние россиян. 2-ое изд. СПб., 1994.

знаменитая рука Адама Смита, чтобы все было «погружено» в рынок, а рыночной была не только экономика, но и общество, главной функцией членов которого становится знаменитое «потребление», обрекшее Россию на «объектное существование».

Общество и экономику «по-гайдаровски» меняют местами, все системы общества (медицину, науку, образование и т.д.) «погружают» в рынок как в то целое, «логос» которого явно абсолютизируется в виде руки Адама Смита; и это продолжается до сих пор, не изменено с выстраиванием путинской «вертикали власти», предполагая сохранение социального неравенства между богатыми и бедными, «средствами производства». Альтернативой «бедным» выступают бизнесмены, верхним слоем которых являются олигархи, и чиновники. При всех «революционных» изменениях перехода «от Ельцина к Путину» (если иметь в виду только взаимоотношения *внутри* социального «мира богатых»), прочие слои населения так и остались «орудиями труда» или «средствами производства». Выстраивание «вертикали власти» лишь закрепило возрождение государства, возобновившего чрезмерное социально-экономическое неравенство, закрепило новое состояние классового общества, появившееся в годы гайдаровской «при(х)ватизации» и продолжающееся доныне — вследствие сохраняющего свои позиции и «при Путине» «экономизма», где труд одних повышает чужую для них прибыль и могущество «имущих» и «властвующих»[18].

Сегодня «экономизм» воздействует на все общество в целом и на его части или сферы. Требуется возврат к прогрессивному курсу экономики, который способствовал бы разрешению вышеуказанного противоречия, переходу общественной системы на новую ступень, приближающую людей к «родовой сущности», ради реализации их способности к универсальности и всеобщности, базирующихся на соразмерности человека, всех и каждого, бытию и его развитию. Ведь люди только тогда по-настоящему «производят», когда они делают это свободно, ради самих себя и всей системы (*Вл. Маяковский писал: радуюсь Я — это мой труд вливается в труд моей республики*), реализуя способности «родового существа», без принуждения, даже если это принуждение обусловлено нежеланием голодать.

Противоречия, раздирающие культуру современной России, подталкивают сформулировать вопрос о субъектном статусе ее граждан: нуждаются ли страна и ее жители в том, чтобы ученые «выдвигали и обосновывали варианты, сценарии, альтернативы,

[18]См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2014. С. 384.

перспективы будущего прорывного, прогрессивного, социально справедливого развития российского общества, российской цивилизации, русского народа, человека» или достаточно, чтобы они «просто успокаивали их, призывали их быть терпимыми, примиряться с несправедливой, дикой реальностью, полагались на действия «свыше» — от власти, от политических и духовных правителей и пастырей?»[19]. Это вопрос о культурных приоритетах, ибо именно человек есть высшее существо для экономики, и на эту высоту надлежит поднять общество и экономику, увидев в человеке цель, а не простое средство для эволюции всепоглощающей «экономики». Вместо засилья субъектов деградации, вырождения (организаторов «выживания») в России нужна сборка субъектов прогрессивного развития, в контекст которого должна быть «помещена», для своего развития, и экономика. Экономизм же — антипод такому развитию страны, и он является тормозом для экономики.

Экономизм есть аналог механицизма в сфере социальной философии. И он должен быть преодолен, как был преодолен механицизм. Экономизм все многообразие явлений, связанных с человеком и его существованием, «погружает» внутрь экономики, как если бы экономика была не стороной, частью общества, всей общественной системы жизни, но самим этим «универсумом» общественной жизни, который она подменяет и «подминает» под себя – как в механицизме механическая форма движения претендовала на подмену всех иных, более сложных форм движения материи. Сегодня в России в экономику погружены сферы образования (рассматривается не в качестве производства человека, а в качестве системы услуг), науки (признают прикладную, как дающую прямой экономический эффект, и отрицают фундаментальную науку), искусства, медицины, семьи, физической культуры, как если бы они были не частями общества, всей общественной жизни, к которым относится и экономика, но частями экономики, пораженной экономизмом. Кажется, что даже религия погружена в России в «экономику».

Разве не с экономизмом связано производство фальсифицированных лекарств, продуктов и товаров? Экономизм извращает финансовую деятельность, придавая функционированию финансовых институтов паразитические формы существования. Так, оплата в них неоправданно завышена, скажем, уборщица такого учреждения получает, как правило, больше той общей суммы, которую получает вузовский профессор. В провинции последний получает 20 —25 тысяч рублей, что не соответствует качеству и количеству его

[19]Семенов В.С. Судьбы философии в современной России. М., 2011. С. 17.

трудового вклада в сравнении с трудом уборщицы в «престижно-паразитической» сфере. Топ-менеджеры финансовых (частных и государственных) учреждений получают баснословные суммы, «золотые парашюты» и т.п. Разве экономически оправдано различие в ежемесячной оплате ректора вуза в 1—1,5 миллиона рублей (даже в провинции) при оплате «услуг» профессора в 20—25 тысяч рублей? Дело доходит до того, что вузовский профессор, иные преподаватели вынуждены сами оплачивать свою деятельность в виде «ваковских» публикаций, выполняемых по требованию руководства вузов, «не признающих» научные публикации в других изданиях, хотя качественно они могут стоять выше «ваковских» изданий, руководство коих заботит в первую очередь получаемая от «публикатора» сумма (*что порождает коррупцию*).

Анализ социально-политической системы начну с констатаций академика Е. Примакова того, что «В экономическом кризисе в России виновато правительство неолибералов» (так назывался его доклад-реакция на проведение «Гайдаровского форума» в январе 2014 г.). В духе идей Аристотеля Е. Примаков указал на противоположность между подлинной экономикой и появлением в современной России «пародии вместо экономики». Критика нашла поддержку противников неолиберальной политики, до сих пор поддерживаемой В.В. Путиным. Так, К. Бабкин, лидер «Партии дела», один из организаторов альтернативного «гайдаровскому» Московского экономического форума, в интервью 23 мая 2014 г. газете «БИЗНЕС Online» заявил, что хотя В. Путину и тяжело расстаться со своим окружением, однако рано или поздно – ради блага страны – ему следует это сделать. Правда, он сомневается, что нынешний Президент пойдет на это.

Непреодолимый тупик? Да, если не организовать принуждения. Как организовать? Опираясь на волю народа, на понятие демократии как народовластие, а не «власти демократов». *Принудить* руководство страны к проведению иной экономической политики, в интересах народа, а не олигархов и чиновников. Организаторы Московского экономического форума готовят новую стратегию (в духе идей Е. Примакова) экономического развития, доводят дело до общероссийского референдума, куда выносятся альтернативные стратегии. Референдумы предусмотрены Конституцией России, но в ней не проводятся, в нарушение демократии и с позиций *манипулирования* людьми, лишения их субъектности.

Решение референдума, в случае поддержки новой стратегии, становится законом, который обязана выполнять «вертикаль власти». Впрочем, возможна и иная форма «принуждения», когда ход событий

(стихийный и/или не только стихийный) приведет к социальной революции, но тогда уже «верхи не могут…», а «низы не хотят…».

Кстати, «с распутыванием» этой спутанности национальных и социальных процессов связаны ныне происходящие события на Украине. Первые выходы людей на Майдан были связаны с требованием решения социальных проблем, но в последующем перетекли в русло национальных проблем: Украина пошла по пути создания «оккупационного Правительства», что завершилось выбором Президентом П. Порошенко. Напротив, события на Юго-Востоке привели к провозглашению «народных республик» без олигархов — «национальных и иностранных» — в духе «народовластия». Россия до сих пор эклектически «путается» в этом вопросе, не умея перейти к более глубинному решению социальных проблем.

Проблема взаимоотношения системы общества и системы государства уходит в античные времена, когда существовал полис, как объединение «города» (символ античного общества) и государства. Спрашивается: входит ли «государство» в общество, как его «подсистема», или, напротив, общество оказывается входящим в государство, в качестве его «подсистемы»? Ответ на этот вопрос не является очевидным. Но именно здесь надлежит найти грань между подлинной политикой, государственной деятельностью и «макиавеллизмом», как формой редукционизма, аналогичного экономизму.

Н. Макиавелли (1469—1527) предложил модель системы, которая содержала явное стремление к редукции всей социальной системы уже к сфере политики и государства. Налицо аналогия экономизма и «макиавеллизма»[20], пошедшего на ограничение претензий подчинения всех явлений и подсистем социума господству религии и религиозной идеологии. За ними Макиавелли оставил сферу морали, над которой сохранил господство религии. Как показал М. Восленский[21], эта новая форма редукции всей социальной системы к «вертикали власти», запредельно чрезмерной зависимости всех подсистем возникла и в СССР, что исказило его социальную систему, привело к деформации сущностных характеристик культурной деятельности граждан в каждой сфере общественной жизни. Деформация нашла отражение, например, в понятии «культа личности» Сталина, стоявшего наверху иерархической лестницы чиновной вертикали власти,

[20]Никколо Макьявелли. Государь//Жизнь Никколо Макьявелли. СПб., 1993. С. 246—317

[21] Восленский М. Номенклатура. Анатомия советского правящего класса. М., 2005. С. 640.

узурпировавшего властные полномочия, явно ограничивала существование тогдашнего «народовластия», которое, как известно, составляет самую суть «демократии». Другим проявлением «макиавеллизма» в СССР стал волюнтаризм Н.С. Хрущева. В постсоветской России книга Н. Макиавелли стала настольной книгой российских чиновников, отражая появление еще одной исторической формы «макиавеллизма».

Неприятие «макиавеллизма» широкими слоями населения в период «перестройки» обернулось тем, что вместе с пеной «макиавеллизма» были выброшены и социальные достижения, разумные нормы и формы жизни в СССР. Демаркации, различения этих разных сторон в культуре страны не произошло, они существовали синкретично, нерасчлененно друг и от друга. В итоге произошла не «перестройка» социализма, как обещалось М.С. Горбачевым, но отказ от самих основ социализма. Трудящиеся не встали на защиту его оснований, и они были утрачены. В социальную жизнь возвратили институт частной собственности, появились отечественные олигархи, были созданы условия для расхищения той собственности, которую создавали предыдущие поколения во всех подсистемах общества в рамках совместной деятельности (исследователям перестройки еще предстоит разграничить стихийно возникшие в ходе перестройки факторы и сознательно созданные усилиями Е. Гайдара, Б. Чубайса и им подобных).

Характерно, что определенная часть «организаторов» перестройки (*во главе с А.Н. Яковлевым*[22] *— идеологом перестройки, одним из ближайших сподвижников М.С. Горбачева, который* заведовал отделом идеологии в ЦК КПСС) уже к ее началу имела четкие установки не на совершенствование, а на уничтожение социалистической системы в СССР, сознательно обманывая население страны; в признаниях *А.Н. Яковлева* прямо говорится, что он относил себя к антикоммунистам, будучи во главе КПСС. В «период Ельцина» в России была принята установка на «минимизацию» государства,

[22]См.: 1) Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л., Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. Пер. с фр. Изд. 2-ое, испр. М., 2001. С. 5—32; 2) Прохоров М.М. Гуманизм и мировоззрение. Нижний Новгород, 2008. С. 204—218; 3) Прохоров М.М. Бытие, гуманизм и второе осевое время. М., 2008. С. 160—167; 4) Прохоров М.М. Ценности и смысля модели взаимоотношения человека с мирозданием. Философия постнеклассической эпохи. Saarbrücken (Germany): LAPLAMBERTA cademic Publishing Gmb H&Co. KG. 2013. С. 245—250.

чтобы придать большую роль в социальной системе бизнесу и олигархам. Приход В.В. Путина означал уже изменение курса на выстраивание «вертикали власти». Самый бизнес, включая олигархов, попали в зависимость от чиновников (видно на примере с осуждением олигарха М. Ходорковского на основе внеэкономических факторов; обстоятельства, которые позволили осудить М. Ходорковского, позволяют подобным образом отправить в «места не столь отдаленные» многих других олигархов, однотипным образом наживавших «не свою» собственность).

Религия, как социальный институт и идеология, есть символическое воплощение отношений господства и подчинения. Так, согласно Дионисию Ареопагиту, «первая триада священно начальствует над второй, вторая — третьей, а третья — священниками среди людей и наблюдает за тем, что они совершают». И далее: «высочайший, как сказано, порядок, как расположенный первым по отношению к Сокровенному, сокровенным, надо разуметь, образом священноначальствует вторым, второй же, составляемый святыми господствами, силами и властями, является наставником иерархии начал, архангелов и ангелов, и хотя он более открыт, нежели первая иерархия, но более сокровенен, чем та, которая за нею; а провозвестнический порядок начал, архангелов и ангелов — наставник человеческих иерархий, — друг наставляет друга, чтобы возведение, обращение, приобщение к Богу и единение происходило по чину, равно как и от Бога всем иерархиям подобающим Благу образом даруемое и всех, объединяя, посещающее выступление. Поэтому богословие подчинило нашу иерархию ангелам, называя начальствующего над иудейским народом Михаила (см.: Дан, 10-13; 2; 12:1) и иным ангелам у других народов. Ведь Всевышний «поставил пределы народов по числу ангелов Божиих» (Втор. 32: 8)»[23]. Поэтому религия укрепляются именно там, где такие отношения усиливаются (например, в *мобилизационной политике войны 1941—1945 гг.*). Поэтому усиление позиций РПЦ, как базисной конфессии, начиная с периода выстраивания «вертикали власти» В.В. Путина, является самоочевидным фактом. В.В. Путин опирался и опирается при выстраивании своей «вертикали власти» на потенциал традиционных религий до сих пор.

Когда протоиерей С. Булгаков попытался противопоставить *соборность* православия католичеству с его «притязанием на абсолютную иерархическую непогрешительность» Папы, за которым

[23] Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений с толкованиями преп. Максима Исповедника. СПб., 2010. С. 86.

он был готов признать лишь «условную непогрешительность», то Вл.Н. Лосский, один из крупнейших православных богословов XX столетия, оставшийся верным РПЦ МП, выступил против этой еретической «софиологии»: «Всякая власть, в том числе и церковная, – писал Вл.Н. Лосский, — будучи вверена людям по природе не непогрешимым, должна, однако, проявляться носителями власти так, как если бы они были непогрешимы в своих действиях и суждениях («Пастыря доброго, полагающего жизнь свою за паству»). Носители власти, колеблющиеся в своих действиях, ссылающиеся на свою «погрешимость», являют безответственность, начало разложения и анархии, вырождение власти. Акт власти может быть ошибочным, но по форме своей должен носить характер непогрешимости. Отрицать это, значит, не понимать, что такое власть»[24].Как видно, религия не предполагает «демократии» («народовластия»).

А вот как относится к модели «народовластия» в структуре социальной системы Герман Греф, один из чиновников современной «вертикали власти». Выступая на XVI Петербургском экономическом форуме, Г. Греф заявил о том, что ему будет страшно, если власть окажется в руках народа, если его представители будут признаны субъектами истории: «Вы говорите страшные вещи. Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Как только простые люди поймут основу своего я, самоидентифицируются, управлять, т.е. манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело». Чтобы не допускать народовластия, нужно не подпускать людей к знаниям, ограничивать их знания. Г. Греф указывает на то, что уже в древности мыслители, размышлявшие с позиций богатых слоев населения, «такие как Лао-Цзы», придумывали соответствующие теории, «зашифровывали их, боясь донести до простого народа». «Как демократ» «начинал» Конфуций, но закончил учением о разделении общества на страты. То же находит Греф в буддизме и в иудейской культуре. Такую же «науку о жизни» выработала Каббала, была секретным учением, «потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов, сделать их самодостаточными». Управлять означает манипулировать, убежден Г. Греф: «Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции», невозможно жить, управлять обществом, «где все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию, не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ». Они «*как бы* независимы, а на самом деле, мы понимаем, что все СМИ

[24]Лосский Вл. Н. Боговидение. М., 2003. С. 15—16.

заняты сохранением страт», уверяет Г. Греф. «Устами Грефа элита призналась, что свобода слова и печати, публичная политика, парламентаризм и прочее – не более, чем красивая и удобная форма, прикрывающая манипуляцию», убеждены блогеры, например, *ЖЖист*. Герман Греф страшится народовластия, стремится «встроить» общество в государство, на манер того, что мы фактически имеем в современной России при В.В. Путине. *До сих пор в России не проведен, например, референдум по вопросу о том, признавать ли итоги грабительской приватизации, или нет, результаты которого стали бы законом и для В. Путина, а не навязывались им волевым решением.*

Разве эта проблема не является ключевой при исследовании заявления миру Россией о начале своего перехода от объектного к субъектному статусу? Разве не является откровенным «умалением» демократии тот факт, что в России не реализуются демократические процедуры, прописанные в Конституции страны по важным вопросам совместной жизни людей, понуждающие эти самые «власти» реализовывать волю народа, выражаемую им в форме референдумов как форм «принуждения властной вертикали к реализации стратегии восходящего развития», а не манипулирования, о котором говорит Г. Греф и в духе которого действуют неолиберальные чиновники. Понятно же, что «ответы на вопросы» граждан страны «первых лиц» государства нельзя признать подлинными формами демократии, как и «записные» общественные «палаты» при Президенте.

Коснусь важной проблемы «вертикали власти» в ключе необходимости перехода ее как колониальной или «оккупационной власти» к «национальной». Такая проблема обсуждается в современной России, и она не лишена логики. При анализе «социальной динамики» важен вопрос: что произошло в истории с борьбой двух «сверхдержав» — США (капитализм) и СССР (социализм). Закончилась ли она с «распадом СССР» «Беловежскими соглашениями», или *продолжилась*, быть может, в новой форме? Скажем, в форме детерминации победившей «сверхдержавой» дальнейшего характера существования на постсоветском пространстве вообще и в постсоветской России в частности, где эта «сверхдержава», как центр *однополярного* мира, сменившего «*равновесный* мир», продолжает диктовать свою волю, предлагая для России соответствующие Программы-проекты, *активно участвуя в их проведении в жизнь* путем создания таких властных структур в РФ, которые были бы зависимыми от США и их властей, формируя не столько «национальное правительство», сколько «оккупационное» правительство «иностранных агентов» (в духе неоколониализма) и т.п.

Такая *антинациональная* модель выстраивания государства нуждается в преодолении, в замене ее системой «НОД», в ходе «национально-освободительного движения». Так ставит вопрос, например, представитель Единой России, член ее Генсовета, депутат Госдумы Евгений Федоров, бывший Председатель Комитета по экономической политике Госдумы РФ. В таком ключе можно интерпретировать и суть заявления России миру о начале своего «перехода от объектного к субъектному статусу». В таком ключе можно толковать и необходимость системного изменения модели российской культуры (экономики, социально-политической системы, философских и религиозно-философских взглядов, идеологии, семьи, образования и т. д.).

О трудностях данной идеологии изменения колониальной системы на суверенную, исходит ли она от г-на Е. Федорова или приписывается В. Путину: она основана на принципе сохранения социальной несправедливости. Она ограничена. Заменой колониальных или «оккупационных властей», действующих от имени и по поручению Вашингтона, США, обворовывания страны, ее граждан в их интересах, на форму социальной несправедливости, когда отношения господства и подчинения, угнетения осуществляются в национальной форме, «своими», национальными нуворишами, богатеями и чиновниками, опирающимися на «свои», «национальные» силовые ведомства, обслуживающие их; соответственно этому государство предстает как орган обслуживания этих субъектов — кстати, в духе марксизма[25]. В чем слабость такой идеологии? В том, что она остается в рамках решения национальной проблемы, остается безучастной к решению социальных проблем, в центре которых оказывается проблема возвращения в жизнь социальной системы России (и при Ельцине, и при Путине) глубочайшего социального неравенства.

Большая ли выгода трудящимся от того, что они будут вести такую жизнь не в интересах субъектов из «метрополий», а в интересах «своих» олигархов и чиновников? Это различие покоится на различии характера эксплуатации (национальна она или глобальна). Трудящихся

[25]«При внешнем подходе кажется, будто государство всецело надклассово, общенародно, будто оно исполняет только функции по регулированию, координации и управлению социальной жизнью». На деле «основное предназначение государства — быть орудием в руках господствующей социальной группы. Все последующее развитие государства с момента возникновения демонстрирует эту его главную сущность» (Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: МГУ, 2014. С. 384.).

(и рабочего завода, и профессора вуза) волнует другое: будут ли их эксплуатировать или нет, будут ли они на положении «средств производства», «орудий труда» или они обретут статус полноценных субъектов социальной системы, в *своем* обществе.

Легко представить, что *одни и те же люди* в России могут осуществлять свое господство в форме колониальных или оккупационных агентов США, Вашингтона или же будут делать это в качестве «национальных» господ над трудящимися гражданами, не признаваемыми в качестве субъектов социального творчества. Таков **коренной вопрос** *необходимости системного изменения российской культуры, современного социального творчества*. Граждан волнует, таким образом, решение проблем, относящихся к более глубинным по своей сущности социальным процессам, чем национальный вопрос.

Происходит выброс на более поверхностный, *национальный уровень; соответственно «выбросу»* в структурах государства вырастает тяга к патриотизму, к его переоценке[26].Сторонник «национальной» партии и «национального» правительства вынужден, говоря словами К. Маркса, *выбирать* — между «национальным долгом и классовыми интересами»[27]. Он не замечает того, что превращается в *представителя* «национальной измены». Ведь «по мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства» для угнетения труда[28].

Здесь можно говорить и об измене по отношению к классической диалектике в пользу негативной диалектики, приверженности к деградации социальной системы. На это обращал внимание К. Маркс, обсуждая антагонизм Коммуны и Империи[29], нового, «коммунального» устройства общественного «тела» с правительством рабочего класса и старого, «государственно-паразитического» нароста,

---

[26] Путаница «социальной системы» и «системы национальной» пронизывает также современные события на Украине, нередко украинские олигархи и чиновники используют ее сознательно в своих интересах; здесь был бы крайне интересен, например, анализ поведения губернатора Добкина.

[27] Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 тт. Т. 4. М., 1986. С. 255.

[28] Ук. соч. С. 271.

[29] Империя — «единственно возможная форма правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности» (Ук. соч. С. 272).

угнетения на теле нации, претендующего на то, «чтобы стоять над обществом», «кормиться за счет общества» и «задерживать его свободное движение»[30]. Он писал об антагонизме производительного класса и класса присваивающего для того, чтобы найти и указать новый путь — к экономическому освобождению «труда», «ликвидации классового господства или социального рабства»[31]. По словам К. Маркса, *не лишенным иронии*, «цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные выступают против своих господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью»[32]. К. Маркс называл такую «цивилизацию» преступной, отмечая, что «современные буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, тогда как наличие любого оружия в руках плебея само по себе уже являлось преступлением»[33]. *Мошенничеством* назвал К. Маркс «национальную войну», характеризующую старое общество, которое таким путем стремится «отодвинуть на более позднее время классовую борьбу»[34] (*но разве не об этом печется сегодня г-н Е. Федоров? — М.П.*).

Наконец, характеризуя противостояние диалектики позитивной и негативной, К. Маркс не сомневался, кто, в конце концов, останется победителем: «немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся», ибо «чтобы искоренить» это положение, «правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить основу своего собственного паразитического существования»[35], наглядно зримого *в постсоветской России олигархов и чиновников*. Изложенное раскрывает суть *латентно* текущей ныне в России «гражданской

---

[30] Ук. соч. С. 275-276.

[31] «С освобождением труда, — писал К. Маркс, — все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса», тогда «труд многих» перестанет *превращаться* «в богатство немногих», реальностью сделается «индивидуальная собственность», «средства производства» превратятся «в орудия свободного ассоциированного труда», на смену «капиталистической системе» придет «кооперативное производство» (Ук. соч. С. 277).

[32] Ук. соч. С. 289.

[33] Ук. соч. С. 293.

[34] Ук. соч. С. 294.

[35] Ук. соч. С. 294—295.

войны», которой стараются не замечать, которую стремятся «заговорить» ныне господствующие экономические и политические силы, препятствуя максимально глубокому и масштабному выходу России из объектного статуса при ее переходе к субъектному статусу. О В. Путине Е. Федоров говорит, как о лидере «НОД», снимая с него ответственность за результаты действий выстроенной им вертикали власти, возродившей в российском обществе ранее ликвидированное в СССР (пусть и ограниченно) государство социальной несправедливости. Проект Е. Федорова предполагает, что количественные изменения (пусть даже улучшения) не должны выводить к изменениям качественным, коренным, революционным, но они якобы должны оставаться в границах количественных преобразований, в границах «реформ». Он отрицает диалектический «переход количества в качество», повторяя идеи К. Поппера[36], противопоставлявшего их «проекту К. Маркса», неизбежности *превращения* «количества в качество», значит, в духе неизбежности ликвидации и колониальной или оккупационной, и национальной форм угнетения.

К сожалению, не признает, ни идеологически, ни практически, неизбежности ликвидации социальной несправедливости РПЦ, как ведущая религиозная конфессия России, называя соответствующие стремления нереалистическими. Она критикует их носителей и призывает людей «жить дружно» — для того, как выясняется, чтобы богатый оставался богатым, а бедный — бедным. В своих проповедях священнослужители всех традиционных конфессий поучают «бедных» «терпеть» все выпавшие на их долю невзгоды, социальные тяготы, но не бунтовать, обещая им «райские кущи», правда, не в реальном, а в потустороннем мире. Говоря же о социальной системе и о реальном мире, в которых они все же живут, они обращают внимание «богатых» на то, что те живут не только «среди богатых», что в обществе много, даже «больше людей бедных», претерпевающих разного рода трудности, несправедливости, притеснения и т.д. Они указывают богатым, что когда все эти «социальные» трудности «бьют через край», когда бедные люди или их часть уже не могут «терпеть», тогда они решаются «на бунт», который («кровавый и жестокий», по Пушкину) способен привести к уничтожению сложившиеся в обществе «порядки». Чтобы этого *не произошло* проповедники призывают богатых оказывать помощь тем людям, которые попали в особо тяжелые условия, побуждающие их идти на «бунт». От этого, поучают они, богатый не перестанет быть богатым. Напротив, таким

[36] Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 тт. М.,1992.

образом он сохранит свое богатство. В противном же случае он может *лишиться* своих богатств. Так они, уже вслед за Конфуцием, с одной стороны, поддерживают сохранение социальной несправедливости, с другой, стремятся держать ее «в пределах порядка»; здесь одно *поддерживает* другое.

В заключении принято делать выводы, указывая на полученные результаты двух типов: на результаты решения известных проблем и на обнаружение новых проблем, важных при исследовании данной темы. В данной статье в связи с заявлением России миру о начале своего перехода от объектного к субъектному статусу исследована ***необходимость системного изменения российской культуры при анализе*** экономики и социально-политической системы. Получены следующие результаты первого типа. Во-первых, проведена демаркация понятий экономики и экономизма, раскрыты их философские основания, все еще сохраняющаяся встроенность «экономизма» в механизмы «производства» и его опасность (теоретическая и практическая). Во-вторых, осуществлена демаркация понятий политики и государства (как особой организации послеродового общества, начиная с античного «полиса») и «макиавеллизма» (как феномена и аналога «экономизма», возникшего после господства религии Средневековья) в социально-политической системы, раскрыты их философские основания, показаны негативные последствия сохранения «макиавеллизма» для социальной системы и всей российской культуры, возможные пути его преодоления. В-третьих, предложена новая методология исследования, характерная для указанных предметных областей, эксплицирована ее философско-мировоззренческая база; она может быть использована для вновь открытых проблем и еще не проанализированных сфер или «подсистем» общества.

Обратимся к выводам второго типа. Как на теоретический источник в статье указывалось на работу Т. Парсонса, выделившего в «социальной системе» три сферы: подсистемы культуры, экономики и социально-политическую подсистему. Однако вопрос о членении культуры, как всех видов деятельности людей и их продуктов, остается открытым. Так, Л.А. Зеленов выделяет в «социальной системе» экономическую, экологическую, научную, художественную, медицинскую, физкультурную, педагогическую и управленческую сферы как «социальные константы» или «функции общества»[37]. В

[37] Зеленов Л.А. Социология // Зеленов Л.А. Собрание сочинений: В 4 тт. Т. II. Нижний Новгород, 2006. С. 12

литературе встречаются и иные классификационные подходы; нужны дополнительные исследования. Ясно, что каждый вид деятельности характеризуется наличием специализированного субъекта «производства», своим содержанием и т. д. Каждый из них образует собственную социальную «подсистему», в области которой могут дать знать о себе те противоположности, которые мы охарактеризовали на примере экономики и экономизма; государственной политики и «макиавеллизма». Значимым является возможность использования предложенной нами методологии, в том числе и по отношении к религии.

Не менее сложной окажется решение проблемы включения «подсистем» в «социальную систему», в которой каждый вид деятельности связан с каждым другим, вместе образуя «единство многообразия», приводящее к появлению системного качества, в котором или реализуется гармония «соборности» или на этом пути придется столкнуться с фактами эклектического собирания «многообразия» в «единство» (причем не только в теории, но и на практике, где это происходит в интересах определенных субъектов). Такую «соборность» и «эклектику» придется рассматривать в ключе предложенной «методологии альтернатив» позитивной и негативной диалектики.

Новой проблемой является вопрос о симулятивных вариантах «решения» проблемы перехода России из объектного статуса в субъектный[38], фактически *подменяющих* собой *реальный* переход. Сюда же примыкает *проблема фальсификаций*, связанная с появлением третьей исторической формы противоположности диалектики и метафизики — в виде альтернативы позитивной и негативной диалектики[39].Число таких «продуктов» (в кавычках, ибо речь идет о фальсификациях и симулякрах) сегодня продолжает увеличиваться, пополняя огромное количество фальсифицированных продуктов питания, лекарств, вредной одежды и детских игрушек, плохого пластика, имитации пения «под фанеру», составления гороскопов и т. д. и т. п. Ведь нужно же различать подлинную деятельность homosapiens и деятельность симулянта, лишь «делающего вид», что он занят «настоящей» деятельностью. Ныне

[38] Прохоров М.М. Симулирование и симулякры мысли в философии // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: материалы международной конференции: 2008, 20 ноября 2008 г.: К 15-летию Гуманитарного института. Ч. III. М., 2009. С. 24—33.

[39] Прохоров М.М. История и бытие. Исследование философских оснований. Н. Новгород, 2013. С. 95—117.

симулируют даже социальные революции; тогда они именуются «цветными». Уместно отметить, что, например, А.А. Зиновьев в качестве социолога считал, что если в Советской России только 80 % всех видов деятельности были полезными, а 20 % бесполезными или даже вредными, то в постсоветской России это соотношение обратное, число видов подлинной или разумной деятельности не превышает 20 %, тогда как остальные 80% суть поделки и подделки разного рода симулянтов и фальсификаторов.

Фальсификация и симуляция проникают также в область познавательной деятельности, и даже в науку. В частности, через религию. Так, М.О. Шахов, ярый носитель религиозного сознания, вынужденно констатирует следующее утверждение многих ученых: «Вместо объявления религиозного знания ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых не применимы категории истинности-ложности». «Вместо заблуждающихся богословы становятся интересными людьми с интересными мнениями. Эти мнения, однако, не соотносимы с реальным бытием, и в этом смысле (подразумевается, но не высказывается вслух) ничего не говорят о реальности…»[40]. За подобные утверждения ученых, указывающих на факт симулирования и фальсификации, он негодует на них.

Процессы и продукты фальсификации и симулирования возникают в русле негативной диалектики, они порождаются процессами деградации, и, в свою очередь, являются внутренними детерминантами таких деградационных процессов, которые они пролонгируют. Все эти подделки под подлинно разумную деятельность и их продукты есть не что иное, как современная форма «преступления против человечности», вполне сопоставимая и сравнимая по своей социальной опасности и последствиям с фашистской формой (во всех ее разновидностях) «преступления против человечности» в XX столетии, за которую главари фашизма были осуждены Нюрнбергским трибуналом на длительные сроки заключения и даже на смертную казнь.

Фактически таким же должно быть отношение и к современной форме преступлений против человечности в виде фальсификации и симулирования подлинной человеческой деятельности. Причем, не в

[40]Шахов М.О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. 2008. № 10.

отношении «стрелочников», и непосредственных исполнителей, а стоящих за ними «субъектов», организующих их деятельность по созданию симулякров и фальсификатов, вплоть до попустительствующей этим преступлениям олигархов и чиновников «вертикали власти», за неспособность обеспечить подлинную безопасность граждан. Не умея сделать этого, «вертикаль власти» перекладывает всю ответственность на самих граждан. Например, в Законе о здравоохранении этой «подсистеме» общества «не поручено» какая-либо работа по контролю за фальсификацией лекарств, детских игрушек. Все перекладывается на граждан, покупателей, которые не имеют для этого ни прав, ни средств контроля. Не потому ли в свое время чиновники настояли на введении, в качестве основного предмета, в систему школьного образования дисциплины ОБЖ? И разве не действует в сфере ЖКХ принцип, узаконивающий фальсификации и симулирование: «Вы платите нам все больше, а мы обслуживаем Вас все хуже».

В завершение нужно подчеркнуть, что в результате исследования «социальной системы» и ее «подсистем» важно *не потерять социальность*, как это случилось, например, у Н.В. Гоголя[41], выдающегося социального мыслителя и художника, вставшего на путь отрицания, негации социальности в пользу религиозной идеологии. Это произошло после тяжелой болезни Н.В. Гоголя, когда он предложил новый, якобы «всеобщий и народный» «взгляд на жизнь» *с позиций «христианина»*, в результате чего «потерялась» социальность, структурообразующая основа «социальной системы» и культуры. «Социальный взгляд» стал казаться писателю и мыслителю поверхностным и пустым, что обернулась сожжением второго тома социального романа «Мертвых душ»и попыткой «скрепить» свою мысль с социальной средой самодержавно-крепостнической системы России, защитником которой выступил теперь Н.В. Гоголь, в чем выразился его переход, как доказал В.Г. Белинский, на позиции негативной диалектики.

[41] Прохоров М.М. Социальность мышления и ее негация / NB: Филология: научные исследования — 2013. № 4(12). С. 324—334. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.4.10086 URL: http://e-notabene.ru/fr/article_113.html

Е.В. КОСОВ

Наука и Церковь, вера и знание

Аннотация: Излагается взгляд автора на состояние Русской православной церкви и её роль в «Руском міре».

Ключевые слова: православие, духовность, воцерковлённость, научный коммунизм, атеизм, экуменизм, русские европейцы.

Abstact. The author explains his vision of the Russian orthodox culture and its role in the “Russian world”.

Key words: Keywords: Orthodoxy, spirituality, strict observance of ecclesiastical rules, scientific communism, atheism, ecumenism, Russian Europeans.

Антропологи утверждают, что зарождение человечества произошло несколько миллионов лет назад, когда на африканском континенте появились первые *антропоиды* — прямоходящие обезьяноподобные (или лучше сказать «человекообразные») существа. На перепутьях антропогенной эволюции существует совершенно чёткая граница, отличающая человека от животного: антропоиды стали «настоящими людьми», когда у них появилась *душа*. Дарвиновская теория эволюции не в состоянии объяснить такие взрывные природные процессы.

Когда утверждают, что Бог-творец создал человека, то, конечно же, имеют в виду не тело человека, а его душу. То есть Бог создал того самого «внутреннего человека», для которого такие понятия как «совесть», «справедливость», «сострадание», «жертва», «чувство стыда» составляют его духовный скелет. Душа (духовность) и определяют главный нравственный вектор поступков человека. Кроме как от Бога и Святого Духа человеческой душе неоткуда взяться!

Христос — Сын Божий, посланный к людям, призван объяснить словами, что Бог — это Вечность, Бесконечность и неизъяснимая сила Духа. Христос и Его апостолы рассказали, чем Божественные истины отличаются от дьявольских заблуждений. Бог ли сотворил человека (его душу), или человек создал образ Бога (в своем сознании), в любом случае — *Он существует*. Вера в Бога доказательств не требует.

Настоящая вера — не в обретении Бога, а в поисках Его. Кто-то обретает Бога сразу — крестясь при рождении, а кто-то лишь «в одиннадцатом часу ночи», едва ли не в последний миг. Но всё-таки обретает! Не будучи наукой, не заменяя и не упраздняя ее, религия имеет величайшее значение для человека для понимания им Вселенной и жизни в ней.

Цивилизационный прогресс (технологический и культурный) постоянно меняет сознание человека. Это и есть *духовная антропология*, берущая начало в эпохе палеолита. Хотя многие люди остаются «неандертальцами духа», несмотря на бурный научно-технический прогресс.

В современном цивилизованном мире любая религия превращается в мощное средство национальной идентификации, наряду с языком, музыкой, архитектурой, кухней. Любая религия — это не только стройное учение о догматах веры, но и свод правил о нравственном и бытовом поведении: как следует вести себя, как и когда играть свадьбу, как хоронить усопшего, каким именем нарекать новорожденного, что и когда можно есть. Религия всегда была основой не только духовной, но и материальной культуры нации, где существуют четкие и ясные противопоставления «можно — нельзя», «принято — не принято», «чистое — нечистое». История цивилизации доказала, что изменить мировоззрение людей «на более правильное» путем озвучивания убедительных «научных аргументов» практически невозможно.

Тысячелетняя практика православия, несмотря на исторические расколы и большевистский террор, убедительно показала, что православная (в данном контексте «русская») религия продолжает оставаться необходимым национальным символом и становится мощным средством единения. Религия своими нерушимыми образами, канонами и обрядами связывает людей в единую общность — солидарную нацию. Как китайцев создал буддизм (точнее — его отдельное течение Конфуцианство), а арабов — ислам, так и русскую нацию создало православие. В стране, столь этнически многообразной, какой является Россия, расово-этническая наследственность не имеет особого значения для формирования нации. Дело не в этничности, а в национальной культуре, где особая роль принадлежит религии.

Русь, приняв тысячу лет назад христианство от Византии в качестве государственной религии, оказалась в сфере европейского культурного влияния. Неслучайно, что русское православие всегда позиционировалось как «греческая вера». Однако греческий язык на Руси не занял того доминирующего положения, которое занимала латынь в Западной Европе. Церковь на «Всея Руси» заговорила по-славянски (точнее было бы это назвать «руським языком»), и священные книги стали писать «кириллицей». Чем и определились как реальные географические границы «Русской земли», так и виртуальные границы «Руского міра».

Заговори православная церковь по-гречески, то люди стали бы на Всея Руси, если уж не греками, но точно другой нацией на своей

разноэтнической основе — славянской (прежде всего), угро-финской (северной), индоевропейской (ирано-кавказской) и туранской (степной). Тем самым, христианская церковь (с XI века византийская православная церковь) сформировала духовные основы особой русской (православной) культуры и, соответственно, заложила скрепы русского культурного нациогенеза.

У славянских и угро-финских племён до образования «Всея Руси» существовала своя примитивная культура — культура неолита, ещё дописьменая. Если Европа (особенно средиземноморская) к этому времени уже имела богатую культурную историю (философию, искусство, науку), то Русь в период ранней христианизации из первобытного мира стремительным прыжком вошла в общий европейский мир со своей кириллицей, своей одухотворённой иконописью и величественной храмовой архитектурой.

Сейчас, говоря о русском православии, мы имеем в виду нечто трудноуловимое. Некие общие культурные ценности? Несомненно! Общая история? Конечно! Общее умонастроение и свойства национального характера? Обязательно! Монархия? Очень даже возможно. Православие — тот фундамент, опираясь на который Россия (русская нация) всегда возрождалась из страшных руин. При нашествии Золотой Орды удалось сохранить и даже укрепить православие. На Руси и тогда существовали монастыри, воздвигались новые православные храмы, воспитывались новые священнослужители. Распалась Орда, но на её развалинах воссияла Святая Русь. В «смутное время» русский народ, несмотря на всяческие посулы поляков-католиков, не отрёкся от своей православной веры. Что несомненно послужило основой возрождения и будущего укрепления России.

Церковный раскол русского православия, произошедший в XVII веке, нанес существенный удар по единому ранее «Рускому міру», последствия которого ощущаются до сегодняшнего времени. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон добились не только осуществления религиозно-обрядовой реформы православия, был основательно укреплён союз государственной власти и церкви. *«Я не знаю веры ни старой, ни новой, а как начальство укажет, так и буду веровать».* Эти слова приписывают патриарху московскому Иоакиму, патриаршество которого проходило с 1674 по 1690 год сразу за патриархом Никоном. Эта реформация церкви также учитывала важное историческое событие — вхождение в состав Московского царства обширных украинских земель, где всегда почиталось «греческое троеперстие».

С петровских времен православная церковь стала в России, по сути, одним из государственных департаментов, превратившись в одно из звеньев бюрократической системы под руководством назначаемого царем обер-прокурора Синода, человека сугубо светского.

В смуту XX века всё было наоборот: в 1917 году рухнула не только русская монархия, вместе с ней была разрушена православная церковь и подвергся гонениям весь «Рускій міръ». Вместе с православием практически была похоронена духовная суть русской нации. На смену ей пришла совсем другая нация — *советский народ.* Русская Церковь получила от «воинствующих безбожников» сполна и террора, и унижения, и соблазна к предательству идей христианства. На смену христианству в его православном толке почти на сто лет в России была насильственно внедрена другая религия — «научный коммунизм», а Библия была приравнена к антисоветской литературе.

По сути, «научный коммунизм» в виде «марксизма-ленинизма-сталинизма», «маоизма», «чухчхе» и прочих разновидностей — это тоже религия, но особая, со своими «заповедями», где Божьим заповедям уже нет места. Людям на головы выливались, как из худого ведра, все идеологические помои — неизбежность мировой революции, диктатура пролетариата, коллективизация сельского хозяйства, «святой» интернациональный долг. Отринув многовековое православие, люди с восторгом (многие вынуждено) принимали эту новую «религию», а свой неистовый воинствующий атеизм советские люди стали считать признаком учености.

Не подлежит сомнению та искренность простых коммунистов (типа главного героя фильма «Коммунист»), с которой они верили в это «светлое будущее». не читая никаких книг кроме «Краткого курса истории ВКП(б)». Все они были готовы умереть за некие идеалы, имея о них самое смутное представление. Это в чистом виде поведение фанатично религиозного человека. В коммунизм стали *свято верить*. Из Ленина сделали «святые мощи» и поместили в мавзолей, чисто религиозное сооружение. Лозунги «Слава КПСС!», «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» стали наподобие молитв верующих, что совсем близко от «Харе Кришна, Кришна Харе». Но это была вера уже в другого «бога», которого можно без особого труда и угрызений совести легко предать и сразу забыть.

Когда церковь по воле Сталина вернулась из небытия, чтобы помочь советскому народу в Отечественной войне, то русское православие стало частью государственной бюрократической машины — «советской церковью». Начиная с весны 1943 года, когда началось освобождение оккупированных территорий от захватчиков, встал вопрос: что делать с тысячами церковных приходов, открытых

там с разрешения германских властей уцелевшими православными священниками. Сталин принял прагматичное решение — взять их под контроль, он назначил в Москве своего патриарха, которому они вынуждены были подчиниться. К тому же надо было показать союзникам, что в СССР тоже можно «жить нормально» и даже верить в Бога. Но это была уже другая церковь — по внешнему облику православная, но по содержанию — совершенно «советская».

Сталинская политика времён Отечественной войны в отношении православия была лишь тактическим манёвром, предпринятым перед лицом опасности, грозящей большевистскому режиму. После войны в СССР не было открыто ни одного нового храма! А с приходом к власти Хрущёва церковь попала под новую волну гонений. Поэтому говорить, что коммунист Сталин (верный ученик Ленина) одумался и вернулся в лоно церкви, просто абсурдно. Жаль, что многие не хотят этого понять до сих пор.

Россия (под названием СССР) в XX веке была настоящим «Третьим Римом» — притягательным центром коммунистического Третьего интернационала. Это была великая империя — мощный евразийский «Социалистический лагерь», во главе которого стояла краснознаменная Москва. Но цена построения этого величия была чудовищной: советская империя была построена на гнилом фундаменте — на безбожии, на лжи, на страхе, на крови и рабском труде. В СССР достижения в области технического прогресса и индустриализации уживались с чудовищными преступлениями против человечества. Рассказывать сказки об особенной духовности советских людей могут или зашореные идиоты, или бессовестные демагоги.

СССР обрушился не потому, что проиграл американскому империализму в Третьей (холодной) мировой войне, и вовсе не из-за происков коварных масонов и «мировой закулисы», как хочется кому-то думать. СССР рухнул, прежде всего, потому, что не только простой народ, но и люди в самой власти, *утратили веру* в коммунистическую идею, ради которой и был создан Советский Союз. Оказалось, что весь «научный коммунизм» — это ахинея, шарлатанство и надувательство. Ведь пока люди верят, вера — несокрушима! Стоит только потерять веру (национальную идею) как наступает гибель нации. Люди готовы умирать за идею, как умирали лилипуты Блефуску (Дж. Свифт «Путешествия Гулливера») за право разбивать яйцо только с «правильного» конца, хотя само яйцо могло быть и тухлым. Гибель русской нации произошла в 1917 году, когда была свергнута монархия и отринуто православие. Точно так стало и с советским народом, который разочаровался в идеях коммунизма. СССР, как государство,

было немедленно сметено мощными сейсмическими волнами национализма, накатившими со всех окраин Советской империи, как только чуть-чуть ослабели железные клещи КПСС. Стоило идеологически ослабнуть этому монстру, как вся «нерушимая советская власть» с грохотом покатилась под откос, а «советский народ – строитель коммунизма» полностью и без осадка растворился в мутной жиже антикоммунистической революции 1991—93 гг.

«Чтобы окончательно добить Россию после краха коммунизма, надо ещё там уничтожить православие», — эти слова приписывают американскому политологу Збигневу Бжезинскому. Конечно, ни самому Бжезинскому, ни всем пресловутым «жидомасонам», ни глумливым отечественным атеистам не под силу уничтожить русское православие. И уж точно не могут его развалить две-три «пуськи-хулиганки»! Уж если они представляют опасность для православия, то, это уже внутренняя кризисная проблема самой церкви. Высшему клиру следует задуматься над тем, что говорить и что комментировать, а от чего надо благоразумно воздерживаться.

После двух десятков лет, как рассыпалось в прах государство коммунистов-атеистов, несмотря на постоянные разговоры о возрождении православия, активно верующих в России (воцерковлённых) насчитывается не более 5 % населения. Это люди, которые регулярно ходят в церковь своего прихода (не только в храмы Московской патриархии), постоянно общаются со своим духовником, соблюдают предписанные церковью ритуалы. Это не намного больше, чем при советской власти, когда религия была, если уж не под полным запретом, но, во всяком случае, не поощрялась. Сейчас за посещение храма не только не исключат из КПСС и не снимут с работы, за это даже не пожурит начальство. А много ли народа за это время пришло в храмы? А много ли пришло туда с покаянием и к причастию? А те, что пришли, внесли туда некий хамский стиль советской номенклатуры, заняв места в «президиумах» православных храмов с церковными свечами в руках. По-другому и быть не могло: страна воинствующего материализма, в которой три-четыре поколения были воспитаны в атеизме, не может в одночасье стать верующей, то есть вернуться в традиционную для русской нации православную веру, отбросив веру навязанную — коммунистическую. Что лишний раз доказывает правоту утверждения авторов книги «Забытые заповеди»: *развития через насилие не бывает* Путь насилия (диктатура, тоталитаризм, фашизм) является для человечества тупиковым [1, 12].

Эта интересная во всех отношениях книга начинается с данных социологических исследований Всероссийского центрального института изучения общественного мнения (ВЦИИОМ). Как выяснили

социологи, только половина опрошенных сограждан назвала известные им заповеди: «Не убий», «Не укради» и «Не прелюбодействуй». А такие первейшие заповеди, как «Бог един» («Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»), «Не сотвори себе кумира», «Не произноси имени Господа всуе», смогли вспомнить не более 2 % опрошенных [1, 3].

В России настоящих верующих еще поискать надо. Многие так и говорят: «Мне в Бога верить уже поздно. И в школе, и в институте говорили, что Бога нет, и не может Его быть. Я и сам так считал и другим это говорил. Всю жизнь не верил — и вдруг взял да поверил. Нехорошо это, нечестно. Будто всю свою прошлую жизнь приходится зачеркнуть — тяжело это». Большинство, называя себя «православными», в храм не ходит, не исповедуется и не причащается. У многих нет Библии, а у кого она есть, то покрылась толстым слоем пыли. Подавляющее большинство «россиян» лишь мысленно относят себя к кругу христианства и поддерживают свою религиозность только через внешнюю атрибутику — носят нательные крестики, вешают в доме красивые иконы, покупают свечи. Придерживаясь веками устоявшихся традиций, на Пасху пекут куличи и красят яйца, совершенно не задумываются о сущности христианства. Основную массу «россиян» сейчас можно обозначить как «неверующие православные», они считают себя «христианами вообще», а вера становиться как бы их «частным делом» [2, 176]. В церковь они не ходят, а если и бывают, то случайно. На службах от многих разит алкоголем: в разгар предрождественского поста празднуют Новый год и разговляются до потери сознания. Появились такие уродливые химеры, как «православные коммунисты»: по будням они славят Ленина-Сталина, а по праздникам стоят в храмах со свечками. При этом «новые православные» ужасно обидчивы: чуть что сразу вопят: «Нашу веру обижают!».

Русское православие сотни лет культивировало покорность и послушание населения в угоду правящим кругам государства. Широко известно выражение «Всякая власть от Бога», и в наши дни с амвона звучит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим: 13: 1-2). Ещё апостол Павел говорил: «Противящийся власти противится Господу нашему». Но о какой власти говорил Святой апостол? О монархии! Только монархия — власть от Бога, а отнюдь не «всякая власть». Только на помазанника-монарха возлагается самим Богом сакральная миссия власти над народом. А уже Царь наделяет властью

конкретных людей — его подданных. Вступать в конфликт с монархией — значит идти против Бога. Конфликтовать можно только с правительством, но не с монархом. Вот и выходит, что православному человеку нельзя без монархии, верующим людям необходима монархия. Тогда как для атеистов сгодится как «научный коммунизм», так и «обыкновенный фашизм», где вместо царя будут почитать какого-нибудь очередного фюрера. Та власть, которая не от Бога (президенты, парламенты, генеральные секретари, всевозможные председатели и диктаторы) — это всего лишь видимость власти. Узурпация власти (то, что обычно называется «нелегитимностью») не может идти от Бога. Что находится в полном соответствии с изречением преподобного Иосифа Волоцкого, жившего на рубеже XV—XVI веков: *«Царь, не следующий закону Божьему, не царь есть, а дьявол».*

Сейчас Русская православная церковь (Московская патриархия) существует «при власти Кесаря» и только благодаря ей. Сомнений это ни у кого не вызывает. Дальнейшее продолжение такой вульгарной и фальшивой православности невозможно. Люди непременно отвернутся от той церкви, которая не может отойти подальше от власти, к которой уже накрепко прилипла кличка «жуликов и воров». Когда же церковь откровенно поддерживает такую власть, это значит, что она покрывает грех воровства. И так будет до тех пор, пока церковь не ответит однозначно на вопрос: она есть церковь Христа или церковь Кесаря?

В кризисных ситуациях именно церковь должна стоять очень высоко в нравственном отношении, чтобы оставаться высшим национальным авторитетом. Иначе шансы на возрождение России, как одного из европейских (точнее евразийских) лидеров, близки к нулю. Конечно, все надеются на преобразованную и одухотворенную православную церковь, а не на некий «музейный экспонат». Кому нужно гламурное лубочное православие, из которого выхолощено реальное духовное содержание, а оставлена лишь нарядная позолоченная оболочка да невнятные обряды? Современная церковь взяла в христианстве лишь загробный идеал, оставляя земные сложности и общественные отношения без внимания. Такая ограниченность не позволяет церкви быть настоящим пастырем народных масс. Церковь замкнулась на своих обрядах и равнодушна к общественным проблемам. Как и всё постсоветское общество, нынешняя православная церковь неоднородна. Следует всегда помнить евангельские слова: «Врачу, исцелися сам!», а это значит, что церкви необходимо начинать с себя. В противном случае, православие в России ждет неизбежная деградация. Никогда раньше задача гласности в деятельности РПЦ не вставала с такой силой, как сейчас.

Возвращение бывших «совков» к христианству невозможно как простой возврат к прошлому досоветскому времени. Критика современного состояния православной церкви необходима, но не с позиций воинствующего атеиста, которому всё-всё в христианстве чуждо. Критика института церкви приемлема лишь с позиций искренне верующего человека и, прежде всего, от «рядового клира», которому состояние православной церкви далеко не безразлично. Православие может существовать только как единый организм церкви и паствы.

Утверждение о том, что церковь отделена от государства — очередной расхожий миф! Просто в конституции России механически подтвержден старый ленинский декрет об отделении церкви от государства. Помилуйте! Если церковь не может быть отделена от общества (от нации), как она может быть отделена от государства? Пустые слова. Почему атеизм может быть признан государственным мировоззрением, а православие не может? Кто это решает?

Церковь, отдаваясь новоявленному постсоветскому рвению, ставит себя вне критики. Верхушка РПЦ, как в прошлом ЦК КПСС, убеждена, что любое инакомыслие и критику надо давить самыми жестоким образом. Все служители церкви ходит на поводке, у кого-то поводок короче, у кого длиннее, но ошейники у всех жесткие, хотя и украшены золотыми позументами. Так называемые «православнутые хунвэйбины» при церкви видят укрепление православной веры только в ритуальных сожжениях всяких «дьявольских штучек» и казачьем пикетировании с нагайками. Укрепление ложно понятой внутрицерковной дисциплины лишь отдаляет паству от пастырей, постоянно рождая сонм диссидентствующих священнослужителей.

Здесь уместно упомянуть про возрождение посткоммунистической Польши, которое как раз пошло из стен католических костелов, где всегда крепко пахло ладаном неповиновения. Католические священники в Польше сумели отстоять в неприкосновенности свои храмы и не скомпрометировали себя сотрудничеством с безбожной властью коммунистов.

Основой ускоренной и надёжной европеизации России являются общие христианские корни. С христианских позиций все европейцы — единомышленники, и православные, и католики, и протестанты. Хотя любая церковь склонна подчёркивать различия своих религий и умалчивать об общих их чертах. Если полный экуменизм главных религиозных течений не представляется возможным даже самым фанатичным сторонникам глобальной унификации, то общехристианский экуменизм, то есть сближение основных ветвей

христианства и, прежде всего, католицизма и православия, многим представляется не только возможным, но и вполне реальным делом недалекого будущего. Россияне должны войти в Европу нацией под названием «русские европейцы», нацией верной православному мировоззрению. Так и будет, если следовать здравому смыслу, а не догмам и мифам.

Литература

1. *Виктор Ра*, Забытые заповеди. Волгоград: Станица-2, 2008.
2. *Евгений Косов,* Быть русским. Русский национализм — разговор о главном. М., ЗебраЕ, 2005. — 430 с.

А.И. ТИХОНОВ

Культ совести как оружие против лжи в эпоху информационных войн

Аннотация. В эпоху информационных войн Россия вынуждена играть на чужом поле — на поле лжи, на котором она слаба. Поэтому для победы в новых войнах Россия должна создать оружие против лжи. Человека практически невозможно обмануть, если он сам не находится в состоянии самообмана. Человек добровольно погружает себя в самообман из-за проблем со своей совестью. Поэтому для победы в информационной войне в России должен быть создан «культ совести», что не противоречит конституции и способно вывести народ из отупляющего самообмана.

Ключевые слова: информационные войны, национальная идея, ложь, самообман, совесть.

Abstract. In the era of information warfare, Russia is forced to play in a foreign field — on the field lies where it is weak. So to win the new war, Russia must create a weapon against the lies. Man almost impossible to cheat, if he is not able to self-deception. People voluntarily immerses himself in self-deception because of problems with his conscience. So to win the information war in Russia should be created a "cult of conscience" that does not contradict the Constitution and can bring the people of stupefying self-deception.

Keywords: information war, national idea, lie samoob-man conscience.

Сегодня Россия проходит, пожалуй, через самый опасный период своей истории. Казалось бы, в нашей истории были такие кровавые события, перед которыми современные проблемы, даже проблемы 90 - х годов, кажутся легкой царапиной. Однако сегодня все намного опасней. В былые времена нас завоевывали, угнетали, расстреливали, морили голодом. Однако никогда враги не ставили целью практически полного уничтожения России, в то время как сегодня и силы у врагов накоплены немалые, и планы заявлены вполне четкие — геноцид русских с доведением количества людей на территории России до 50 или даже до 15 млн. человек.

Можем ли мы противостоять этому?

Я вспоминаю один разговор с братом, в котором он с некоторой долей отчаяния сказал, что если враг нападет на нас сегодня, то вряд ли мы устоим, как устояли в Великую Отечественную Войну. Нет у нас той объединяющей и зажигающей сердца людей идеи, перед которой не смог устоять европейский фашизм. Я тогда возразил, что вовсе не за Сталина шли в бой наши отцы и деды, а за своих жен и детей, которых жгли и насиловали цивилизованные европейцы. И если сегодня все это повторится, то поднимется вся Россия, и мы все равно победим, чего бы нам это ни стоило. Нет воина, храбрее и самоотверженней, чем русский мужик. Нас нельзя победить в бою.

И все-таки мой брат был прав. Нет у нас сегодня той идеи, которая помогла бы нам отличить правду от кривды, любовь от хитрости. Нас не удалось победить в бою, зато успешно побеждают на полях так называемой информационной войны. Мы не имеем прививки против лжи. Как наивные аборигены, мы соблазняемся блестящими побрякушками, продавая свою душу Лукавому. И нет страшнее предателя, чем русский предатель. И вот уже маячит на горизонте последняя война, в которой одни русские будут самоотверженно биться с другими русскими в полной уверенности в своей правоте, принимая за истину обольстительную ложь. Нас можно победить в бою, если нашими врагами являются такие же русские, как мы сами. Мы проигрываем на поле лжи, в которой мы существенно уступаем Западу.

В чем же выход?

Вспоминается еще один разговор из далекого прошлого. Один из моих приятелей однажды спросил меня: «Ты говоришь, что у тебя есть брат. А кем он работает?». Я сказал ему, что мой брат работает директором фабрики. На что мой приятель ответил: «Ага, я понял. Вор». Я удивился, и спросил, как он может это утверждать, если он

никогда не видел и даже ничего не слышал о моем брате? На что он ответил: «А это неважно. Директор, значит, вор. По определению».

Одна из наиболее характерных особенностей русского народа состоит в том, что мы никому не верим. Находясь на пересечении цивилизаций, территория центральной России всегда вызывала интерес. Например, на территории Ивановской области изначально обитало угро-финское племя Меря, тысячу лет назад сюда пришли славяне-кривичи, кроме того, на юге Ивановской области до сих пор живут потомки скоморохов-офеней, самоназвание которых современная этимология выводит от названия города Афины. Тысячу лет нами правили, то варяги, то татары, то немцы, был даже один грузин. Эта власть редко была благосклонна к народу. И неважно, кто правил: «белые приходят — грабят, красные приходят — грабят». Поэтому отношение народа к власти и к богатым всегда было негативным. Вот и сложилось в народе убеждение: если ты у власти, или если ты богатый, значит, ты вор.

Даже Советская Власть, провозгласившая богатых врагами народа, не снискала у этого народа уважения. И не только по причине диктатуры пролетариата, но и просто ввиду врожденной теперь уже антипатии к любой власти.

Что же вызывает в народе эту антипатию?

Не могу сказать, что я прожил долгую жизнь, достаточную, чтобы судить о проблемах Советской Власти, но я застал период с 60-х по 90 -е годы. И я помню, что, несмотря на то возбуждение, которого охватывало всякого, кого принимали в пионеры, рано или поздно большинство моих друзей теряло интерес к этой организации, вплоть до отвращения к ней. Почему? Потому что они сталкивались с фальшью, которой были уже отравлены практически все идеологические институты Советского Союза, и которая в итоге закончилась развалом государства.

Почему советский народ равнодушно допустил развал Советского Союза, погрузив себя в абсурд 90-х?

На мой взгляд, потому что советская власть вместе со своими идеологическими институтами погрязла во лжи. Я помню, как воротило от этой лжи и фарса практически всех моих знакомых. Особенно велико недоверие с оттенком презрения было в самых низах социума среди того самого рабочего класса, на который должна была опираться эта власть. И это несмотря на успехи, которые, действительно, были достигнуты Советским Союзом. Никакие успехи не оправдывают ложь, которую на интуитивном уровне ощущает народ.

Отсюда вывод: запланированное Западом разрушение России вполне может состояться, если мы продолжим лгать на государственном уровне, оправдывая это политической этикой.

Поэтому, я считаю, что *жизненно необходимой задачей для России в настоящее время является формирование новой идеологической платформы, основанной на правде*, что всегда привлекало людей России. И именно потому, я считаю, растет в настоящее время авторитет Путина, что он стал позволять себе допускать в своей речи элементы правды, чем немало шокирует западных политиков, которые от этого совсем отвыкли.

Здесь есть две проблемы, которые придется решить, если мы выбираем путь правды:

1. Власть боится правды. Как откровенно сказал один из современных лидеров России, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы народ знал правду. То есть проблема состоит в органическом отторжении правды со стороны государства, точнее его лидеров. Даже под угрозой собственного уничтожения государство не желает правды. Но у нас нет выбора. Запад нащупал нашу слабую сторону — Россия слаба на поле информационной войны, пронизанной ложью. Наша сила в правде, а на поле лжи мы обязательно проиграем.

2. Даже если государственные лидеры будут говорить правду, это не означает, что народ ее примет, потому что народ можно обмануть, и он поверит лжи, а не правде. Народ можно запутать, логично доказав ему, что святой болен вяло текущей шизофренией, а злодей — это пламенный борец за свободу. Может быть, потом народ и разберется, но будет уже поздно.

Вопросами отношений лжи и правды, точнее вопросами информационных отношений в сложных системах, я занимаюсь около 30 лет. Нельзя сказать, что это мое исследование является строго научным, так как я не документирую свои эксперименты. В то же время результатом данного исследования можно считать пять монографий, в которых данный вопрос представлен в разных аспектах.

Один из главных выводов, который следует из этих исследований, звучит, на первый взгляд, достаточно парадоксально: в большинстве случаев, человек обманывается не потому, что его обманывают, а потому что он «сам обманываться рад». Человек добровольно выбирает спасительную ложь для того, чтобы противостоять самому себе. В фундаменте здания лжи, в который втиснута современная цивилизация, лежит явление *самообмана*. Проблема противостояния лжи решается довольно просто, если человек избавит себя от

самообмана. *Практически невозможно обмануть того, кто не практикует самообман.*

Учитывая сказанное ранее, можно сформулировать следующую задачу: *для победы России в информационной войне, развязанной против нее силами Запада, применившего оружие массового поражения в виде лжи, необходимо разработать новый вид оружия, способного противостоять лжи. В основу данного оружия должна быть положена идеологическая платформа, позволяющая устранить из жизни человека явление самообмана.*

Обман — это заурядное и естественное явление природы, позволяющее живым организмам успешно противостоять агрессии, например в форме мимикрии. В обмане нет природной ошибки. Другое дело *самообман*. Занимаясь самообманом, человек противостоит самому себе. Такое противостояние способствует самоуничтожению, о чем хорошо знают психологи. В результате самообмана, человек не устраняет проблему, а борется с фантомами. Поэтому такого человека сопровождают неудачи и болезни, его окружают враги, жизнь для него — это вечный бой.

Предельное состояние души человека, живущего в полном самообмане, называется шизофренией. Именно поэтому современная цивилизация все больше напоминает душевно больного человека.

Почему человек выбирает самообман вопреки разуму?

Самообман позволяет человеку временно успокоить какую-то душевную боль, вызываемую правдой. Нити самообмана, как паутина, опутывают душу, принося ей временное облегчение. Поиск виновных подобен обезболивающему средству, оставляющему нетронутыми истинные причины душевной болезни. Чтобы вылечить душу, надо вскрыть те нарывы, которыми она покрылась. Но это больно, поэтому большинство людей предпочитает не трогать эти нарывы, а запрятать их подальше, окутав душу самообманом, надеясь, что нарывы рассосутся сами собой. И вот уже и не болит почти. Только иногда кто-то не нарочно коснется нашей души там, где зреет нарыв. И коснулся вроде несильно, да боль причинил нестерпимую. Привыкнув к самообману, мы обвиняем его в этой боли. Ведь проще обвинить его, оправдав себя, чем вылечить изъеденную нарывами душу. И даже если он совершенно не понимает, в чем его вина, мы уже не желаем слушать его оправдания. Так рушатся семьи, рвется многолетняя дружба, так начинаются войны. *Та боль, которую мы пытаемся прикрыть самообманом, называется угрызениями совести*. Нарывы в душе возникают, когда мы идем против совести. Отсюда вывод: *причина самообмана, а следовательно, и всех проблем цивилизации состоит в противостоянии человека и совести*.

Сегодня жить по совести стало немодно. Некоторые даже считают, что это невозможно или невыгодно. Считается, что, только переступив через совесть, можно добиться успеха в обществе, в бизнесе, в политике. О каком успехе можно говорить, если, обладая денежными богатствами, человек тащит на себе кучу психосоматических болезней и душевных проблем, считая, что счастье недостижимо в принципе, или доказывая всем, что счастье — это фантазия философов и дураков? *Жить по совести выгодно, а жить не по совести опасно для жизни.*

Правда, чтобы понять истинную ценность совести, надо выйти за пределы жизни. Являясь мудрым учителем человека, совесть требует от него достойного отношения не только к телу, но и к душе, которая, по-видимому, все-таки бессмертна, и наука в лице некоторых научных направлений уже начинает понимать это. Я имею в виду такие направления, как теория сложных систем, теория информации, теория биополя, волновая генетика, теория воды и т. п.

Так как мечта некоторых западных организаций состоит в закабалении мира посредством зомбирования людей, то именно эти научные направления оказываются практически запрещенными в академических кругах. Современных исследований феномена совести просто не существует. Пропагандируется мысль о том, что совесть у каждого своя, и если люди будут руководствоваться в своих поступках требованиями совести, то в обществе наступит анархия.

Мои личные выводы противоречат этим высказываниям. Из проведенных мною исследований, в частности, следует:

1. Не существует ни одного человека, который бы не знал, что такое совесть.
2. Не существует ни одного человека, который бы не знал, что такое голос совести.
3. Не существует ни одно человека, который бы не слышал голоса совести.
4. Голос совести всем людям говорит одно и то же, то есть требования совести не зависят ни от воспитания, ни от культурных, ни от религиозных особенностей среды обитания данного человека, ни от его характера и т.п.
5. Бессовестным следует называть не того человека, у которого нет совести, а того, кто умеет успешно противостоять ей.

Зная обо всем этом, наши далекие предки еще до прихода христианства на эту землю, считали, что совесть — это весть богини Сва или Совы, матери богов, ассоциированной с белой птицей, которая поет в душе человека песню истинной мудрости. Греки называли ее

Софией — премудростью божьей. Наши предки считали, что каждый человек может разговаривать с внутренним Оракулом, через которого он непосредственно контактирует с Богом. Поэтому совесть воспринималась как весть от Бога. Поэтому, когда говорят, что совесть у каждого своя, то это либо от непонимания, вызванного самообманом, либо от стремления зомбировать людей, направив его к князю лжи — Лукавому — и оторвав его от прямого общения с Богом, превратив его тем самым в невольника. Только тот, который способен слушать голос богини-матери Сва, то есть Свабога, и который выстраивает свою жизнь в соответствии с дарами Свабога, только он понимает, что такое дар Свабога — *свобода*. Все остальные путают свободу с анархией. *Быть свободным — значит, жить по совести*.

Внутренний мир человека — микрокосм — можно исследовать теми же способами, что и внешний мир, структурируя его и выделяя в нем отдельные элементы. Элементарными объектами, населяющими микрокосм, являются образы или идеи. На протяжении всей жизни микрокосм пополняется со стороны внешнего мира разного рода идеями, которые закрепляются в нем и ведут себя как автономные образования, сохраняя свою изначальную сущность, как будто это самостоятельные мыслящие субъекты, причем иногда довольно своенравные. Примером могут служить так называемые навязчивые идеи, которые, с одной стороны, являются частью моего мышления, с другой стороны, мне сложно ими управлять. Самое печальное, что эти идеи легко перепутать с собственными мыслями. В результате мои мысли могут быть существенно откорректированы этими идеями, даже если я об этом и не подозреваю. В этом смысле подобные идеи обладают всеми признаками того, кого христиане называют бесами. Потому-то люди и перестали доверять внутреннему голосу, что в нем присутствуют те самые привнесенные идеи из внешнего мира, то есть голоса бесов.

Как отличить голос совести от голоса беса?

Оказывается, отличить довольно просто. Еще раз можно повторить, что нет ни одного человека, который бы не знал, что такое голос совести. Достаточно спросить свою совесть о нравственности того или иного своего поступка, как мы получим ее четкий ответ. Если совесть принимает данный поступок, то в душе рождается ощущение мира. Если же совесть не принимает этот поступок, то в душе возникнет напряжение. Нет ни одного человека, который бы никогда не испытывал этого напряжения и не знал бы, что именно это напряжение называется *угрызениями совести*. Чем больше поступков, вызывающих напряжение в душе, тем сильнее это напряжение, вплоть до душевной боли. Спасаясь от этой боли, человек зачастую

выстраивает в душе крепкую стену, отделяющую его от совести. Чем больше противоречий с совестью, тем меньше мира в душе, тем меньше счастья. Проблема не в том, что совесть разным людям говорит разные вещи. Это не правда. Совесть на удивление постоянна. Проблема в том, что человек перестал слушать свою совесть, подменяя ее разного рода логическими рассуждениями, то есть, забалтывая ее с помощью бесов. Более того, иногда приходится слушать и такое, что если ты не решаешься переступить через свою советь, то ты просто слабак. То есть современный социум в качестве признака силы человека выдвигает способность противостоять своей совести.

Но вот пришло время выбирать. Мы стоим на судьбоносном перепутье. Можно продолжать обманывать себя и идти против совести. Но тогда мы обречены, потому что вынуждены играть на чужом поле — на поле лжи, на котором наши враги играют лучше нас. У нас есть только один путь, гарантирующий нам победу, — это путь правды. Причем правдивыми надо быть именно перед самими собой, перед своей совестью. Мы сильны именно на поле совести, и нет у нас другого шанса на жизнь.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Мы не сможем победить Запад в информационной войне, воюя на их поле — на поле лжи.

2. У нас нет выбора, кроме как встать на путь правды и создать оружие против лжи.

3. В основе оружия против лжи лежит положение о том, что человека нельзя или очень сложно обмануть, если он сам не погружает себя в самообман.

4. Единственное оружие против самообмана это совесть. Поэтому оружием против лжи может стать идеологическая платформа, в основу которой положен культ совести.

5. Именно в России совесть пока еще остается тем качеством, к которому народ независимо от религиозной или идеологической принадлежности относится исключительно как к положительному началу. Россия сильна своим отношением к совести.

6. Тем не менее, для построения идеологической платформы, основанной на культе совести необходимо провести своего рода «оправдание совести».

7. «Оправдание совести» должно строиться путем научного доказательства положения о том, что жизнь по совести — это необходимое условие для обретения душевного и телесного здоровья, личного счастья и успеха в обществе, что жить по совести выгодно.

Только так мы сможем победить.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Противоречия и траектория развития современного российского общества

Аннотация. Обосновывается необходимость поиска стержневого общественного единства. Стержневое общественное единство, на наш взгляд, должно опираться на проект русской культурной политики, не зацикливаясь на религии, с одной стороны, и на ее полном отрицании, с другой стороны. Современный подход, на наш взгляд, в качестве объединяющего центра может избрать национально ориентированный гуманизм, развитие гармоничного общества, ориентирующегося на общенациональные интересы и гарантии сохранения самобытности всех исторически сложившихся на территории страны региональных социумов.

Ключевые слова: глобальное экономическое клонирование, социо-хозяйственное развитие, культурная политика, стержневое общественное единство.

Abstract. The necessity of search of the rod of social cohesion. Rod social cohesion, in our opinion, should be based on the Russian draft cultural policy, did not dwell on religion, on the one hand, and its complete negation, on the other hand. The modern approach, in our view, as a unifying center may elect national oriented humanism, the development of a harmonious society, is guided by national interests and safeguards the identity of all historically in the territory of the regional societies.

Keywords: global economic cloning, socio-economic development, cultural policy, pivotal social cohesion.

2014 год, возможно, станет переломным в отношениях нашей страны и внешнего мира. С одной стороны, Россия пытается продолжить традиции миротворчества, присущие когда-то Советскому Союзу, но удается это с большим трудом и наталкивается на активное противостояние объединенных сил нового глобального миропорядка, сложившегося после дезинтеграции постсоветского пространства. Как преемница СССР Россия подозревается со стороны так называемого цивилизованного мира в имперских амбициям, захватнических планах, обвиняется в пропагандисткой лжи, отсутствии демократии, ресурсном давлении на мировое сообщество. Ведущие глобальные игроки четко дают понять, что возрождение имперских амбиций их раздражает и пытаются представить нашу страну всего лишь незначительной региональной державой. С другой стороны, Россия все активнее позиционирует себя как нового сильного геополитического игрока,

имеющего свои национальные интересы, далеко не всегда совпадающие с проводимой ведущими глобальными игроками геополитической политикой. Нарастает и нагнетается реальное геополитическое противостояние.

События в Югославии, Ливии, нагнетание обстановки вокруг Сирии, серия так называемых цветных революций на постсоветском пространстве, расширение НАТО на восток — этапы жесткого противостояния так называемого цивилизованного демократического мира и дикой России, не слишком стремящейся обогащаться новейшими западными ценностями и тенденциями. Многие бывшие республики Советского Союза активно приобщаются к общеевропейским ценностям, например, Молдова собирается узаконить новшества под названием «родитель № 1 и родитель № 2», чтобы не отставать от толерантной и демократической Европы, а у нас эта суперсоциальная инновация почему-то не пользуется успехом. Современных примеров противостояния и противодействия российским интересам достаточно много, самый яркий на сегодняшний день — позиция по Украине.

Все многочисленные попытки России довести до сведения мировой общественности свою позицию по Украине, Крыму, Новороссии наталкиваются на непробиваемую стену. События, разворачивающиеся вокруг нашей страны свидетельствуют о нарастающем противостоянии сил добра и зла.

Отметим, что для западных стран замалчивание военной операции в Новоросии достаточно привычная картина. Их видение довольно избирательно. В качестве примера приведу не слишком афишируемую ситуацию в Конго, где в результате гражданской войны в уже в XXI веке уничтожено 5 млн человек. Но никто не возмущается, даже у нас эту информацию в открытом доступе можно почерпнуть только, пожалуй, из документального фильма 2010 года, снятого журналистами Дании и Германии (режиссер Фрэнк Пясецки — Пулсен) «Кровь на твоем мобильном». Полную версию фильма можно посмотреть в интернете. Проблема раскручивается вокруг ресурсов, в частности, вокруг колтановой руды, которая после соответствующей переработки используется в мобильных устройствах. 80 % этой руды находится в Конго. Цивилизованный западный мир не заметил гибели 5 млн жителей Конго, не обращает внимания и на много численные жертвы в Новороссии, замалчивает трагедию в Одессе. Но при этом скорбит по погибшим в Боинге, пытаясь назначить виновницей катастрофы самолета Россию. Работает политика двойных стандартов.

На наш взгляд, современное геополитическое противостояние восходит к перестроечной и постперестроечной ситуации, когда социо-хозяйственное развитие нашей страны стало определяться интересами и сценариями ведущих глобальных игроков возникшего тогда однополярного мира. Саму экономическую систему России того периода можно обозначить как взращенную по определенному псевдорыночному сценарию, как своего рода клонированную систему. Анализируя социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в ходе так называемых реформ на рубеже XX и XXI веков в статье 2000 года, опубликованной в журнале «Философия хозяйства», «Современное российское хозяйство как продукт глобального экономического клонирования» мною были сформулированы и обоснованы тезисы, позволяющие охарактеризовать российское общество и экономику как результат проектной работы, осуществленной извне по выращиванию заранее заданного результата [2, 86—90]. Среди факторов, способствующих социо-хозяйственной трансформации, охватившей все без исключения стороны жизни, в том числе ценностные ориентиры отметим:

1. Наличие сильных глобальных игроков, заинтересованных в ослаблении России, изоляции ее от традиционных союзников и наличие у этих игроков готовых сценариев развития (точнее — деградации) для России и всего постсоветского пространства;
2. Отсутствие общенациональной программы развития страны, видения пути движения;
3. Поражение в холодной войне, по крайней мере усиленная пропаганда этого поражения, вместо имеющих место быть вначале перестроечных времен разговоров о паритете.

В качестве доказательства тезиса об объектном статусе раннеперестроечной России, который можно трактовать как экономическое клонирование приведем следующие факты:

1. Отсутствие эволюционной связи между доперестроечной и постперестоечной системой, в результате чего был получен серьезный системный кризис;
2. Грандиозное разрушение производительных сил страны за весьма короткий промежуток времени;
3. Экономических регресс не только в сфере производительных сил, но и в сфере производственных отношений.
4. Сильнейшее внешнее влияние на социально-экономические процесс в стране;
5. Отсутствие общенациональной цели развития.

Многие современные проблемы, в том числе украинско-российских отношений восходят к намеренно и целенаправленно разыгрываемым сценариям постперестроечного развития. И сценарии эти были запущены извне и поддержаны внутри страны на волне эйфории гласности и перестройки. Внутренние социально-экономические процессы разворачивались без какой-либо серьезной проектной деятельности со стороны главного в данном случае субъекта макрорегулирования — государства. В качестве доказательства можно привести примеры с многократным переименованием предполагаемого вектора развития: от планово-рыночного пути в самом начале перестройки до обозначения его как социально-ориентированного рынка, затем — как регулируемого рынка, и, наконец, — просто как рынка. Отсутствовала почти десятилетие после приятия ныне действующей Конституции РФ 1993 года концепция социального государства, хотя упоминание о том, что у нас социальное государство и соответствующая статья в Конституции были зафиксированы. Необходимость четкой промышленной политики стала всерьез обсуждаться буквально последние пару лет, причем усилия по обоснованию необходимости такой политики прилагали как академические научные круги, так и практики, тема промышленной политики стала ключевой, в частности, на Московском экономическом форуме 2014 года. Добавлю, что всего лишь три месяца назад Минкультуры представило материалы и предложения по основам культурной политики, на базе которых далее предполагается подготовить сам проект основ культурной политики. Таким образом, намечаются подвижки как в сфере материального производства, так и в духовной сфере. Отметим, что по опросам общественного мнения 21 % населения страны в 2013 году ответили, что российская политика вызывает у них надежду [1, 29]. Правда, уверенность в завтрашнем дне от проводимой политики испытывают только 3 % респондентов, а уважение она вызывает только у 5 % [1, 29].

Правомерна, на наш взгляд, постановка вопроса, вынесенного на обсуждение конференции 31 мая 2014 года «Религия, наука. общество: проект русской культурной политики» о переходе нашей страны от объектного к субъектному статусу. Как объект глобального экономического клонирования Россия вполне устраивала так называемое мировое цивилизованное общество. Как субъект, отстаивающий свою позицию (даже не интересы, а позицию по честному расследованию катастрофы Боинга, по честному расследованию преступлений нынешних киевских властей) так называемому цивилизованному миру Россия не нужна. Поиск Россией

своего пути развития, возрождение национальной гордости за свою страну воспринимается в глобальном экономическом пространстве как угроза. Даже по поводу грандиозных мероприятий Олимпиады-2014 раздавались упреки в западной прессе об имперских амбициях России, неоднократно писалось, что в любой демократической стране такие затраты на зрелища были бы недопустимы и налогоплательщики их бы не поддержали.

Вакуум, образовавшийся в результате выстраивания социо-хозяйственной системы по лекалам МВФ и других глобальных игроков привел не только в экономическому кризису трансформационного периода (90-е годы) процесса общественного воспроизводства, но и к общественной деградации, главной чертой которой, на наш взгляд, явился отказ от стержневого общественного единства, пусть не совершенного в чем-то, и подверженного критике со стороны его противников. В качестве данного стержневого общественного единства достаточно длительное время выступала коммунистическая идеология (времена до 1917 года с их стержневой спецификой в данном случае оставим за рамками статьи — это отдельная тема). Отказ от идеологии внес разброд в общество, различные слои которого кинулись искать замену как в традиционных для России религиях, так и в различных религиозно-идеологических суррогатах. Зачастую за красивыми «упаковками» эти религиозных суррогатов скрывались всяческие отнюдь не безобидные секты, типа «Аум Синрике», последователей Р. Хаббарда. Среди последователей последнего, саентологов, немало оказалось лиц, занимающих важные позиции в современном российском бизнесе, а многие фирмы почти поголовно отправляли своих сотрудников на семинары по саентологии.

Замещение традиционных ценностных ориентиров и образа жизни коснулись практически всех общественных сфер, а не только идеологии. В образовании подписание Болонских соглашений породило ряд дополнительных проблем и так у уже пошатнувшейся системы высшего образования в нашей стране. Работодатели до сих пор не слишком хорошо воспринимают бакалавров как дипломированных выпускников, поскольку за ними еще две ступени высшего образования (магистратура и, по новому закону об образовании, — аспирантура). Ранее лиц с промежуточным образованием называли «с незаконченным высшим образованием».

В научных исследованиях ориентация на признание их результатов опирается на западные мерки, например, так называемый индекс Хирша. В оценке успешности того или иного фильма используется в

качестве мерила величина бюджета, количество собранных в прокате денег, наличие спецэффектов.

Итак, современное российское общество сталкивается со следующими противоречиями:

1. Между общенациональными интересами развития и узкоэкономическими интересами отдельных субъектов разного масштаба бизнеса;
2. Между отсутствием стержневого общественного единства и религиозной активностью как со стороны традиционных религий, так и со стороны не типичных для России концессий и сект;
3. Между стремлением позиционировать себя в качестве мировой державы и нарастании изоляционистских мер со стороны глобального пространства.

Преодоление данных противоречий видится в консолидации всех здоровых сил, заинтересованных в реальном развитии страны пол вектору национального интереса.

Стержневое общественное единство, на наш взгляд, должно опираться на проект русской культурной политики, не зацикливаясь на религии, с одной стороны, и ее полном отрицании, с другой стороны. В истории нашей страны был некий культурный проект, ориентированный на кодекс строителя коммунизма, что-то из этого опыта можно воссоздать. Современный подход, на наш взгляд, в качестве объединяющего центра может избрать национально ориентированный гуманизм, развитие гармоничного общества, ориентирующегося на общенациональные интересы и гарантии сохранения самобытности всех исторически сложившихся на территории страны региональных социумов.

Литература

1. Общественное мнение — 2013. М.: Левада-Центр, 2014. — 252 с.
2. *Фадейчева Г.В.* Современное российское хозяйство как продукт глобального экономического клонирования // Философия хозяйства. — 2000. № 4. С. 82—90.

А. А. ФЕДОТОВ

Современная геополитическая ситуация в контексте политики США второй половины XX — начала XI века

Аннотация. В статье рассматривается современная геополитическая ситуация, в контексте политики США, проводимой, начиная с 40-х годов XX века до настоящего времени в отношении России и других стран. Отмечается, что полувековое противостояние США и СССР в холодной войне показывает, что в условиях глобального мира именно военная мощь и единство народа перед лицом внешних вызовов являются теми силами, которые способны предотвратить начало новой мировой войны.

Ключевые слова: Россия, США, Советский Союз, мировая война, геополитика, империализм, Президент.

Abstract. The article focuses on the modern geopolitical situation in the context of USA's policy towards Russia and others from nineteen-forties up to now. The author assumes that the fifty-year cold war between USA and USSR has shown military power and the unity of nation, faced by external challenges, to be the two drivers, which can prevent a new world war from happening in the global peaceful environment.

Keywords: Russia, USA, Soviet Union, world war, geopolitics, imperialism, President.

В последнее время приходится часто слышать от разных людей вопрос о том, не может ли ситуация на Украине спровоцировать начало Третьей мировой войны. Как показывает история, начало Первой мировой войны было спровоцировано таким казалось бы локальным фактом как убийство эрцгерцога Фердинанда. Поэтому, если объективные исторические, политические и экономические предпосылки для начала мировой войны существуют, то спровоцировать ее начало может все что угодно. И в то же время — грамотная политика способна отодвинуть ее начало.

Сэр Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи говорил о том, что Второй мировой войны могло не быть: «Когда в свое время я увидел приближающуюся опасность и обратился к своим согражданам и ко всему миру с призывом остановить ее, никто не прислушался к моим словам. А между тем вплоть до 1933 или даже до 1935 года Германию еще можно было спасти от ожидавшей ее страшной участи, и человечество избежало бы тех неисчислимых бед, которые обрушил на нее Гитлер. Во всей мировой истории не найти другого примера войны, которой можно было бы так же легко

избежать, как недавней кровавой бойни, прошедшей опустошительной поступью по всей земле. Нужно было лишь своевременно принять необходимые меры, и, я уверен, Вторая мировая война была бы предотвращена, причем без единого выстрела, а Германия смогла бы стать процветающей, могущественной и всеми уважаемой страной. Однако никто не верил в надвигающуюся опасность, и постепенно, одна за другой, страны мира оказались втянутыми в чудовищный водоворот войны»[42].

И в то же время, не успела закончиться Вторая мировая война, как бывшие союзники СССР стали вынашивать мысли о Третьей. Как писал А.И. Уткин, в 1948—1949 гг. «в Вашингтоне всерьез раздумывали о возможности перерастания советско-американских разногласий в новую мировую войну. <…> Единственная надежда на победу в войне против СССР возлагалась американским руководством на «атомизацию» Советского Союза, которая, по мнению составителей плана «Бройлер», должна заставить Кремль капитулировать: «На протяжении трех лет концепция войны против СССР будет основана на скорейшем проведении мощного воздушного наступления, в ходе которого будет максимально использован разрушительный потенциал и разрушительный эффект атомной бомбы, и в дополнение к этому будут применены обычные бомбардировки, с целью лишить СССР возможности продолжать военные действия»[43]. Историк приводит некоторые положения плана «Троян», принятого в 1948 году, согласно которому «предполагалось в течение 30 дней подвергнуть атомной бомбардировке 70 основных индустриальных центров в СССР, в результате чего, по мнению американских военных, должно быть выведено из строя от 30 % до 40 % советского промышленного потенциала, 2 миллиона 700 тысяч советских людей должны погибнуть немедленно, еще 4 миллиона должны скончаться через некоторое время и, кроме того, 28 миллионов обитателей этих городов должны были остаться без крова»[44]. И не началась война только потому, что Советский Союз смог противопоставить адекватный, в том числе атомный противовес этим захватническим планам.

В то же время Соединенные Штаты не прекращают борьбу за мировое господство. Противостояние с Советским Союзом прямо было названо «холодной войной», но имеется множество примеров и настоящих войн, таких как во Вьетнаме, Ираке, Ливии, поддержка

---

[42].Цит. по: Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 380

[43].Уткин А.И. СССР в осаде. М., 2009. С. 127—129

[44].Уткин А.И. Указ. соч. С. 125

региональных антинародных режимов. Американский профессор-политолог Майкл Паренти отмечает, что «мы неоднократно слышим о том, что лидеры США выступают против коммунистических стран, потому что в этих странах отсутствует политическая демократия. Но следующие одна за другой администрации Вашингтона поддерживали самые репрессивные режимы в мире, которые регулярно проводили массовые аресты, убийства, пытки и запугивали население. Кроме того, Вашингтон оказывал поддержку некоторым самым отвратительным правым контрреволюционным повстанческим группировкам головорезов: «УНИТА» Савимби в Анголе, «РЕНАМО» в Мозамбике, моджахедам в Афганистане, а в 1980-х годах — даже фанатичным приверженцам Пол Пота, которые вели войну против социалистической Камбоджи»[45].

Агрессивная политика США в отношении тех стран, интересы которых пересекаются с американскими, не вызывает сомнений. «В ходе вьетнамской войны Соединенные Штаты сбросили бомб по мощности в три раза больше, чем в течение всей Второй мировой войны. <…> Всегда, начиная с убийств коренных американцев и победного шествия генерала Шермана к морю в 1864—1865 годах и заканчивая атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, американское общество выражало широкую и неослабевающую поддержку решительным военным действиям, даже если они приводили к разрушениям и велись против гражданских жителей»[46].

О целях региональных империалистических военных кампаний США хорошо написал Д.Б. Фостер в своей книге «Откровенный империализм — «бремя белого человека»: «Как только страна будет полностью разоружена и «переделана» под нужды стран в центре капиталистического мира, будет завершено «строительство нации» и, как подразумевается, закончится оккупация. Но в районах, где имеются важные ресурсы вроде нефти (или считается, что они занимают стратегические позиции на пути подходов к такому сырью), сдвиг от формального к неформальному империализму после вторжения может происходить медленно — или произойдет только в очень ограниченных сферах. <…> В настоящее время империализм США ведет себя особенно вызывающе, он связал себя именно с такой

[45].Паренти М. Власть над миром. М., 2006. С. 105—106

[46] Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. Б.м., 2009. С. 108—110

войной и говорит о серии войн в будущем для достижения, в сущности, таких же целей»[47].

Украина — точка пересечения американских и Российских геополитических интересов. Она очень значима, но риторика о Третьей мировой войне в этой связи — всего лишь пропагандистские приемы киевской хунты.

Вообще все глобальные империалистические проекты сопровождаются большой пропагандистской работой. Не является исключением и глобализация по-американски. Победительницы конкурсов красоты, заявляющие, что их мечта «мир во всем мире», и самая мощная в мире американская армия, ведущая боевые действия, в том числе и против мирного населения.

Как-то мне случайно попал в руки вышедший два года назад журнал «Российская Федерация сегодня», являющийся общественно-политическим журналом Российского Парламента. Среди других материалов меня заинтересовало интервью политолога Николая Злобина, посвященное США. Он в частности сказал: «Американцы уверены, что их нация самая лучшая. Национальный менталитет связан с представлением о том, что им очень повезло. Американский ребенок со школы знает, что каждый день в его страну прибывают тысячи мигрантов из других стран. И у него с детства формируется мысль: они едут к нам, потому что у нас лучше. У себя они так сделать не могут, потому что им мешают какие-то силы. Начинается знаменитое американское мессианство. Когда ребенок вырастает, он делает практический вывод: надо помогать другим народам бороться против нехороших сил».

С учетом того, что и в России сейчас немало тех, кто попал под обаяние американского культурного империализма, стоит задаться вопросом: на самом ли деле все так хорошо в Америке? США — страна, во многом воспринимающая историю, политику и саму жизнь, как шоу; недаром одним из самых популярных американских Президентов является бывший актер Рональд Рейган. Америка — страна, где кинематограф дал тысячи трактовок того, что есть и что будет, где грань между реальностью и вымыслом стерта, где миф, каким бы призрачным он не был, может стать более действительным, чем то, что есть «на самом деле», если он внедрен в сознание масс. Впрочем, сегодня такими становятся и многие другие государства… Интернет, телевидение и газеты рисуют образы для толпы; благодаря

[47] Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007. С. 175—176

развитию современных информационных технологий любая вещь может быть подана и как величайшее зло, и как величайшее благо. Мир либеральных ценностей пытается стереть грань между добром и злом, представить ее призрачной. Живущие в нем в основной массе счастливы своим положением, потому что, как и римская чернь времен заката империи в избытке имеют «хлеб и зрелища». Мы видим сейчас упадок промышленности в России, но ведь и США его не избежали — достаточно вспомнить Детройт.

Государство, создавшее новую форму империализма, когда его доллары, не обеспеченные реальными материальными ресурсами, благодаря мифу о «великой Америке» имеют самое широкое хождение по всему миру по стоимости, гораздо превышающей их истинную покупательную способность. С одной стороны это позволяет поддерживать непропорционально высокий уровень жизни в США. С другой стороны — финансовая система США не является государственной, она принадлежит частным лицам и контролируется стоящими за ними международными обществами.

В завершение можно привести цитаты трех Президентов США, которых нельзя заподозрить в предубежденном отношении к своей стране. Первый из их них — один отцов-основателей Томас Джефферсон: «Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну». Выигравший гражданскую войну между Севером и Югом, закончившуюся объединением США и погибший от пули подосланного убийцы Авраам Линкольн: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны… Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, — а тогда конец республике». Убитый 22 ноября 1963 года в городе Даллас (штат Техас) Джон Кеннеди: «Когда я вступил в должность президента, больше всего меня поразило то, что дела действительно были так плохи, как мы утверждали»…

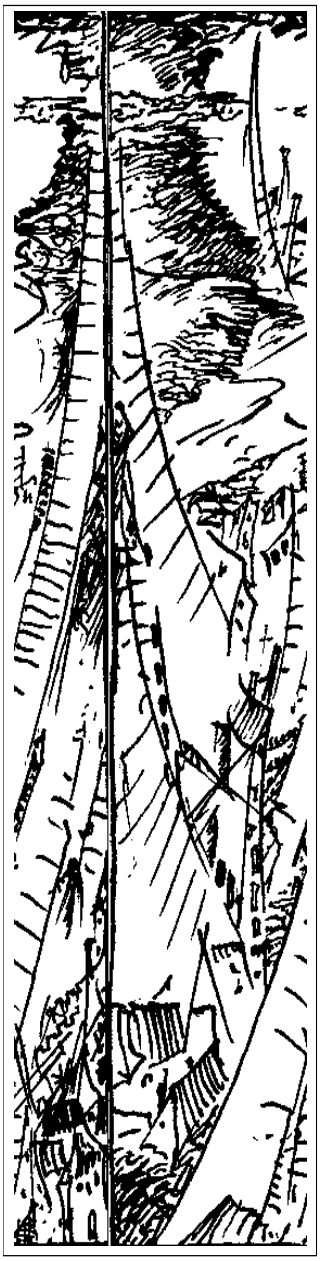
И, говоря о принимающих все более четкие очертания перспективах возрождения России, хочется процитировать того же А.И. Уткина: «если размышлять над судьбами хрестоматийных фаворитов второй половины XX века (скажем, над возрождением Германии или Японии), мы не поймем секрета их общепризнанного успеха, если не усмотрим главного: даже в годину национального поражения, эти народы сохранили непоколебимое самоуважение, своего рода «коллективное помешательство» в виде несгибаемой

уверенности в воссоздании своего могущества, в конечном занятии почетного места в мировой семье народов. Эта вера в свою звезду стала главным основанием, без которого целенаправленный упорный труд этих народов не получил бы формы, стимула, постоянства, смысла»[48]. Возрождение России начинается в условиях, когда «пятая колонна» все еще распределяет государственное финансирование в таких важнейших сферах как образование и культура, когда распространение антигосударственных, антироссийских идей за государственные деньги все еще возможно. Но, учитывая позицию Президента России Владимира Владимировича Путина, по стратегии развития России, можно предположить, что это засилье «агентов влияния» внутри страны носит уже преходящий характер. Пример Крыма наглядно показал, как исключительно большой и важный результат в современной геополитике может быть достигнут без военных потрясений. А полувековое противостояние США и СССР в холодной войне показывает, что в условиях глобального мира именно военная мощь и единство народа перед лицом внешних вызовов являются теми силами, которые способны предотвратить начало новой мировой войны.

[48]Уткин А.И. Указ. соч. С. 283—284

II

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ



Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Философия хозяйства и экономические кризисы

Аннотация. В статье исследуются основные причины, породившие философию хозяйства. 1. Философия хозяйства возникла вследствие кризиса Логоса — основания западной цивилизации — как восполнение Логоса Софией Премудростью Божией. 2. Философия хозяйства возникла вследствие кризиса хрематистики, сокрытой в невинном облике экономики. Экономика-хозяйство обеспечивает всю полноту жизнеотправлений человека, его сохранение. Экономика-хрематистика занята бесконечным ростом богатства ради смерти. Эти несовместимые интенции, стратегии жизни и смерти, эсхатологии срослись, как сиамские близнецы; разделят их лишь мысль и меч апокалипсического правосудия.

Ключевые слова: Хозяйство, экономика, хрематистика.

Abstract. The article is devoted the philosophy of economy's essence and the main reasons for it. 1. Philosophy of economy arose in consequence of Logos' crisis that is the basis of the western civilization as an addition of Logos with Sofia The God's Wisdom. 2. Philosophy of economy arose in consequence of the deadlock and the crisis where chrematistics hidden in innocent shape of economics leads mankind. Economy-household is engaged in all completeness of person's life providing his corporeal life and spiritual reproduction. Economy-chrematistics taken with the perpetual growth of money wealth for the life in general, i.e. death. These incompatible intensions, the worlds, strategies of life and death, methodologies, eschatologies grew together like Siamese twins and only the thought and the sword of apocalyptic justice will be able to divide them.

Keywords: household, economy, chrematistics.

Философия хозяйства представляет собой и *феномен*, и *ноумен*; потому она не дефинируется стандартной логикой. По Канту, ноумены («вещи-в-себе»), непознаваемые метафизические реалии (Бог, свобода и др.), повелевая разумом, ведя тайную работу в его органах, не позволяют ему определить себя. Если разум пойдет на эту авантюру, то демоны диалектики запутают его в неразрешимых антиномиях, в которых доказуемы и опровержимы как «тезис», так и «антитезис» (например, Бог есть — Бога нет); и каждый из них требует полноценного сертификата истины, грозя отправить разум на скорой карете религии в палату № 6.

Определение требует указать индивид, вид и род. Например, собака есть лающее животное. С философией хозяйства такой номер не

проходит, хотя в конце этого правдивейшего сказания будет и этот номер. Философия хозяйства — наука, но она и *метанаука*, нечто большее, чем наука; можно увидеть в ней синоним экономики, но она и *метаэкономика* — выходя за ее рамки; можно считать ее частью философии — вроде философии права, философии истории, но она не только философия, но и *метафилософия*, выходящая в миры софиасофии.[49] Можно считать философию хозяйства междисциплинарной наукой, но во всех «щелях-между» заводятся плесень (растение смерти!) и тараканы. Или в научных щелях обитает нечто иное? Нет ни одной междисциплинарной науки, имеющей плоды и потомство. Как феномен философию хозяйства можно сравнивать с другими экономическими дисциплинами, но как ноумен она остается неопределимой метафизической реалией. Нет термина, который объемлет ее содержание.

Постмодернизм вообще отрицает любые определения, заменяя их игровыми алгоритмами; он считает, что все методы философии, науки и культуры не дают понимания, а плодят наукообразный самообман, в котором индивид становится дивидом, злейшим врагом самого себя, превращая себя в зверя. Принципом мысли должна стать *деконструкция* всех методов, интерпретаций, определений, субъекта; нужно выявлять первичные смыслы, которые отверг прогресс познания, заменив их толкованиями, захоронив в них оригиналы-первознания.

Как ноумен философию хозяйства не постичь, ибо в ней действуют софийные смыслы, которые отчасти открываются человеку, но не подлежат мыслетехнике рассудка. Но философия хозяйства неопределима и потому, что сегодня она сама выступает определителем логичности сущего, смыслов, человека, экономики, всего существующего. Также неопределим и человек, ибо именно он является определителем сущего и несущего, а сам остается неопределяемой величиной. И если бы, не дай Бог, кто-то определил человека, мир сразу бы сгинул в бездне! Это не парадокс, а предупреждение мудрости. Определить — значит, поработить, высосать и убить!

Вообще, даже в учебной логике определяется только объект, а субъект остается неопределимым, являясь единством определяющего и определяемого. Гегель увидел в научном фанатизме определений стремление не к знанию, а к смерти. Право в этой ситуации видит жажду деспотической власти: «Был бы человек, а определение всегда найдется!».

---

[49] Почти все народы видят в хозяйствовании род искусства.

Итак, философию хозяйства трудно определить, ибо она сама определяет качество мысли своих определителей, решая вопрос о допуске их к столь серьезному делу[50], оставаясь при этом нео-предел-енной и самоопределяемой реалией, готовой принять любые определения и любые реакции ученых и власти наученного сообщества.

Но философия хозяйства очень серьезно ищет изобретателя первого определения? Что и как он определил? Каково было это первое золотое определение[51]? И, вообще, зачем нужны определения; ведь все вещи уже определены своим бытием, которое хранит в себе их причины и смыслы. Вещи, человек не определяются извне, а самоопределяются изнутри своим назначением и своим смыслом. Поэтому нужно не определять, а смыслы искать, в том числе и смысл своего искания определений и то единственное определение, которое получил каждый определитель от рождения[52]! А чтобы смыслы искать, нужно Софию Премудрость Божию принять, созерцать и умерять ею свою «мудрость»! А для поиска Софии ты должен быть нужен ей, и она тебя сама найдет!

Логос сотворил из определений научный культ, забыв при этом определить себя, определение и его задачи. У юристов определена каждая пташечка и букашечка, а хаос в этой мегамашине определений растет! Определение в ней стало не средством поиска правды, а орудием расправы.

Поэтому суть философии хозяйства следует искать в ее самоопределении: нужно войти в мир ее смыслов, стать ее гражданином, получить допуск к ее идеям и сокровищам. Нужно забыть о себе, как зерно, чтобы стать колосом многознающим! Нужно

---

[50]Ап. Павел очень глубоко заметил, что определять могут лишь те, кто сами определены Господом и допущены к столь опасной работе, как познание, из которого-то грех и пороки выползли; а мы сегодня по-научному выбивая клин клином, сами становимся клином, который выбивает лишь смерть.

[51]Попытка определить, поставить предел беспредельному близка к безумию, «ибо выставленный в определении предел оборачивается вдруг незаконнорожденным беспределом — диктатурой предела, беспощадно приканчивающей не только определяемое, но и самого определяющего» [1,29].

[52] Нужно отметить, что в XX в. возникла группа учений, которые тоже не укладываются в любые научные и философские дисциплинарные матрицы. Речь идет о психоанализе, ноосфере, синергетике, этногенезе, социобиологии, коэволюции и др. учениях, с которыми не желают «дружить» ни наука, ни философия, ни социология, хотя все ученые используют их в своих исследованиях. Такие смысловые символы, как хозяйство, хаос, бифуркация, пассионарность, научное сообщество держит в дальнем зарубежье.

мыслить, не мысля, отдав мысль хозяйству, которое само скажет о себе. А этикетки определений водят за нос даже безносых, потерявших нос в поисках дефиниций страсти[53].

Но один факт, загадочный и магический, говорит о том, что философия хозяйства — это не только дело людей, а ее речами говорит уже другая эпоха. Она даже родилась дважды (1912 и 1991 гг.), чтобы видящие прозрели. Нет ни одного случая, чтобы наука, религия, искусство рождались дважды; ибо дух не возрождается, а творит новое. Философия хозяйства пришла в мир не случайно: она кому-то и для чего-то нужна («если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно»!); кто-то ее позвал из метамиров, и она откликнулась на вопль человека среди симулякров.

Каковы основные свойства этого странного феномена?

Философия хозяйства появилась на свет в начале миросменяющего кризиса XX в., решившего судьбу человечества и его «достижений». Оно само прокляло себя, ринувшись в кровавую метель военно-революционных суицидов классов, сословий, культур, наук, экономик, людей, империй. Кризис поразил и евронауку, которая завопияла суицидом: «Материя исчезла!». В экономике исчезла «материя труда», оставив «ценные бумаги». Но в этом кризисе не заметили главное: выявился кризис не только экономики, культуры, человека, но и неисцелимый кризис самого *Логоса, его логики и свободы,* составляющих научное, правовое, прогрессивное основание Европы, ее «миротошнотворных» инициатив.

Европа до сих пор не видит, что человечество живет, опираясь на два крыла мудрости — на Логос (закон) и Софию (смысл). В Античности, когда Европа была нормальной, т.е. когда ее не было еще вовсе, жизнь, культура и эсхатология людей, которые еще не знали, что из них вырастут гейцы-европейцы, были пропитаны логосной софией и софийным логосом. Затем вместе с христианством, усыновившим Логос и Софию, Запад отрекся и от Логоса, узрев в нем скрытый деспотизм, несвободу. А это отречение стало привлечением Мефисто; он-то и стал демиургом Европы, превратив ее экономику, да и все общественные институты в различные системы организованного тотального безумия.

По логике и по смыслу части меньше целого: они должны служить ему, выполняя его функции, для чего им дана относительная свобода. И какими бы важными ни были части, например, сердце и мозг

[53] «Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» (2, 405). (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. Т. 24, с. 405)

организма, они все же должны покоряться целому, ибо забвение самой малой «железки» грозит бедой. Но это онтология и биология, а они не могут принудить капитал, «золотого тельца» и США считаться с какой-то логикой и смыслом. И США насилием навязывают человечеству и биосфере отрицание аксиомы разума: «Часть меньше целого». Но отрицание этой аксиомы ведет индивидов сначала в полицию, а затем — в клинику Стравинского. И сегодня США принуждают всех людей к безумию, дабы они вкусили ценность свободы, т.е. стали свободными от логики и смысла.

Да, есть и в безумии своя *логика свободы*, обусловленная разрушением и гибелью. Труп делает части-органы организма свободными. Свобода есть негатив, признающий только власть несвободы, греха и пороков. Но под гипнозом лжи люди не замечают: свобода не означает, что людям «все позволено» делать, а она означает лишь то, что с ними и над ними позволено вершить любые бесчинства. Кому? Да свободе, кому же еще? Парадокс! Но парадоксы не имеют причин, иначе они не были бы парадоксами, — офшорами метафизики, свободной от ига причин. Парадоксы ничего не объясняют, парадоксы ничем не объясняют, а их лишь принимают, не дожидаясь, когда их молнии настигнут их научных определителей.

Экономика же безумствует (кризисует) по двум причинам. Будучи частью и средством общества, ее принудительно возводят в ранг целого общества со своими целями, а общество делают ее уродливой американской частью. Экономику принуждают жить алогизмом: «Часть больше целого», приговаривая, что это и процветающая экономика, хотя алогизмы процветают только у нормально устроенного безумия.

Но экономика безумствует и потому, что ей не позволяют быть экономикой. Она говорит: «Люди! Вы сотворили меня, чтобы я создавала для вас различные вещи для удовлетворения ваших потребностей, даже самых наигнуснейших, но не для самоэвтаназии. И что же?! Я честно решаю эту задачу, готова обеспечить своим производством, которое В.И. Вернадский сравнил с геологическими силами, уже сегодня все население Земли не только необходимыми, но и ненужными, даже — опасными товарами, изделиями. А вы мне не позволяете выполнять эту благую роль, требуя, чтобы я обеспечивала только рост «золотого тельца». Значит, я должна услужать ему, а людей обеспечивать так, чтобы неволить их к рабской покорности этой твари! Но я создана не для службы «золотому тельцу», а принуждение к противоестественному сожительству с ним вызывает у меня отвращение, именумое у вас кризисом. Вы насадили экономику

на рог «золотого тельца», пичкаете ее алогизмами, грезя при этом о нормальной экономике. Нет ее, и не будет, пока из-под ее компаса не вынут топор хрематистики, не вручат его пришедшему с каторги Раскольникову, который уже знает тайны виртуального топора России. Как может матадор, попавший на рог разъяренного быка, давать интервью НТВ, болея за «Реал»?!

Итак, материя исчезает, экономика без работы, алогизмы, безумие теснят Логос и смыслы, свобода исчезает в произволе, человек лезет в бездны своих гениталий. И кризис Логоса в культуре, экономике вызвал философию хозяйства, которая не могла не возникнуть, ибо Логос ослаб до неприличия. Возможны четыре исхода этой бифуркационной ситуации.

1. Можно спасти Логос, пожертвовав Россией, которую нужно принудить к службе прогрессу, «золотому тельцу» и «благу народа». Но советская Россия полуживой еле выскочила из ловушки социализма.

2. Логос — это Слово, а всякое слово имеет значение, смысл. Логос у его первого пророка Гераклита обозначал закон всех законов: смысл дан в законе, а закон и есть смысл. Но Логосу грозят беззаконие и безумие в виде огня, который поставит точку в миротворном проекте Логоса, ибо огонь — это физическое безумие, а безумие — психоидный огонь. И Европа, не найдя в Логосе смыслов, вкусив безумие фашизма, обратилась к технике Логоса, из которой создала искусственный интеллект. И он изрек: «Зачем вам искать эти смыслы, жить, строить, если бомба превратит все в мусор? Может передать все проблемы программам, а самим блаженно эвтаназировать?». Европа серьезно восприняла этот проект своего искусственного Учителя.

3. Можно выпустить подпольного человека со всеми его страшными пороками, направив его энергию на саморазложение, подслащенное африканскими эвокациями, на превращение его в нового зверя, который оживит Дарвина для интимных бесед о чуде эволюции. И Европа выпустила взращенного в ее чреве неозверя, вооружив его компьютером, сотовым телефоном, электронным ошейником и лающим языком (филологи уверяют: бывший английский).

Но есть и *настоящий выход*, найденный русской софийной философией и софиологией: причем, они не отвергли Логоса. Европа не хотела видеть, что в древности мудростью ведал не только Логос Гераклита, ставший затем аристотелевской логикой, но и София Пифагора, ставшая затем христианской Премудростью Божией, слугой которой была изначально философия хозяйства. Поэтому только религия может прояснить ее смыслы, ибо философия хозяйства не

только создает средства жизнеобеспечения, но и сохраняет сознание и разум для общения с небом. Философия хозяйства незримо растит наиглавнейшее благо — веру, которая хранит идентичность Логоса, человека и тайну его спасения от небытия[54]. Если временем правит вечность, то лишь вере она дает заем для настоящего, ибо есть лишь то, во что люди верят! Л.Н. Толстой повторял, что жить — это верить во что-то, хотя бы в то, что ты живой! Именно София составляет основание, метод, антропологию и доктрину философии хозяйства, которая несет в себе не спасение *экономики*, а экономику *спасения*.

Видимо, России суждено испытывать все идеи, учения, проекты, ценности, институты, средства и цели. И она ценой величайших жертв выполняла эту роль, пока не иссяк креатив прогресса. И вот теперь последнее испытание последней креатуры Запада — экономики. Что это за чуо-юо такое, экономика? Поистине — Протей многоликий, неуловимый и коварный, алчущий человеческих жертв на алтарь свой голубой и коварный.

«Кризис» на древнегреческом языке означает суд; будучи дитякризиса, философия хозяйства милосердно помогает жертвам Логоса, попавшим в омут беззакония, огня и безумия. Она прорвалась в начале в. (1912) через творческое откровение С.Н. Булгакова. Но встретил ее «спецфонд рукописей» Воланда. И в конце XX в. произошло чудо: философия хозяйства родилась снова в трудах русского мыслителя Ю.М. Осипова; она сразу же стала древом знания, без которого некому даже поднять вопрос о *понимании* экономики, хотя ей, похоже, оно и не нужно.

Философия хозяйства возникла не только для спасения и восполнения Логоса Софией, но и для решения проблем хрематистики, ставшей египетской тьмой для науки. Возьмем в советники Аристотеля, который *впервые* исследовал философию, хозяйство, хрематистику и экономику, которые сплелись в ком *неразрешимостей*.

[54] Поэтому Византия и Древняя Русь посвящали храмы именно Софии Премудрости Божий, а не Логосу, хотя не забывали о его служебных функциях. Фольклорный Иван-дурак спасал в гиблых ситуациях братьев-логиков своей глупостью, которая учитывала интересы всех обитателей бытия и небытия; его глупость приближалась к мудрости, охватывая смысловые пружины жизни. Иван-дурак знал философию хозяйства по милости Божьей, он был солидаристом, а потому владел всеми тайнами антикризисного управления.

Для Аристотеля экономика[55], совпадая с домохозяйственной организации жизни есть часть философии. Она суть искусство и наука управления хозяйством дома с целью достижения «благой и прекрасной жизни», в которой имущество служит телу, тело — душе, душа — уму, ум — богу. Главное в экономике — Дом, в котором скрыты вся мистерия, загадка и трагедия человека. Основанием Дома служит хозяйство, которое составляет часть Дома, как Дом составляет часть религии. Дом — субъект, субстанция, институт, целевая причина и конечный смысл экономики как *хозяйственного органа самой жизни*. Если индивид — это микрокосмос, то Дом — это мезокосмос, через который индивиды общаются с богами и с макрокосмосом. Дом хранит человека, а бездомность — убивает. Связи Домов составляет общину, а связи общин — Общий Дом полиса.

Экономика Аристотеля содержит и *социономику*: хозяйство должно воспитывать героев Отечества. А потому *педагогика* — самая важная часть хозяйства, ибо взращивание новых поколений есть главная забота власти; хозяином может быть только учитель.

Бессмертной заслугой Аристотеля стал анализ мертвящей сути, тайных пружин и ядов *хрематистики*, создавшей опасный мир, в котором деньги стали богом («золотым тельцом», Мамоной). Уже в древности деньги порождают не удовлетворимую страсть к их накоплению. Это занятие Аристотель назвал *хрематистикой*. Кто инициирует накопление денег ради денег вопреки его несуразице: людям нужны вещи, а не деньги за деньги. По Аристотелю, «в основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [4, 393].

Итак, накопление денег порождает жажда бесконечной жизни, жизни вообще. Но стремление к жизни вообще посредством накопления денег означает, по сути, влечение не к жизни, а к

---

[55] Термин «экономика» (от др.-греч. Οικονομικη), буквально — закон дома) использовал уже в VI в. до н.э. древнегреческий поэт Гесиод, выделяя в нем два слова: «ойкос» (дом) и «номос» (закон), что означает умение устроить дом как малый космос жизни. В IV в. до н.э. древнегреческий историк, воин, философ Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н.э.), написал трактат «Домострой», в котором называет экономику наукой о домоводстве вроде того, как есть наука медицины, математики и др. Этот трактат Цицерон перевел на латынь (лат. Oeconomicus). В 1776 г. после труда А. Смита экономика стала наукой о богатстве, а с 1848 г. после книги Дж. С. Милля «Principies of Political Economy» в исходный смысл термина «экономика» запрятали хрематистику — антиэкономику и антихозяйство.

абстракции жизни, которая есть ненасытная поглощаемость смерти. Любая абстракция есть ненасытное ничто. Абстракция дерева съест деревья всех времен; и они не насытят ее чрево. Так и все деньги мира не насытят абстракцию жизни. Абстракция всех съест, и все равно будет голодной; после поглощения бытия она пожрет самое себя, но от этого самоедства она плодит новые, столь же голодные абстракции. И прожорливость абстракций создает особый мир серых теней, в котором рост абстракций и жажда отрицания вещей и людей становятся самоцелью. Поэтому древние видели в деньгах-самоцели феномен Аида.

Накопительство денег — жуткая штука, кошмары которой укрыты гипнозом денег, власти и развлечений. В этом накоплении незримо и дополнительно (помимо греха) взращивается смерть, хотя самим «хремастам» мнится, что они идут к бессмертию, ибо деньги-де выкупят бессмертие у смерти. Но человек не замечает, что рост денег дает ему все, кроме своего «Я». Безмерный рост денег плодит алогизмы и бессмыслицу, ибо они часть продают как целое. Безмерное накопление денег есть безумие, а исцелением от него может быть лишь другое безумие. Деньги переливают в золотую субстанцию ум вещей и людей, делая их слугами безумия. Мощь хрематистики составляет троица: *бессмертие, алогизм и безумие*. Эти киты образуют основание и современной экономики, ищущей причины кризиса, методы его преодоления в его же порождающей причине[56].

Но хрематистика породила не только капитализм, но и либерализм, технократизм. Не только накопительство денег умножает смерть, но и все институты, технологии, средства и препараты, инициируемые деньгами, несут в себе гибель. Они прямо не творят смерть, а высвобождают связанную смерть, активируя ее мрак. И все технологии, созданные экономикой, как и подобает смерти, губят природу, людей, и лишь ее же самоотрицание остановит этот прогресс.

Аристотель не спрашивает, кто является инициатором этого безмерного накопления денег. Человек добровольно умножает деньги ради денег или же сами деньги возбуждают у людей это влечение? Или есть нечто «третье», влекущее деньги и людей друг к другу?

---

[56] У Маркса истоком стоимости служит абстрактный труд. Но он то ли не заметил алогизма, то ли в силу своей инфернальной алогичности создал величайшее творение, в котором упаковал всевозможные виды безумия. Как может абстрактный труд, которого нет, абстракция труда, которая жаждет только самоотрицания, определять производственную жизнь? Как может ничто, смерть производить, определять товары? Точно, Маркс был экономистом, который служил рабом-хрематистом.

Смертотворность денег связывает человека с неведомыми силами. Аристотель отвергал ростовщичество, считая его противоестественным, противоприродным делом, которое нужно пресекать даже насилием. Но если накопление денег противоречит человеку, природе, жизни, богам, значит, оно соответствует нечеловеку, нежизни, неприроде, которые эту самоценность денег развивают вопреки воле полиса. Если нечто противоречит миру и все же процветает в нем, даже временами повелевая им, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил.

Деньги — это искусственный интеллект, нечто вроде костылей, естественного ума. И деньги не только лишены понимания самих себя и мира, но они устраняют осознание людьми своего непонимания. Деньги заменяют понимание кризисами, в которых экономика судит своих капитанов за ее непонимание. И осознать суть экономики в контексте самой же экономики нельзя, как огурцы в банке не могут осознать свою соленость; и после банки они гниют, а лишь живые огурцы рефлексируют о вреде соли.

Для Аристотеля ясно, что деньгонакопительство провоцирует ничто, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяет ее вечной смертью. Мистерия смерти внушает, что самой экономной является смерть, ибо ей нужен лишь один ресурс — люди, что она самая богатая, а кризисы ей не ведомы. Но осознать эти виртуальные галлюциногены экономики-хрематистики современный денежный человек уже не может. А обсуждение экономики в неосознаваемом контексте смерти ускоряет гибель этих горе-знатоков. Кто признает сегодня, что экономику держит смерть? Одной рукой она правит рынком, а другой — экономикой; первой рукой загоняет человека в рынок, а второй — готовит к закланию. В хрематистике люди не умирают, а перерабатываются смертью в деньги; они участники демонического спектакля хрематистов, сознают его ложь, но выйти из него не могут.

Люди, животные убивают друг друга для сохранения жизни, хотя и зря губят больше. Для возрастания *нежизни*?! А цели и желания самой смерти неизвестны. Поэтому кризис, смерть и экономика неразделимы. Человек смертен, но он все же не сливается с нею, сохраняя возможность жизни иной. А для хрематистика жизнь только средство смерти. Открытие Аристотелем метафизики Дома как сакрального начала экономики-хозяйства, культуры, человека обрело законченное выражение в христианстве, которое часто представляют как божественное Домостроительство. Человек должен в первую очередь производить Веру, бороться за ее спасение, чтобы достойно встать в очередь на Великое Спасение. И только сочетание Дома,

хозяйства, Церкви, социономики и школы составляет целостное понимание экономики, которая не знает кризисов, ибо все ее части работают в едином ансамбле жизни, а не ради денег-самоцели. Правда, такие речи кажутся не от мира сего. Но кто скажет, какой мир сей, а какой мир не сей? В единый миг все может перемениться, как с СССР! Нет гарантий, что таких переворотов уже не будет. Мысль, сознание всегда должны ждать встречи с невозможным, из которого они творят свою смысловую пищу. А для этого необходимо хотя бы краем уха знать о философии хозяйства, которая производит не только средства жизни, но и жизненные смыслы, ценности, саму веру, без которой невозможна даже финансовая экономика.

Итак, современный термин «экономика» содержит в себе два противоположных смысла: *экономику, изначально совпадающую с хозяйством* жизни, и *хрематистику-смерти*, которая создала стоимостную систему, подчинив ей хозяйство, питающее ее ресурсами и реальностью. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая и воспроизводство духовного общения. Но с Возрождения экономику-хозяйство незаметно слили с экономикой-хрематистикой, а затем просто стали именовать «экономикой», «забыв», что в этом термине сплетены хозяйство и смерть. Чтобы честно хозяйствовать, рынок вынудит производить вредные и ненужные товары, чтобы угодить экономике; пожелаешь отказаться от денег экономики — разоришь свое хозяйство. Чтобы хозяйствовать на рубль, нужна дань смерти на два рубля, приблизив тем самым срок своей казни. Не платишь дани смерти — не получишь денег для хозяйства, которое обойдется без них, но это будет нежизненное хозяйство. Не работаешь на смерть — не получишь благ для жизни; работаешь для жизни — удели время и смерти! Делай добро – но без участия во зле не выйдет; уходишь от зла — оставь ему часть своего добра! Поэтому экономика-хрематистика наиболее выгодна прямым слугам смерти — криминалу, производителям оружия, наркотиков, алкоголя, табака, инициаторам эмиссий! Их доходы неисчислимы, но им и этого мало! Таков инфернально-сакральный кодекс экономики-хрематистики!

Почему все же хрематистика победила хозяйство и экономику? Каково ее тайное оружие? Ведь хозяйство-экономика производит жизнь, а хрематистику влечет абстракция жизни, смерть!

Ведь и само хозяйство человека — это сплошное мучение, не имеющее высшего оправдания, а только высшее проклятие[57]. Трудясь до кровавого пота, человек усугубляет хозяйство еще и глумлением, жестокой и грубой эксплуатацией. Жизненные блага, творчество, софийные смыслы лишь иногда сластят его горечь. Хозяйство не имеет высшего оправдания и в качестве раба «золотого тельца», который превращает его в служение адское. Змий не оставил в покое соблазненных, а принуждает их постоянно ублажать смерть. Оттого так мало радости дает даже творчество, ибо искупление греха требует испытать все муки хозяйства, блага которого собирает «золотой телец». В хозяйство, как и в экономику, змием пролезла хрематистика, которая вынуждает человека наилучшие свои мысли, дела, плоды отдавать этому зверю, который превращает их в смерть, а хозяйство и экономику держит в режиме кризиса, дефицита, инфляции, безработицы.

Но даже такое страшно мучительное хозяйство все же работает на продолжение жизни. Поэтому хозяйство противоречит антихристианскому проекту, двигаясь через рабство к общинному солидаризму первых христиан. Этот идеал был подменен «золотым тельцом», в котором Моисей и Христос увидели главного врага жизни; со временем он стал капиталом со своей идеологемой: «Деньги сильнее Бога и победят его!».

Затем пришли империализм, социализм и фашизм, чтобы сокрушить монархии, которые противоречили антихристианскому проекту, храня в себе опаснейшую закваску: «Нет власти не от Бога!». И монархизм был заменен прогрессом демократии, экономики, быта и технологий. Идеологема этих сил гласила: «Техника сильнее Бога и победит его!».

Затем пришел глобализм, дабы сокрушить национальные институты и ценности — плоды христианства. Глобализм превращает социокультурные и национально-этнические общности в толпо-элитарные структуры, которыми правят СМИ и демонизм, готовя пришествие Главного. Идеологема этих сил гласит: «Глобализм сильнее Бога и победит его!».

И вот идет виртуализм, дабы заменить ум, сознание, язык и души людей информацией, дабы лишить их знания и понимания, чтобы в мире никогда никто нигде и никак не смог бы вспомнить слово «Бог»,

---

[57] «Проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. В поте лица твоего будешь есть хлеб…» (Быт. 3: 17, 19). Современные добровольные изгнанники из Рая в поте лица и без штанов, глотая пыль, бегают по Европе за своими деньгами и процентами в офшорах.

чтобы вернуть человека зверю. Его идеологема гласит: «Искусственный интеллект сильнее Бога и победит его!». Но создается и клоносверхчеловек, который должен служить вечным гарантом антихристанского проекта.

А конец света коренится в центре нашей жизни, где общаются силовые, материальные, идеальные, сакральные силы нашего «Я». И если среди них исчезает божественный фотон, значит, исчезает и его хранитель.

Весь этот исторический ряд выстроила хрематистика. Она изобрела процент, создала экономику смерти, производящей посредством смерти богатство, которое сулит к тому же бессмертие. И она победила хозяйство тем, что смерть оказалась самым экономным фактором, который сам воспроизводит самого себя и все необходимое для своего роста. Хрематистике отчасти удалось поставить на службу богатству саму смерть. Мало этого мира, и тесно в нем, перейдем в мир виртуальный, но дело первых деньгонакопителей не предадим. А там пусть нас Бог рассудит, если есть у него толковые ангелы-экономисты и хрематисты!

Вообще, экономика-хрематистика есть величайшая авантюра, мировой эксперимент человечества со смертью. Если накопление денег не знает пределов, то почему же, идя по этому пути и подчинив себе все лучшие умы, да еще взяв себе в помощники Воланда, нельзя победить смерть и возвратить себе утерянное бессмертие или создать новое? Или сотворить суррогат бессмертия и рая, превзойдя сакральные запреты?

Экономика-хрематистика — это, прежде всего, религиозный, антихристианский проект, и лишь затем она выступает как практическое и научное дело. И без метафизики не постичь ее сверхчеловеческой мощи и угрозы ее крушения вместе с человеком. В этой экономике люди имеют дело не с благами, а смерть имеет дело с людьми, приняв соблазняющий облик благ. Люди исказили суть экономики, выдав ее часть — средства — за цели и целое; и если главное дело экономики-хозяйства — спасение людей от смерти, то главное дело экономики-хрематистики – сохранении смерти за счет людей. Поэтому экономику нужно изучать в контекстах жизни, хозяйства, религии, из которых она вышла, но служит не только им, а принуждает их служить смерти. И жизнь, и смерть в руках людей, но кто хозяин этих рук? Экономика-хрематистика вышибла из людей Бога, мудрость, мораль, заменив их науковизмом, непониманием экономики.

Хрематистика исказила сам термин «экономика», сделав его для знающих орудием манипулирования незнающими; использование этого термина в науке создает хаос. Сегодня слово «экономика» (в смысле науки) имеет в словарях, энциклопедиях, справочниках, в ученых трудах свыше 26 различных значений. Есть похоронные трактовки экономики. Л.Н. Толстой и Ю.М. Осипов считают экономику идеологией, П. Кругман — религией, М. Хазин — мифологией. П. Фейерабенд допускает любые трактовки экономики, которая сама должна избрать себе жениха, свои смысловые и концептуальные наряды. Вот разберись, кто именно болеет, кризисует! Наука требует «n-ое» число различных взглядов[58], но в данном случае — беда. Если число пальцев на конечностях будет расти, то без хирурга не обойтись.

Итак, философия хозяйства возникла как необходимое смысловое, религиозное, миротворное, социокультурное, научное и экономическое восполнение и выражение цельного творящего знания, которое отчасти доступно человеку посредством сил Логоса (Слова) и Софии (Смысла). И если Логос воздвигнул европейский мир, и этот мир шатается, рушится, а человек задумал сбежать из него, то это говорит лишь о том, что истина не в Логосе, а в его союзе с Софией. И София воздвигла свой мир в Византии и в России, в котором родилась ее дочь — философия хозяйства, согласующая закон Логоса и смыслы Софии, а в экономике — интересы жизни, хозяйства и финансов, исключив из своих проектов «золотого тельца», послав его на вольные хлеба Сахары.

И в этом плане философия хозяйства — это не просто проект ученых, создавших научно-философскую школу, а она продолжает совместное творчество Логоса и Софии в хозяйствовании. Философия хозяйства и явилась для изгнания хрематистики. И научные власти не знают, что с этой философией делать, но закрывать ее не рискуют.

Далее, философия хозяйства вскрывает неразрешимости экономики-хрематистики. Это не «хозяйственная теория», не «теория хозяйства», не «хозяйственное учение», не «хозяйствоведение», не «экономическая социология». Все теории не разделяют в «экономике» «хозяйство» и «хрематистику» смертотворную. И только философия рвет этот конкубинат жизни и смерти.

Далее, философия хозяйства возникла ради спасения свободы от произвола-беззакония и деспотии-законников, предоставив ей для творческих дерзномыслий новый, неосвоенный, софийный мир.

---

[58] «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись искусные и мудрые» (1 Кор. 11:19).

Философия хозяйства — это знание-размышление, которое раскрывает метасистемную целостность экономики, проявляющей себя через многообразие ее частных дисциплин, теорий, учений. Это — вид экономического творчества, преодолевающего разобщенность знаний «снизу» — со стороны бытия — и «сверху» — со стороны мысли. Здесь царит живая мысль, а не готовое знание, ибо не от знания проистекает субъект, а от мыслящего субъекта — знание. Философия хозяйства — это не *теория* познания, а само *знание* как реалия; это — способ пребывания субъекта в самом знании, как в особом виде реальности. И *философия хозяйства выражает потребность в новом человеческом самосознании, стоящем выше полезности, расчетов, выше самого гуманизма.*

Каковы перспективы философии хозяйства, ее настоящее?

Философии хозяйства имеет сильное, сакральное, мудрое и нормативное *прошлое* — хозяйственный традиционализм во всех сферах жизни. Большинство народов мира живут по домостроевским заветам философии хозяйства: ради продолжения жизни. И только пресловутый Запад служит экономике-хрематистике, продолжая бессмертие смерти.

Философия хозяйства имеет сильнейший волевой и нормальный проект *будущего* — многополярный мир, союз империй с радикальным хозяйственным строем, который сохраняет свободу творческих дерзаний духа, солидаризм народов, здоровье людей.

Сегодня только философия хозяйства владеет оригиналами вещей, идей, людей, общества, власти, экономики, институтов, оригиналами ума, сознания, души, знания, понимания и языка, ибо только в ней запечатлены софийные смыслы мира. Сама философия хозяйства есть связь и с оригиналом самого оригинала, охраняемого вечностью, которая верит в человека. Философия хозяйства имеет своим идеалом Дом всего человечества, а экономика-хрематистика — Дом смерти мира.

Настоящее — вот основная проблема, забота и мука философии хозяйства. Ситуация напоминает положение первых христиан. Людей, институтов, государства, образования нет — сплошные симулякры, которые философия хозяйства отвергает. А на кого же опираться, с кем работать? Или люди философии хозяйства — заблудшие университетские овцы? Ап. Павел говорил, что христиане не от мира сего погибающего, но находятся в нем и должны что-то из него брать. Что принимать христианам из нехристианского мира? Церковь приняла антихристианскую власть и заразилась ею, не думая, ради чего свершился грех и возникли смерть и дьявол. И почему Бог терпит

эту наглую вакханалию[59]? Или теперь ООН, МВФ, НАТО, ЛАС спасают?

Основная миссия философии хозяйства — одолеть все хитрости хрематистики, сокрытых математикой, наукой и философией в термине-симулякре «экономика». Экономика-хрематистика рухнет сама от тяжести «золотого тельца», который сегодня держится еще на подпорках инноваций. Цунами хрематистики накроет весь мир, а оставшиеся начнут жить уже только по аксиомам философии хозяйства.

Для людей философии хозяйства бытие — это не *данное*, а заданное: нужно создать в центре хрематистики наш, новый мир, отвоевав его у золотого тельца. А для этого нужно не засорять свой ум мнениями и проектами мира, а дать в мыслях хозяйничать самому хозяйству, которое и найдет будущее. Так поступали первые христиане: в муках они дошли до отрицалища эпохи и повернули время в другом направлении. Они умели входить и выходить из времени, не страшась демонов гибели. И нам нужно, *опираясь на софийность***,** уметь видеть мир, экономику, хозяйство и свой ум без иллюзий**.** Против философии и хозяйства бессилен глобализм, ибо он паразит и скрыто кормится хозяйством, а не экономикой.

У нас есть свой настоящий, хотя пока и неведомый союзник. Речь идет об МЧС. Возникнув как институт ликвидации различных катастроф, МЧС, становится планетарным субъектом хозяйствования. Его отделения, как и церковные приходы, есть во всех субъектах России, даже в самых малых административных структурах, и даже во многих странах за рубежом. Но главное в том, что в МЧС обучают людей именно хозяйству; причем, хозяйству в условиях полного крушения экономики-хрематистики. Они постоянно входят в различные отрицалища и возвращают время на пути хозяйствования, которое, правда, потом власть снова загоняет в стойбища «золотого тельца».

Но философия хозяйства знает, что делать после его конца и есть институт, который это делает уже в масштабах всей планеты. Вопрос в том, когда, как и где философии хозяйства встретится с МЧС, и они совместно решат о форме новой империи для России.

И обещанное определение: «Философия хозяйства есть инструкция, в которой представлены знания о том, как правильно пользоваться

[59] Брейвик заявил судьям: «Вам некуда меня посадить, ибо весь мир и так есть тюрьма. Я родился, вырос, живу и поступаю по закону тюрьмы, а вот вы по какому закону живете?».

миром, экономикой, обществом, самим собой, сознанием и разумом, метафизикой, верой, софийностью и неизвестностью, чтобы не стать неизвестным».

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 24.
3. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984.

А.И. НОВИКОВ

Кооперация как антипод общества потребления

Аннотация. В условиях развития либеральных ценностей, не имеющих перспектив развития в России, обосновывается модель общественного устройства на кооперативных принципах, рассматривается эволюция этого вопроса в исторической ретроспективе и связь с ивановской землей.

Abstract. In terms of development of liberal values, with no prospects in Russia, is based on a model of society on co-operative principles, examines the evolution of the issue in historical Retrospect and the ligature from Ivanovo.

Ключевые слова: кооперативная модель, поиск модели общественного развития.

Keywords: cooperative model, search the model of social development.

Развитие взглядов на систему общественного устройства крайне противоречиво. Нас (россиян) воспитали в таком духе, что догматическое сознание (рожденное веками) якобы отстает от реального, тем более, что идеология подражает нашему субъективному самовыражению, называя это «единственно научным подходом». И в этом кроется наше заблуждение.

Предвидя такое общественное состояние, Н. Бердяев в своей работе «Философия свободы» писал: «Скоро, скоро настанут времена, когда наука восстановит в своих правах многие истины алхимии, астрологии, магии». На многих научных симпозиумах процессы такого свойства мы наблюдаем, когда покупаются всевозможные дипломы не за научные достижения, а из конъюнктурных соображений.

Последнее десятилетие в научных кругах говорят о кризисе философии. Такое состояние философской науки было подтверждено на философском форуме (конгрессе) в Сеуле в 2008 году. Если в рамках традиционных подходов философия зашла в тупик, то, чтобы найти пути выхода из него, предлагается обратиться к ученью Гегеля. Он заявлял, что философия до тех пор не завершена, пока ей не удастся осуществить *примирение и гармонию веры и знаний*. В настоящее время разрыв между верой и знаниями усиливается. Брат на брата идет войной (пример — Украина), церкви одного вероисповедания стараются низложить друг друга. Именно это обстоятельство поиска пути общественного устройства в настоящее время является наиболее востребованным.

В этой связи важно определить направления культурной политики, концепты развития общественного устройства с позиции возможной гармонии, ближе к которой находится школа «философия хозяйства». Патриарх Всея Руси Алексий II писал: «Между верой и знаниями нет противостояния. Однако всем векам и народам знаком спор о том, можно ли подкрепить мистический опыт научными данными». По его мнению, это спор не религии с наукой, а с идеологией, привыкшей говорить от имени науки, и этот спор никогда не будет завершен.

Из этого можно сделать вывод, что по существу разговор идет о синтезе науки и религии. Но, наблюдая за сегодняшним миром, можно говорить о том, что наука чревата антинаукой (лженаукой) как и церковь, судя по событиям на Украине, чревата антицерковными делами. Поведение Америки в связи с событиями на Украине, это нарастающие противоречия между гармонией и наукой. А лицо современной науки, как известно, определяет во многом капиталистический дух рационализма. Наука для капитализма есть лишь наиболее эффективный способ делания денег.

По какому пути пойдет Россия, станет ясно уже в обозримом будущем. Лицо современной России определяет во многом потребность нынешних «олигархов» к самосохранению и их способностью ориентироваться в происходящих политических процессах, в значительной степени обусловленных их личными и групповыми интересами. 110 российских семей контролируют 35 % национального богатства.

В России наблюдается кризис праволиберальных идей, которые последние двадцать лет являются доминирующими в национальной политике. Свидетельством тому служат материалы Валдайского форума 2013 г. По заявлению С. Караганова: «Мы потеряли национальный кураж и стали нацией пессимистов. У нас хаос в стране

и в головах». Семьдесят лет существования советского строя объявлены «черной дырой» российской истории.

Последнее четырехсотлетие второго тысячелетия характеризуется низкопоклонством перед Западом. Остается спорным тезис, провозглашенный Н.А. Бердяевым, что Русский народ не догоняет Запад, а идет собственным путем. Суррогатная элита (дети олигархов) от рождения практически лишена действительной власти в стране, так как она находится вне сословного ядра национального общественного организма. Стал бесспорным тезис о депопуляции населения России. Разрушением страны послужило демографическое ослабление русских — главных творцов нашей цивилизации. Заметно ухудшается положение дел в сельской местности, на просторах Сибири. Научные подходы при формировании единого геополитического образования в России подменяются политическими целями.

По нашему мнению, западная модель не имеет перспективы в нашей стране. По мнению патриарха всея Руси Кирилла «у нас другая цивилизованная матрица — восточно-православная, в основе своей — соборная». Этим идеям общественного устройства в наибольшей степени соответствует, как нам представляется, *кооперативная модель*. На разных этапах формирования современной цивилизации к кооперативной модели общественного устройства возвращались неоднократно.

Первыми европейскими теоретиками были Дж. Беллерс (1654—1722), Корнелиус, Питер Ван Плохкой (представил Кромвелю проект «Как сделать бедняков счастливыми путем объединения в общества или малые республики»). Известный писатель Даниэль Дефо (1660—1731), разработал первый проект потребительского общества. К ним можно добавить Р. Оуэна, который на практике попытался осуществить проект нового жизнеустройства.

В России, приверженцами идей Ш. Фурье стали М. Петрашевский и А. Герцен, которые предложили общину и артель в качестве основы будущего общества. Н.Г. Чернышевский считал, что на основе общины создадутся производственные товарищества. Вспомним швейную мастерскую Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Мастерская, будучи основана на ее средства, становится общим владением ее работниц при самой широкой кооперации расходования общих доходов. Вокруг мастерской образуются кооперативный магазин, ссудный кооперативный банк, кооперативное общежитие.

Нельзя обойти вниманием декабристов, которые в 1831 году, будучи в ссылке на Нерчинских рудниках создали первый в России

потребительский кооператив «Большая артель». Кооператив успешно функционировал. Первым председателем был Н.В. Басаргин, казначеем — И.И. Пущин.

В 30-е годы прошлого века популярными были идеи Ш Жида, предложившему кооперативную модель государственного устройства.

В условиях современной России могут быть популярны идеи А.И. Герцена, который писал: «Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда делает для себя». Всеобщие закономерности создания нового общества А.И. Герцен видел не в разрушении, а в созидании, в освобождении от уродующих уже имеющихся в обществе начал. В современном обществе таким началом является излишествующее, безудержное «потребление».

Современная западная экономика давно утратила свой классический облик, сегодня она приобретает виртуальный характер. Капитал, приобретенный не за производство продукции, а за счет его перепродажи, посреднические услуги, есть спекулятивный капитал. К древнему еврейскому купцу, живущему за счет купли-продажи, присоединились ростовщики-банкиры, фондовые биржи, сфера услуг для развлечений и разврата. По оценкам различных авторов, денежная масса, вращающаяся в этих секторах, значительно превышает массу денег, предназначенную для трудящихся.

Н.Н. Моисеев назвал этот процесс «чудовищным насосом», который непрерывно перекачивает эти деньги из карманов трудящихся реального сектора экономики, из бюджетов развивающихся стран, чтобы обогащать развитые страны и дельцов виртуальной экономики [1]. Многочисленные «теоретики» от экономики выдумывают различные модели и хитроумные проекты, призванные еще больше обогатить одних за счет других. Мы стали свидетелями виртуальной «бумажной» экономической системы. Приоритетные позиции в этом глобальном казино занимают США, которые присвоили себе функции главаря. Они присвоили себе право производить все меньше, а потреблять все больше.

Эта бесперспективная модель капиталистической экономики, рано или поздно, падет. Россия, повторяя западную модель развития, основанную на либеральных ценностях, не имеет перспективы.

Есть альтернативные концепции развития общественного устройства. В качестве такой модели можно обозначить концепцию, предложенную С. Глазьевым и др. академиками. С их точки зрения: «Речь должна идти о коренной модернизации и обеспечении самодостаточности нашей экономики на основе решения трех взаимосвязанных задач: неоиндустриализации, неокооперации и духовно-культурного обновления».

Администрация В. Путина стала уделять первостепенное внимание восстановлению политической стабильности и созданию экономического пространства. Серьезнейшей проблемой на этом пути является, по нашему мнению, господство в хозяйственной жизни страны олигархических группировок. В этой связи на первый план выходят такие вопросы, чтобы на основе достигнутой стабильности начать формирование институтов, характерных для современного общества и более точно ориентированных на особенности России.

С нашей точки зрения такими институтами могут выступать кооперативные образования. Остановимся на раскрытии сущностного содержания развития страны на кооперативных началах. Кооперация, как социально-экономическое явление, способна открыть путь к эффективному сочетанию личных, коллективных и общественных интересов, гарантирующих высокий уровень производительности труда на базе материальной заинтересованности и духовного единства.

Как известно, эмблемой Международного кооперативного альянса (МКА) является радуга — символ гармонии. В 1995 году МКА отмечал свое столетие. На юбилейном конгрессе было зафиксировано определение кооператива как самостоятельная организация людей, добровольно объединившихся с целью удовлетворения своих общественно-экономических, социальных и культурных потребностей с помощью совместно владеемого и демократически управляемого предприятия. Кооперативы основаны на ценностях, которые во многом согласуются с матрицей соборного, общинного устройства России, отражающей определенные мировоззренческие взгляды школы «философии хозяйства».

Во-первых, с точки зрения кооперативных принципов, являющихся определенными путеводителями. Базовые кооперативные принципы были предложены 170 лет назад (1844 г.) рочдейльскими кооператорами (учредителями «Общества справедливых рочдейльских пионеров»): честность, открытость, социальная ответственность и забота о других.

Во-вторых, кооперация в России, на всех этапах ее развития, как социально-экономическая система, рожденная народом, была для народа, сохранила свою миссию служить людям, пайщикам.

В-третьих, масштабность деятельности кооперативного сектора экономики в мире. В мире насчитывается 700 тыс. кооперативов, ее членами являются 800 млн человек, а услугами этого сектора пользуются около 3 млрд человек [2].

В-четвертых, с ивановской землей связан большой пласт истории развития кооперации:

а) в Иваново-Вознесенске появился один из первых в России ссудо-сберегательных кооперативов в России (1869 г.);

б) ивановская земля является родиной двух основоположников кооперативного движения в России: Н.Д. Кондратьева (родился в д. Галуевской Вичугского района), отец А.В. Чаянова родился в д. Богданиха Ивановского района;

в) вопросы теории и практики кооперативного движения находятся в поле зрения современных ивановских ученых:

– при Ивановском государственном университете создана лаборатория по проблемам развития кооперации;

– при Губернаторе Ивановской области создан Координационный Совет по развитию кооперации и предпринимательства;

– на территории Ивановской области (г. Вичуга) создан единственный в России футбольный клуб «Кооператор», успешно выступающий в рамках Золотого кольца.

По нашему мнению, кооперативные институты способны обеспечить конкурентное преимущество современной экономики России, так она связана с человеческой личностью и с теми факторами, которые непосредственно обеспечивают жизнедеятельность человека. Кооперация как социально-экономическая система одна из немногих, которая способна осторожно вмешиваться в ткань экономической жизни, выдвигает развитие человеческого потенциала в качестве своей приоритетной цели.

В заключении приведем слова достаточно популярного в XIX веке ученого Дж. Миля, который развивал идеи социального реформаторства. Веря в кооперативный идеал, он считал, что при помощи кооперативного принципа совершится преобразование общественного строя, которое «соединит личную свободу и независимость с нравственными, умственными и экономическими выгодами и которое без насилия, грабежа осуществит лучшие стремления демократического духа» [3].

Литература

1. *Моиссев Н.Н.* Мировое сообщество и судьба России. М.: Изд. МНЭПУ, 1997. — 272с.

2. *Макаренко А.П.* Теория и история кооперативного движения. М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999. — С. 3.

3. *Цит. по: Тотомианц В.Ф.* История экономических и социальных учений. Париж. 1921. — С. 168—170.

С.М. УСМАНОВ

«Русская цивилизация» и «диктатура импотентов»

Аннотация. В статье изучается цивилизационная проблематика российской истории и нашего времени. Автор уделяет существенное внимание концепту «русская цивилизация» и его интерпретации в общественной мысли. Показано также осмысление данной тематики в работах отечественных исследователей последних двух столетий

Ключевые слова: «Русская цивилизация», «русская цивилизация».

Annotation. Civilization problems of Russian history and modern time are studied in the article. The author pays special attention to the concept "Russian civilization" and its interpretation in public opinion. The understanding of these problems in the works by Russian thinkers of last two centuries is showed in the article

Keywords: "Russian civilization", "Dictatorship of impotents".

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. Задание № 33.526.2014/К.

В последнее десятилетие термин «русская цивилизация» прочно утвердился в нашей стране не только в общественно-политической публицистике, но зачастую и в научных публикациях. Самые видные представители российской политической, духовной и культурной элиты также охотно рассуждают о России как особой цивилизации или даже как о «государстве-цивилизации». Другое дело, имеет ли понятие «русская цивилизация» какое-то серьезное обоснование, и есть ли смысл настаивать на существовании некой самобытной «русской цивилизации».

Разумеется, нас в данном случае занимает не политико-прикладное использование данного концепта в нынешней общественной жизни и конкретной политической борьбе. Речь идет о содержательном характере цивилизационной специфики российского социума в исторической ретроспективе и о его возможностях на будущее. В данном случае нам хотелось бы затронуть некоторые значимые аспекты интересующей нас тематики.

Прежде всего, стоило бы заметить, что нередко в научных изысканиях российских исследователей нашего времени понятие «русская цивилизация» применяется без основательного осмысления, как некая аксиома. Тем более, что существует уже и «Институт

Русской Цивилизации», в научный совет которого были включены девять докторов наук.

Конечно, в публикациях наших дней имеются и более определенные утверждения о сущности и конкретных проявлениях «русской цивилизации». В этом смысле обращают на себя внимание работы известного историка А.И. Фурсова, в которых доказывается, что «Россия — имманентно внекапиталистическая, а, следовательно, антикапиталистическая система». Причем, «апогеем развития русской цивилизации» является Советский Союз в расцвете своего могущества. И в этом как раз и состоит «Великая Тайна (военная и мирная) советизма /сталинизма» [10; 4]. Понятное дело, такие соображения из полемической статьи могут считаться неподходящими для использования в научной дискуссии. Однако в данном случае мы видим лишь резкую формулировку той точки зрения, которая достаточно часто высказывается, причем не только А.И. Фурсовым.

Впрочем, и сам А.И. Фурсов в своих более объемных текстах подчеркивает, что лишь «самобытная русская цивилизация (русский вариант европейской цивилизации, рядоположенный античному и западному), впитавшая лучшие из мирового опыта и отринувшая худшее», может стать основой для построения новой российской государственности [9].

Еще раньше, в 90-е гг. XX столетия, в этом же направлении шли изыскания таких известных и уважаемых ученых, как ныне покойные Б.С. Ерасов и А.С. Панарин.

В частности, А.С. Панарин отмечал, что русская культура жила и живет под знаком идеи «России как особого типа цивилизации, формирующейся в едином евразийском пространстве». Причем, русской культурой Серебряного века была сделана попытка «выдвинуть российскую цивилизационную альтернативу западным принципам жизнеустроения, породившим крайне жесткие промышленные и политические технологии, а потому ставшие опасными для человечества» [7; 46, 55].

Со своей стороны Б.С. Ерасов выделял, по крайней мере, два очень существенных аспекта цивилизационного своеобразия России. Первый связан с тем, что в России «на протяжении многих веков была огромная роль государства, основанного на принципе державности, которое в значительной степени замещало собственно цивилизационные основы регуляции, не получившие в России системного формирования». Второй имел отношение уже к советской эпохе: Советская Россия отнюдь не сводилась к «тоталитарной госпартсистеме». Она была еще и «становящейся цивилизацией нового типа» [2; 89, 101]. Заметим, что размышления А.С. Панарина и

Б.С. Ерасова, хотя и достаточно близко сходятся в сравнительно высокой оценке советского этапа цивилизационного развития России, все-таки подчеркивают не «русский», а российский и даже евразийский формат отечественной цивилизации. Мало того, и Ерасов, и Панарин отмечали, что самостоятельная цивилизация в России так и не сформировалась в досоветскую эпоху, поэтому ее становление осуществлялось такой «реальной исторической силой» как коммунизм — «при всех его издержках и губительных крайностях» [2, 100].

Проблематика «русской цивилизации» действительно очень важна и актуальна для современной России. Ибо здесь сокрыты важнейшие вопросы о судьбе России, о путях ее дальнейшего развития, о ее друзьях и врагах. И есть действительно надежный критерий, позволяющий заниматься ее изучением, не впадая в субъективные увлечения и политические пристрастия. Это — уже имеющийся опыт осмысления исторического пути России в отечественной общественной мысли, особенно XIX столетия. Ведь именно тогда появилась концепция «культурно-исторических типов» Николая Яковлевича Данилевского, что стимулировало и других представителей российской общественной мысли к обсуждению цивилизационной тематики.

Интересно, что уже сам Данилевский наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал и термин «цивилизация». При том, что для Данилевского «цивилизация» есть завершающий этап развития «культурно-исторического типа». И в этом смысле, как отмечал Николай Яковлевич, «Европа есть поприще германо-романской цивилизации (…) или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [1, 58]. Как известно, Данилевский предвидел возможность появления «особой славянской цивилизации», главная роль в созидании которой должна будет принадлежать России — «единственной независимой представительнице» славянского мира [1, 479—480]. Но, согласно соображениям Данилевского, это только возможность. Или славянство образует «один из самобытных культурных типов всемирной истории», или же «ему предназначено второстепенное значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала (…)» [1, 328].

В сущности, Данилевский обозначил только возможность появления «славянской цивилизации» во главе с Россией. Более основательно разработали эту проблематику российские мыслители последней трети XIX—начала XX вв.

И здесь первым стоит назвать Константина Николаевича Леонтьева. В конце своей жизни он ясно очертил как свое понимание проблематики культурно-исторического типов, так и собственный вклад в ее истолкование. В письме А.А. Александрову 3 мая 1890 г. Леонтьев писал об этом так: «про Данилевского можно сказать, что он сделал великий шаг — указаниям на эти культурные типы. Можно ведь и так его теорию обернуть: существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества, невозможность создать новый, смешение всех типов в один средний есть признак приближения человечества к смерти. Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне же гипотеза вторичного и предсмертного смешения» [3; 289].

Здесь Леонтьев упоминает о своей теории развития культуры от первоначальной простоты к «цветущей сложности» и затем к вторичному смесительному упрощению, что означает уже смерть самого общественного организма.

Рассмотрим лишь итоговые размышления Леонтьева по данному вопросу. Еще в письме княгине Е.А. Гагариной 24 апреля 1889 г. он не высказывается однозначно, допуская возможность трех вариантов дальнейшего развития: «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Влад. Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и цинизма (иногда, увы, думается, признаюсь и так!) задатки самого гнусного и кровожадного хамства (равенства то есть); во всяком случае, наше призвание, огромное и грациозное, еще далеко не исполнено, и потому «горе тому, кто станет на дороге, этому не нами, а свыше предначертанному стремлению»» [3; 275].

При всем том, Леонтьев в конце своего письма к княгине Гагариной опять возвращается к мысли о наиболее благоприятном варианте развития России, какое он мог предполагать тогда, в эпоху правления императора Александра III: «Графу Дмитр. Андр. Толстому относительно сословных его реформ продолжаю горячо сочувствовать и очень рад, что он берет верх. Прочно ли все это только? Дворянство наше ужасно легкомысленно, и русских настоящих в его среде очень мало. Я думаю все-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: ***будет своя цивилизация*** (выделено нами — С.У.)» [3; 276].

Надо подчеркнуть, что такая возможность Леонтьевым обосновывалась и ранее. В 1882–1883 гг. он смог свои соображения даже напечатать в газете «Гражданин» (публикация называлась

«Письма о восточных делах»). Зная эти письма, можно уверенно утверждать, что упомянутая Константином Николаевичем «своя цивилизация» не должна была быть чисто «русской». У него речь шла об «оригинальной славяно-азиатской цивилизации» на основе «Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре», что, помимо прочего, предполагало взятие Россией «Царьграда», т.е., Стамбула — столицы Османской империи [6; 279, 280, 282]. Такую перспективу развития России Леонтьев обосновывал вплоть до конца 80-х гг. как возможную и наиболее благоприятную. Но в письмах Константина Николаевича 1890—1891 гг. мы видим несколько иные настроения. Леонтьев приходит к выводу, что «не выйдет» той «новой славянской культуры, в которую верил Данилевский». И сам объясняет главную причину: «хамства у нас слишком много» [4; 163]. Как видно из сочинений самого Леонтьева, хамство — это культурная и духовная недостаточность, разрушение общественной иерархии, эгалитаризм. Впрочем, приведем наиболее существенное объяснение на этот счет самого Константина Николаевича из письма священнику Иосифу Фуделю 19—31 января 1891 г.: «И если даже допустить, что Романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии удовлетворить все человечество, то из этого вовсе еще не следует, что мы, славяне, в течение 1000 лет не проявившие ни тени творчества, вдруг теперь под старость дадим полнейший 4-х оснóвный культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский» [3; 312].

И, действительно, в XX веке явилась миру отнюдь не «русская цивилизация», но грянула «русская революция». Как отмечали многие свидетели и участники этой революции, ее результаты оказались поистине катастрофическими для России. Одним таких результатов стало установление в нашей стране политической системы, которая среди прочих определений получила и название «диктатуры импотентов». Данный термин представляет собой заголовок книги достаточно известного автора Русского Зарубежья Ивана Лукьяновича Солоневича, выпущенной им в Буэнос-Айресе в 1949 г. Книга Солоневича — не самая известная, да и не самая удачная из его сочинений. Зато ставший ее названием образ — очень емкий и богатый оттенками, при всей своей грубости. Сам же Солоневич определял сущность «диктатуры импотентов» как «слой неудачников, который хочет стать классом паразитов. Становясь паразитом, он не может удержаться иначе, как террором» [8, 202].

В этой связи невольно возникает вопрос: почему же в России XX столетия оказалась востребованной столь свирепая диктатура? На этот

счет имеется блестящее истолкование К.Н. Леонтьева: «для русского человека вследствие невыдержки его и легкомыслия особенно необходимы и страх Божий, и страх человеческий (как суррогат первого). И оба этих страха нужны не только для рабочих людей, но и для образованного класса» [5, 397].

Но в своем советском варианте такая диктатура оказалась вовсе не «диктатурой пролетариата», а именно «диктатурой импотентов». В самом деле, импотенция в широком смысле слова есть бессилие, бесплодие и наличие целого комплекса неполноценности, что и приводит его носителей к яростному желанию компенсировать свою несостоятельность какими-то сильнодействующими средствами, продемонстрировать собственную силу и полноценность. Подобных «сильнодействующих средств» в России XX века применялось немало, и печальные результаты тому более чем очевидны.

Но если «русская цивилизация» в России так и не состоялась, то что для нее может быть благом? Напомним в этой связи об одном разговоре, который вспоминает в конце своих «Писем к Владимиру Сергеевичу Соловьеву» Константин Николаевич Леонтьев. Это был разговор двух греков и двух русских (самого Леонтьева и философа Петра Евгеньевича Астафьева). Греки выражали недовольство высказываниями русских о том, что «Константинополь должен быть наш». Астафьев ответил им так: «Вы греки, благоустроить впервые Церковь, Но никогда не могли создать сильного государства. Мы, русские не оказались способными к религиозному созиданию, но зато создали великое государство. Надо соединить эти способности, и плод будет великий» [5, 396].

Итак, России едва ли стоит провозглашать себя «русской цивилизацией» Ей нужно возрождаться в качестве неотъемлемой части православной цивилизации, используя для этого и собственное наследие, и интегрируя достижения близких стран и народов.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991.

2. *Ерасов Б.С.* О геополитическом и цивилизационном устроении Евразии // Цивилизации и культуры: Научный альманах. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М.: Институт Востоковедения РАН, 1996. с. 86 —102.

3. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма // К. Леонтьев, наш современник / Сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 227—318.

4. *Леонтьев К.Н.*. Письма из Оптиной пустыни // Литературная учеба. 1996. Кн. 3. Май-июнь. С. 141—173.
5. *Леонтьев К.Н.*. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993.
6. *Леонтьев К.Н.* Письма о восточных делах // Леонтьев К.Н. Записки отшельника / Сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. М.: Русская книга, 1992. С. 231—304.
7. *Панарин А.С*. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизации и культуры: Научный альманах. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 29—55.
8. *Солоневич И.Л.* Диктатура импотентов: Социализм, его пророчества и их реализация. Новосибирск: Благовест, 1994.
9. *Фурсов А.И.* Будущее русской государственности: Нация? Цивилизация? Иное? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6 (http://www.russia-today/tema-nomera/1847-andrei-fursov-budushhee-russkoi-gosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html)
10. *Фурсов А.И.* Десталинизация: тайные коды /Завтра. 2011. №22.

А.В. ТАРАСОВ

«Вежливые люди» как новое лицо российской политики и культуры

«Будьте строги к себе и мягки к другим.
Так вы оградите себя от людской неприязни»
Конфуций

«Вежливость — это язык человечности»
Александр Конопатский

Аннотация. В статье рассматривается новое явление времени — «вежливые люди», его реализация в современной российской культуре и политике. Анализируется феномен «вежливых людей» в социальном поведении ведущих политиков. Рассматриваются моральные и душевные качества человека — вежливость, доброта и любовь, как составляющие феномена «вежливые люди».

Ключевые слова: вежливые люди, вежливость, доброта, любовь, семья, род.

Abstract. The article considers the new phenomenon of recent months — "polite people" and its manifestation in contemporary Russian culture and politics. Analyze in detail the phenomenon of "polite people" in

political behavior leading politicians. Consider the moral quality of human courtesy, kindness, and love as the constituents of the phenomenon "polite people."
Keywords: polite people, courtesy, kindness, love, family, genus.

Словосочетание «Вежливые люди» появилось в широком обиходе в марте 2014 г. для обеспечения порядка во время проведения референдума о судьбе Крыма Россия использовала организаторские и психологические качества некоторой части своих граждан, проходивших там военную службу. Правда, это шутливое и модное ныне словосочетание существовало и раньше, но как «стёртое», обыденное. Широкую известность новые слова приобрели после того, как президент России во время телепередачи «Прямая линия с Владимиром Путиным» ответил на вопрос о том, кто такие «вежливые люди». Что стоит за этим явлением? Изменчивая политическая и публицистическая мода или знак сущностных перемен культурно-политического контекста российской политики?

В период референдума на улицах крымских городов появились всем заметные молодые ребята в полной, очень современной военной амуниции. Они вели себя чрезвычайно вежливо и учтиво, помогали, как могли, крымчанам, по их просьбе много фотографировались с жителями городов; но в боевых действиях они не участвовали. Правда, и боевых действий практически не было. Фашиствующие молодчики не решились на провокации именно потому, что появились эти вежливые люди.

Однако, функционеры «Правого сектора» в Украине, да и некоторые деятели в России, называли этих вежливых военных иначе — «зелёными человечками». Впрочем, взрослые люди знают, у кого появляются эти самые «зелёные человечки», кто часто видит инопланетян. Обычно это свойственно субъектам, злоупотребляющим горячительными напитками, тем, кто испытал действие наркотиков и душевно нездоровым людям. Мы не склонны путать реальность с галлюцинациями, а потому будем применять более удачное для здравого мышления сочетание — «вежливые люди».

Исторические события в Крыму, сопровождавшиеся недолгим явлением «вежливых людей», породили не только небывалый патриотический подъём на полуострове и во всей России, но и всплеск народного творчества на просторах Интернета. Появилось множество жанровых фотографий с живыми подписями, интересные стихотворения.

Вот пример тому:

Ребёнка не обманешь.

Приведём одно из стихотворений того времени, автор которого пока анонимен. Оно написано, в манере подражания советским стихам для детей, с лёгкой иронией в адрес оппонентов и явным преклонением перед значимостью случившегося.

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ
Вежливы люди в вежливом Крыме,
В вежливой форме вежливо просят,
Как-то не хочется ссориться с ними,
Ведь даже оружие — вежливо носят.

Вежливы каски, под масками лица,
Вежливы даже, поверьте, машины,
Вот, полюбуйся на это, столица,
Вежливый — это по-нашему мирный.

В вежливом небе летают вертушки,
Вежливо лопасти в небе стрекочут,
Вежливый катер не хочет войнушки.
Он патрулирует. Вежливо очень.

Памятуя о склонности истории к циклическим повторениям, представляется важным вспомнить, что говорил о событиях на

Украине в 20-е годы XX века великий русский писатель, переживший их. Удивительно, как много обнаруживается принципиальных совпадений! Перечитываем «Дни Турбиных» М.А. Булгакова.

«*Мышлаевский*. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

Студзинский. Да. Да. Красные уже в слободке. Через полчаса будут здесь…

Николка. А почему стрельбы нет?

Студзинский. **Тихо, вежливо идут. И без всякого боя**. И главное — удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра осточертел!» [1, С.70].

Сегодня высоко и внезапно поднявшаяся волна российского патриотизма вернула краски и значение слову «вежливость» как важнейшему душевному человеческому качеству. Словари определяют «вежливость» как «моральное личностное качество, характеризующее поведение человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. Вежливость представляет собой элементарное требование культуры поведения. Она включает внимательность, внешнее проявление доброжелательности ко всем, готовность оказать услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт.

Противоположностью вежливости являются грубость, проявление высокомерия и пренебрежительного отношения к людям, хамство».

Этимологически «вежливость» происходит от прилагательного вежливый, далее от древнерусского Вѣжливои — «опытный, сведущий», производное вѣжа — «знающий, сведущий», из *vědi̯a; ср. церк.-слав. невѣжда «неучёный», современное невежа, невежда [4]. Тем самым вежливый человек это не только тот, кто уважает людей и проявляет внешнюю внимательность и доброжелательность, но и человек сведущий, знающий, опытный. Он понимает последствия поступков и действий, то есть вежливость проистекает из знания и опыта.

Но, в последнее время, вежливые люди — не только солдаты российской армии в Крыму. Вежливость, сегодня, — это и стиль политического руководства в России. Политическое поведение президента В.В. Путина, министра иностранных дел С.В. Лаврова, министра обороны С.К. Шойгу и многих других политических лидеров России отличает вежливость, спокойствие, уверенность в своей правоте и благородстве поставленных целей. Конечно, это проистекает из уверенности и компетенции политиков, их знаний о закономерностях развития событий, из огромного опыта работы.

Однако закономерно возникает вопрос — почему так резко отличается от стиля российских лидеров политическое поведение наших оппонентов на международной арене.

Не секрет, что выступления и иные публичные действия таких политиков, как Президент США Барак Обама, зачастую отличают нервозность, предельная политическая невежливость в отношении других стран и их руководителей, а иногда и просто ложь, выдаваемая за истину. Чего стоит, например, его нервное заявление о том, что «Россия лишь второстепенная региональная держава», не имеющая права влиять на глобальные процессы, сделанное в связи с событиями, развернувшимися в Украине после поддержанного Западом майдана.

Историческая память и культурно-психологический подход для понимания различий поведения политических лидеров неизбежно требуют сравнения политиков сегодняшнего дня и прошлого. Можно ли в связи с этим сравнивать, например, Адольфа Гитлера и Барака Обаму? Безусловно. Но, не во всем. Что же существенного есть в таком сравнении? Гитлер — также политик мирового масштаба, руководитель влиятельной страны, личность, претендовавшая на изменение хода истории, правда, в соответствии со своими странными, мистическими взглядами, далекими от традиций христианской культуры. Современники описывали Адольфа Гитлера как нервозного, порой истеричного, нетерпимого к людям субъекта, который ненавидел целые социальные группы людей и нации.

Вряд ли будет абсолютно некорректно сравнение личностных качеств нескольких мировых лидеров, разделенных в истории лишь несколькими десятилетиями — Владимира Путина, Барака Обамы и Адольфа Гитлера. Если это так, то чем может быть обусловлена разница в их политическом поведении? Каждый из них — руководитель крупнейших и сильнейших в экономическом и военном отношении держав своего времени. Каждый принял власть в непростые для страны времена. Их образование очень высоко и полноценно. Барак Обама — выпускник Колумбийского университета и Школы права Гарвардского университета. Владимир Владимирович Путин закончил международное отделение юридического факультета Ленинградского государственного университета, кандидат экономических наук. Адольф Гитлер, правда, не имел университетского образования, но компенсировалось это обстоятельство глубочайшим уровнем самообразования. Все они имели большой опыт руководящей работы, достаточный для управления мощными странами. Может быть, различия проистекают из воспитания в семье, из рода этих людей?

Современная психологическая наука, теория оптимума развития (ТОР) подчеркивают, что коренные свойства личности формируются атмосферой детства [6]. Принципиально важно — была ли она счастливой (атмосфера любви и понимания) или холодной, равнодушной (атмосфера безразличия, ненужности близким и даже Богу, как кажется несчастливому ребенку), формирующая невротические комплексы и низкую самооценку. ТОР предлагает в подобных исследованиях психолого-биографический метод исследования. Вспомним историю жизни наших героев, ту её часть, которая связана с семьёй, воспитанием в детстве.

Начнём с Адольфа Гитлера — рейхсканцлера Германии, впоследствии фюрера Германии (при нем этот титул был учреждён вновь). Известно, что у Алоиса Гитлера, отца будущего фюрера, с матерью Адольфа был третий брак. Отец считался незаконнорождённым до пятилетнего возраста, когда его мать, бабушка Адольфа, вышла замуж. Брак между родителями Гитлера не полностью соответствовал нравственным и религиозным нормам, т.к. являлся инцестом — мать Адольфа была племянницей отца. Правда, брак был заключён с разрешения Ватикана. Как это и свойственно невротическим натурам, Гитлер, требовавший от своих соратников чистоты крови и правильных родственных связей, старательно скрывал своё «неправильное» родство. До рождения Адольфа мать потеряла троих детей, что является частым проявлением психологической дисгармонии в семье. В семь лет отец, так же явно невротическая личность, до этого не замечавший отпрыска, стал постоянно «заботиться» о сыне — давить на него, третировать и издеваться, с тем, чтобы он стал «важным человеком». Отец, ощущавший несоответствие своих принципов жизни духовным и нравственным нормам, привил Адольфу критическое отношение к церкви. В раннем детстве (в сельских школах) Гитлер учился хорошо. Но, перейдя в 11 лет в реальную городскую школу, перестал успевать по многим предметам. Увлекался историей, географией и особенно рисованием. В 1903 году у Адольфа умирает отец. Получив психологическую независимость от требований нелюбимого, тиранического отца, он решает стать не чиновником, а художником. Вернер Мазер, один из биографов Гитлера, писал впоследствии, что его педагог Гемер, который в это время преподавал Адольфу французский язык и другие предметы, на процессе над Гитлером в 1924 году сказал: «Он был, несомненно, одарённым, хотя и односторонне. Почти не умел владеть собой, был упрямым, самовольным, своенравным и вспыльчивым. Не был прилежным» [2]. По многочисленным свидетельствам можно сделать вывод, что уже в

молодости Гитлер обнаруживал ярко выраженные психопатические черты [2]. В 1907 году мать несчастливого восемнадцатилетнего Гитлера умирает от последствий рака молочной железы. Друзья Гитлера в воспоминаниях, записанных биографами и исследователями, отмечают его вспыльчивый и непримиримый характер, постоянную ненависть к людям.

Что общего с нездоровым немецким диктатором XX века имеет Барак Хуссейн Обама II, действующий президент США?

Дед Барака Обамы по отцовской линии был колдуном африканского племени луо. Кстати, родители Обамы познакомились в Гавайском университете на занятиях по русскому языку. Отец, единственный тогда из своего племени, получил высшее образование. 2 февраля 1961 года родители президента поженились, а уже 4 августа, через шесть месяцев после свадьбы, у них родился сын. Через три года брак родителей, похожий на «вынужденный», т.е. не гармоничный, не нравственный, не основанный на взаимной любви, был расторгнут по инициативе матери. В 1966 году мать выходит замуж вновь. Она отдаёт, по-видимому, не очень любимого сына Барака, рожденного от «не очень любимого» мужчины, на воспитание бабушке. В 30 лет она ненадолго вернулась к сыну. В 1980 году и второй брак матери был расторгнут. Создается впечатление, что у матери будущего президента было нечего сказать сыну о законах счастливой любви. В 1995 году мать, несчастливая в своей семейной жизни, умирает от рака матки. Ее сыну исполнилось тридцать лет. Прах, после её кремации, развеяли над морем. В 2008 году, в возрасте сорока трех лет, Барак Обама, также после кремации, развеял и прах своей любимой бабушки. Отца Барак не видел с 10 лет. Развеяние праха, нехарактерное для христианской традиции, может говорить о нежелании сохранять материальную память об ушедших женщинах рода, недавших мужчинам, предкам президента, счастливой любви. Как следствие такого хода событий в роду Обамы, метафизика христианства, основанная на любви к Богу и любви к ближнему, по-видимому, не слишком близка американскому президенту.

Каков же психологический портрет Владимира Владимировича Путина — действующего президента Российской Федерации?

Путин — русский по национальной принадлежности (указал на это в анкете по переписи населения). Не этнически, а в культурном плане это означает выбор православной духовной традиции с ее соборностью, человеколюбием и мессианским мировоззрением. Отец президента — участник войны, защищал Невский пятачок, был тяжело ранен, после войны работал мастером на заводе. Мать также работала

на заводе. Пережила блокаду. Во время блокады у родителей умер от дифтерии сын — старший брат Владимира Владимировича. Он похоронен в Санкт-Петербурге на Пискарёвском кладбище в общей могиле.

Предки Путина — крестьяне Тверского уезда. Семья Путиных жила в коммунальной квартире. И он жил там вплоть до начала работы в КГБ. Отец и мать умерли в 1999 г. Похоронены вместе в Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище.

Мы видим у нашего президента прочные и гармоничные родовые связи. Его родители простые, но достаточно образованные люди. В семье он воспитывался строго, т.е. требовательно по отношению к нравственным нормам, но в любви и уважении. Отец и мать всегда заботились о нём. Известно, что важным мотивом поведения Владимира Путина в детские годы была защита справедливости. Во многом с этим был связан и выбор будущей профессии. И хотя семье выпало много тяжёлых испытаний — война, блокада, смерть ребёнка, они не озлобились ни на людей, ни на жизнь. Известно также уважение российского президента к традициям и принципам христианской, православной культуры.

Как мы видим, при многих общих формальных политических параметрах, психологические отношения, семейные и родовые, у трех социальных лидеров предельно различны. На наш взгляд, это и порождает глубинные различия принципов политического поведения трех известных политиков.

Рассмотрим этимологическое значение слова доброта. Оно происходит от прилагательного «добрый», далее от праслав., от которого в числе прочего произошли: др.-русск., ст.-слав. добръ (др.-греч. ἀγαθός, καλός; Клоц., Супр.), русск. добрый, укр. добрий, болг. добър, сербохорв. до̏бар, ж. добра, словенск. dóbər, чешск., словацк. dobrý, польск. dobry, в.-луж., н.-луж. dobry. Родственно лат. faber "ремесленник, художник", арм. darbin "кузнец" (из *dhabhro-); далее, к до́ба, до́блесть. Наряду с *dhabh- существует *dhab- в др.-в.-нем. tapfar, нов.-в.-нем. tapfer "храбрый, сильный, крепкий, плотный", др.-исл. dapr "косный, унылый" [4]. Использованы данные «Этимологического словаря» М. Фасмера. В этимологическом значении слова «добрый» видны корни, родственные словам художник и доблесть. Явно просматривается связь с творческим началом и мужественностью доброты.

Вот как характеризовал доброту Иоганн Вольфганг фон Гёте. «Доброта — золотая цепочка, с помощью которой общество связывает себя друг с другом». Искренняя доброта проявляет Любовь человека к окружающим. Словарь С.И. Ожегова так говорит о Любви:

«Любовь — чувство, свойственное человеку, глубокая привязанность к другому человеку или объекту, чувство глубокой симпатии» [3]. Определений любви множество. Возьмём ещё одно. «Любовь — интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею. Любовь необходимо включает в себя порыв и волю к постоянству, оформляющиеся в этическом требовании верности. Любовь возникает как самое свободное и постольку «непредсказуемое» выражение глубин личности; ее нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть. Важность и сложность явления любовь определяются тем, что в нем, как в фокусе, пересекаются противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого» [5].

Любовью всё начинается, с мгновения рождения младенца любит мать, любовью всё заканчивается, человек уходит в иной мир с любовью близких или воспоминанием о своей любви. Любовь существует в человеке всегда. Вежливый человек — добр, он живёт с любовью, претворяет её в жизнь своей действенной, творческой, знающей нравственный и духовный путь реализации добротой. Словарь толкует доброту как ласковое, дружеское, заботливое отношение к людям.

Современная теория оптимума развития указывает, что доброта проявляет заинтересованность в реализации интересов, потребностей другого человека, демонстрирует душевную силу, высокую внутреннюю самооценку и правоту поведения доброго человека. В античной сатире Лукиана описывается спор между Прометеем и Юпитером. Не в силах убедить Прометея, разгневанный Юпитер готов прибегнуть к последнему «аргументу» — метнуть молнию в своего оппонента. Прометей на это говорит: «Ты берешься за молнию вместо ответа, — значит, ты не прав». Таким образом, ТОР показывает прямую связь доброты, вежливости и правоты, душевной и духовной силы. Невежливый, гневливый, стремящийся унизить окружающих человек — явно демонстрирует неуверенность и слабость, связанную с низкой внутренней самооценкой сформированной его семьей еще в детстве. Это явный признак «недолюбленности», сформированного в детстве личностного качества — неумения любить ни себя, ни людей. «Невежливость», всегда, — знак непонимания сути нравственного и духовного поведения, опасность невротической или психопатической компенсации своей неуверенности в социальном поведении [7].

Появление в России нового типа политического лидерства, скорее всего, явление неслучайное и не кратковременное. Это не явление социальной моды, а признак начавшейся культурной трансформации

общества. Россия сосредоточилась. Она не собирается диктовать свою волю другим, но уже готова брать на себя тяжкое и благородное бремя лидерства. Духовная и нравственная сила российской культурной традиции отвергает сегодняшнюю либеральную социально-экономическую модель, основанную на несправедливости, «свободе» унижения «сильными мира сего» нравственных сограждан. Выздоровление духа России закономерно создает условия для появления сильных и благородных лидеров. По степени влияния на социальные процессы в глобальном мире российская духовная и этическая традиция представляет собой не просто самобытную культуру, но и основу рождающейся «цивилизации гармонии». «Вежливость» политиков — лишь начало перемен в период «сингулярного» состояния современной культуры. Происходящие перемены в общественном сознании России рождают новые эмоции, новые цели. Их краткое выражение, скорее всего, заключается в известных стране призывах: «Вперед, Россия! Время — вперед!». Для России, традиционно, бытие есть принятие ответственности и призвание к гармонии духа, души и дела.

В заключение хотелось бы привести высказывание Джона Лаббока, британского учёного и энциклопедиста. «Не бойтесь показать вашу любовь. Будьте теплы и мягки, заботливы и нежны. Человек больше, поможет симпатией, чем службой, любовь больше чем деньги, и доброе слово принесёт больше удовольствия, чем подарок».

Литература

1. *Булгаков М.А.* Дни Турбиных / Булгаков М.А. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. — М., 1990.
2. *Мазер Вернер*. Адольф Гитлер. — Ростов н/Д: Феникс, 1998.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнение О.Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. М.: Астрель — АСТ, 2004.
5. Философия: Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. — М., 2004.
6. *Шелкопляс Е.В.* Мировая скорбь — уход от любви // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла.

Сборник материалов конференции. Научный редактор — проф. В.П. Океанский. — Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013.

7. *Шелкопляс Е.В.* Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов по итогам Междунар. науч. конф., 20—22 сентября 2012 г. / под общ. ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.

К.С. БАКУЛЕВ

«Счастье — это когда тебя понимают», или Коммуникация как национальная идея

Аннотация. Статья посвящена поиску социально-экономических и духовно-метафизических причин, сделавших возможным утрату базовых смыслов, манипуляцию сознанием и поведением человека. Рассматривается связь между принятием католической церковью догмата filioque в христианском символе веры и возникновением финансового («ростовщического») капитализма в Европе. Выдвигается тезис о возможности идейного возрождения России через возвращение принципов традиционалистского хозяйствования.

Ключевые слова: Россия, Украина, информационно-психологическая война, производство, обмен, метафизика, базовые практики, традиционализм, мир-экономика, Св.Троица, принцип filioque, католичество, православие, ростовщичество, кредит, капитализм, понимание, коммуникация, любовь.

Abstract. The article is devoted to the socio-economic, spiritual and metaphysical reasons which made possible the loss of basic meanings, manipulation of human consciousness and behavior. The relationship between the adoption of the Catholic Church dogma filioque in the Christian creed and the emergence of the financial ("usury") capitalism in Europe is considering here. The author brings in a focus thesis of the possibility of ideological revival of Russia after the return of the traditionalist principles of management.

Keywords: Russia, Ukraine, information-psychological war, production, exchange, metaphysics, basic practices, traditionalism, world-economy, St. Trinity, the principle of filioque, Catholicism, Orthodoxy, usury, credit, capitalism, understanding, communication, love

Когда в мае 2014 года были задуманы эти тезисы, общие контуры катастрофы, сдетонированной украинскими событиями, только вырисовывались. Уже было понятно, кто и зачем пытался привести в состояние неистовства население 40-миллионной страны, стремясь уложить в сжатые сроки сценарий событий, занявших в Германии почти все 1930-е годы. Однако еще трудно было в полной мере оценить глубину эмоционального разлома и степень невозврата из закручивающейся воронки взаимной ненависти двух очень значительных (по крайне мере, в масштабах евразийского пространства) групп людей, разговаривающих практически на одном языке и имеющих, в зависимости от конкретной местности, общую историю на протяжении от тысячи с лишним до примерно ста лет. Сейчас, спустя полгода, стало понятно, что силы, которые контролируют Федеральную резервную систему, значительную часть властной вертикали США, глобальную медийную мета-империю, а также разветвленную сеть силовых спецслужб разной степени легальности, не собирались лишь угрожать и ограничиваться малой кровью, но пошли, что называется, ва-банк. То, что случилось с населением и территорией страны Украина, можно охарактеризовать как подрыв направленных информационных и социальных «зарядов», закладывавшихся там на протяжении последних, как минимум, десяти — пятнадцати лет. Подобное «сжигание мостов» может свидетельствовать об одном: данная группа глобальных интересов взяла необратимый курс на разрушение самих основ российской и, глубже — русской культуры и государственности как носителей иного, нежели евроатлантизм[60], цивилизационного потенциала. При желании можно разглядеть еще не «взорванные», но основательно подготовленные «гуманитарные бомбы», которые в состоянии существенно усилить воздействие развернувшегося в мире (при поддержке одной из влиятельных глобальных групп влияния) украинского социокультурного террора. Это, например, вполне возможная — при поддержке СМИ и так называемого мирового

[60]Евроатлантической цивилизацией принято называть социально-экономическую и культурно-политическую суперобщность народов и государств, существующую в Западной и Центральной Европе, а также Северной Америке (некоторые присоединяют сюда Австралию с Новой Зеландией) и объединенную примерно схожим развитием капиталистических отношений. Мы, следуя анализу Ф. Броделя, а также учитывая позиции В. Зомбарта, Й. Шумпетера и К. Маркса, склонны выделять эту цивилизационную группу, начиная с XII—XIII века, то есть с последствий первых крестовых походов и образования торгово-финансового капитала.

«научного и экспертного» сообщества — деконструкция известной русской истории с позиций Киева как исконного центра Руси и объявление «московитов» (москалей) ложными русскими (потомками финно-угорских народностей), узурпировавшими богатства Урала и всей Сибири (тем более, что русскоязычная Википедия, утаивая всю историю расселения финно-угров, не забывает сообщить, что согласно новейшим генетическим исследованиям, эти племена мигрировали как раз из Южной Сибири). Оценив теперь не понаслышке богатство возможностей современной информационной и психологической войны, мы не видим в такомсценарии ничего невероятного. Единственное, что сдерживает, на наш взгляд, сейчас начало активной фазы информоперации — недоработанность политической «инфраструктуры». Пятой колонне «друзей демократии и европейских ценностей» так и не удалось поставить во главе России человека, готового бы сдать весь оборонительный и военно-промышленный потенциал страны до того, как ему подготовят указ, скажем, о переносе столицы расколовшейся Федерации из Москвы в тот же Киев. Вполне вероятно, что новую — западную — русскую псевдоимперию будет предложено назвать Великороссией с границей до Урала, чтобы отнять у «реваншистов», вытесненных в тайгу и сопки, даже символическую опору.

В советский период причина такой ненависти была довольно прозрачна и по-западному прагматична. Одна шестая часть мира (особенно вкупе с Восточной Европой после Второй мировой войны) находилась вне сферы прямого влияния мировой финансовой системы, что сильно ограничивало экспансионистские манёвры капитала. Однако планы и методы транснационального финансового центра, вот уже 100 лет с различной степенью успеха использующего политическую и валютную систему США для реализации своих целей по установлению тотального господства в мире (ибо управляя денежными, материальными, человеческими и знаниевыми[61] потоками в масштабах земного шара, ты управляешь этим миром, хочешь ты того или нет), отнюдь не поменялись кардинально за последние десятилетия. В одной из своих пророческих статей 2004—2005 гг. А. Зиновьев писал: «Все годы «холодной» войны тысячи западных специалистов (советологов) изучали Советский Союз. Но они не сделали ни одного серьезного научного открытия. У них была другая цель — искать наиболее уязвимые места в советском человейнике,

[61]В сугубо правовом контексте их еще называют РИД, или результатами интеллектуальной деятельности.

ударяя в которые можно было бы ослабить и в конечном итоге убить этого коммунистического «слона»[62].

На наш взгляд, таким уязвимым местом было отсутствие у советского социума более-менее развитых рефлексивных подсистем общественного самопознания и самосовершенствования. В этом случае здоровый социальный иммунитет неизбежно поставил бы задачу создания похожей «науки для охотников на западного зверя», при этом отнюдь не копирующей вражеский аналог, а на порядок его превосходящий, поскольку уничтожать необходимо было врага не локализованного, но «сетевого», то есть для неметафизического знания существующего безлично[63]. И далее Зиновьев словно говорит о нас, сегодняшних, обращаясь сквозь десятилетие: «Сейчас Россия оказалась в таком состоянии, что для нее проблемой номер один стала проблема исторического выживания и самозащиты от могущественнейшего врага, какого еще не было в истории человечества.

Эта проблема возникла не на несколько лет, а на много десятилетий, если не на весь двадцать первый век. Без основательной разработки науки о методах борьбы против превосходящего по силам противника с этой эпохальной задачей в принципе невозможно справиться. Новым сравнительно с прошедшим периодом тут является то, что развить «науку для охотников» теперь невозможно без развития академической науки о том «звере»,от которого приходится защищаться, и о том «охотнике», которому приходится защищаться»[64].

Александр Александрович был воинствующий атеист, и для него самыми действенными методами борьбы со злом — этим «зверем», словно вышедшим из недр, согласно св. Иоанну Богослову (Откр., 13) — были научная строгость и логическая упорядоченность, явленные в образе «академической науки». Однако, если быть до конца честным, то надо признать: все открытия в сфере манипуляции как материей, так и сознанием, были сформулированы вполне научным образом — как достижения психологии, социологии, биофизики, органической химии и даже экономики. Более того, так называемая научная форма организации знания фактически и есть выражение репрессивного

---

[62] Зиновьев А. Как иголкой убить слона. — Наш современник, 2005, № 10.

[63]Исходя из нашей приверженности метафизическому познанию, мы вполне можем рассматривать подобные усилия как построение синтетического мета-рационального знания, которое было бы адекватно проблематике Откровения св. Иоанна и позволяло обнаруживать метафизические основания действующего зла.

[64] Зиновьев А., там же

отношения к природе, ставшего *базовой практикой*[65] европейского капитализма (момент возникновения которого мы, вслед за Броделем, Зомбартом и Шумпетером, отсчитываем как минимум с XIII века).

Мы называем эти практики базовыми потому, что они изначально составляют костяк *материального обмена и производства* того или иного общества*, базы различных мир-экономик* (в данном случае внутри европейского континента). При этом мы трактуем понятие производства, скорее философски, то есть предельно широко — в качестве способа взаимодействия социума с природой как некоей *целостностью*, куда социум и его главный продукт — человек — включены в качестве *существенной*[66] *части* этого мира. Именно поэтому производство и обмен, как категории, несимметричны. В связи с этим, в противоположность марксистской традиции, мы предлагаем аксиоматику, опирающуюся скорее на наследие Броделя и его развитие И. Валлерстайном, то есть эксплуатирующую понятие *обмена*. Тем более, что производство может быть вполне интерпретировано в терминах обмена *между социумом и природой*, то есть как обмен между *частным и общим*, а сам экономический обмен есть взаимодействие внутри существенной части. Таким образом, *обмен (взаимодействие, отношение, коммуникация*) можно рассматривать как логически более общую категорию, нежели производство, и именно эта категория вполне укладывается в основу философского размышления.

Итак, мы постулируем природу как целостную бесконечность, из которой человек, отдавая собственное время и энергию, а также перераспределяя часть сил природы, получает либо предметы питания (в том числе, являющиеся результатом культивирования — селекции, скрещивания, возделывания земли и т. п.), либо предметы, обслуживающие его в процессе выращивания и культивирования предметов питания. Указанная система взаимодействия природы и социума есть *традиционализм* как наиболее развитая базовая практика, имеющая в своей основе определенные пропорции обмена для отдельного человека, общества и окружающего мира. В рамках этой практики с необходимостью существует особый ее вид — культура, которая на деле оказывается религией мифа, или

[65]Вводимое нами понятие «базовой практики» близко термину М. Фуко «фоновые практики» с той лишь разницей, что у нас речь идет исключительно о так называемой «материальной» деятельности социума.

[66]Под существенной мы понимаем часть, способную репрезентировать целое, выражая его так же, как капля на прибрежной скале выражает химический состав океана.

язычеством, когда более высокий мир общается с нашим материальным, «частичным», миром посредством знамений, пророчеств, магических сил, получая, в качестве обратной связи, жертвоприношения и молитвы.

Более того, подобная философия не может не быть *метафизической* системой, ибо природа как целостность, включающая в себя наш физическое бытие, есть некоторый больший по степеням размерности мир, имеющий свою скрытую от нас вневременную Первопричину, которую принято называть Богом. В такой системе безусловно отсутствует познание в виде перехода от чувственного опыта к абстракции и затем к действию, о чем писали все исследователи древних культов и первобытного сознания — от Дж. Фрезера до К. Леви-Стросса и М. Элиаде. В то же время знание в традиционалистском сообществе существует как результат не просто обмена «потустороннего» мира с нами некоей «информацией», а *резонансного единства всех трех контуров обмена* — человеческого обмена веществ (полученный в результате грехопадения способ познания через еду и половые отношения), материально-культурного обмена внутри социума (производство, торговля) и обмена энергиями между мирами посредством символов (религия, язык). При этом материально-культурный обмен (то, что позднее назовут экономикой), который мы до сих пор выделяем как отдельный, согласно так называемому научному подходу, на самом деле составлял единое магическое целое с символическим обменом энергиями. Подобный тип единого знания и был знанием *о* метафизическом Добре, а его использование порождало внутри социума практическое добро во всех смыслах этого слова — от поведения знающего и его окружения до самых ощутимых признаков излитой эманации Бога, т. е. материального *бог*атства. Для простоты можно обозначать подобное знание ведическим (хотя исторически оно далеко не всегда связано с арийскими ведами).

Очевидно, что разрушение традиционных практик должно быть неразрывно связано с нарушением пропорций обмена как внутри общества, так и между миром материальным и его более высокой целостностью. Собственно, господствующие ныне мировые религии (кроме иудаизма) и стали реакцией[67] на кризис традиционализма в

[67]Безусловно, конкретные причины появления христианства и буддизма совершенно разнятся, что делает таким же различным пути спасения душ их адептов. Однако и та, и другая религия решали для своих мир-экономик схожие антикризисные задачи. Ислам же решал антикризисную задачу путем

различных мир-экономиках, то есть на грехопадение уже не первочеловека, но всего общества.

Однако показательно, что капитализм, тотально враждебный традиционалистскому миру и разрушающий его где только можно, возник именно в странах Западной Римской империи, прошедших через католическую ветвь христианства. Вне метафизического познания это наблюдение можно было бы поставить в один ряд со знаменитым веберовским «духом протестантизма» и по рассуждать о каком-нибудь «тоталитарном духе» клерикального квазифеодализма или духовных «феодах» и т. п. Но взгляд метафизика обязан видеть целостную картину обмена энергиями, включая и миры трансцендентные.

Как известно, ключевое разногласие православных с католиками лежит в области Символа веры и формулируется как неприятие принципа filioque, то есть исхождения Святого Духа от Бога-Сына. Великие Каппадокийцы[68] опирались в своей формуле «и от Отца Исходящего», принятой на Втором Вселенском соборе 381 г., на Евангелие от Иоанна, где сказано: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин, 15:26). Латинские же отцы церкви, начиная от Тертуллиана, Августина и Амвросия Медиоланского, учили, что поскольку субстанциально Отец и Сын едины, то Святой Дух, как «эссенция» Отца, должен быть присущ и Сыну.

Удивительно, как некритическое использование аристотелевой логики, изъятие ее из метафизического контекста, делает логику физически ограниченной! Ведь доказательство в форме умозаключения, ведущее к выводу, имеет смысл только в том случае, когда мы с помощью так называемого «среднего» (или смыкающего) члена высказывания выводим из «фюсиса» (природной вещественности) некую субстанцию, указывающую нам на метафизическое основание посюстороннего бытия (идею у Платона, причину у Аристотеля[69]). Говоря же о Троице, мы не можем говорить об Отце иначе, нежели как о Невыразимом и Непознаваемом, о Сыне

консервации общинного духа своего сообщества, пытаясь не допустить самого кризиса.

[68]Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский.

[69]Интересно, что такая причина, как материя, может быть охарактеризована, скорее, как *гипофизическая (т.е. лежащее ниже природы*, а движение, как причина, может относиться и к метафизической, и гипофизической сфере (последнее проявляется как гравитация).

иначе, нежели как о принадлежащем сразу двум мирам и имеющем «две природы неслиянно и нераздельно», о Св. Духе иначе, нежели как о нисходящем на Иисуса при его Крещении и посылаемом Отцом после Вознесения (ухода) Христа. Итак, Отец Непостижим, Сын Явлен, Св. Дух Невиден, но Обнаруживаем (Символизирован). Таким образом, Отец и Сын не односубстанциональны, а суть характеристики разных состояний (ипостасей) Божественного, равно как и Св. Дух, который несводим к атрибутивности или субстанциональности обеих других ипостасей.

И здесь позволим себе одну ключевую гипотезу — трактовку. Говорить об исхождении Св. Духа от Иисуса можно было бы только в том случае, если бы Он сам стал Отцом — но в этот момент вся Троица открылась бы нам, и «времена были бы исполнены». Таким образом, принцип filioque привносит в наш мир тот самый «конец света» и, кроме того, обнаруживает присутствие лукавого, заставляющего выдавать желаемое за действительное. Тогда понятным становится и неизбежное выдвижение на первый план в католичестве праздника Рождества Христова в противовес православной Пасхе. Ведь уже сам факт земного появления Сына воспринимается католиками как Спасение, в то время как младенец Иисус — это прежде всего невыразимое сочетание будущего страдания (о котором напоминает избиение младенцев в Вифлееме) с будущим же Спасением, которое еще незавершено и каждое неостановимое мгновение совершается нашими трудами по восстановлению утраченной гармонии.

На наш взгляд, именно нарушение Божественной соразмерности через неточное, упрощенное понимание Троицы открыло в этот мир ворота из «нижних» небес, то есть обители падших духов. Заблуждение об исхождении Св. Духа от Сына, означающее якобы *уже свершившееся «спасение плоти»,* сделало такими воротами именно плоть, живую и неживую материю. Ибо обожествление плоти до ее действительного Спасения заставляло принимать *конечных* дУхов за присутствие Духа Святаго. Поэтому то же Возрождение на самом деле явилось периодом вызова к жизни античных духов (богов) с их культом плоти (воплощаемости). Расцвет интереса к астрологии (то есть влиянию астрального мира, где были заключены Юпитер и Сатурн, Марс и Венера, на мир земной), к трансмутационной алхимии (магии искусственного достижения «благородства») превратили в конечном итоге золото из инструмента гармонизации человеческих отношений в главную «плоть» падших духов.

Если главной задачей православного христианина, как формулировал ее св. Серафим Саровский, является стяжание

(накопление) Духа Святаго как главного богатства, то для перевернутых нижних небес, желающих вновь соединиться со скованным в аду сатаной, нужен был тот самый «золотой мост», прокинутый через мир, который встретил Спасителя, пришедшего «исполнить Закон», но еще не понял и не принял его полностью.

Одним из наиболее сильных по степени разрушительности механизмов, влияющих на пропорции «посюстороннего» обмена, является ростовщичество, существовавшее всегда, но лишь в католическом мире вырвавшееся на свободу. Недаром Второзаконие сохранило заповедь древних евреев (Вт. 23:19—21), которая запрещала отдавать деньги в рост соплеменнику, но разрешала это делать в отношении инородца[70] - ибо ты не можешь управлять равным тебе, но имеешь через золото силу управлять рабом золота.

В традиционной денежной системе деньги — это обязательство государства, гарантирующего, что на контролируемой им территории разорванная натуральная транзакция будет завершена. Такое обязательство может возникать только на основе предварительного взноса подданного в адрес государства, что и имело место быть в форме вещественного налога. Ростовщичество изначально разрушало такую систему, лишая государства права регулировать пропорции денежного обращения (речь идет о ситуациях, когда избыток денег в обращении регулировался введением денежных налогов). Авуары ростовщиков, меняльные лавки, превратившиеся в банки, стали той «гравитационной» массой, которая не просто управляла плотью, но и генерировала в этом мире силы иллюзорные — так падшие духи осваивались на этой земле. Главной особенностью ростовщичества являлась выдача долговых расписок на большую сумму, нежели та, которая была обеспечена золотом. Так возникал *кредит,* сутью которого было подчинение «духам злата» главного ресурса этого мира — времени, так как заемщик обязывался уступить заимодавцу часть своего будущего дохода, то есть, по сути, работать на ростовщика.

Постепенно в финансовой системе вместо денег начинают использоваться вначале бумажные, а затем цифровые, виртуальные «кредитки» — «билеты» частных банков, выполняющих вполне государственную роль регулирования денежного обращения. Использование таких «кредиток» вместо денег дает тем, кто

[70]В этом тексте наглядно показана важность сохранения заповеданных Богом пропорций (подобий): «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею».

обеспечивает функционирование мировой валютной системы, возможность контролировать деятельность — ведь люди расплачиваются друг с другом не обязательствами государства, а ничем уже не покрытым, отчужденным, коллективным диссоциированным долгом сообщества перед банком — держателем эмиссии, долгом, который предавшее общество капиталистическое государство навесило на своих граждан. В таком обществе постепенно любая коммуникация происходит в рамках сформированной системы социальных ролей, которые создаются такими же управляемыми финансовыми потоками.

С необходимостью такой социальной роли в составе капиталистического производства (то есть деятельности по выведению духов «нижнего неба» в земной мир) стала *познавательная (научная) деятельность*. Ее целью было не просто выявление внутренней природной упорядоченности (так называемых «законов природы»), но включение падших духов в сам процесс производства в качестве движущей силы. Так как научная деятельность базировалась на наблюдении и эксперименте (не только реальном, но и мысленном, осуществляемом с помощью геометрических и математических абстракций), знание извлекалось из природы *изолированной*, похищенной у Бога, а потому — чахнущей и отдающей свою энергию[71]. Внутри такого мира и рождалась техника, главной целью которой было сковывать и, удерживая, пытать саму природу «естество», не столько добывая ее секреты, сколько лишая ее энергии.

Ориентация познания на «научную технику» в противовес «технэ»[72] (которое можно интерпретировать как «искусство понимающего ремесла») создала производства, основанные на оперировании природой, покоренной и переработанной, то есть ставшей частью социума, и потому все более и более искусственной. Материальная основа такого социума становилась в прямом и переносном смысле *природой «искуса»*, порождающей теперь искушения как движущую силу производства. *Базовой,* диктующей специфику всех производственных отношений теперь становилась

[71]В этом — кардинальное отличие западной цивилизации от существовавших до и вне ее целостных природно-человеческих мир-экономик с «вечным двигателем», заложенным *внутри* самой натуральности.

[72]Разница между техникой и технэ (как особого способа освоения природы обществом через *поиск точек резонанса между ней и человеком*) обозначено мной здесь: Бакулев К.С. Русские культурные традиции как ключ к единству науки и искусства в будущем. — В сб.: Человек завтрашнего дня: взгляд с позиций науки, взгляд с позиций искусства. — Иваново: 2013.

индустрия производства неумеренных желаний — а она уже проходила по части психологической. Промышленность начинала ориентироваться исключительно на потерявшие свою внутреннюю меру потребности, выходящие, в конце концов, за все мыслимые и немыслимые ограничения.

Таким образом, природа при капитализме перестает быть храмом, резонирующим с естеством человека и в этом резонансе дающим постижение Бога. Божественное творение становится объектом насилия падших духов, которые, по сути, поедая ее, неизбежно вырабатывали свой духовный «гумус» — искусственные, синтезированные материалы, из которых постепенно начинают изготавливаться как конечные товары, так и производственные орудия. Природная плоть, сотворенная Богом, таким образом, в полном соответствии с дьявольским обманом filioque, перестает быть одной из природ Сына, уничтожаясь онтологически.

Удивительно, но об этом практически теми же словами, хотя и с других методологических позиций, говорит европейская философия 60—70-х годов XX века. Ж. Бодрийяр прямо пишет, что иезуитский замысел заново подчинить души католиков Престолу сродни демиургическому (читай, дьявольскому) замыслу «избавиться от природной субстанции вещей, заменив ее субстанцией синтетической. Как и подчиненный организации человек, вещи обретают при этом идеальную функциональность трупа. Здесь уже заложена вся технология и технократия — презумпция идеальной поддельности мира, которая находит себе выражение в изобретении универсального вещества и в универсальной комбинаторике веществ»[73]. А.Г. Маркузе, критикуя М. Вебера, утверждал, что рациональная организация общественного управления неразрывно связана с такой же рациональной формой освоения природы в форме господства над ней. Поэтому «рационализация» жизненных взаимосвязей ведет не просто к институционализации господства, но и превращения его в политически непознаваемое: «Понятие технического разума, возможно, само является идеологией. Не только применение этого разума, но уже сама техника представляет собой господство (над природой и человеком) — господство методическое, научное, рассчитанное и расчетливое. Определенные цели и интересы этого господства отнюдь не навязываются технике лишь задним числом и извне. Они содержатся уже в самой конструкции технического аппарата. Соответственно, техника — это исторически-общественный

[73] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: "Добросвет", 2000, с.117

проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами»[74].

Таким образом, базовыми практиками капитализма оказываются ростовщичество и производство иллюзорной материи, уничтожающие мир как Божественное пропорциональное творение. Превращение этих практик в тотальные, слияние материального и духовного производства породило особую «гуманитарную» сферу, которая должна была искажать любую коммуникацию, встраиваясь в естественное взаимодействие человека с человеком и человека с природой, чтобы убрать трагическое знание, достигнутое ценой грехопадения — *различение Добра и зла*, или *различение как таковое,* то есть *понимание*.

По сути, любая коммуникация есть обмен различениями, который, если оставаться на позициях Божественной метафизики, должен быть подчинен заповеданным Господом пропорциям. Однако, управляемое различение, регулируемое базовой экстенсивной практикой захвата Божественного мира миром «кредита и иллюзии», должно иметь важную особенность — оно не должно быть самореферентно, самосоотносимо, самопознаваемо.

Коротко говоря, задачей нового гуманитарного порядка было сделать так, чтобы люди *перестали понимать*, что они *чего-то не понимают*. Психоделик Хаксли полностью и бесповоротно победил троцкиста Оруэлла. Поэтому практически все философские, социологические и даже психологические трактовки понимания в XX веке — это свидетельства ожесточенной борьбы против универсализма и религиозно-философского синтеза[75]. Тотальная, но при этом старающаяся не выдать себя идеологическая борьба против истины как альфы и омеги дискурса породила не только многообразие теорий, окончательно размывающих систему философского знания как предельного, не только вопрошающего о причине и истоках бытия (Хайдеггер), но и могущего достойным образом получить и использовать это знание. Поэтому наблюдавшийся уклон в сторону формализации и структурализма, описательного психологизма, феноменологического подхода, наконец, этико-прагматических конструкций был в конечном счете направлен на одно — лишить человечество признанного инструментария независимого и в то же

[74] Цит. по Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.

[75] Религиозно-философская мысль Запада (включая неотомизм) так или иначе оказалась жертвой успехов научно-технологического прорыва, поэтому была вынуждена с различной степенью искренности прикрываться небезызвестной концепцией «двух истин».

время универсального поиска истины, критерия истинности как подлинности. Ожесточенная борьба со всем, что может так или иначе иметь отношение к логике, подмена логической проблематики сугубо языковыми экзерсисами или формально-математическим моделированием стали неоспоримым свидетельством того, что «силы князя мира сего» продолжают как огня бояться религиозно-метафизического синтеза на пути постижения человечеством Божественного замысла. Отдельные попытки обходными (как правило, феноменологическими) путями обнаружить распад дискурса как такового и привлечь к этому процессу относительно массовое внимание (имеется в виду, прежде всего, французская философия постмодерна), в силу своей честности должны были демонстрировать этот распад и на себе самих. Откровения Делёза, Бодрийяра или, тем более, Дерриды невозможно сделать системообразующими, потому что они описывают гибель, смерть, распад, причем методами, как правило, провоцирующими это умирание.

Тем самым дискурс понимания, вместе с бытием, которое он отражает, приобретает характер не знания, но искусства — литературно-драматического толка, а постижение истины через выход в трансценденцию и метафизическое познание заменяется переживанием катарсиса через гибель головного «актора» дискурса — смысла бытия. Обессмысливание мира предстает, таким образом, еще одной попыткой распять Логос — только теперь смерть наступает на Божественное творение на ранее невыгодном для нее фронте, перемалывая идейно-духовное наследие человечества в деиерархизированный прах. Конечно, пути, по которому человек может придти к Богу, при этом не исчезают, просто они перестают обнаруживаться с помощью такой деградирующей культуры. В этих условиях понимание становится полностью управляемым извне процессом, поскольку теперь все понятия утрачивают свои критерии подлинности, так что без специальных процедур нельзя обнаружить, какие из них произведены искусственно и закреплено через навязанную конвенцию.

В этих условиях, как ни странно, Россия при всех социальных потрясениях, выпавших в истории на ее долю, продолжает обладать некоей социально-генетической «памятью» о базовых производственно-обменных практиках, основанных на «технэ» как понимающей коммуникации с природой. Сельскохозяйственное производство, неся в себе традиционалистский уклад, практически до середины XX века хранило знания, присущие этой базовой практике. Отношение человека в сельскохозяйственной общине к Богу, природе,

государству (монарху), міру (то есть самой общине) отличалось той самой «консервативной динамикой», о которой мы сегодня вновь грезим — то есть локальным самоуправлением по законам Божией справедливости. Сегодня эти базовые практики сохраняются в монастырских братиях, отдельных региональных попытках восстановить родовые поселения как возможные протообщинные ячейки. Зреет понимание необходимости новых городских территориальных общин — рождается запрос на эти базовые практики. И, конечно, в качестве главной опоры, поддерживающей пропорциональность (подобие) как стержень для понимания единства Божественного мира, пусть и через служение и таинства, еще не впускающие в себя незрелый рационализм, но всегда готовые его оплодотворить, в России остается и живет Православная Церковь как Тело Христово.

Восстановление подлинных коммуникаций между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и природой возможно лишь через установление их подобия отношениям между Богом и человеком. Подлинным ключом к пониманию здесь становится заповеданная Христом любовь, о которой нам говорит уже цитируемая здесь глава из Священного Евангелия: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, проси́те, и будет вам… Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин, 15: 4-5, 7, 9-13). Любовь, таким образом, заповедуется здесь как не столько принятие собой другого, сколько отдания себя другому всего без остатка. Быть вобранным другим, сохраняя при этом свое с ним различение — и при этом быть вобранным Богом через Сына-Слово — пожалуй, это и есть лучшее выражение для понимания как такового, а значит, и для структуры коммуникации.

Поэтому, в заключение возвращаясь к первоначальному замыслу данных тезисов, который сохранился в названии этой статьи, остается удивиться в очередной раз промышлению Божию, дарующему нам невероятные «круги познания». Безусловно, фраза, гениально вплетенная сценаристом Георгием Полонским в сюжет фильма

«Доживем до понедельника», в отсутствии Интернета и доступных изданий древнекитайской мысли, была неизвестна нам в ее развернутом варианте, оказываясь не больше не меньше, чем цитатой из Конфуция: *«Счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты»*. Удивительно, что именно в свете полного афоризмав се коллизии фильма воспринимаются гораздо более выпукло. Можно предположить, что этого добивались и сами авторы фильма, сделав первую часть изречения Конфуция (в качестве намека) единственной в сочинении главного детского героя киноленты Гены Шестопала. Ведь Генка как раз был не просто влюблен в свою одноклассницу Риту Черкасову, но по-настоящему умел быть счастливым одним только своим чувством, не требуя ответа.

При отсутствии в советской культуре любых намеков на Божественное подобный тип любви относили то к платонической любви средневековья с культом Прекрасной Дамы, то даже с любовью к Родине. Эти экзерсисы были неизбежны для атеистического разорванного сознания того времени, из последних сил пытавшегося зацепиться за вечные ценности, но лишенного истинного понимания единства через Св. Троицу: Творца, его Сына-Логоса и Духа Святого.

Настало время вернуть истинное понимание единства мира через осмысление Божественного сути, лежащей в основе процесса познания и понимания. Нам кажется, что в настоящее время только России под силу системно возродить схематично указанные нами здесь базовые практики понимания как сути любой коммуникации, дабы остановить опять допущенное человеком проникновение падшего мира в мир, сотворенный и возлюбленный Богом.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь!

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса

Аннотация. Закат либеральной культуры имеет как историко-философские, так и психологические основания. Догматический выбор в пользу материальных, индивидуальных, коротких смыслов бытия породил когнитивную «слепоту» в представлениях о путях гармоничного развития социума и патологический страх одиночества тех, кто отверг веру в достижимость любви человека и Бога.

Ключевые слова: кризис, либеральная культура Запада, индивидуализм, эгоизм, уровни смыслов бытия, философия и психология когнитивной слепоты и отчаянья.

Abstact. The dawn of the liberal culture has been predetermined historically, philosophically and psychologically. The dogmatic choice of material, individual, short-term reasons for living has generated “cognitive blindness” regarding ways of healthy social development, and the pathological fear of the people who denounced belief in possibility of love between Man and God.

Keywords: Crisis, Western liberal culture, individualism, egoism, levels of reasons for living, philosophy and psychology of the cognitive blindness and despair.

Аналитические методы ТОР и философии хозяйства, как и описанные ранее теоретические принципы [16], позволяют перейти к формулированию и обоснованию ответов на вопросы, вызванные самыми чувствительными проблемами современного социального бытия России. Какие первоочередные условия необходимо выполнить, чтобы не жить лишь филистерскими «смыслами одного дня», увидеть ориентиры, а затем найти путь гармоничного движения в будущее? Для этого необходимо помнить о проявлениях принципа системности в организации мира и его познании. Сложность Мира и Бытия принципиально необозрима; у человека нет возможности одновременно видеть и осознавать все. **По этой причине «луч познания» должен последовательно высвечивать современнику лишь наиболее существенные стороны такого масштабного явления как «Бытие», те характеристики, которые отражают главные, системообразующие качества наиболее актуальных из происходящих процессов.**

Логика исследования предполагает в качестве первичного уровня анализа рассмотрение философско-метафизических оснований

исследуемых культур. Ранее, в качестве отражающего истину, нами было принято положение, выдвинутое представителями православной философской школы, софиологии и философии хозяйства, об отсутствии принципиальных противоречий между религиозно-мистическим и рациональным, научным методом познания. Позже — это позиция и многих европейских мыслителей. Так А. Эйнштейн подчеркивал, что «наука без религии — неубедительна, а религия без науки — слепа». Этот консенсус нового времени позволяет нам первоочередно сосредоточить фокус анализа на проблеме философских различий российской и западной либеральной культуры, учитывая то обстоятельство, что формат работы определяет необходимость лаконичного отражения основных соображений.

Теория оптимума развития видит несостоятельность философских оснований западной культуры в асоциальности, догматическом преувеличении роли «индивидуального», гиперболизации личностной самобытности человека до «индивидуализма» богоборческого уровня. В повседневной жизни это качество выглядит как вульгарный эгоизм и социальная безответственность. Результат — чудовищен. **Западная культура утратила веру в любовь — и в любовь Бога, и в любовь человека.** Счастливая (временами — мучительная) любовь к человеку была заменена в либеральной культуре безопасным, безразличным, а потому и бессмысленным суррогатом любви — партнерством. **Обмануть Бога, Закон Жизни, Логос — затея достойная лишь душевно пустого человека, пустая затея [17].** Только любовь дает человеку ощущение своей значимости, незаменимости, высокого смысла бытия. Партнер — временный, чужой, он лишь объект, заменяемый без затруднений, без волнения души, заменяемый так же легко, как отработавшая срок деталь машины. Конечно, партнер — человек, обладающий полезными качествами, особенно в работе, но совершенно неспособный избавить от чувства одиночества того, у кого нет настоящих друзей, настоящей любви. А любовь Бога? Если человек подобен Богу и не знает любви в либеральном обществе, то, «либерал» должен предполагать, что по принципу взаимности, скорее всего, и Бог равнодушен к человеку. Именно об этом прямо и косвенно говорит такое чрезвычайно влиятельное в новой культурной истории Европы философское учение как экзистенциализм**. Понять суть либерально-индивидуалистической философии Запада позволяет используемый в ТОР психолого-биографический метод анализа авторских социальных концепций, высший уровень которых представляют философско-метафизические модели.** К сожалению, как и всякий другой, этот метод наряду с достоинствами обладает и

собственными слабыми сторонами. Недостатком мы считаем то обстоятельство, что биографические материалы неизбежно представляют собой не объективную картину личной истории и душевной жизни великого человека, но их субъективное отражение (восприятие) биографом. Возникающее в результате искажение может быть уменьшено сопоставлением нескольких биографических источников, но не менее важный результат дает использование законов психологии, которые подобно лучшим произведениям искусства, прежде всего художественной литературы (душевно всегда глубоко достоверным), способны выявить и элиминировать психологически недостоверные моменты биографического описания [14].

В первой половине XIX столетия датчанин С. Кьеркегор, часто называемый отцом экзистенциализма, одним из первых осознает важность исследования бессознательного в душевной жизни человека. Он оппонирует объективизму Г. Гегеля, утверждавшего: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». С. Кьеркегор создает философскую концепцию, акцентирующую внимание на уникальности человеческого бытия, суть которого он провозглашает иррациональной (неосознаваемой).

Г. Гегель видел «истинное умозрение» в диалектическом процессе — выдвижение рассудочным мышлением первичного суждения — «тезиса», позволяющим далее обнаружить второй момент познания истины — неизбежное противоречие между ограниченностью понятия и безграничностью истины, которую оно лишь представляет, но не исчерпывает, — «антитезис», что порождает третий этап собственно умозрительного процесса, который заключается в том, что первичное понятие примиряется с противоположным, уже в новом, более высоком понятии. Это — заключительный этап диалектики познания — «синтез». Современная наука принимает гегелевский метод анализа как базовый, дополняя его принципом бесконечно длящейся спиральности развития процессов (синтез принципов повторения и перемен), в том числе и в аналитических и когнитивных методах ТОР.

Отказываясь от рационального постижения бытия, С. Кьеркегор делает акцент на глубине его эмоциональной (бессознательной) природы. Он выдвинул концепцию субъективной, «экзистенциальной» диалектики личности, понимая «экзистенцию» как переживания ни на кого непохожего «отдельного» индивида, по сути отстраненного «от дела» (общего и большого), сосредоточенного лишь на «своих», частных, маленьких делах, которые в русской культуре и речи часто пренебрежительно (далеко не всегда обосновано) называют

эгоистичными «делишками». Философ акцентирует внимание на идее необходимости преодоления препятствий к росту личности. Отделяя себя от обывателя, неспособного к постижению смыслов бытия, он пишет, что на первой стадии личностного возрастания человек «эстетик» выбирает жизнь, которая полна удовольствий. Если их нет — ему становится скучно, жизнь его пуста. «Этик», преодолевший эстетическую стадию бытия, — руководствуется разумом и чувством долга. Осознав ограниченность и этического уровня бытия, он может прорваться на духовную стадию, где человеком руководит сердце и вера. Но первородный грех гарантировано приводит человека к отчаянью в неспособности преодолеть собственную конечность, «возвыситься до Бога». В итоге религиозный человек осознает «богооставленность мира» и собственное одиночества перед Богом. Так человеческая свобода порождает бесконечный страх, непостижимость конечных смыслов бытия.

Психолого-биографический анализ позволяет оценить личностные (психологические) свойства этого мыслителя. Биографы указывают, что С. Кьеркегор вел жизнь одинокую, сокрытую от людей. Его отец был во втором браке, старше матери на 12 лет, которую (служанку своего отца) соблазнил и женился на ней уже во время беременности. В своем «Дневнике» философ писал: «Я родился в результате преступления, вопреки воле Божьей. Будучи ребенком, я находился во власти невыносимой деспотии, подвергался суровому, безумному воспитанию». Дисгармоничным детством его личность была сформирована так, что в 27 лет он оказался вовсе не готов к браку и теряет свою восемнадцатилетнюю невесту, с которой был обручен в течение трех лет. Неожиданно для всех он возвращает ей обручальное кольцо с покаянным письмом: «Единственной моей радостью было воспевать твою красоту. Прости того, кто неспособен сделать девушку счастливой».

Спустя столетие, один из наиболее известных западных мыслителей XX столетия немецкий философ-экзистенциалист М. Хайдеггер в своей главной работе «Бытие и время» [9] отвергает самоочевидность понятия «Бытие» и создает «экзистенциальную аналитику**». «Подлинное» бытие по Хайдеггеру является актом радикального обособления. Человек «заброшен» в «Ничто» (Космоса и Природы), обречен мучиться бессмысленностью и одиночеством. В этом и заключается жизнь.** Единственно человеческий смысл и даже радость рождается из бездны отчаяния, не переставая быть отчаянием. С ним тесно связан ужас, который неопределенен и безграничен как сам мир. В ужасе одежды

значимостей спадают. **Ужас не терпит рядом с собой никаких иных богов, он разрывает связь индивида с другими людьми и заставляет его выпасть из системы доверительных взаимоотношений с миром.** Ужасом приоткрывается «Ничто». **Ничего нет, но это ничто и пустота человеческого существования пробуждают страх и постоянную тревогу, которые становятся чуть ли не главным содержанием «здесь бытия».**

Знакомство с биографией М. Хайдеггера [11] объясняет личностные качества, безусловно, незаурядного мыслителя, проявившиеся в его философских взглядах и определивших этот невротический, поистине животный страх перед жизнью и смертью. Стыдясь низкого социального статуса своих родителей, он с детских лет страдал комплексом «маленького человека» и был вполне прагматичным и эгоистичным индивидом, но не был нравственным и принципиальным человеком — ни в отношениях со своей женой, ни в отношениях со своей многолетней пассией, ни со своим знаменитым учителем Э. Гуссерлем, воспринимавшим его как сына, ни со своей страной, открыто сотрудничая с нацистами, но лишь пока они были у власти.

С. Кьеркегор и М. Хайдеггер своими трудами отражают время условного начала и конца эпохи преобладания философии экзистенциализма. **Период доминирования подобных взглядов отмечен многими яркими именами мыслителей, разочарованных в традиционном понимании Бога, в возможностях рационального постижения путей познания смыслов Бытия, разочарованных, наконец, в себе, в своей значимости для грандиозного Мира, в своей способности достигать удовлетворенности жизнью, в том числе высшей степени удовлетворенности — счастья.**

В конце XIX века Э. Гартман, опираясь на взгляды своего предшественника А. Шопенгауэра, заявлял: «Если страдания жизни резко превышают удовольствия, то основной задачей следует считать не познание бытия, а достижение небытия». Для полного оправдания стремления к реализации греха самоуничтожения, он делает не обусловленный ничем, кроме переживания крайне болезненной никчемности и бессмысленности собственного бытия, вывод — «Эволюция влечет Вселенную к уничтожению путем осознания ее неразумия и нецелесообразности» [2].

Жизнь А. Шопенгауэра тоже не является примером счастливой человеческой судьбы. Биографы пишут, что современники, к середине его жизни, характеризуют его как старого холостяка, мизантропа, недоверчивого и крайне подозрительного человека, подверженного немотивированным приступам страха. Для формирования таких

личностных свойств несложно найти рациональные основания. Его мать была моложе отца на 20 лет. В 9 лет на целых два года отец отдает сына в семью знакомого. В 26 лет, разочаровавшись в иллюзиях личного блаженства в земной и загробной жизни, в возможностях научного и социального прогресса, он приходит к выводу, что, сосредоточив наибольшую сумму мировой воли, мыслящему человеку необходимо принять решение покончить с собой и через это уничтожить весь мир [18]. Он говорит что «воля к жизни» (в современной психологии — проявление потребностей) непрестанно порождает в нас неосуществимые желания. Являясь активными участниками жизни, мы становимся мучениками. Единственным оазисом в пустыне жизни служит эстетическое созерцание, освобождающее на время от ярма гнетущих страстей. Познание мира интуитивно, иррационально, мистично. Оно находит выражение в художественной концепции мира, которую дает гений. «Философию долго искали на дороге науки, вместо того, чтобы искать ее на дороге искусства» [1]. Философ пессимист первым употребил термин «мотивация» в описании поведения и желаний человека, подошел к осознанию того обстоятельства, что Бытие, кроме религии и науки, позволяет постигать и высокое искусство.

Фридрих Ницше — еще одно имя, необходимое для понимания основ современной либеральной культуры Запада, формировавшейся в эпоху европейского нигилизма в конце XIX века. Он также был рожден в дисгармоничной семье. Интеллектуально утонченного отца Ницше воспринимал как аристократа духа, а мать — простую, физически гармоничную женщину, считал личностью примитивной. С детства слабый здоровьем, Ф. Ницше никогда не был счастлив в личной жизни. В его судьбе был лишь эпизод своеобразной дружбы с женщиной из России по имени Луиза Саломе, бывшей подругой и Р. Рильке, и З. Фрейда, вдохновившей его на создание труда «Так говорил Заратустра». Конец жизни, как и у его отца, был сопряжен с серьезным психическим заболеванием. Лишения времени начала личного бытия сформировали не только судьбу Ф. Ницше, но и основные идеи его теории.

Как и у многих немецких мыслителей нового времени, «воля» — одно из центральных понятий в философии Ф. Ницше. В германских языках оно означает не только осуществление выбора и действие в направлении к поставленной цели, но и само «желание». Ф. Ницше утверждал, что «дионисийское» начало Бытия древнее «аполлонического». Суть первого — тьма, хаос, избыток силы; второго (вторичного) — свет, порядок, гармония. Дионисийская

воля — всегда воля к власти, управлению, но не подчинению. Слабые закономерно должны погибнуть, сильнейшие — победить. Отсюда принцип — «Падающего толкни!», смысл которого — дать человеку возможность постигнуть себя, достигнув крайности, чтобы возродиться или погибнуть. «То, что нас не убивает, делает нас сильнее!». Философ заявляет: «Бог умер!». Старые ценности исчерпали себя сами. На смену сверхчеловеку Христу должен прийти новый сверхчеловек — Антихрист. Он должен создать новые ценности. Смиренной и завистливой морали рабов (христианской, по утверждению Ф. Ницше) он противопоставит мораль героев, принимающих на себя ответственность за перемены, господствующих над выбирающими рабство. Однако неизбежно позже будет рожден новый Дракон, и придет новый сверхчеловек, и так до бесконечности (принцип цикличности) [6]. В современной эсхатологии некоторые эзотерически ориентированные исследователи утверждают, что М. Нострадамусом было предсказано пришествие двух антихристов — Наполеона и Гитлера, а третий, если доверять толкованию его катренов, появится в наши дни…

Но этика эгоцентризма в Европе стала получать философское обоснование еще во времена И. Канта, в XVIII столетии. Во второй половине века Д. Юм, анализируя возможности человеческого познания, писал о том, что «мы закованы в черте нашего восприятия и никогда не узнаем, что находится за ней». Он утверждал, что вопрос об источнике наших ощущений — неразрешим, т.к. существование мира нельзя ни опровергнуть, ни доказать. На этих взглядах в дальнейшем формировались философские течения агностицизма, эмпиризма, феноменологии, позднее на этой основе было построено большинство теорий современной западной философии. В доступных нам биографических источниках нет сведений о существовании у Д. Юма семьи, по-видимому, он относился к числу тех философов, которые свою связь с существующим и будущим человечеством мог воспринимать лишь как абстрактную проблему.

Особое значение в становлении социально-культурных норм современной атлантической культуры имели взгляды соратника и последователя Д. Юма, основателя экономической философии либерализма Адама Смита, читавшего студентам того времени свой курс «нравственной философии». Аргумент ответственности нравственного человека перед Богом А. Смит отрицал. В качестве альтернативного принципа выработки нравственной системы жизни он предлагал ориентироваться на мнение симпатичных человеку (т. е. «сходно чувствующих», в современной терминологии — «референтных») людей. Утверждая объективность экономических

законов, он не принимал во внимание объективность законов вышестоящих систем — социальных и духовных. Пропагандируя экономическую свободу, свободное предпринимательство, свободный рынок, А. Смит между тем критиковал неизбежно вытекающий из них меркантилизм. Подобные убеждения выглядят как позиция непоследовательного, во многом наивного и робкого в жизни человека, не готового принимать ответственность за бытие в полном объеме.

Главный источник экономического роста, социального порядка и общественного блага А. Смит видел в свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника мы ожидаем получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах». Экстраполируя эту логику на отношения людей в семье, где присутствует элемент экономических интересов, можно предположить, что сторонник столь популярных в капиталистическом обществе идей вряд ли может рассчитывать на то, чтобы стать счастливым мужем и отцом. Ведь закон жизни филистера (безнравственный, редуцированный, малый, ложный Логос) основан на внимании лишь к коротким смыслам бытия, упуская все остальные, которые делают человека не «одним из многочисленных животных», а «венцом природы» (Гомер, «Одиссея», миф о пиршестве Цирцеи). Гармония счастливой семьи возможна при условии гармонии всех смыслов бытия. Точно также человеку, его семье, роду — не дано быть счастливым без гармонии с обществом, человечеством, Логосом.

Высказанное предположение подтверждает психолого-биографическое исследование. Детство А. Смита — печально и дисгармонично. Его отец умер за два месяца до рождения сына. В возрасте 4-х лет, видимо, из-за недостаточного внимания к ребенку, он был похищен цыганами, но все же вызволен. В окружении книг он рос малообщительным и недоверчивым мальчиком, часто болел. Взрослым — имел репутацию странного человека. Вечный холостяк. Дважды безуспешно пытался жениться, но об этих неудачах не жалел. Всю жизнь был в тесной эмоциональной связи лишь с матерью, пережив ее всего на шесть лет.

Читатель, воспринимающий эти строки, скорее всего уже заметил важнейшую закономерность в биографиях и личностных свойствах Д. Юма, А. Шопенгауэра, А. Смита, Э. Гартмана, С. Кьеркегора, Ф. Ницше. Их философский пессимизм имел личное основание.

Каждый из них был несчастлив в детстве, ни один из них не нашел пути к счастью во взрослой жизни, не нашел счастливой любви, не создал семьи, не оставил детей. Каждый был последним в длинной цепи поколений. Закономерность выглядит вполне убедительной, но неизбежным будет и ряд вопросов. Какой закон бытия проявляется в судьбах мыслителей? Самоубийство рода? Фатум? Наказание за богоборчество? Почему в их ряду и М. Хайдеггер, имевший семью и продолживший род?

Сегодня, с позиций теории оптимума развития, дать ответы на эти вопросы значительно легче, чем в XIX и XX веках [10]. Прежде всего, следует отметить удивительное, на первый взгляд, обстоятельство, заключающееся в том, что Аристотель, Сенека, П. Гольбах, Д. Дидро, М. Монтень, Л. Фейербах, сторонники противоположного философского направления — эвдемонизма (от греч. процветание, блаженство, счастье) — были женаты и имели детей. Но к этому направлению относились мыслители и не имевшие семьи — Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Ф. Вольтер, которые обнаруживали черты дружелюбия в отношениях с людьми в целом. Они следовали своим нравственным правилам, вызывающим уважение у большинства окружающих. Таким образом, среди высокоинтеллектуальных представителей общей для них европейской культуры можно выделить две противоположные группы философско-нравственных позиций, обусловленных особенностями начального периода формирования личности, событиями детства.

Мыслители, занимавшие принципиальную нравственную позицию в жизни, т.е. признававшие соответствие, подчинение закона коротких и среднесрочных смыслов жизни (нравственного, этического уровня) всеобщему Закону Бытия (Логосу), долгим и сверхдолгим (духовного уровня) смыслам Бытия, изначально, с детства принимали роль социальности в жизни человека и общества как важнейшую для достижения основных смыслов жизни. Те же философы, кто не получил опыта счастливой социальности в родительской семье, опыта любви ближних, стремились в дальнейшем лишь талантливо рационализировать причины своей несчастливости, причины так и не понятой жизненной неудачи. Они, в сущности, пытались перенести ответственность за неумение достигать состояния гармоничной любви со своих родителей на неспособность Бога (Отца Мироздания) любить свое творение. Упрекать пессимистов — неуместно, развитой теории бессознательного и взаимодействия различных уровней психики не существовало до последнего времени. Так же свойственно поступать всем частично незрелым нравственно и духовно людям; они не готовы принимать на себя ответственность за качество бытия. Их стандартная

реакция — обида на окружающих, на судьбу, поиск защиты вне собственной личности. Это пассивная позиция, позиция наивного и перепуганного эгоиста, позиция детей, поссорившихся в песочнице, когда ни один из них еще неспособен признать собственную ошибку и взять на себя ответственность за поиск выхода из негативной и неясной ситуации.

Психологическая наука показывает, что базовые метафизические установки человека определяются, главным образом, ранним эмоциональным, а не зрелым рациональным опытом, который лишь модифицирует начальное отношение к миру. Наличие смыслов всеобщего бытия, ценность любви, возможность достижения счастья — главные вопросы бытия личного. Основа ответов на них формируется той программой жизни, которая определяется ребенку родителями и представителями его рода еще в начале жизни, в сущности, аксиоматически. Несмотря на «благие» рациональные педагогические намерения, «сценарий жизни» ребенка взрослые формируют в основном бессознательно (иррационально). Современная психология в рациональных установках родительского воспитания выявляет предельно много иллюзорного, искренних заблуждений и ошибок, незаметных родителям — «богам» маленького человека [7, 13, 14].

Исправление ошибок программы заложенной в детстве («сценария жизни») и самостоятельными усилиями повзрослевшего человека и при поддержке специальных институтов общества, представляет собой сложную социально-психологическую работу по гармонизации отношений личности с сокровенными, истинными, а не профанно воспринятыми законами Бытия Мира. Осуществить такую задачу с традиционных в европейской культуре психоаналитических позиций — нереально. Кроме содержащихся в психоаналитической парадигме ошибок рационального свойства [13], принципиальной помехой для построения конструктивных психотерапевтических программ в рамках концепции З. Фрейда является важное обстоятельство, малозаметное для незрелого или бездуховного человека, часто не фиксируемое даже сознанием специалистов. Биографические сведения показывают, что культурная история семьи З. Фрейда и ближайших звеньев его рода не соответствовала принципам гармонии, нравственности и духовности.

Фрейдизм базируется на основаниях, близких европейскому философскому индивидуализму. Суть собственного сценария жизни его основоположника, неумевшего любить людей, — попытка достичь успеха безнравственными способами. Результат закономерен —

страдания автора концепции и его последователей, сторонников ошибочных сторон этого учения. З. Фрейд признавал влияние взглядов Шопенгауэра и Ницше на его концепцию. О себе он писал так: «Я не чувствовал никакой расположенности к занятиям медициной и профессии врача, и никогда настоящим врачом себя не считал». По сути, он использовал своих достаточно немногочисленных пациентов, которых чаще искал в среде богатых соотечественников, для проверки возникавших у него гипотез, для собственных экспериментальных исследований, в своих личных интересах, при этом, не принимая на себя полноценной ответственности за их судьбу. Радикальное упрощение (вульгаризация) причин наблюдаемого поведения людей, принципиальный отказ от исследования «смыслов жизни» у З. Фрейда проявлялись, например, в том, что религию он определял как массовую иллюзию, схожую с неврозом навязчивых состояний, позволяющую приспособиться к тяжелым условиям существования, как проецированную в мир психологию. Гораздо более глубокий, не только философский, но и психологический вывод, еще за полвека до З. Фрейда был сделан Л. Фейербахом (оптимистом и нравственным человеком) в «Лекциях о сущности религии», который писал: «Тайна религии — это тайна сочетания сознания с бессознательным. «Я» — ничто, без некого «Не-Я», перед которым человек испытывает ту же зависимость и страх, что и перед неуправляемыми стихиями природы».

Поскольку познание Бытия Мира в религиях, науке, искусстве осуществляется человеком, постольку человек не может не занимать в них центрального места. Но утверждать, что кроме психологии, узкого интереса к душевному состоянию людей в них ничего нет — очевидная ложь (иногда искренняя ошибка), свойственная людям с инфантильно-эгоистической этической позицией. **Зрелый и гармоничный человек, овладевший нравственными и духовными способами реализации коротких и средних смыслов бытия, приступает к исследованию долгих смыслов радостно и заинтересованно, т.к. его «норма ожиданий» в процессе познания бытия была сформирована успехом предшествующих этапов развития, а не провалами и болью безрадостного детства пессимиста.**

Само мировоззрение З. Фрейда препятствовало достижению системногармоничных отношений с людьми и миром. Анализируя итог его жизни, невозможно не видеть того, что мировоззренческая ошибка автора концепции стоила ему очень дорого (пристрастие к кокаину, длительное и мучительное психосоматическое заболевание, дисгармония в любви, бесконечные конфликты с учениками, роковое

вмешательство в судьбу дочери и т.д.). Ошибка широко известного создателя цепких иллюзий в психологической науке неизбежно воспроизводилась и в судьбах его пациентов, свидетельства тому несложно найти в работах его биографов [5].

Психоанализ, в свое время сыгравший позитивную роль в привлечении внимания науки к сфере бессознательного, сегодня несостоятелен как инструмент познания и коррекции ошибок бытия, т.к. негармоничен (не соответствует) Логосу, ибо декларирует безнравственность и бездуховность как принцип. Да, действительно, о человеке можно судить по тому, что он продуцирует. Но почему сущность человека следует искать в «нужнике»? Главный продукт деятельности человечества — экономика, наука, искусство, религия и культура в широком смысле этого понятия. В рамках российской культурной традиции странно доказывать, что «психология скотины» (понимая под этим психологию животных) никак не равна «психологии человека». Да, в человеке, несомненно, есть животное начало, но, уже многие тысячи лет, оно никак не исчерпывает суть гармоничного, зрелого, настоящего человека. Еще Гомер убедил культурный мир своего времени в том, что люди, которые боятся поднять свой взор к небу, к звездам, чтобы увидеть высшие смыслы своего бытия, свое Богоподобие — лишь пленники Цирцеи. Но не герои! Это люди с рабской душой, это предшественники современных либеральных филистеров. Даже в античные времена такой зрелый человек как Одиссей достаточно легко и последовательно преодолевал искушение жить лишь короткими смыслами. Именно поэтому духовно он жив и сегодня. Он и сегодня герой, образец подражания для неробких и неглупых испытателей Бытия. Имена его спутников история давно стерла из памяти потомков, их бытие – ошибка, которая, между тем, — учит потомков негативным примером. Но человек сегодняшнего дня может несравненно больше, чем во времена Гомера. За минувшие тысячелетия пропорционально возросла и его ответственность.

Для коррекции личностной дисгармонии (в том числе нравственной и метафизической) гораздо больше способны дать современные социально-психологические и мировоззренческие подходы [12, 13, 15]. Нравственный закон — чрезвычайно важный раздел социальных норм, отражающий соответствие мировоззрения человека основному закону бытия, Логосу, в том числе закону бытия в социуме (семья и общество), являющегося производным от основного. И. Кант вошел в историю не только как яркий мыслитель, но и как человек, предложивший для определения степени нравственности поведения

человека принцип «категорического императива». Нравственный человек должен следовать ему невзирая на внешние обстоятельства, а руководствуясь лишь чувством долга. Он утверждал, что мотивом по-настоящему морального поступка может быть только долг, но не стремление к счастью.

Между тем, позиция И. Канта в отношении взаимосвязи нравственного поведения и счастья не совпадают со взглядами другого высочайшего авторитета в истории философии, с позицией Аристотеля. Этическая теория Аристотеля социально ориентирована. Основанная на ней этическая рефлексия показывает возможные практические решения в семейных и государственных отношениях. Практическая наука о нравственности (добродетели) в эвдемонистической традиции имеет целью научить молодых граждан тому, как стать добродетельным и счастливым. Позволяет ли тот факт, что идеи И. Канта были сформулированы спустя более двух тысяч лет после появления в культуре принципов Аристотеля, убежденно считать, что взгляды наследника античной культуры вернее? Вряд ли. Следует учитывать, что Аристотель имел семью и представление о счастливой любви, но И. Кант — не обладал ни тем, ни другим. Кроме биографии великого немецкого философа, об этом свидетельствуют и оставшиеся в истории многочисленные анекдоты, говорящие об удивительной парциальной инфантильности, несостоятельности великого в остальных отношениях, но негармоничного человека, его чудачествах в суждениях о семье и счастье. Одинокому Канту приписывают такое определение семейного союза — «брак есть форма отношений мужчины и женщины, позволяющая свободно пользоваться гениталиями другого».

Дальнейшие проявления кризиса и декаданса европейской культуры второй половины XIX—начала XX вв. отмечены настроениями уныния, пессимизма, безнадежности, крайнего субъективизма, имморализма, непринятия жизни, пришедшим на смену европейскому новому времени с его верой в прогресс и беспредельное могущество разума. Начало XX века ознаменовано сменой классического типа мышления на неклассический, затем, во второй половине столетия, — на постнеклассический. Это состояние мышления, науки, искусства, общества и культуры в целом было названо Ж. Лиотаром состоянием постмодерна. Его суть — реакция на кризис идей эпохи модерна, «смерть супероснований» — Бога (Ф. Ницше), автора (Д. Барт), человека (экзистенциальный антигуманизм). Культурологический смысл постмодернизму, заключающийся в конце западного господства в религии и культуре, дал А. Тойнби [8]. Он считал, что в философии для постмодернизма

характерно отдаление от научных (рациональных) методологий и гиперболизированный акцент на интуитивно-иррациональных методах, близких сфере искусства. В результате возникает индивидуалистический, принципиально безответственный хаос концепций. Преобладает механизм деконструкции, «нестрогого мышления», признание «договорного» (конвенциального) характера принципов и ценностей, утверждение неполноты любого дискурса, формирование китчевого философского дискурса с подчеркнутой антирациональностью. В результате — утрачиваются какие-либо ценности и опорные точки в культуре. «Вечные ценности» объявляются тоталитарными и параноидальными идефиксами, препятствующими индивидуалистической творческой реализации. В качестве идеала предлагается состояние нескованных возможностей двух царствующих начал — «шизоидного» начала творческого становления и «параноидального» начала удушающего порядка, «хаосмос» Ж. Делёза [3].

Ж. Сартр, представитель атеистического экзистенциализма XX века, утверждал, что «человек приговорен быть свободным» и в одиночку нести на своих плечах всю тяжесть бытия в мире. Экзистенция — есть постоянно живой момент деятельности, взятый субъективно. В своем известном произведении «Тошнота» (1938) он утверждает, что мир не имеет смысла, «Я» — не имеет цели. Но только «Я» придает миру значение и ценность через акт сознания и выбора, деятельность человека придает смысл окружающему миру, а он сам приобретает индивидуальность. Современного ему индивида Сартр понимает как «отчужденное сущее», его индивидуальность стандартизирована институтами общества. Эта позиция демонстрирует протест против стремительно устаревающих порядков либерального общества (в терминологии ТОР — «музейного» восприятия Логоса).

Его современник А. Камю при жизни получил почетное имя «Совести Запада». Неистощимый интерес к экзистенциальной проблематике во многом связан с его ранним тяжелым заболеванием (туберкулезом), означающим близость смерти. Все это порождало фобии, депрессии, суицидальные мысли, ощущение одиночества. Единственным средством борьбы с абсурдностью бытия он считал принятие этой данности [4].

И Камю и Сартр потеряли своих отцов в самом начале жизни, в их детстве не было объекта позитивной идентификации. Мать А. Камю болела, семью опекала бабушка. Его ранний брак оказался крайне неудачным и коротким — жена употребляла морфий, была неверна супругу. Неудача окончательно подорвала его слабую веру в

счастливый брак. Семейные узы он стал называть неестественными. Но позже он все же нашел «серьезную» супругу, увлекавшуюся музыкой и математикой, стал отцом, однако, при этом по-прежнему не считал свои многочисленные романы недопустимыми. Но смысл жизни? Он постоянно искал смысл и оправдание кратковременности пребывания человека (и себя самого) на земле. Его реакцией на ненайденный смысл — был бунт, разрушительная активность, не знающая цели, высшего смысла, Закона, Логоса, Бога. Собственный душевный хаос он назвал абсурдностью бытия.

Ж. Бодрийяр, ушедший из жизни в 2007 г., — близкий нам по времени представитель европейской философии. В известной работе «Символический обмен и смерть» (1976) он указывает на тождество фрейдизма и марксизма в их непонимании человека, подчеркивает изменившуюся роль «знака», который перестает указывать на реальные вещи, а направляет деятельность человека на другие знаки, симулирующие реальность, «симулякры». Симулякры первого порядка — есть копии, подделка, второго — функциональные серии, аналоги, лишенные индивидуальности, но главное его открытие — это симулякры третьего порядка — «гиперреальность» — деньги и мода. Радикальным протестом против сложившегося порядка вещей он называет самоуничтожение как «процесс истребления смысловой ценности». В 1970 г. выходит его работа «Общество потребления», которое он определяет как общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура (пример тому европейские музеи современного искусства). Это общество, где даже изобилие — мнимое, маскирующее дефицит подлинно ценного. Простым примером этого является фальсификация продуктов питания, лекарственных средств, произведений искусства, поводов для объединения (болельщики профессиональных спортивных команд) и т.п. Но главный дефицит этого общества находится в области душевных и духовных ценностей. Фальшь и одиночество, манипулирование потреблением — суть современной цивилизации. Трудно поверить в то, что автор этих взглядов видел «настоящую» дружбу и любовь в детстве, следовательно, не мог их увидеть и во взрослой жизни. Виноваты ли только родители? Но, всех будущих родителей, каждого взрослеющего человека воспитывает еще и общество. Соотношение влияний семьи и общества — тема, заслуживающая отдельного исследования.

Заключая этот раздел анализа, представляется важным напомнить принцип известный не только людям науки, но и всем здравомыслящим людям — «крайности сходятся». Речь идет о позициях крайнего мировоззренческого оптимизма и пессимизма. Общее в них — ошибочность, вытекающая из безответственной

позиции, пустой уверенности в том, что будущее не нуждается или безразлично к усилиям человека. В медицине такие крайние формы оптимизма и пессимизма сходятся в диагнозе «маниакально-депрессивный психоз». Здоровый и гармоничный человек способен, с одной стороны, видеть реальные опасности, с другой — способы их преодоления, зависящие от него и социума, понимая, что Бог, Мир, Логос создали его не для пустяков, а для сотрудничества в постоянном творении Нового Мира. Специально для наших либерально-пессимистических («западных») коллег ТОР предлагает правило: «Не верьте унылым учителям, даже если они талантливы! Свою ответственность за недостигнутую зрелость, свой личный неуспех, свою личную несостоятельность в реализации смыслов жизни они тщетно пытаются объяснить неуспешностью Бога в его Творении». Мир дан человеку в ощущениях. Пессимист воспринимает Мир искаженно, в виде мрачной иллюзии, ибо сигналы гармоничного Мира, любящего Бога, мудрого Логоса он воспринимает через «приемник» самооценки, униженной всеобщей «нелюбовью» похожих на него эгоистов.

Системный кризис современного глобального мира вплотную приблизил и глобальное, и российское общество к смене культурных эпох. Будущая ткань социальных, экономических, политических отношений проглядывается сегодня еще неясно. Не вполне ясны цивилизационные контуры завтрашнего глобального мира. Но все отчетливее видно, что не экономические факторы (короткие смыслы бытия) будут системообразующими в новой культуре, а факторы метафизические, духовные (долгие смыслы бытия), которые будут формировать новый, гармоничный мир, основанный на культуре гармонии.

Лидер современной «философии хозяйства» Ю.М. Осипов отвергает западную философскую и культурную модель бытия, как непригодную для осуществления российского «антикризиса». Он пишет: «Переживая апокалиптический кризис, Россия апокалиптически же и импровизирует, … ради жизни, которая импровизационно и отыскивается. Россия с россиянином ищет свой путь, в чем-то диктуемый неизживаемой традицией, но в главном это уже иной путь (не царский, не советский и не прозападный). Новый Россиянин чает и новой России». [19]. Ф.И. Гиренок полагает, что рождающаяся новая культура должна способствовать освобождению человека от доминирования низких сторон его сущности. «Культура хороша тем, что ищет дорогу к самости, возделывая силы человека так, чтобы не зависеть от природы» [20]. Модель культуры

завтрашнего дня должна быть такой, чтобы осветить путь в новое, гармоничное состояние человека и общества. Ее метафизические принципы и будут определять новые политические и экономические союзы. Эта мысль важна для понимания процессов, происходящих в новой «горячей точке» глобального мира — Украине. Украинские ученые, как и российские, полагают, что в историческом союзе с Россией Украина восприняла российскую государственную идеологию, в чем «решающую роль играли факторы экзистенциально-духовные...». Подчеркивается, что в интеграционных процессах «цивилизациионная близость» чаще важнее сиюминутных экономических выгод [21; 22].

Традицией русской философской и социальной мысли является основанное на православной идее соборности и любви, представление о том, что неразумно отвергать Мир и думать о самоуничтожении, достаточно правильно «отрегулировать» восприятие бытия до уровня гармонии [10]. Раньше, с позиций европейской индивидуалистической философии и эгоистической культуры, основанной на стремлении ограничить человека лишь короткими смыслами бытия, это было невозможно. Сегодня, опираясь на российскую культурно-духовную традицию и возможности современной российской гуманитарной науки — абсолютно реально.

Литература

1. *Андреева И.С., Гулыга А.В.* «Шопенгауэр». М.: Молодая гвардия, 2003. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 846).
2. *Гартман, Э.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного. — УРСС, 2010.
3. *Делёз Ж., Гватари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
4. *Камю Альбер.* «Миф о Сизифе» (1942). [Электронный ресурс] // ModernLib.Ru http://modernlib.ru/books/kamyu_alber/mif_o_sizife/read/
5. *Лейбин В.М.* «Толкование сновидений» как психобиография З. Фрейда / В.М. Лейбин. Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. — 2000. №5, с. 99—111.
6. *Марков Б.В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. – СПб.: Владимир Даль: Русский остров, 2005.
7. Руководство по телесно-ориентированной терапии. Первичная терапия А. Янова. СПб.: Речь, 2000. С.154—242.
8. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

9. *Хайдеггер, М.* Время и бытие: Статьи и выступления // Мартин Хайдеггер. М.: Республика, 1993.

10. *Шелкопляс Е.В.* Мировая скорбь — уход от любви // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла. Сб. материалов конфер. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013.

11. *Сафрански Рюдигер.* Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Мол. гвардия, 2002. — 614[10]с.: ил. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 822).

12. *Шелкопляс Е.В*. Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции / под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014.

13. *Шелкопляс Е.В.* Новые законы семейной психологии: возможности теории оптимума развития // Актуальные вопросы психологии семьи. Материалы международной научно-практической конференции. Шуя, 2014.

14. *Шелкопляс Е.В.* От невроза индивида — к неврозу рода. Смена парадигм // Актуальные вопросы клинической психологии. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Шуя: ГОУ ВПО ШГПУ, 2008.

15. *Шелкопляс Е.В.* Психология уровней тварной Софии и Логоса // София. 100 лет русской философии / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2012.

16. *Шелкопляс Е.В.* Философия хозяйства и обновление культурной системы России // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал № 2 (14), 2014.

17. *Шелкопляс Е.В.* Мировоззрение философа с позиции философской антропологии // Мировоззренческая парадигма в философии: культура определения бытия и сущего: Сб. Междунар. науч. конф. Н. Новгород: Изд-во НФ МЭСИ, 2014.

18. *Шопенгауэр, А.* Мир как воля и представление (1819). // Lib.Ru/Классика:http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml

19. *Осипов Ю.М*. Российский антикризис // Философия хозяйства. 2014. № 4.

20. *Гиренок Ф.И.* Метафизика смысла: дорога и бездорожье // Философия хозяйства. 2014. № 4.

21. *Скрынник З.Э., Зотова Е.С.* Украина в контекстах российского самоутверждения // Философия хозяйства. 2014. № 3.

22. *Вержбицки А.* Цивилизационные основания и важнейшие проблемы евразийской интеграции государств Центральной Азии // Философия хозяйства. 2014. № 3.

И.В. УТКИН

Русский характер и будущее России

Аннотация. Цель данной статьи заключается в том, чтобы профетически наметить пути грядущего культурно-цивилизационного развития России, опираясь на дискурсивные заключения, касаемые имен, смыслов и модусов человеческого бытия, свойственных русскому характеру.

Ключевые слова: русский характер, имя, смысл, модус человеческого бытия.

Abstract. The purpose of this article is to outline ways prophetic of the future cultural and civilizational development of Russia, based on discursive conclusions regarding the names, meanings and modes of human life inherent in the Russian character.

Keywords: Russian character, name, meaning, mode of human existence.

Принимая во внимание особенности русского характера, его предельную широту, многогранность и противоречивость, следует признать, что это лишь одна сторона медали, а вторая свидетельствует о его высоких физических и психологических адаптивных возможностях. Типично русские люди, такие как солженицынский Шухов Иван Денисович или пресловутый Василий Теркин, легко приспосабливаются к любым условиям и лишениям. Шухов — узник системы ГУЛАГа, завершая обычный день зека, полный всяческих забот и треволнений, не теряет вкуса к жизни и даже в лагерном бараке засыпает «вполне удоволенный». А Теркин не только умелый воин, но и хороший едок. Если надо, он может всласть выспаться на голой земле, завернувшись в шинель, переплыть ледяной Днепр и, если верить Твардовскому, даже найти способ сбежать «с того света». Поистине, фантастическая адаптивность!

Необходимо также признать, что в обозримом будущем Россия будет прокладывать свой путь не столько рациональным, но, главным образом, чувственным путем, преобразуя реальность не через логику здравого смысла, а через «сердечное созерцание». И путь этот будет весьма извилист и труден, т.к. основной характерологический тип русского человека, судя по феноменологическим исследованиям Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, И.А. Ильина и других философов, соответствует циклоидному складу. Во внутреннем мире циклоида каким-то образом уживается, казалось бы, несовместимое, поэтому в душе русского человека всегда будут жить амбивалентные смыслы,

всегда будет внутренний конфликт. Поэтому серьезно рассчитывать на какую-то упорядоченность жизненного уклада россиян едва ли возможно.

Предстоит альянс трех основных характерологических радикалов — синтонного (циклоидного), напряженно-авторитарного (эпилептоидного) и тревожно-сомневающегося (психастенического). При этом социальная ниша эпилептоидов — силовые структуры, аппарат принуждения. Удел психастеников — совесть, социальная мораль, служение. За циклоидами — э*моцио,* чувственная сфера.

Профетически видится перестройка иерархии модусов человеческого бытия в рамках русской ментальности. Здесь возможны, как минимум, два пути. Первый путь — если Запад нас окончательно стащит к модусу обладания, чем он столь активно занимается в последние годы, играя на желании «хорошо жить» у изголодавшегося в условиях многолетнего дефицита бывшего советского народа. При этом всякая мораль и нравственность будут окончательно похоронены, в лучшем случае останется формальная честность. Второй путь — это конвергенция модуса служения с модусом чувственного восприятия через возрастание духовности. Думается, что в условиях российской действительности это будет путь от обмирщенности к высоким духовным пределам, а если кратко — от зла к добру. Но для этого сначала потребуется «как следует изваляться в грязи» — такова русская ментальность!

Если возобладает модус служения, то русская культура и русская словесность возродятся и будут широко востребованы гуманитарные науки. И имена собственные, как часть лингвокультуры, вновь обретут утраченные смыслы. Однако, что касается возвращения именам смыслов, но не стоит терять время и ждать всеобщего русского культурного возрождения. Это можно и нужно начинать делать уже сегодня! Родители, намереваясь дать имя своему младенцу, должны совершенно отчетливо осознавать, что тем самым закладывают краеугольный камень его судьбы. Они должны ясно понимать две вещи: смысл, который несет то или иное имя, и в честь какого святого или прославленного человека будет наречен данным именем ребенок. В дальнейшем, в сознательном возрасте в разговорах со своими детьми родители должны неоднократно касаться темы имен. Допустим, если мальчика нарекли Александром, то следует время от времени ненавязчиво напоминать, что Александр по-гречески означает мужественный защитник, и мы назвали так тебя в честь замечательного защитника земли русской святого Александра Невского. Так что, изволь соответствовать!

В отношении «удачного сочетания» имени и индивидуальности. Этот вопрос не может быть исследован в рамках естественно-научной парадигмы, но гуманитарная парадигма в этом плане таит в себе колоссальные возможности. Пока же в рамках русской культуры единственным, проверенным многими веками ориентиром в отношении удачного подбора имени под индивидные особенности человека являются святцы.

Россия сейчас находится под мощным двойным воздействием, идущим как с Запада, так и с Востока. С Запада идет идеологическое влияние, явно и скрыто навязываются чуждые русской ментальности ценности, смыслы и образ жизни. Цель понятна — постепенно размыть русскую культуру и всемерно ослабить, обескровить, деморализовать Россию. Главный акцент делается на формирование модуса обладания. Однако Восток тоже не дремлет. В последние десятилетия идет невиданная прежде по своим масштабам массированная экспансия людских ресурсов. В поисках заработка и лучшей жизни в Россию из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана и других бывших советских республик ежедневно идут эшелоны, до отказа набитые людьми. Что несут сюда в культурном плане уроженцы Средней Азии и Закавказья? Увы, лишь примитивизм! Они сами движимы модусом обладания. Однако до последнего времени особой угрозы для русской культуры и ментальности они не представляли, т.к. довольно скоро по историческим меркам, через 1—2 поколения, практически полностью ассимилировались с русскими. Поэтому каждый выходец с Востока, да и из другой любой страны, покидающий пределы своей национальной автономии, должен отчетливо понимать, что в случае переселения в Россию «на ПМЖ», его дети или, самое позднее, внуки утратят свою национальную идентичность и станут русскими. Поэтому для всех иноземцев, желающих проживать бок о бок с русскими, Россия станет своеобразной этнической могилой. Так было до сих пор и таковым остается положение дел сейчас. Однако, что будет, если людские потоки с Востока будут возрастать? Сможет ли их растворить русская ментальность или все же произойдет переход количественных изменений в качественные? Думается, что этот вопрос серьезно беспокоит не только Россию, но и Запад. На сегодняшний день в Осло уже 25 % населения мусульмане! Во Франции 8 % населения — мусульмане, в Англии и Германии — 4,8 %, и 2,5 % соответственно. В отличие от российских гастарбайтеров, эти люди, в большинстве своем, нигде не желают работать, стремятся получить бесплатные квартиры, пособия, бесплатную медицинскую страховку и прочие блага. Для западных стран это становится поистине бедствием!

Когда-то, в I—II веках н. э. мир пришел в движение, началось Великое переселение народов. Многие этносы ушли на Запад, часть двинулась на Восток, часть отправилась на Север. Говорят, что история повторяется. Не являемся ли мы очевидцами нового Великого переселения народов? Это станет окончательно ясно лишь спустя несколько столетий.

В заключение хотелось заметить, что если мы хотим сохранить русскую ментальность, прежде всего, нам архиважно сберечь российскую словесность, ибо доколь мы будем пребывать с Л.Н. Толстым, Ф.И. Достоевским, А.П. Чеховым, Н.С. Лесковым, И.А. Буниным, А.М. Горьким и другими русскими писателями и поэтами в одном ментальном пространстве, наш менталитет не уязвить. Во-вторых, следует вернуть именам собственным их сакральный смысл. В-третьих, необходимо поверять личностные смыслы совестью. И, наконец, в-четвертых, созерцая сердцем реальность, стоит обратить свои взоры в сторону служения, как модуса бытия наиболее полно отвечающего человеческой сущности.

О.А. БАЛАГУРОВ

Субпсевдоморфозное развитие России как способ преодоления вызовов секулярного глобализма

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ взаимоотношений секулярного гуманизма и традиции, применительно к реалиям современной России, и определение возможных путей преодоления сложившегося конфликта.

Секулярный гуманизм, являющийся идеологическим стержнем глобализационных процессов, является продуктом фаустовской западноевропейской цивилизации, которая предельно десакрализирована и бездуховна. Ее стремление транслировать собственные культурные коды, в том числе, путем насильственной модернизации, ломающей традиционные структуры не-фаустовских культур, можно охарактеризовать термином «управляемый псевдоморфоз». России, которая стремится сохранить свою культурную идентичность, целесообразно преодолеть вызовы управляемого псевдоморфоза. Для этого необходимо вновь обратиться к традиции, которая предельно концентрирована и сакральна в пределах Церкви. Сотрудничество Церкви и государства позволит

сохранить части населения собственную культурную идентичность, что в условиях постепенно побеждающего фаустовского нажима станет псевдоморфозом для него, или — субпсевдоморфозом, который, в итоге, и определит вектор всей человеческой истории, чаемый христианской эсхатологией.

Ключевые слова: секулярный гуманизм, глобализм, управляемый псевдоморфоз, культурная идентичность, конфликт цивилизаций, субпсевдоморфоз.

Abstract. The purpose of the research is study of conflict between the secular humanism and traditions in modern Russia, and the search of ways of solution to the conflict.

Secular humanism is the ideological core of the globalization process. And it is the product of the Faustian civilization of the West, which is extremely desacral and spiritless one. This civilization translates its cultural codes through the forced modernization and breaks the traditional structures of non-Faustian cultures. It is the "managed pseudo-morphs." Russia wants to preserve its cultural identity, so it has to overcome the challenges of managed pseudo-morph. The best way is come back to the tradition that best preserved in the Church. The co-operation of Church and state will become the pseudomorphs for the Faustian civilization or subpseudomorphs. And it will determine the vector of all of human history, according the Christian eschatology.

Keywords: secular humanism, globalism, managed pseudo-morphs, cultural identity, clash of civilization, subpseudomorphs.

В последнее время в России набирает популярность образ официального представителя Государственного департамента США Джен Псаки. Этот образ у нас приобрел оттенок комичности, что отлично видно из многих комментариев в СМИ и сети Интернет [1]. В целом превалирует своего рода снисходительная улыбка к не очень умному существу из американского мира, которое мыслится некой собачкой, тявкающей, да еще не очень грамотно, на слона-Россию, которому нет никакого до нее дела.

При таком отношении чувствуется наше внутреннее превосходство и над госпожой Псаки, намеревающейся отправить американский флот к берегам Белоруссии [2], и над самим этим флотом, да и над всеми США в целом. По большому счету, подобный образ действует успокаивающее. Но только в силу того, что весьма не часто возникает ключевой вопрос «почему». Почему стало возможным, что подобный, как кажется, весьма некомпетентный человек занимает столь видный пост в Госдепе?

Только ли недальновидностью американской стороны объясняется сей факт или есть иные, быть может, не совсем очевидные, причины «феномена Джен Псаки»?

Для начала, необходимо вспомнить, что Дженнифер Псаки не первая из американских политиков, кто позволяет себе непростительные «ляпы» в официальной обстановке. И не самая, кстати, высокопоставленная. На память приходит колоритная фигура американского президента Джорджа Буша-младшего, который, в свое время, перепутал Австрию с Австралией, а саммит ОПЕК с саммитом АТЭС [3].

И вновь вопрос — почему? Только ли в силу природной косности американских политиков или нерадения их многочисленных помощников? Думается, что нет. Не только.

В одном фантастическом романе советской эпохи на борт была принята женщина-инопланетянка, которая впоследствии не стеснялась раздеваться перед космонавтами-землянами. Один из них предположил, что она, подобно древнеримским матронам, не стеснялась наготы перед рабами.

Думается воспоминание об этом уместно в контексте исследуемой проблемы. На протяжении всего XX столетия миру все настойчивее были навязываемы идеалы цивилизации Запада: политические, культурные, экономические. Их популяризация, внедрение (зачастую, насильственное), закрепление стало сутью политики глобализма, проводником которой являются, прежде всего, США.

Глобализм нацелен на подчинение инаковых культур мировому гегемону, которым на Западе, мыслятся США. Для этого необходимо сокрушить традиционный фундамент, основой которого, как правило, являются религия и национальное самосознание.

В этой связи глобализм почти всегда секулярен. Секулярен именно по духу, ибо подрыв культурных корней есть смысл этой политики. Для наиболее эффективной реализации глобалистских сценариев используется особый инструментарий.

Видится уместным обозначить его как управляемый псевдоморфоз, под которым следует понимать сознательную культурную интервенцию с целью деформации автохтонной культуры с последующей ее унификацией по единому навязываемому извне шаблону.

Для Запада подобный управляемый псевдоморфоз — технология (как политическая, так и культурологическая), которая имеет точно прогнозируемый ожидаемый результат. Именно такой результат

делает всматривание в будущее безмятежным. Ведь ожидается, что мир будет развиваться по понятному сценарию.

В данном контексте, совершенно неудивительна позиция главы шведского внешнеполитического ведомства. Карл Бильдт прямо заявил, что именно православие представляет главную угрозу для западной цивилизации [4]. В сущности, он лишь повторил мысль известного американского политолога С. Хантингтона, заметившего, что ««Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом» [5]. К слову сказать, российские власти отлично понимают лейтмотив западного глобализма. В частности, министр иностранных дел Сергей Лавров отметил, что Запад отдаляется от России из-за ее возврата к Православию [6].

Управляемый псевдоморфоз предполагает не просто подчинение, а унификацию, единообразие по извне заданным шаблонам. В этой связи совершенно понятны его удары по религии, традиции, даже по имени государства, которое стало объектом глобалистской атаки. Поэтому оговорки, которые позволяют себе такие персонажи американской политической арены как Буш или Псаки не случайны. С одной стороны, это демонстрация известного пренебрежения: какая разница, как «это» называется, если «это» — декультурированная, унифицированная бывшая культура, либо же вскоре станет таковой.

Подобный подход, безусловно, следствие национальной гордыни США как главного творца и проводника политики глобализма. В целом, подобная позиция весьма близорука, а потому не очень опасна. Вновь можно провести аналогию с римлянами, которые в итоге сами ушли с подмостков истории.

Куда опаснее вторая составляющая «феномена Псаки». Здесь уместно вспомнить о т.н. «окнах» известного американского социолога Джозефа Овертона — технологии, которая превращает «немыслимое» во вполне реальное, более того, подчас законодательно закрепленное. Действительно, если можно перепутать Иран с Ираком в принципе, пусть это и вызывает шквал критики, то через какое-то время, согласно технологии Овертона можно придти к ситуации, что это норма. Под любым видом: общечеловеческая цивилизация, тьма исламского фундаментализма, экзотический мир Ближнего Востока и т.д. Иными словами, «феномен Псаки» не есть фактор случайности — некомпетентная личность пробралась к микрофону. За этим умело созданным образом стоит одна из технологий глобализма, направленная на изменение сознания человека таким образом, чтобы даже самые характерные атрибуты национальных государств, инаковых для Запада культур вызывали реакцию: «а какая разница?».

Именно поэтому необходимо адекватное отношение к данному феномену. Помимо здоровой иронии, которая вполне допустима, нужно и осмысление его сути с тем, чтобы выработать симметричные формы ответа на новый вызов секулярного глобализма. Тем более, что подобные вызовы во многом порождают т.н. «конфликт цивилизаций» (в прочтении С. Хантингтона), который, однако, имеет не только внешнюю, но и внутреннюю составляющую, причем вторая во многом порождает первую.

Внутренний конфликт цивилизаций рассматривается нами как изменение сознания носителя автохтонной культуры в сторону мировидения Запада. Следствием этого является не только культурный нигилизм и духовный релятивизм, но и готовность к действиям, противоречащим интересам своей страны, как мы видим это на примере Грузии или Украины.

Преодоление подобного конфликта является одной из основных задач России, по сути, ее ответом на вызовы современности. Наиболее адекватной формой подобного ответа является собственное духовное возрождение, позволяющее сместить геополитические акценты, обеспечив тем самым, новую возможность развития мира в третьем тысячелетии. Не случайно Президент России В.В. Путин заявил о необходимости обретения неких «духовных скреп» для стабильного развития государства.

Реальной возможностью осуществления подобного возрождения является развитие в каждом носителе традиционной культуры уранического взгляда на земные проблемы. К сожалению, подобный взгляд не возникает сам по себе. Для этого нужно особое духовно-культурное поле, способное сформировать у личности соответствующее мировидение. По сути, необходимо воспитать небесный взгляд на земные процессы. Подобная форма восприятия действительности, безусловно, является ассиметричным ответом на вызовы секулярного гуманизма.

Реализация возможности формирования подобной жизненной позиции населения есть насущная задача церковно-государственного сотрудничества, которое вполне возможно и необходимо как единственный наиболее адекватный ответ на вызовы секулярного глобализма.

Результатом подобного соработничества станет не просто тактическая возможность остановить продвижение фаустовской цивилизации (в терминологии О. Шпенглера) в ее унификационистских стремлениях, но достижение стратегической цели воссоздания той среды, которая, опираясь на фундаментальные основы святоотеческого

наследия, способствует укоренению в сознании носителей традиционной культуры, россиян, в целом, того мировидения, которое способствует их ураническому взгляду на мир, их горним стремлениям, в конечном счете, их спасению, как единственной реальной стратегической цели каждого человека.

Во всемирно-историческом масштабе вряд ли возможно остановить процессы глобализации. Возможность подобного решения проблемы противоречит и христианской эсхатологии. Тем не менее, наличие в рамках побеждающего секуляризма очагов традиционности, для России — Православия — превращает их в псевдоморфоз уже для глобализма, или субпсевдоморфоз [7].

Данный феномен позволяет преодолеть самое главное — внутреннее измерение — конфликта цивилизаций, дезавуировать вызовы секулярного глобализма на личностном уровне, что позволяет христианской душе надеяться на спасение, а Российскому государству сохранять известный геополитический в своем стремлении сохранить культурную (в самом широком понимании) идентичность.

Литература

1. «Говорящая голова» Госдепа стала звездой Интернета [Электронный ресурс] Российская газета: http://www.rg.ru/2014/06/05/psaki.html (дата обращения: 30.05. 2014).
2. Госдеп пообещал отправить флот к «берегам Белоруссии» [Электронный ресурс] Газета.SPB: http://www.gazeta.spb.ru/1648640-0/ (дата обращения: 30.05. 2014).
3. Джордж Буш перепутал Австралию с Австрией, а АТЭС с ОПЕК [Электронный ресурс] 1 канал: http://www.1tv.ru/news/world/77921 (дата обращения: 30.05. 2014).
4. Карл Бильдт: России строит православный бастион против Запада [Электронный ресурс] Анага: http://politobzor.net/show-18704-karl-bildt-rossiya-stroit-pravoslavnyy-bastion-protiv-zapada.html (дата обращения: 30.05. 2014).
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1. — С. 46.
6. Запад отдаляется от России из-за ее возврата к православию, считает Лавров [Электронный ресурс] Интерфакс: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=55525 (дата обращения: 30.05. 2014).
7. *Балагуров, О.А.* Конфликт цивилизаций: картина будущего в контексте преодоления археомодерна посредством субпсевдоморфоза // В мире научных открытий. Красноярск, 2013. № 1.3. С. 77—89.

М.А. ШУТОВА

Уровни идеального: миф, культура, религия

Аннотация. Данная статья представляет собой поиск уровней и форм идеального в контексте современных общекультурных мировых процессов. Большое внимание автор отводит морфологии новой мифологии и бытовому мифу как тому пласту культуры, который стихийно формирует образ идеального и закутывает его в оболочку мистичности. Миф оставляет возможность для интуитивного постижения идеального посредствам обращения к архетипам.

Ключевые слова: идея, идеал, идеальное, культура, религия, миф, мифология, мифологема, бытовой миф, квазинаучный миф.

Abstract. This article is a search for ideal levels and forms in the context of contemporary culture in general world processes. The author devotes much attention to the morphology of a new mythology and to the household myth as that layer of culture, which spontaneously constructs shapes of the ideal. Myth allows for intuitive comprehension by referring to the ideal archetypes.

Keywords: idea, ideal, culture, religion, myth, mythology, mythologem, household myth, quasi-scientific myth.

Всплеск интереса к мистицизму, расцвет квазинаучного мифотворчества, паракультурных форм сознания — явление уже мирового уровня. Бегство от материализма к мистике стало своего рода модой, пришедшей на смену «цивилизованному рационализму»; и, чем дальше массовая культура окутывает себя сетевой паутиной «даров» развитого общества, тем вариативнее и отчаяннее становятся попытки человека убежать в мифологическую реальность. Наглядные подтверждения пестрят на просторах Интернета и комбинируют альтернативную иррациональность, в которой пользователь растворяется, идентифицируя себя с различными героями насаждаемых мифологий. Кроме того, те движения, которые только десятилетие назад составляли суб- и даже контркультурное меньшинство, сейчас создают некие общинные (а значит, семейные) образования, где подрастающее поколение детей воспитывается на синкретических мифах с собственными традициями, интерпретирующими наследие предков. Это, с одной стороны, пробуждает волну патриотизма к Родине, поскольку, наконец, удовлетворяет потребность личности в самоидентификации, с другой, создает нешуточную угрозу потери контроля над эмоциональным состоянием человека, ведь стихийное и неглубокое понимание мифа,

овеянное ареалом сказочности и мистицизма, порождает неконтролируемые сознанием интерпретации архетипов.

Главная проблема заключается здесь в отсутствии установленных идеальных форм, которые бы помогали человеку динамично развиваться в согласии с техническим прогрессом, не чувствуя травматическую потерю связи с корнями. Дело в том, что выделенная еще со времен платоновских «эйдосов» категория идеального, окончательно не освоена ни философией, ни культурой: до сих пор в обществе отсутствуют цельные формообразующие структуры, которые бы помогали конструировать гармонию именно духовного развития человека. Изобразительное искусство, например, очень чутко отзывается на веяния времени и тут же предлагает разные трактовки телесного идеального, мы с легкостью можем проследить динамику развития тела в культурно-историческом контексте: от пышных форм эпохи Возрождения, до андрогинных идеалов современности. Такой эволюционный подход намекает на изменяющиеся духовные идеалы общества, но мы опять же не выделим здесь сложившихся устойчивых гармоничных образов, поскольку они являются актуальными лишь для своего времени.

Обращаясь к философской трактовке идеального, мы найдем диалектическое противостояние материального и идеального, правды и истины, сознания и слова. «Содержание этой категории раскрывается лишь путем ее противопоставления категории материального, а, следовательно, посредством соотнесения с ней. Материальное означает всякий предмет, процесс, всякое свойство, отношение и т.п., существующее объективно, т.е. вне сознания и независимо от него. Иначе говоря, материальное есть синоним материи. Здесь не две категории, а одна. От того, что идеальное необходимо связано с материальным и обусловлено им, оно не становится материальным, а если становится, то оно уже не является идеальным»[76].

Понимание идеального как человеческой субъективной реальности, или реальности наших мыслей, проводилось К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксисты указывают, что идеальное есть не более чем явление человеческого сознания, отражение материального в голове человека; оно не существует вне человеческого сознания, а воспроизведенный словом, например, чувственный образ, уже не

[76]Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность [Электронный ресурс] /Д.И. Дубровский http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/probl_ideal_1.htm

является идеальным: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[77].

Все эти концепции, так или иначе, апеллируют к платоническому миру идей (противостоящему миру вещей) как абсолютному и полноценному субстрату; выделение «эйдосов» положило началу целому ряду однокоренных слов с символическим поступательным рядом значений: «идея — идеал — идеализация — идеология».

Процесс идеализации — важная часть перехода от идеала осознанного к идеологии, и здесь возникают некоторые трудности в философской трактовке идеала вообще, ведь в чистом виде идеалом может быть лишь сознание, в то время как все продукты его являются противостоящим материальным. Значит, идеализация, предполагает операцию «предельного перехода», которая состоит «в преодолении некоторых объективно существующих пределов или ограничивающих характеристик, выделяемых в данных объектах, ситуациях или процессах»[78]. Все явления обозначаются в «чистом», «предельном», «совершенном», абсолютизированном виде, лишь в качестве объекта теоретического знания[79], но не обозначают практического выхода и приложения, отсюда происходит такой огромный разрыв между снова и снова доказывающими свою несостоятельность идеологиями и чистыми идеями.

Еще одной составляющей, постоянно апеллирующей к идеалу, является религия. Религия, как стержень культуры, предлагает свою трактовку идеального — это божественное и неизменное начало. Бог здесь всегда с приставкой «не» — ***не***постижим, ***не***видим, ***не***материален, ***не***познаваем, ***не***досягаем и т.д. — а значит, это изначально далекий, невыразимый идеал, постичь который невозможно. Такой духовный идеал, по мнению автора, у большинства неподготовленных к религиозной трактовке бытия людей, сформирует тревогу и чувство собственной незначительности, ведь эта позиция не дает четкого рационального ответа на задаваемые современностью научные вопросы, поскольку трансляторами этого идеала выступают религиозные лидеры, зажатые в рамки институтов, развитие которых в соответствии требованиям времени может представляться проблематичным.

---

[77] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М., 1989. Т. 23, С. 21

[78] Ракитов А. И. Философские проблемы науки. М., 1977., С. 94—95

[79] Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М, 1978.; Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность [Электронный ресурс] / Д.И. Дубровский http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/probl_ideal_1.htm

Все эти конструкты суровыми табу довлеют над человеком, в то время как в условиях глобализации и нескончаемого потока информации массовая культура предлагает отказ от идеалов вообще, навязывая взамен пережёванные продукты этих самых чистых идеалов (и здесь уже даже не категориальное противостояние материального и идеального), симулякры. С позиции психологической концепции теории оптимума развития (ТОР)[80], человек легко поддается искушению короткими смыслами, тем более что и философия, и религия говорят о принципиальной недоступности смыслов дальних, тем самым разрушая все его интуитивные стремления к сфере божественной, сакральной. Для наглядности рассмотрим трактовку трех уровней смыслов с точки зрения психологии оптимума:

1. Короткие смыслы — те, что ограничиваются скорой выгодой и всегда имеют под собой стремление к материальным благам.
2. Средние смыслы — означают душевные стремления человека к гармонии в семье и к самоидентификации с социальной сферой. На этом уровне можно говорить о формировании нравственных основ, привитых с детства.
3. Долгие смыслы — непосредственно связаны со сферой духовной жизни, где, как мозаичный пазл, формируется мировоззрение человека.

Такая иерархия обусловлена именно потребностями человека: физическими, душевными и духовными, соответственно. В условиях насаждения коротких смыслов и своего рода запрета на достижение дальних смыслов, человек современности находит выход в том, что пока еще доступно. Миф является сегодня транслятором людских душевных потребностей, где он может даже предложить альтернативные верования и доступные образы семейных отношений.

Говоря о сегодняшнем мифе, необходимо отчетливо понимать, что для носителя традиции и для постороннего наблюдателя (в частности, для исследователя) миф принципиально отличается. Чтобы постичь всю глубину скрытых смыслов, нам важно не столько, что представляет собой сам миф, сколько, чем он является для носителя традиции. Даже морфология современной мифологии вариативна и не дает определенной описательной концепции, поскольку с каждым днем мифов появляется все больше и структурировать их все сложнее.

---

[80] Шелкопляс Е.В. Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии / Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов по итогам Междунар. науч. конф., 20—22 сентября 2012 г. / под общ. ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013. С. 40—129.

Правда, на основе уже созданных теорий (В.Е. Гусев, А. Дандес, А.Л. Топорков, А.Г. Горячева, К.В. Чистов, Б.Н. Путилов[81]) мы попытались выстроить свою плеяду в иерархическом порядке. Выявляется триада современных мифов:

1. Мифы политической и общественной жизни. Искусственно созданные мифологемы этого пласта заняли свою значительную нишу в СМИ и рекламе. Главная задача, которая здесь ставится — через построение некоторого образа действительности актуализировать в духовном мире субъекта определенные смыслы, которые в свою очередь способны сформировать необходимые управляющему меньшинству потребности человека или новые мотивы и идеалы личности;

2. Религиозные мифы и мифы внерелигиозных верований. В религиозных мифах модель построения мифологем является схожей с предыдущей. Используя духовно-чувственные образы и символы, религиозные мифы формируют в сознании человека способ восприятия мира через «божественное провидение». Внерелигиозными верованиями являются мифы, которые, будучи порожденными в устном творчестве массовой культуры, сейчас являются еще одним инструментом создания альтернативной реальности в СМИ. Здесь исследователями выделяется мифологическая триада, которая активно разрастается и приобретает все новые подробности: существование Лох-несского чудовища, поиски «снежного человека» и таинственные происшествия в Бермудском треугольнике. Сейчас к этим «трем китам» присоединился активно насаждающийся миф об НЛО. Дополнительную окраску мифы внерелигиозных верований приобретают с нездоровым интересом магическими обрядами, причем, очень часто человек не вооружен никакими знаниями о магии как таковой и уж тем более о языческих культах. Наглядным подтверждением такого общественного интереса могут стать целые циклы передач о паракультурных явлениях; одна из самых популярных – «Битва экстрасенсов»;

---

[81] Горячева Г.А. Морфология современных мифов [Электронный ресурс] / Г.А. Горячева — http://www.ruthenia.ru/folklore/goryacheva1.htm; Гусев В.Е. Жив ли фольклор? // Живая старина. 1995. № 2.;
Дандес А. О слонофантазиях и слоноциде [Электронный ресурс] / А. Дандес — http://coolreferat.com/Ален_Дандес_О_слонофантазиях_и_слоноциде;
Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура, Спб., 1994.;
Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс] / А.Л. Топорков: http://magiaworld.org.ru/articles/article-51.html

3. Бытовые квазинаучные мифы. Пласт, содержащий продукты народного творчества; это довольно гибкая и постоянно меняющаяся структура, имеющая при этом признаки системы мифологического сознания. Это тот пласт, в котором отсутствует универсальная кодифицированная реальность, она порождается здесь стихийно, являясь отражением, с одной стороны, сохранившихся архетипов сознания, с другой. социокультурного контекста современного человека.

В дополнение к выявленной модели мы предположили, что существуют разные пути мифологизации:

- ***Принудительная*** — насаждение искусственно созданных мифологем группой людей «сверху» и запуск субъект-объектных отношений при помощи канала чувственно-эстетического познания мира на основе яркого образа. Этот путь является главным в создании мифа первых двух категорий;
- ***Идеопатическая (самопроизвольная)*** — самостоятельное стихийное конструирование символов и образов на основе сенситивно-эмпирического мироощущения человека. Является главным механизмом создания мифов третий выделенной нами категории.

Исходя из этой концепции, наиболее интересными и актуальными для исследования является третий пласт мифов, ведь именно в таких стихийных проявлениях сознания можно вычленить структуру, которая поможет пролить свет на некоторые болевые точки массовой культуры и, возможно, в дальнейшем указать на причину ухода от духовных идеалов в сферу средних смыслов бытия. Из некоторых выделенных автором сюжетообразующих мифологем становится ясно, что современная мифология, в отличие от других пластов культуры, сформировала очень яркие идеальные образы. Более того, создаются уже целые виртуальные миры, поскольку наиболее удобной средой насаждения мифологий является именно Интернет-пространство. В таком мире может быть абсолютно реально существование языческих богов, колдовства, мифических существ (драконы, эльфы, гномы, тролли), привидений и любых других фантастических сущностей. В то же время чудеса, открывающиеся наблюдателю, являются нормой изображаемого мира и действуют системно, как законы природы.

Природа в современной мифологии выступает как системообразующий идеал, она выполняет функцию божественного начала, она может распоряжаться судьбой человека и она же образует альтернативную мифологическую реальность. Восхищение перед гармоничным развитием природы прослеживается практически в каждом источнике мифологического проявления, но наиболее

наглядным подтверждением здесь будет визуальный материал — проанализированные рисунки различных российских авторов в сетевой структуре (исследована выборка из 100 тематически подобранных визуальных источников). Природа может выступать здесь в двух основных формах:

1. Среда, в которую помещен главный герой. Эта среда мистична и наделена способностью выступать в роли рока для человека: она может давать и отбирать жизнь. Так, например, в работе А. Леоновой «Ай, волна» природная сила воды уносит жизнь молодой девушки. Круговая композиция обозначена бушующими волнами; в центре, чуть со сдвигом влево, едва заметный силуэт хрупкой девушки на фоне круга солнца — оно, да еще пара чаек, вечных морских странниц, стали свидетелями последних минут жизни страдалицы.

2. Некое божество или представитель иных высших сил. Как правило, изображается антропоморфным. Это неуязвимая, бессмертная, способная менять внешность сакральная сущность. Часто силы природы представлены в женском обличии, возможно, это восходит к древним представлениям о природе, как матери всего живого. Ярким примером такого представления о природе служит работа Веси Менской «Мать-Природа». Произведение написано в коричневых и зеленых тонах — главных оттенках Земли — родоначальницы всего живого. Мать-Природа — молодая женщина, к которой тянутся все земные существа: птицы, звери, на руку к ней присела бабочка. Из глаз девушки катиться крупная прозрачная слеза — она как будто несет в себе боль и переживание за каждого из своих детей; любой вред, нанесенный ее детищам, отзывается в Матери невыносимым страданием.

Кроме природы, как сквозящего идеального образа, в ходе изучения источников (всего — более 500) нами были выделены некоторые сюжетообразующие мифологемы, которые являются доминирующими в исследуемых продуктах неомифологического сознания. Итак, модель построения современных мифологем выстраивается по следующим сюжетным линиям:

1. Традиционные сюжеты — здесь, как правило, мифические протоформы остаются в своем первозданном виде, практически нетронутыми. Правда, есть группа источников, переосмысливающих традиционные сюжеты в рамках современного культурного пространства. Такие мифологемы представлены в нескольких основных формах:

- родовые связи и контакты с умершими предками;

- встреча с призраком, странным существом;
- вещие сны;
- знамения смерти;
- сакрализация и одушевление природы;
- заимствования христианских верований;
- смешение нескольких традиционных или сказочных сюжетов.

2. Лирические сюжеты — самая популярная сюжетная линия современных мифологем. Любовь, как одно из самых сильных и всепоглощающих человеческих чувств, традиционно граничила с мистикой, поскольку заставляло человека совершать самые непредсказуемые поступки. В современных мифологемах любовная линия актуализируется еще и потому, что основные создатели новой мифологии — поколение молодежи (до 30 лет), где любовь иногда приобретает сакральный смысл. Лирические сюжеты представлены в следующих формах:

- неразделенная любовь;
- любовь к умершему;
- любовь с мифологическим персонажем (оборотень, вампир, эльф и т.д.);
- испытание любви мистическими событиями.

3. Мифологические животные — зооморфные представления и конструирование самоидентификации через связь с выбранным тотемным животным прочно укрепились в сознании современного человека. Возможно, это объясняется тем, что современный человек, погрязший в потоке все большей урбанизации и технократизации, таким образом ощущает связь с природой, тем самым успокаивая потребность в контакте с диким миром природы. Как правило, мифологизация животных происходит под влиянием симпатий и восхищением силы животного. Наиболее популярны в мифологизации следующие животные:

- волк;
- дракон;
- единорог, лошадь;
- змей;
- кошка;
- лиса;
- медведь;
- птица.

4. Мифологические персонажи — эту категорию условно можно разделить на две группы: к первой отнесем наиболее популярные

мифологические персонажи, кочующие из мифа в миф в современной культуре. Такого рода персонажи стали настолько популярны, что являются самостоятельными героями, практически не оставившими связи со своей оригинальной культурой. Кроме того, они, как правило, появлялись в мифах нескольких народов одновременно:

- ангел/падший ангел;
- вампир;
- ведьма, шаман (колдун);
- оборотень.

Вторая группа — источники, отсылающие к исконной культуре мифологических персонажей. Эти мифологические персонажи в сознании людей прочно связаны с культурой народа, их породившей:

- славянские мифологические персонажи (домовой, леший, русалка, Кощей, баба-Яга, черт);
- скандинавские мифологические персонажи (Один и Локи, Тор);
- кельтские и ирландские мифологические персонажи (эльф, фея, хоббит, орк).

5. Цветовой символизм — отсылка к визуальному восприятию, в том числе и мифологических форм, стала актуальной в современном мире из-за насаждаемой массовому потреблению визуальной культуры информационного общества. Цветовой символизм представлен в трех основных категориях, имеющих за собой огромный шлейф знаковых формул и кодов культуры, как древней, так и современной:

- черный;
- белый;
- красный.

6. Предметный символизм — продолжает начатую линию визуализации цветового символизма. Анализируемые предметы являются, своего рода, мистическими артефактами или порталами, через которые происходит контакт человека с потусторонней реальностью. Такие предметы являются символами, наполняющими ирреальный мир; иногда они теряют свое обыденное функциональное значение:

- волосы;
- карта;
- рука;
- стрела;
- тень;
- цветок.

7. Влияние восточной культуры — мифы культуры Востока все глубже проникают в социокультурное пространство современного европейца. В российской действительности процесс активного восприятия восточных мифологем начался достаточно поздно — лишь в конце XX века — и со свойственной нашей культуре спецификой интерпретации форм на основе чувственного и персонифицированного освоения новых моделей мифологизации.

Большинство из представленных сюжетообразующих мифологем, так или иначе, затрагивают сферу сна (а во многих устных источниках есть непосредственные отсылки к знамениям во сне через выделенные и перечисленные выше культурные образы), причем, многие из них носят тревожный характер. При всех завуалированных формах привлекательной сказочности, неконтролируемый архетипический страх рвется наружу: появляющиеся тени, рука, цветовой символизм красного цвета, роза в шипах, стрела — все это свидетельство воспаленного сознания человека без надежды на примирение с серой действительностью, где табуировано прикосновение к высшим материям. Зооморфные и антропоморфные образы становятся в новой мифологической среде защитами или тотемами и организуют целый ряд самопрезентаций на просторах Интернета; но как бы живо ни интерпретировал себя человек с наделенным сверхсилой существом, страх и тревоги никуда не уходят, а лишь насильственно вытесняются другими переживаниями, в то время, как главный источник проблемы уходит в более глубинные слои сознания и там же остается неразгаданным монстром.

Такого рода переживания связаны с еще одним образом идеального в системе немифологического сознания — образом смерти. Чем дальше, тем больше абсолютизируется этот образ в современности, ведь мифология становится вариативней, а представления о загробном существовании, параллельному действительности, богаче и многообразней. «Странное, подозрительное влечение к знакомому, естественному, родному для всего живого явлению под названием Смерть. За миллионы лет могли бы привыкнуть. Но стоит Смерти хоть немного развернуть над миром свои сумрачные крылья, экраны тутже начинают фонтанировать, изливать реки крови (как будто это главное). Они даже не формируют эстетику Смерти, насилия, агрессии — кишка тонка, нет, не они здесь — законодатели нравов. Вы когда-нибудь видели зеркало, носящееся по миру в надежде хоть что-нибудь отразить? Видели, много раз и еще не раз... Отражение получается странное, в какой-то момент оно перестает пугать, переходя на новый уровень (совсем как в компьютерной игре). И зритель пьет глазами эту

кровь, ест руками это мясо, впитывает Смерть, но продолжает бояться ее — до дрожи в коленках, до холодного пота от треска ночного звонка в железную дверь. <…> Горы трупов, среди них кто-то агонизирует, а тот, кому посчастливилось (счастье — это на самом-то деле такая простая вещь...) выжить, обезумел и орет. Другие в шоке и бродят (и бредят). Искореженный металл, обволакивающий ни в чем неповинное пространство. (Лишь оно не приглашало паяцев. Все прочие — в доле.) Конструкции обваливаются, погребая под собой еще несколько статистических единиц. Огненное кольцо проклятия торжествует, сбивая клочок земли в мечущийся сгусток безумия — того, что сознание обычно отказывается понимать и принимать»[82].

Прямо на наших глазах складывается новая модель существования в реальности на основе системы неомифологического сознания и двух полярных идеалов — Природы и Смерти — две противостоящие и спорящие сущности одного начала. Для исследователей все вышеперечисленное может стать свидетельством надлома духовной жизни цивилизации — ведь этот путь альтернативной реальности не видит другого выхода, кроме полного растворения в иллюзорном мире, или, еще хуже, мире мертвых. Но стихийность, о которой говорилось вначале, оказывается на деле предсказуемой, а, значит, оставляет возможность перевести этот пласт бытовых и квазинаучных мифов в русло принудительной мифологизации. При правильном подходе (в первую очередь воздействуя через Интернет-ресурсы и художественные образы произведений искусства) это действительно может привести к позитивным выходам человека из иллюзорного мира грез.

Миф всегда противостоит рациональному восприятию мира в той же степени, в которой идеализм спорит с материализмом. Однако, кроме различий качества, существует различие и количества, уровней этих сущностей. Миф ничего не обязан доказывать, это уже проявление веры (особенно ярким примером здесь может стать пласт мифов религиозных и мифов внерелигиозных верований). Рассудок, претендующий на знание, на выявление частных законов бытия, «семенных логосов», пытается подвергнуть сомнению и проверке все явления бытия, доступные восприятию и размышлению. То, что лежит близко и повторяется часто, — вполне удовлетворительно объясняется рассудком, но как только масштаб размышлений возрастает до категории «всеобщего» — рассудок в принципе бессилен. Структура

---

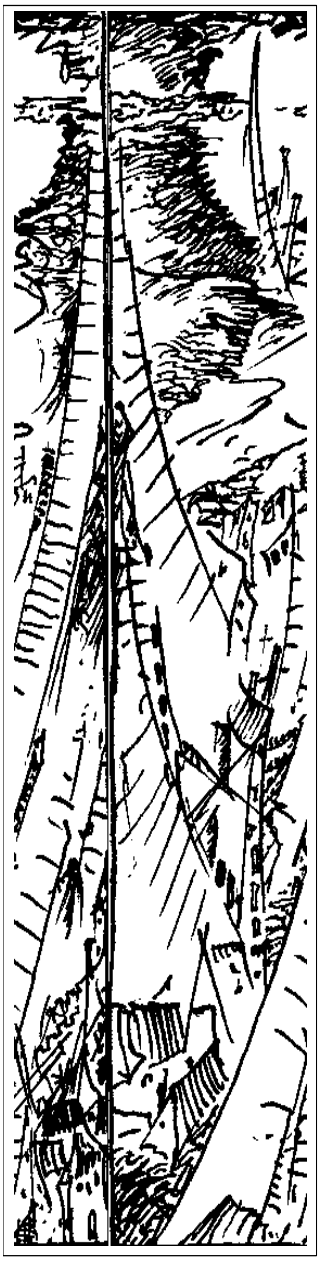
[82] Макеева Н. Препарация (в поисках идеального мифа) [Электронный ресурс] / Н. Макеева http://eurasia.com.ru/makeeva/texts/myph.htm

современной мифологии во многом оказывается более гибкой в сравнении с религиозной догматикой и дополняет её, оставляя, кроме того, место рассудку на постижение культурных контекстов мистических образов. Именно здесь для страны, которая стоит на пороге формирования новой идеологии, так необходимо внимание к долгим и сверхдолгим смыслам бытия, которые могут проявиться через уникальную систему современной мифологии. Правда, это произойдет лишь при условии целостности картины мира, когда сюжетообразующие «мифологемы» пройдут через философское и религиозное осмысления и сложатся в единую глобальную структуру. Здесь, по мнению автора, на помощь придет феномен «русскости», который вбирает в себя синтетический опыт культуры Востока и Запада, что в данной ситуации как нельзя, кстати ибо соответствует происходящей глобализации мировых процессов.

III

ЛИЧНОСТЬ, РОД, НАРОД, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

ТРАДИЦИИ И ОБНОВЛЕНИЯ



О.Н. МАСЛЕННИКОВА

Образование без образа, или Об «иностранцах в своем отечестве»

Аннотация. Реформы образования и риторика СМИ формируют в общественном сознании негативную картину (образ) происходящих изменений. Многие инициативы не проходят публичной экспертизы, в результате чего профессиональное сообщество, реформаторы и участники образовательного процесса «говорят» на разных языках, что в конечном счете делает их «иностранцами в своем отечестве».

Ключевые слова: образование, реформы, общественные дискуссии, язык, литература, СМИ, Общественная палата, семиотическая система, солидарность, чтение.

Abstact. The reforms of education and the rhetoric of mass media form a negative picture of modern events in the public consciousness. Many initiatives do not pass a public examination resulting in the professional community, the reformers and all members of the educational process «speak different languages», which ultimately makes them «foreigners in their own country».

Key-words: education, reform, public discussions, language, literature, the media, the Public Chamber, a semiotic system, solidarity, reading.

Многовековая история образования и образовательных систем свидетельствует, что крупнейшие, коренные изменения в социуме всегда являлись результатом освоения/присвоения знания. Ни одна политическая система, идеология не могла не учитывать значимость влияния такого фактора, как система образования, ее институты и транслируемые с помощью них ценности, ориентиры, установки. Российская система — не исключение.

Однако сегодня мы являем (не в первый раз, но очень уж очевидно) редкостное «единодушие» (а точнее бесчувствие и равнодушие) в так хорошо известной нам картине под названием «лебедь, рак и щука». Однако это не тот случай, когда рандомность может считаться основой для телеологии движения: нарушение связей в жизни общества и его ориентиров заметно на фоне дискуссий вокруг этого разнонаправленного движения в образовании (школьном, вузовском). Образование — это ведь не только когда что-то обрезается, но прежде всего, когда что-то образуется. А для того чтобы образовывалось — нужен сам **образ.** То, что отражает риторика общественных дискуссий по поводу образования, точнее было бы назвать не словом образ, а «образина». И это не филологическая игра в слова. Именно здесь

степень *невзаимопонимания*, *несолидарности* нашего общества чрезвычайно велика. А. Аузан, декан экономического факультета МГУ, определил эту нашу черту следующим образом: … если говорить о ценностях, главное, о чем я мечтаю, — это договороспособность. Трагическая проблема России — это недоговороспособность. Я много раз говорил, что, если бы у России был девиз, он звучал бы так: «Мы с ними на одном поле не сядем» [1].

Вместо ключевых идей — кого, где, чему, зачем и как учить (XVII век, Я.А. Коменский!) — чтобы обеспечить цикл жизни (и желательно счастливой, морально здоровой, экономически успешной и т. д.), мы изобретаем способы отчуждения. И становимся «иностранцами в своем отечестве». Знаменитый герой Дж. Свифта — Лемюэль Гулливер — неоднократно обращался к характеристике языка тех народностей, которые встречал он в своих странствиях. Одна из таких характеристик словно комментирует день сегодняшний:

«Так как язык этой страны постоянно изменяется, то струльдбруги, родившиеся в одном столетии, с трудом понимают язык людей, родившихся в другом, а после двухсот лет вообще не способны вести разговор… с окружающими их смертными, и таким образом, они подвержены печальной участи чувствовать себя иностранцами в своем отечестве» [2].

То, что раньше было незыблемым для нескольких поколений (язык, ценности, нормы, представления), сегодня не успевает стать частью сознания, жизни, спешит отменить себя, еще не обретя «Я». Не удивительно, что разные поколения действительно перестают понимать друг друга, потому что говорят на разных языках. Причин тому множество: от бытийно-философских («отцы» — «дети») — до очевидно языковых, связанных с технологическими новшествами, неконтролируемыми заимствованиями, «странной любовью» к низовой, сленговой, жаргонной лексике и т.д. Пессимистические настроения о полной потере взаимопонимания еще преждевременны, но «печальная участь чувствовать себя иностранцами в своем отечестве», видимо, симптоматичная, ментальная наша черта.

Кто же эти «иностранцы», как не мы сами? Общество — с одной стороны, профессиональные корпорации (учителя, преподаватели) — с другой, чиновники от образования — с третьей, кажется, живут некой автономной жизнью. Одни что-то требуют, другие объясняют, возможно ли это что-то требуемое или нет, третьи — считают «мертвые души» (удобные статистические показатели). А должно быть как в классической семиотической системе: адресат, адресант, посредник.

Профессиональное экспертное сообщество (адресант) отбирает модусы социально-значимого знания, опыта; **общество (адресат)** получает и осваивает это через социальные институты, **а государство (посредник**) формулирует, почему это нужно и тем, и другим и обеспечивает дееспособность этих институций и их действенную связь. Такая система в идеале напомнила бы принцип сообщающихся сосудов. Потому что всем трем участникам этого семиозиса РАВНО ВЫГОДНО соучастие — деятельное, просветительское, созидательное.

Но, увы, — и риторика современных СМИ это только подтверждает — мы далеки от этой вполне пригодной для функционирования модели. На каком языке надо говорить, чтобы договориться? Чтобы миновать грустной участи чувствовать себя иностранцами в своем отечестве? Чего стоит только канцеляризм «подушевое финансирование»: можно посчитать для удобства статистики «мертвые» (в смысле обезличенные) души, а вот можно ли профинансировать дух?

Получается, как в строчках гениального поэта: «И язык, на котором вокруг орут, // разбирать, похоже, напрасный труд» (И. Бродский).

Столько веков учиться артикулировать, чтобы снова приблизиться к состоянию немоты! Вспоминается (и снова, и в который раз!) Александр Сергеевич: «Предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. <…> Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностию несчастного нашего отечества» [3].

Ныне приходится констатировать другое. Хотя реформы в образовании давно нарисовали нам образ успешного менеджера-коммуникатора.

Не отменяя права участников общественных дискуссий на субъективность воззрений, приведем те из них, которые убедительно показывают степень истерии вокруг таких частных (и при этом первостепенных!) вопросов образования, как, например, школьный курс литературы.

Вот одно из таких суждений общественного деятеля А. Невзорова **«У русской литературы закончился срок годности»** (публикация от 29 мая 2014 года)**: «**Мы слышим плач толстых министров, черносотенцев, и филологических дам — они очень сожалеют, что дети не читают. Никто не задался вопросом: а что, собственно говоря, этим детям читать? Классику? А почему ее надо читать? Почему надо употреблять продукт, у которого явно закончился срок годности?

Почему до сих пор никто не хочет называть вещи своими именами? … Дети отказываются читать, и они в этом совершенно правы, и надо им в этом помогать. Устами младенца глаголет истина. Не надо заставлять детей читать. Надо признаться, что читать им в общем нечего» [4].

Может, какая «филологическая дама» и промолчит, оскорбившись быть причисленной к компании «толстых министров и черносотенцев», мне же представляется (даже заочно) возможным спросить у общественного деятеля: «А не подло ли это — *помогать не читать*?». Ладно бы, провокация. Но ведь подлость — бросать *такое зерно* в смятенную, искорёженную почву: массовое сознание и без того уже подготовлено к мысли, что читать классику *НЕ* обязательно, ценить свою непохожесть (в том смысле, на какой указывал, например, В. Одоевский)[83] *НЕ* модно. Эту реплику филолога («филологической дамы») и преподавателя вуза, коим и являюсь, уважаемый общественный деятель может и не счесть достойной ответа. Но, может, удостоит ответа того, у кого, с его точки зрения, в частности, «истек срок годности»? В заметках «О русской словесности» Александр Пушкин утверждал: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства». Где же здесь истекший срок годности-пригодности мысли?

Обратите внимание и на симптоматичный заголовок другой статьи (и здесь это не прием желтой прессы): *«Толстой, конечно, глубоко отвратен…»*. Подзаголовок не менее настораживает: *«Для школьников придумали единый патриотичный учебник литературы»*. Статья содержит выдержки из высказываний участников дискуссии в Общественной Палате, вот некоторые из них:

1. Глава комиссии ОП по культуре и сохранению историко-культурного наследия П. Пожигайло: «Меня спросили, что бы я сделал в первую очередь, если бы стал президентом. Я сказал, что запретил бы английский язык на 10 лет, а лучше на 40: столько лет евреи по пустыне бродили. Это была провокация. Мне звонят с ВВС, я им говорю, что очень люблю Англию, знаю английскую литературу. И тут я спрашиваю журналиста: «А что было бы в Великобритании, если бы у вас в школах шесть часов изучали русский язык?» Он сказал, что у них была бы революция и что вообще в такой ситуации они, англичане, с нами» [6].

[83] В. Одоевский: «Мы ни на кого не похожи и для нас нет данных, по которым бы, как в математическом уравнении, можно было бы определить наше неизвестное» [5].

2. «Толстой для меня, конечно, глубоко отвратен. Но ведь и Достоевский вложил мысль о революции в описание пути Раскольникова», — сказал секретарь правления Союза писателей России В. Крупин [6].

3. Весьма интригует и позиция профессора Л. Петриевой из Ульяновского университета: «Сегодня цель образования — патриотизм. Образование — это не сфера услуг, как записано в нашем законе «Об образовании», образование — это госзаказ» [6].

И это суждения экспертного сообщества, которому доверено в сложившейся ситуации (как всегда, не легкой) минимизировать потери смыслов, реформируя реформируемое. В очной полемике уважаемого профессора и всех идеологов патриотичного учебника литературы хотелось бы попросить решить такую задачу. Можно ли в образовательной среде воспитать патриота, если эта образовательная среда характеризуется (в том числе) следующим набором качеств:

1. *Евгений Бунимович,* детский омбудсмен Москвы, учитель: «Мы воспринимаем ЕГЭ как предъявление школьником государству своих знаний, но есть не менее важный аспект ЕГЭ, который недооценен, — это то, что в этот момент государство предъявляет себя школьнику. … И вдруг выясняется, что варианты все равно заранее сливаются в интернет, что за деньги можно купить экзамен, переехать из одного региона в другой, что есть тарифы… Сегодня главный вопрос — способны ли мы продемонстрировать молодому поколению, что страна может провести честный, прозрачный и действительно независимый экзамен. Если нет, то после этого можно долго рассказывать нашим выпускникам, что надо платить налоги, честно проводить выборы и голосовать на них — кто же это будет делать, когда им уже показали, какая у нас страна, кто в ней и как достигает успеха. [7].

2. *Сергей Гуриев,* ректор РЭШ: «Но самое страшное — это то, что наши вузы очень коррумпированы. В период становления личности люди узнают, что все можно купить и все можно продать. Наше образование готовит *плохих граждан*, потому что объясняет студентам, что врать и воровать хорошо...» [8].

Принадлежа к профессиональной корпорации вузовских преподавателей, с сожалением могу признать: не легко решить такую задачу, и вопрос этот, по-видимому, из той же «милой макулатуры»: «Русь, дай ответ…».

Выражу свое мнение. Даже не знаю, кому больше сочувствовать: ученикам будущего «едучебника», учителям или всем нам вместе взятым: ведь задачу этого учебника сформулирована следующим

образом — «воспитать достаточно хорошего человека» [9]. ДОСТАТОЧНО ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА? Достаточно — это насколько, как? Да-да, уже было: широк человек, надо бы сузить. Только вот попадется текстик какой «вредный» — и, поди разберись, — достаточно ли хороший человек изображен для воспитания «достаточно хорошего человека»[84].

Или уже не попадется?

Вполне понятные последствия для возможности свободного думания может повлечь за собой и следующая инициатива. В «Известиях» были приведены слова председателя комитета по образованию В. Никонова: «Если человека дома не научат читать, то научат только в школе. При этом, на мой взгляд, не надо перегружать школьную программу громоздкими произведениями, которые школьники не в состоянии понять. Привить привычку к чтению можно и без этого» [9]. Логика, казалось бы, понятная. Но.

Если объем и сложность произведения станут критериями составления школьного курса по литературе, один из важнейших элементов культуры, своего род код узнавания, можно будет считать безвозвратно потерянным. А это продолжение, в том числе, репрессивной педагогики с ее неуважением к детству — его слезам, страхам, опыту и самости. Великий Януш Корчак не только учил КАК любить ребенка, но и КАК уважать его права. Сколько будет *НЕ* прочитано, *НЕ* прожито, *НЕ* освоено и *НЕ* присвоено только потому, что готовится решение: в программу не включать в силу большого объема и непонятности[85]. Очередное изгнание из рая, не иначе.

---

[84] Вот как, например, в одном древнерусском шедевре: «Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же ведел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо богу, государь, и тебе: что тебе бог внушит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней!» [10].

[85]Возможно, пришла пора для появления хрестоматий нового формата - хрестоматий для реформаторов. На наш взгляд, к обязательному включению

Все вышесказанное можно причислить — с сарказмом или без оного — к «плачу филологической дамы». Но есть и более понятная, разумная, здоровая позиция наших современников. Для объективности — взгляд «снаружи» и взгляд «изнутри»:

1) «Почему наше будущее зависит от библиотек, чтения и фантазирования» — текст лекции Нила Геймана, известного английского писателя-фантаста, автора графических романов и комиксов, сценариев к фильмам:«Простейший способ гарантировано вырастить грамотных детей — это научить их читать и показать, что чтение — это приятное развлечение. Самое простое — найдите книги, которые им нравятся, дайте им доступ к этим книгам и позвольте им прочесть их… В 2007 году я был в Китае, на первом одобренном партией конвенте по научной фантастике и фэнтези. В какой-то момент я спросил у официального представителя властей: почему? Ведь НФ не одобрялась долгое время. Что изменилось? Все просто, сказал он мне. Китайцы создавали великолепные вещи, если им приносили схемы. Но… Они не изобретали. И поэтому они послали делегацию в США, в Apple, Microsoft, Google и расспросили людей, которые придумывали будущее, о них самих. И обнаружили, что те читали научную фантастику, когда были мальчиками и девочками… Литература может показать вам другой мир. Она может взять вас туда, где вы никогда не были. Один раз посетив другие миры, … вы никогда не сможете быть полностью довольны миром, в котором выросли. Недовольство — это хорошая вещь. Недовольные люди могут изменять и улучшать свои миры, делать их лучше, делать их другими. Это *образование* (которое не заканчивается в тот день, когда мы покидаем школу или университет), *это досуг, это убежище и это доступ к информации»* [11].

2) Это и то, о чем замечательно говорил А. Аузан, вспоминая свой опыт директора Экономико-математической школы при экономфаке МГУ: «Там кроме экономики и математики есть так называемый «третий путь». Например, курс поэзии Серебряного века, который читается рядом с экономическим анализом. И это правильно, потому что если вы с самого начала не расширяете сознание гуманитарными вещами, то вы получите логическую машину, которая какие-то задачки решает, но на самом деле к постановке новых задач не готова. [1].

туда и соответственно к прочтению должны быть рекомендованы, например, работы В.Ф. Асмуса «Чтение как труд и творчество» и Д.А. Леонтьева «Чтение как труд и чтение как отдых».

Вот это и есть полюса общественных дискуссий: с одной стороны, «помогать не читать», сократить «громоздкие произведения», отобрать для чтения «понятные» и т.д.; и с другой стороны — помочь найти интересные книги и позволить их прочесть, открыть таким образом мир, научить изобретать и думать. В первом случае вырастим послушных и удобных. Во втором — по-хорошему недовольных и созидательных.

Наша культура словесна (Д.С. Лихачев), более того, она по-прежнему требует устной трансляции — от учителя — ученику. Ну не отменим пока еще принцип диалогического единства в том варианте мировой культуры, который мы знаем, например, по Сократу, Упанишадам, Конфуцию, etc. Отличие может только одно: если в этих древних беседах мысль о том, что и ученик учит учителя предполагалась метафорически-имплицитно, то сегодня иное. И. Фрумин, научный руководитель института образования ВШЭ, советник министра образования и науки РФ: «У нас наложилось друг на друга несколько трансформаций: культурная, социальная, семейная, и мы попали в культуру, в которой молодое поколение почти ничему не может научиться у старшего. И возникает ситуация, когда не старые учат молодых, а им надо учиться у молодых» [7]. Все так и не совсем так. Относительно технологической среды — абсолютно так. Относительно памяти, культуры, литературы, в частности, в целом общего прошлого, дающего ответ на вопрос — почему нет для нас как в математическом уравнении данных, по которым можно было бы определить наше неизвестное (В. Одоевский) — не совсем так.

Согласно «Атласу новых профессий», профессия лектор будет относиться к категории устаревающих интеллектуальных профессий уже к 2020 году [12]. У этого есть объективные основания. Ведущие вузы мира выкладывают в сеть лекции крупнейших специалистов, учиться можно дистанционно и он-лайн. Но у какого порога мы можем оказаться? Ключевая фигура транслятора знаний уходит, агентов этого знания много, выбор есть, а умения сделать выбор нет. И это на фоне продолжающегося усиленного разрушения системы российского образования.

М. Шелер назвал бы это «сумерками» («…становится страшно, когда видишь растущие изо дня в день несвободу и тупость, перед опасностью погрузиться в которые — медленно, почти незаметно — и утонуть в их серых бесформенных сумерках стоит уже не та или иная отдельная страна, но и весь культурный мир»[13]), Х. Ортега-и-Гассет — «варварством» («современный специалист — варвар, много знающий о частном и ничего об остальном…») [14].

Все вышесказанное — скорее заметки на полях современности в поисках ответа на вопрос — есть ли решение у названных проблем. А также внутренняя рефлексия, к которой побуждаю студентов, а чаще чуть более взрослых и самостоятельных магистрантов. В одном из профессионально-ориентированных курсов[86] предлагаю магистрантам (будущим исследователям и преподавателя вуза, а возможно, и управленцам и реформаторам!) опыт создания рабочих программ, проектирования и конструирования одного из занятий (в процессе генерирования идей мое участие как преподавателя минимально) и реализацию этого занятия в незнакомой студенческой группе (самостоятельно, без моего присутствия). Один из любопытных вопросов: а если вас не будет, кто нас будет контролировать и критиковать? С одной стороны, хорошо, хотят результата. С другой — не готовы, не привыкли или боятся саморефлексии и самокритики. Но эту соль знаний (с учетом возможной их профессиональной педагогической деятельности) они должны добыть сами, вкусив ее горечь и сладость. Только так, дав возможность, можно научить делать выбор в пользу свободы, ответственности и спонтанности («ведь именно *свобода,* как вечно живая личная *спонтанность* духовного центра в человеке — человека в человеке — есть самое фундаментальное и первое условие всякой возможности образования и просветления человека!» [13]).

Думаю, это будет значительно сложнее, если не за горами и стандарт и вузовского преподавателя, по аналогии со школьным (Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544 н Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель»)), который предполагается для внедрения к сентябрю 2014 года.

В проекте стандарта заложены требования к любому учителю и воспитателю, такие, например, как: работать в условиях реализации программ инклюзивного образования; работать с учащимися, имеющими проблемы в развитии; работать с девиантными (хулиганами), зависимыми (наркоманами), социально запущенными и социально уязвимыми учащимися, имеющими серьёзные отклонения в поведении (возможно ли это изначально при условии, что педагог будущий — чаще всего выпускник бакалавриата — 4-х годичного ужатого курса подготовки?). Профессор кафедры педагогики Московского психолого-социального университета, доктор

[86] О сущности дисциплины магистерской подготовки «Технологии профессионально-ориентированного обучения» см., в частности [15].

педагогических наук Б.М. Бим-Бад считает, что **«вся непомерная сложность образовательных проблем сегодняшнего дня ложится на плечи педагога»**, а «появление стандарта учителя продолжает уже давно начавшийся процесс «стандартизации» ученика и выпускника. Но педагоги стандартизируемы не более чем «личностные результаты» выпускника школы. В проекте стандарта нет даже упоминания о **миссии педагога**. Не потому ли, что миссия не поддаётся стандартизации, учёту и контролю?... Настоящий «стандарт педагога» может служить ещё одним элементом административного контроля, надзора и «чисток» во вред обучающимся и обучающим их людям» [16].

Иными словами, образ (картина, лицо, изображение) современного образование в поле общественных дискуссий и реалий нашего времени действительно больше соответствует «прокрустову ложу»: обрезать ненужное, сократить, подогнать под стандарт. Остается только риторический вопрос: зачем нам это злокачественное образование?

Что могу сделать лично я как преподаватель для своих студентов, магистрантов? Показать эту истерию? Да, в том числе, чтобы научить думать, анализировать, выбирать. И договариваться. А помощи прошу у авторитетов. Из прошлого. И, слава Богу, пока ни один стандарт не воспрещает делать этого. Прекрасные образцы двух культур — «Поучение» Владимира Мономаха и «Письмо А. Линкольна учителю своего сына» [Приложение]. По ним тоже можно понять, что может сделать согласие, и как не стать иностранцами в своем отечестве. Потому что у образования должен быть светлый лик, образ.

Приложение

Поучение Владимира Мономаха

(выдержки)

Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

… Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души.

… Паче же всего гордости но имейте в сердце и в уме… Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; …На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте

отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите… Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь…

Письмо А. Линкольна учителю своего сына
(с сокращениями)

Я понимаю, он должен будет узнать, что не все люди справедливы, не все искренни. Но научите его к тому же, что на каждого подлеца найдется герой, что на всякого эгоистичного политика найдется преданный лидер.

Научите его тому, что если есть враг, то найдется и друг…Обучите его уметь проигрывать, а также наслаждаться победами.

Если сможете, уведите его от зависти, обучите секрету негромкого смеха. Позвольте ему рано познать, что одерживать победу над задирами и хвастунами легче всего. Если можете, научите его интересоваться книгами...

И дайте ему также свободное время, чтобы он мог поразмыслить над извечными тайнами: птицами в небе, пчелами в лучах солнца и цветами на зеленых склонах холма. Когда он будет в школе, научите его тому, что намного почетнее потерпеть неудачу, чем смошенничать...

Обучите его доверять своим собственным идеям, даже если кто-либо говорит ему, что он заблуждается...

Постарайтесь дать моему сыну силу не следовать за толпой, когда все примыкают к победившей стороне... Научите его выслушивать всех людей, однако научите его также все то, что он слышит, рассматривать под углом истины и отбирать только хорошее.

Если можете, то научите его смеяться в печали...

Научите его продавать свои мозги и силу мускулов по наивысшей цене, но никогда не торговать ни сердцем, ни душой.

Научите его не слушать воющую толпу, но встать и сражаться, если он считает себя правым…

Научите его всегда иметь высокую веру в себя, потому что тогда он всегда будет иметь высокую веру в человечество.

Это не легкое дело, но посмотрите, что вы можете сделать...

Литература

1. *Аузан А.* Элиты не должны быть связаны идеологией. Интервью // http://www.snob.ru/selected/entry/76234 (публ. от 15.05.14).
2. *Свифт Д.* Путешествие Лемюэля Гулливера». М.,1982.
3. *Пушкин А.С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. О литературе. М., 1988.
4. *Невзоров А.* «У русской литературы закончился срок годности» // http://www.snob.ru/profile/20736/blog/76791 (публ. от 29.05.14). Для любопытного читателя — отдельные цитаты из данной публикации: «богоискательская истерика Достоевского», «фэнтези Толстого о войне 1812», «тема многолетних предсовокупительных терзаний самок в кринолинах», милая макулатура XIX века»…
5. *Одоевский В.Ф.* Записки для моего праправнука о русской литературе // Одоевский В. О литературе и искусстве. М., 1982.
6. *Мухаметшина Е.* «Толстой, конечно, глубоко отвратен…»: Для школьников придумали единый патриотичный учебник литературы // http://www.gazeta.ru/social/2014/05/15/6034493.shtml.
7. *Дмитриева К.* 13 слов о реформе образования // http://www.snob.ru/selected/entry/76644/page/7 (публ. от 27.05.14).
8. *Файбисович И.* «Наше образование готовит плохих граждан» //http://www.snob.ru/selected/entry/5 (публ. от 23.07.12).
9. *Теслова Е.* ОП разработала концепцию единого учебника по литературе //http://izvestia.ru/news/570403 (публ. от 08.05.14 г.).
10. Сказание о Дракуле-воеводе // Русская бытовая повесть XV—XVII вв. М., 1991.
11. *Гейман Н.* Почему наше будущее зависит от библиотек, чтения и фантазирования // http://www.theguardian.com/books/2013/oct/15/neil-gaiman-future-libraries-reading-daydreaming
12. Атлас новых профессий. М., 2014 (доступ: //www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf).
13. *Шелер М.* Формы знания и образования // Шелер М. Избранные произведения./ пер. с нем.; М.: Гнозис, 1994. URL-адрес: http://anthropology.rinet.ru/old/library/sheler-sod.htm
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Мн.: БГУ, 2005.
15. *Масленникова О.Н., Садина С.С.* О прагматике гуманитарного знания в техническом вузе // Сб. науч. тр. II Всеросс. конф. «Проблемы гуманитарного знания в техническом вузе». СПб, 2010. С. 232—235.
16. *Бим-Бад Б.М.* «Вся непомерная сложность образовательных проблем сегодняшнего дня ложится на плечи педагога»//Аккредитация в образовании // http://www.akvobr.ru/profstandart_pedagoga.html).

А.А. ШЕВЦОВ

Критический обзор проекта «Основы государственной культурной политики РФ»

Аннотация. Проект «Основы государственной культурной политики РФ» представляет собой важнейший документ в развитии новой России. Успешность этого развития требует учета существования её различных пластов и гармоничной интеграции в общей культуре.

Ключевые слова: проект «Основы государственной культурной политики РФ»; пласты, взаимодействие, механизмы интеграции культур.

Abstact. The "Basics of the Russian Federation's State Cultural Policy" project is a major document related to development of the new Russia. Various strata and harmonious integration into the overall culture need to be considered to ensure such successful development.

Keywords: The "Basics of the Russian Federation's State Cultural Policy" project, strata, interaction, mechanisms of culture integraion.

Разработка основ государственной культурной политики является крайне важным шагом в деле развития российской культуры и, определенно, гражданским подвигом ее разработчиков. Критика опубликованного проекта вполне естественна и предусматривалась как необходимый этап совершенствования документа, но на практике она порой выходила за рамки конструктивности и, порой, напоминала своеобразную пустую «травлю» собственных неосознанных страхов критиков, направленную не на устранение недостатков проекта, а на стремление вырвать идею освобождения русской культуры от западной зависимости.

Раздел документа «Законодательное обеспечение государственной культурной политики» фиксирует очевидные проблемы: «Ввиду стратегической важности для государства сферы культуры и культурной политики законодательство в этой сфере должно содержать конкретные правовые механизмы, прежде всего — социального и финансово-экономического характера, должно быть свободно от декларативности». Очевидно, что в культуре сегодняшнего дня накопилось множество проблем, что пора многое менять; об этом знают как профессионалы, вкладывающие душу в сохранение, поддержание и развитие национальной культуры, так и просто неравнодушные граждане России.

К сожалению, в проекте не дано определение базового понятия «культура», без чего приходится лишь догадываться, из каких фундаментальных посылов исходят авторы документа. Это, в свою очередь, препятствует выработке в обществе всей конвенциальной системы представлений о стоящих перед российской культурой (в широком смысле этого понятия) и способах их решения. Вследствие этого перспектива формирования в России нового, сплоченного, патриотичного, инициативного, здорового духовно и нравственно общества становится размытой в своей реализации.

Вероятно, необходимо не просто обсуждение результирующего проекта гражданами страны, где еще не сложились ясные представления о развитии культурологического дискурса. Предельно важным представляется проведение целого цикла научных междисциплинарных конференций, где могла бы быть согласован и тезаурус базовых понятий новой российской культурологии, и представления об исторических закономерностях развития культуры, и взгляды на ключевые моменты взаимодействиями различных культур современности, и на основные разделы программы. Но наука в современной России была вырвана из контекста социального развития ее «горе реформаторами» еще в эпоху Б. Ельцина. Эти люди не высокой личной культуры не понимали, что политическая практика — лишь часть культуры любого общества, зависящая от многих ее подсистем и, прежде всего, от стержневой — национальной идеи. Доходило до того, что «президент» требовал от ученых срочно «придумать» национальную идею… И никто из образованных людей не решался сказать этому «оригиналу», что по заказу «чудаков» национальная идея не придумывается, как и язык, традиции, верования, идеалы и смыслы бытия. Стержнем всякой культуры является религиозная система, она и порождает «национальную идею». В российской культуре — это идея построения «царства правды» (Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.). Но, как можно было бы совместить эту идею с первым «принародно избранным» президентом России — не ясно…

Профессиональный долг ученых во многом состоит в том, чтобы разрабатывать новые модели бытия, отвечающие новым условиям жизни. Задача общества и политической элиты — оценить эти модели, выбрать оптимальный вариант и осуществить далее в социальной реальности. Но социальное планирование исчезло из практики, рыночные же отношения, по своей сути, ориентированы на «сиюминутное». Для них наука — пустая трата денег, которые можно было бы проесть, прогулять, направить в «просто деланье новых денег», в ростовщические схемы и т.д. Государство разучилось ставить

задачи перед наукой, потеряло способность слышать предложения ученых, утратило механизмы рабочего взаимодействия государства и науки. Что касается «культуры», то в обществе массового потребления, не имеющего ни идеологии, ни высоких идей, «шансон» на корпоративах — почти исчерпывает смысл существования культуры. Впечатление такое, будто не спутников Одиссея, попавших на пир к волшебнице Цирцее, а нынешних российских сторонников «поп-культуры», описал слепой и прозорливый Гомер.

Обсуждение «Проекта основ государственной культурной политики РФ» не является событием лишь для тех, кто относится к ней по профессиональной принадлежности. Не следует рассчитывать, что остальной народ просто не заметит обсуждения, не поймет, о чем, собственно, идет речь. В России до сих пор существует такой уникальный социальный слой как «интеллигенция» (от лат. «мыслящий») или «нравственные интеллектуалы». На Западе — есть лишь «специалисты». Знания и интеллект ценятся и там, но нравственность и духовность — не относятся к категории значимых для работодателя качеств, у них просто другая, бездуховная, а, следовательно, и безнравственная культура. Это печальное обстоятельство признают их мыслители (О. Шпенглер). Нравственная интеллигенция в России — люди воспринявшие передовые идеи мыслителей (духовной интеллигенции), лидеры общественного мнения («ЛОМы» в терминах социологии). Против них — нет приема. Они — нервная система российского общества, они — хранители высокой культуры. Они утверждают, что «общество потребления» — не жизнеспособно, не соответствует российской культурной традиции.

К сожалению, в материалах сопровождающих «Проект» не говорится о том, от кого исходит инициатива создания проекта и его обсуждения, какой поддержкой этот «Проект» будет обеспечен, насколько органам власти различных уровней он будет обязателен для исполнения. Время добрых пожеланий давно прошло, без четкого ответа на указанные вопросы поднимать и развивать культурную систему, т. е. социальную жизнь России, имеющей в основе культурную традицию, будет крайне сложно. Впрочем, увидеть корни инициативы можно. Руководителем рабочей группы по созданию «Проекта» является Сергей Иванов — глава администрации президента РФ, он представитель «заказчика». Следовательно, заказчиком выполненной работы является президент страны. Новостные программы сообщали, что В.В. Путин принимал для обсуждения проекта заместителя руководителя рабочей группы В.И. Толстого, человека авторитетного и в среде работников культуры, и среди культурологов. Идея проекта нашла одобрение у президента

РФ. Известно, что В.И. Толстой — директор Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Он является доверенным лицом, советником президента РФ по культуре. Известно и его отношение к российским реалиям, которое он выразил в одной из публикаций следующим образом: «Нужно, наконец, поставить Россию с головы на ноги. Восстановить попранные и растоптанные, вечные как мир истины: «Не убий», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй» и т.д. Разогнать во власти поганой метлой свору мерзавцев, казнокрадов и льстецов, нагло, цинично и безнаказанно расхищающих страну прямо на глазах у превращенного в рабов, униженного и доведенного до отчаяния, бесправного народа. Найти и уговорить войти во власть (это, пожалуй, самое трудное) людей порядочных, честных, государственно мыслящих, подлинно интеллигентных и совестливых, которые не перевелись еще на Руси. Самая страшная беда в том, что государство наше сегодня неинтеллигентно, а власть — бескультурна. Вы ищете единую национальную идею, господин президент? Внимательному читателю ее не так трудно отыскать у Льва Толстого и Федора Достоевского, у Ивана Бунина и Ивана Ильина. Ее, право же, нужно искать в великой национальной культуре, а не на политической войне».

На сегодняшний день, В.В. Путин — самый надежный политик Европы, делающий все, что обещано, и старающийся не обманывать народ. Это означает, что инициатива, о которой идет речь в Проекте, не будет загублена и не утонет в недрах бюрократии. Не говоря уж про то, что интерес Путина к культурной политике не может исчерпаться, при всем обилии требующих внимания президента дел. Ведь культурная политика — это вся социальная жизнь России.

Следует ли из этого, что отношение правительства к «Проекту» аналогично? К сожалению нет. Никаких откликов на этот документ со стороны Д. Медведева, считающегося в народе «либералом-западником» найти не удается, хотя в 2011 году он тоже говорил о том, что русский народ — основа России, что русскую культуру надо ценить и хранить. Все это похоже на формальную и минимальную плату чиновника российскому обществу, которое обеспечивает его материальное благополучие, но не на голос сердца человека русской культуры. Очевидно, что даже принятая как закон, программа государственной культурной политики не всеми чиновниками будет восприниматься с энтузиазмом. Сегодня стало понятно, что извечный конфликт России и Запада, имеет не идеологический, а культурно-цивилизационный контекст. Идеология лишь вытекает из национальной идеи, содержащейся в основе национальной культурной

системы. Формулирование российской идеологии — следующая задача, после утверждения программы возрождения и развития культуры нашей страны. Тогда станет вполне ясно — кто с нами…

Что же еще может мешать реализации идей, содержащихся в Проекте? Прежде всего — противодействие, условно говоря, «голландской колонны» внутри России, сторонников «европеизации», упрощения смыслов бытия до материальных потребностей. Вторая опасность — некачественная проработка документа, выполненного лишь на уровне пожеланий, которые могут быть скорее воплощены в художественных произведениях, но не в законодательстве.

Кроме президента страны, гарантом сохранения смысла, запрета на выхолащивание сути новой культурной политики, несомненно, станет мощная, хотя и мало ныне проявленная нравственная и мыслящая русская интеллигенция, институты гражданского общества и быстро набирающие мощь новые территориальные общины (ТОСы), предусмотренные законодательством и растущие в стране как грибы после дождя. Они ждут, когда политики вспомнят слова Аристотеля о том, что «демократия» — нестабильная, по сути, эфемерная форма власти. Она быстро вырождается в смесь власти толпы (охлократию), власти привилегированных лиц (олигархии) и одинокого, несчастного, окруженного недругами лидера (монархия). Народу, как указывал греческий мыслитель, нужна «полития», основанная на ответственности и компетенции лидера (президента), лучших представителей народа (избранные во власть), и, самое главное, просвещенного, организованного и ответственного народа. В истории еще не было условий для такой формы организации общества. В России эти условия сложились раньше, чем где-либо, поскольку соответствовали сути православия. Сегодня Россия может первой начать строить общество гармонии. Культурная традиция страны этому способствует в полной мере.

Роль «Проекта» становится яснее, если учитывать внешне и внутреннеполитическую ситуацию, то обстоятельство, что документ появляется в условиях, когда разгорается новая холодная война, вновь поднимает голову нацизм возле границ нашего государства. Местные власти, ради сохранения относительного покоя, склонны поддерживать в любых спорах интересы любых других национальностей, но не русских. Русским дана привычная возможность терпеть («до лучших времен») и получать удовлетворение лишь в том, что они ощущают себя ответственным, основным народом. Это опасная тенденция. Запад стремится лишить Россию ощущения уникальности и мировой значимости ее культуры, девальвировать ценность Родины, всего «русского», «российского»; он

навязывает нелепую позицию восприятия культуры своих родителей (советской) и предков (православной и ведической) с презрением, как «отсталой», не имеющей будущего. Ставится задача сформировать у наших людей ощущение, что они — лишь часть глобального культурно однообразного человечества, в качестве образца им предлагают знать лишь затухающую, упадочную, растленную американскую и европейскую культуру. Впрочем, процесс этот застарелый, «западники», со времен Петра I, в России были всегда. Важно помнить, что утрата культурной идентичности, которая связывает общество воедино, всегда приводит к развалу страны. Нет смысла повторять в России очередные идеологические ошибки Франции — революции, гражданские войны, мультикультурализм, терпимость к сексуальным девиациям и т. п. процессы, что уничтожают сейчас всю Европу и Запад.

Российская политическая элита осознала роль культурной традиции. В начале текста Проекта стоят слова: «Целью Российского государства и общества на современном историческом этапе является сильная, единая, независимая во всех отношениях Россия, приверженная собственной модели общественного развития и при этом открытая для сотрудничества и взаимодействия со всеми народами, государствами, культурами». **Требование разработки собственного, самобытного пути** развития становится не капризом, не пожеланием и даже не насущной необходимостью: это просто единственный способ выжить. **Именно это и есть действительный Госзаказ, заказ Власти: разработать и обосновать такой самобытный путь общественного развития, который будет принят всем народом (всеми народами) России, и позволит ей выжить, позволит развиваться и процветать тогда, когда мир стремительно меняется, когда с исторической арены исчезают одряхлевшие европейские народы.**

При этом не следует забывать, что этот самобытный путь, который теперь только и может спасти Россию, не есть путь отдельного народа, это путь многонационального государства. Культуры входящих в государство народов не полностью идентичны, поэтому возможны и конфликты носителей этих культур, а временами и открытая вражда как это происходит сегодня с братьями-малороссами. Особенно остро стоит вопрос об отношениях с исламской культурой, которая, после падения социализма, стала единственной воинственной культурой в борьбе с чудовищной безнравственностью культуры Запада. Способна ли современная Россия сделать нравственность и духовность своей идеологией, если в Конституции РФ, написанной под западную диктовку, идеология вообще запрещена. Очевидно, что настало время

прилагать титанические усилия, иначе даже небольшие усилия наших «американских друзей и партнеров» как и исламских фундаменталистов, — способны привести Россию к распаду. Народ, у которого нет высокой цели и глубокой культурной традиции — не имеет будущего, он лишь субстрат под ногами народов, устремленных к своему Богу, харизматичному, отстаивающему жесткие правила морали в культуре. Есть ли Бог в душе Россия? Тверды ли наши духовные и моральные устои? Готовы ли мы, вслед за западным обществом, стать рабами за миску похлебки, чтобы не принимать на себя трудной ответственности за содержание необходимых времени перемен. Российская культура, российская нравственная и духовная интеллигенция дают однозначные ответы. Да, мы готовы взять и ответственность и принять роль глобального лидера! Нет, мы никогда не будем рабами!

Авторы текста Проекта предполагают, что важнейшим условием решения стоящих задач может быть верная культурная политика: «Для достижения этой цели необходима реализация четко сформулированной и настойчиво, последовательно реализуемой государственной культурной политики. Это связано с тем, что многонациональность, многоэтничность нашей страны обусловила исторически сложившуюся роль культуры как главного инструмента передачи и воспроизводства традиционных нравственных ценностей российского общества и источник гражданской идентичности». Совсем не случайно президент призвал страну к поиску нравственных и духовных скреп, которые не позволили бы России разлететься на куски в огне войны.

«Цель государственной культурной политики — духовное, культурное, национальное самоопределение России, объединение российского общества и формирование нравственной, самостоятельно мыслящей личности на основе использования всего потенциала отечественной культуры» утверждает «Проект». Трудно не согласиться и с таким утверждением: «Государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу самобытности». Но как определить тех, кто будет исполнителем сложнейших задач. Создается впечатление, что и разработчики документа ощущают здесь некоторую растерянность.

Достаточно понятно, что существуют различные народные культуры. Но что следует понимать под «всем потенциалом отечественной культуры»? Приходится признать, что речь идет об официальной государственной культуре, которая и называется

отечественной. Но такая **государственная культурная политика неизбежно требует яркой и верной социальной идеи, объединяющей все культуры. Во всех религиях и культурах — это единая идея — правды, справедливости (жизни с правды веданием).** Проект отмечает: «В контексте государственной культурной политики понимание традиционных для нашей страны нравственных ценностей основано на выработанных человечеством и общих для всех мировых религий норм и требований, обеспечивающих полноценную жизнь общества». Следовательно, непротиворечиво объединять людей различных культур может лишь идеология справедливости, которую насильственно и упрощенно (порой трактуя ее даже вульгарно) внедряет сегодня радикальный ислам. В России идеология справедливости неплохо работала около семидесяти лет, но она не была гармоничной, не была обеспечена ни философски, ни экономически. Запад же предлагает другую, простую, не требующую ни ответственности, ни серьезных усилий идею — «личной свободы», доходящую до распущенности, предельной безнравственности и бездуховности, которые снимают ограничения нравственного и духовного закона.

«Проект» утверждает: «Государственная культурная политика основывается на признании огромного воспитательного и просветительского потенциала культуры и необходимости его максимального использования в процессе формирования личности». Если быть последовательным, в России необходимо неотложно менять программы преподавания социальных наук в средней и высшей школе, создавать современную систему социального просвещения, привлекать к пропаганде новых, высоких идей всех талантливых и нравственных представителей российской художественной культуры, привлекать к этому процессу интеллектуалов и художников всего современного мира.

Необходимо преодолеть духовно-нравственный излом. Он уходит корнями в восемнадцатый век. Этот излом был причиной самых больших кровопролитий «нового времени», начиная с Французской революции, поскольку «Просвещение», начавшееся с Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро и Даламбера, было подготовкой к перевороту. Задача Просвещения состояла в том, чтобы подорвать основы прежней власти, которая опиралась на церковь, веру в Бога, душу и загробную жизнь, где каждому воздастся по заслугам. Поэтому Локк воюет с декартовским понятием врожденных идей, а Дидро и Даламбер создают «Энциклопедию», которая содержит новый образ мира, обходящийся без гипотезы Бога, т.е. без Абсолюта, без Логоса (Мирового Закона), без высокого Идеала. Но без них человек рискует

превратиться в животное, сегодня об этой истине миру, к сожалению, говорят не политики крупных стран, а лидеры радикального ислама.

Противоестественный переворот мира начинается с переворота Образа мира. Дальше остается лишь найти разрушающих исполнителей — малообразованных пролетариев, жадных буржуев, извращенных аристократов, тупых, от бессмыслицы жизни, обывателей. В поисках иллюзорной справедливости народы поднимались на революции. Жертвовали собой те, кому нечего было терять, но плоды пожинали всегда одни и те же — буржуа. Именно богатеющая безнравственная буржуазия была тогда заказчиком и нового мировоззрения, и свержения существовавшей Власти. Маркс был прав именно тогда, когда говорил, что нет такого преступления, на которое не пойдет капитал ради высокой прибыли; их Бог на земле, а не на небе, это — золотой телец.

Мировоззрением нового времени стало естествознание, культ рассудка, отвергающий все идеи, что не проверены экспериментом, запланированным повторением. Но как повторить для людей сотворение мира? Оно может быть постигнуто лишь интуитивно-мистически (Е.В. Шелкопляс, В.П. Океанский, Ю.М. Осипов, 2013). Естественная наука была чрезвычайно удобна для достижения целей буржуазии. С одной стороны она убирала церковь, поскольку отказывала Богу в существовании в нашем мире, а с Богом и душой уходила и сила духа, исходящая из Мира духовного, идеального. Целью бытия, жизни оставалось лишь тело, которое требовало и вожделело удовольствия (освобождало волю «уда» от нравственных и духовных законов культуры), что соответствовало второй стороне естествознания: оно объявило своим естественным продолжением технологию, и потому очень естественно обеспечивало производство товаров. Производство товаров, наряду с войной, и до сих пор является основной задачей всей фундаментальной науки, потому что, если у открытия нет практического применения, его не финансируют, попросту, не покупают те же корпорации, принадлежащие буржуа.

Культура, безусловно, воспитывала людей, и делала она это на протяжении всего существования человечества. Но когда к этому постулату добавляют, что культура обладает просветительским потенциалам, необходимо понимать, что мы пытаемся в одном высказывании совместить две сущности, которые могут быть противоположны по целям. Чтобы привести к власти новый класс, Просвещению пришлось уничтожать не только Церковь, но и народную культуру, которая продолжала хранить верность традиционным ценностям. Уничтожали их и в Европе, и в России, объявляя духовность, «долгие смыслы» бытия — суевериями и

мракобесием, ненужными «пережитками прошлого». В каком-то смысле нет больших врагов народной культуры, чем доверчивые «образованцы», поклонники лишь новой моды в относительном знании – земские врачи и учителя. Их «святая простота» в понимании мира, напоминает познание праотца Адама, который, вкусив плод с древа познания добра и зла, понял лишь то, что он наг. Это наивное познание дорого стоило потом человечеству. Именно наивно-разрушительная просветительская деятельность привила русским детям презрение к культуре отцов и матерей, и заставила стремиться с город, чтобы приобщиться к новой культуре, став рабочим или хотя бы поденщиком на капиталистической мануфактуре. Созидательно лишь то просвещение, которое не отвергает, а развивает культурную традицию, обеспечивая не нелепые прыжки в сторону духовной деградации общества, а «скользящую гармонию» развития. Ф.М. Достоевский называл таких «скакунов» – бесами, ибо дорога в ад выстлана благими намерениями ограниченных «модников» от знания. Сегодня же у наших братьев-украинцев появился не случайный анекдот о том, что «По Киеву всюду скачут черти. А кто не скачет? Кто не скачет — тот москаль!».

Современный просветитель осознает, что время изменилось, что надо не уничтожать Церковь, а поддерживать и усиливать ее духовно-нравственное влияние, потому, что религии оказались единственными дальновидными идеологиями сохранения человечества. Именно они обладают силой авторитета, возможностью предписывать людям нравственное поведение, определять, что считать ценностями и поощряемыми качествами личности. «Это, прежде всего, честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстность, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда» — говорит «Проект».

Между тем, традиции и законы народной (бытовой) культуры не полностью совпадает с религиозной культурой, хотя и пропитаны ею. Обычно бытовая культура содержит архаичные религиозные и мифологические представления народа, которые церковь не поддерживает. Если с решением религиозных, духовных проблем лучше священнослужителей не справится никто, то для работы с традициями народной культуры священники подходят мало. Однако создатели «Проекта» очень скоро забывают о решении религиозных проблем, как забыли и о народной культуре. Во второй части «Проекта» попытки решения сложных проблем уже почти не видны, но начинает звучать голос тех профессионалов, которые осознают свои относительно простые, текущие проблем. Основная часть «Проекта»

отчетливо пишется от лица того профессионального сообщества, которое берет на себя решение предложенных задач.

Документ указывает: «Задачей государственной культурной политики является создание таких условий деятельности для этих институтов, когда органы управления, в том числе в финансовой и экономических сферах, при принятии соответствующих решений исходят из того, что музей, библиотека, архив, театр, филармония, концертный зал, дом культуры выполняют важнейшую государственную и общественную функцию исторического и культурного просвещения и воспитания общества». До последнего времени российская культура была в загоне, плохо финансировалась, считалась второстепенной сферой деятельности государства. Выступая исполнителем Заказа, «культуровое» сообщество России (проходящее по ведомству «культура») как бы говорит власти: дайте культуре больше денег, и все проблемы будут решены. Но культурная политика и работа министерства культуры, которое не имеет прямого отношения к религиозным и научным организациям, несущим ответственность за глубокую проработку проблем современного выражения духовных и нравственных законов мировой и национальной культуры, так же как и реальная жизнь традиций, народной культуры — далеко не одно и тоже.

Вспомним исходное утверждение первого раздела: «В контексте государственной культурной политики понимание традиционных для нашей страны нравственных ценностей основано на выработанных человечеством и общих для всех мировых религий норм и требований, обеспечивающих полноценную жизнь общества». Нет сомнений в том, что не может быть стабильным государство, опирающееся лишь на «физику» бытия, на его «короткие», материальные смыслы. Единым, устойчивым, динамичным и гармоничным государство может стать лишь опираясь на совокупность законов материальных, этических и духовных. В метафизической сфере культуры такого государства неизбежно будет существовать религиозность. Когда речь идет о государственной культурной политике в России — важно найти точки соприкосновения и взаимодействия, прежде всего, между Православием, Исламом, Буддизмом и разнообразными формами духовной традиции («Язычества»). Нечто подобное предлагается современным «евразийством» А. Дугина, но убедительными подобные попытки пока не являются.

Важнейшая роль традиции отмечена в тексте документа: «Под культурным наследием понимается и его нематериальная часть: языки, традиции, обычаи, говоры, фольклор, традиционные уклады жизни и представления народов, народностей, этнических групп, об устройстве

мира». Действительно, что может быть более традиционными, чем бытовые традиции, традиционные уклады жизни и традиционные представления об устройстве мира? Однако они не устояли перед домами культуры, филармониями и концертными залами. И это не случайно. Стоящие задачи можно решать только с учетом религиозной и традиционной, бытовой культур наших народов и народностей. Но сообщество профессионалов культуры, неизбежно будет стремиться делать то, что привыкли, то, что проще, то, что они могут лучше всего — работать в домах культуры, филармониях и концертных залах. Работать в сфере религиозной культуры есть кому, хотя и там есть немало сложностей. Еще Ф.М. Достоевский и русские софиологи говорили о том, что церковь должна создавать новую общину, быть «живой», включать все социальные группы, а не быть прибежищем лишь для «усталых и отсталых». Проблема сохраняется и ныне. Со светской культурой тоже все более или менее понятно. Сложившаяся профессиональная сфера культуры с ее «парками культуры (?) и отдыха», «домами культуры», филармониями, театрами, концертными залами, картинными галереями удовлетворительно может представлять как современную, так и классическую культуру, которая, однако, практически не находит точек соприкосновения с глубокой **живой** культурной традицией народов, т. е. с корнями народной культуры. Но, наряду с ними, теперь появились, и даже бурно развиваются «торгово-развлекательные центры», посещаемость которых стадами современных обывателей несравненно выше любых музеев, галерей, театров и филармоний. Они — культовые центры материального комфорта, где созданы условия для поклонения идолу «потребления» материальных радостей. Все новейшие учреждения, в названии которых присутствует слово культура, также страшно близки к задачам развлечения публики и страшно далеки от корней культуры. Нетрудно представить какова будет жизнеспособность дерева российской культуры, лишенного своих корней. А ведь эту проблему не только не исследовали, но даже не пытались всерьез ставить. Не Богом, а недальновидными людьми либерального толка призвано к жизни нынешнее соединение торговли и культуры в «современном искусстве», в массовом потреблении, сопряженном еще и с развлечением (вплоть до разврата). Это противоестественное словесное соединение означает стремление добить высокую культуру. Потому и влияние уродливых порождений либеральной культуры модернизма и постмодернизма, подобно влиянию «Домов Культуры» и «Центров современного искусства» — кратковременное. Это лишь гримасы культурной моды.

Сегодня важно помнить уроки своей истории. Когда «птенцы гнезда Петрова», а за ними и нарождавшийся слой «образованцев» (нравственная и духовная интеллигенция не была столь многочисленной) начали прививать России западную культуру, воюя с «кондовостью» и «русским бескультурьем», это было **ложью. Не было бескультурья, но была «не та» культура, которая требовалась власти. Была культура, которая позволяла русским быть русскими, а требовалась та, которая позволяет государству подняться до уровня империи и встать вровень с Европой.** Это был первый «госзаказ» к профессионалам: усилить государство с помощью новой культуры по западному образцу. В сущности, это была первая русская культурная революция.

В новой российской истории Петровский «госзаказ» создал прецедент «выгодного» предательства родной культуры (позже почин повторялся, в последний раз — на границе XX и XXI веков). Духовно низкие люди, соблазнившись предательством культурной традиции (не совершенствованием, а полным ее отрицанием), вознаграждались богатством и властью. Но перемены, лишенные «долгих смыслов бытия», заключенных в народной культурной традиции и религии, неизбежно были выигрышами короткими, и для самих реформаторов и для страны. Долго отражать агрессию и внешнюю и внутреннюю такое общество не может — слаб боевой дух. А дух — это не по ведомству министерства культуры. Он по ведомству церкви (по сути, превращенной при Петре в «министерство» — Священный синод) и ведомству идеологии (которая в современной России запрещена), но главное — по ведомству народной традиции, культуры, в которой культ предков — стержень всей организации жизни. Если государство этого не понимает, то культуры народные, с виду успешно «изведенные» и подмененные не укорененной, поверхностной, новой государственной «культурность», вдруг(?) начинают вновь поднимать голову и грозят порвать живущую против «законов долгих смыслов» империю в клочья. Как же вернуть единство народам, а с ним и силу государству?

Реформы Петра ломали прежнее мировоззрение. Создавалось особое, «благородное» сообщество иной культуры, живущее в своей стране как иностранцы, одевающееся в иностранные наряды, повседневно говорящее на чужом языке, не понятном своему народу. Эти культурно «чужие» люди богаты и праздны, их уделом было править, а уделом народа — быть рабами. Расплата наступила в начале XX века. Чуждая и одряхлевшая элита безжалостно была сметена главной частью общества — народом. В тот момент образованные и нравственные люди России, видевшие нежизнеспособность

существующего строя, не смогли найти убедительный ответ в российской культурной традиции. Ни богоискательство Ф. Достоевского, ни общины Л. Толстого, ни религиозная философия С. Соловьева и Н. Бердяева, ни «философия хозяйства» С. Булгакова не стали в России программой строительства нового общества. Православную идею построения «царства правды» соединили с очередной европейской утопией. Получился социализм, но русский, в нравственных максимумах — совершенно православный, совершенно не марксовский. Страна многого добилась и многое претерпела. И в советские годы корни российской культуры также воспринимались как ненужный архаизм. Все кончилось плохо, распадом страны. Стоит ли говорить о том, что последние российские реформы шли под лозунгом: все западное — хорошо, все российское — плохо. В очередной раз подтвердилось правило о том, что «история ничему не учит», по крайней мере, политические элиты.

Попытка России построить в XX столетии огромное интернациональное общество, отрицавшее и религию и прежние народные культуры, оказалась закономерно провальной, как только выяснилось, что коммунизм — не религия, а обычная короткоживущая идеология. Не случайно живет два тысячелетия интернациональное христианство, для которого не было ни эллина, ни иудея, ни раба, ни патриция. **Религии живут несравненно дольше идеологий, ибо это культура не средних, но сверхдолгих смыслов**. Смыслы — корни культуры, самые глубокие — лежат глубоко и далеко от поверхности обывательского восприятия.

Историческая и социальная наука показывают — первое важнейшее условие прочности государства заключается в том, чтобы реализовывать долгосрочную идею «общего блага». Второе условие — препятствие «одряхлению» элит, превращению их в эгоистические, паразитические группы. Со времен Петра Великого в реформах поощряется продвижение «неродовитого» люда, которые должны преданно служить новому строю, забыв о своих корнях и происхождении. При этом они должны проявлять незаурядные таланты, и, подобно Ломоносову, отстаивать честь Российского государства на международном уровне. Русская культурная революция XVIII столетия во многом сходна с американской, — полезные государству таланты искали обещанием новых возможностей. Только Америка не обещала достижения духовной и душевной любви общества, возможности стать «благородным человеком» (снискавшим уважение и любовь народа); предлагался главным образом короткий смысл — материальный успех, лишь возможность стать миллионером. Российские большевики также создавали новую элиту по принципу

«кто был никем, тот станет всем». Но, жизнь подтверждала правоту Аристотеля и В. Парето, — элиты, без специальных правил их оздоровления, быстро вырождаются в эгоистические группы и приводят общество к бунту, а государство — к распаду. Правила обновления элит очень не просты во все времена (Е. Шелкопляс, 2013, А. Фурсов, 2014). Хорошо известно, например, что такого рода правила, предлагавшиеся советскому обществу И. Сталиным, не вызвали восторга у «прогрессивной общественности». При этом, с библейских времен известно, что п**редающий свою веру ради другой, становится ревностным гонителем тех, кого предал.** Так псевдоинтеллигенция в новой истории России уничтожала народную культуру, как напоминание о своем предательстве. Так была проведена вторая культурная революция.

Третья культурная революция («победившего пролетариата») закреплялась в душах граждан в местах массового воздействия, — на стадионах, эстрадных площадках, клубах и, главное, в кинотеатрах. Ведь не случайно вождем было сказано: «Важнейшее из искусств для нас — кино». Потребность в четвертой культурной революции назрела и была осознана недавно, когда рухнула государственная система кинематографии. Российский «великий немой» перестал быть главным чарующим, «мистическим» средством, почти заменившим собой в духовной сфере церковные и традиционные ритуалы народа. «Социальная масса» вновь стала неуправляемой. Следует признать, что государственная культура современной России не имеет ни увлекающей социальной идеи, ни эффективного средства пропаганды идей и организации масс. Отсюда, при духовном и нравственном культурном голоде общества процветают суррогаты культуры. Это и такие социальные объединения как полукриминальные спортивные «фанатские» клубы, и рок группы, сочиняющие и исполняющие чудовищно безграмотные «философские» тексты (детского уровня), и бесконечные глупые телевизионные «шоу» для «охлоса», мнящего себя «демосом», и выборы власти, на которые приходят лишь чудаки, да претенденты на избрание.

Нужна большая перемена в культурной политике государства. Любые учреждения культуры проблемы никак не решают. Необходимо понять, что культура не сводится к культуре художественной, которая является производной от культуры метафизической, от долгих смыслов бытия, которые она и пропагандирует. Нужно признать, что смыслы жизни Запада — сытости и безответственности, одиночества и отсутствия любви, совершенно не забавляют Россию. Россия, по основам своей культуры, нацелена как раз на духовное и нравственное развитие,

которое лишь дополняется материальным благополучием. Поэтому социальная и художественная культура новой России должна вновь стать такой, чтобы заставлять замирать от горя и взрываться в едином (!) порыве восхищения большинство людей, живущих в стране. На службу государственности должно быть поставлено то, что имеет самый массовый, объединяющий характер и занимает у людей большую часть их свободного времени.

Принятие языческой Русью христианства, при всех утратах привычного образа жизни и традиционной культуры, сделало ее великой державой — она присоединилась к великой духовной и нравственной идее. Затем страна отказалась от христианства в пользу новой великой идеи — «социальной справедливости», основанной лишь на рациональном, нравственном, но бездуховном основании марксизма. Менее чем на столетие это вывело Россию в число мировых лидеров. Затем – вновь отрицающие прошлое реформы, боль, страдание, потери… И. Геббельс писал: «Если народ лишить его истории, через поколение он станет толпой, а еще через поколение им можно будет управлять как стадом…». Как относиться к обновлениям культуры? Как к неизбежности и необходимости. Не существует проблемы выбора между народной культурой и беспринципной сиюминутной космополитической культурностью, как культурой правящего сообщества. И традиция, и обновление — лишь две стороны бытия культуры. Сегодня особенно важны те люди, кто знает историю развития культур всего человечества, т.е. мыслители, а не просто эпигоны-интеллигенты. Важны также и те, кто «чует» время, те, кто способен следить за ветром перемен, т. е. люди искусства, художники.

В.В. Путин велик уже тем, что первым из политических лидеров в новейшей истории страны понял, Россия — не Европа! Россия — и не Азия, у России свой самобытный путь. При этом он знает то, что думает его народ: Россия — лучше дряхлой Европы! В России живет Дух, в России живет любовь, в России есть душа, есть надличностные, общие смыслы бытия, в России есть будущее. Ничего этого нет в западной либеральной культуре. Поэтому Запад и разваливается под ударами варварского радикального ислама, просто под тяжестью своих культурных пороков.

История советской России показала, что нельзя игнорировать давние и даже архаичные культурные традиции народов. Если с народами России, живущими ближе к центру страны, к Москве, удалось добиться сближения в культуре, то окраины страны — продолжали хранить верность своим исконным культурным традициям. Падение и развал Союза были своего рода спасением для

России — самые непокорные из народов просто ушли. Однако и те, что остались, оказались не слишком подвластными государственному окультуриванию «под общий стандарт». **Более того, опираясь на религиозную традицию, они усилились и стали едиными внутри себя, а потому выигрывают в любых личных столкновениях с русскими, как представителями государственного народа без корней.** Это столь очевидно, что власть бьет тревогу и ищет решение, повторить сталинские репрессии — она явно не готова.

Теоретически возможное решение проблемы заключается в **возрождении русской народной культуры, культуры иных народов и народностей России. Далее следует искать единое, общее с «окраинами» понимание государственной культуры на почве взаимодействия народных культур. Это может сработать, учитывая то, что национальные меньшинства интуитивно опасаются выравнивающего катка госкультуры, но уважают любые проявления народной русской культуры.** Пример тому много; их легко наблюдать даже на турнирах по боевым искусствам, где происходит противостояние традиционных представлений различных народов о воинской доблести. Интересно, что с представителями государственных правоохранительных органов народные бойцы других этносов бьются особенно отчаянно, но когда заводятся русские народные песни под балалайку — с удовольствием подпевают, охотно принимают участие в любых русских народных забавах. Они же выказывают явное дружелюбие по отношению к русским народным бойцам.

Этот путь интеграции традиционных культур, создания культурного единства снизу, — возможен, но требует труда, ума и вложений. Многим политикам этот путь кажется излишне долгим и сложным. Не случайно процессы глобализации показывают, что главные тенденции мирового развития ведут к разрушению национальных и культурных границ, попыткам формировать некую упрощенную (по сути, примитивную) единую всемирную общность. Но жить в будущем будут только те сообщества, в которых есть согласие, единство. Сегодня народы, которые нам хотелось бы объединять в стабильное и динамичное общество, предпочитают создавать себе лучшие условия жизни, не предавая при этом культуры собственной малой Родины, не теряя самобытности. С этим нельзя не считаться. **Культуру народов нужно обогащать и развивать в согласии с традицией, а не запрещать в угоду преходящей культурной моде.** Об этом говорит и история Европы. Метафизический рационализм и индивидуализм Европы привел ее не к укреплению духа европейских государств и расцвету жизни, а к

«Закату Европы». Безусловно, проект «Основ государственной культурной политики РФ» может повести к улучшению финансирования сферы культуры. Надо признать, что заказ во многом верно адресован. Сплочение народов России не возможно без новой культурной политики. С одной стороны, она не сможет быть эффективной без возрождения русской народной культуры, которая сможет стать конструктивным средством международного общения и единения с культурами других народов России. С другой стороны, общегосударственная культура обязана предложить всем народам, всем гражданам России новую метафизику, основанную на культурной традиции, новую этику, новые правила экономической жизни, новые правила реализации «скользящей гармонии», гармонии сочетания традиции и обновления. Сделать это без участия духовной элиты общества — церкви, науки, высокого искусства — нельзя.

В связи со сложностью стоящих задач предельно важно поддерживать носителей культурной народной традиции, тех, кто еще сохранился в этом не патриотичном обществе, кто может сохранять, развивать и передавать традицию новым поколениям россиян. Кроме всего прочего это позволит предупреждать проявления деструктивного национализма, межэтнические конфликты. Единство общества реализуется в культуре через подражание благородным героям-соплеменникам, носителям общей культуры. Искусство, вся духовная элита страны в долгу у молодежи страны. Оно не демонстрирует примеров нового, привлекательного образа жизни, ради которого они готовы были бы переходить в единое государственное культурное пространство. Но, то, что демонстрирует современная массовая культура, главным образом, представляет интерес для правоохранительных органов и психиатрической службы, да и то, в качестве наглядного пособия по индивидуальной и социальной патологии поведения. По этой части советская государственная культура 60—70-х годов XX столетия неизмеримо превосходит современную массовую культуру, живущую без руля и без ветрил, зарабатывающую неправедные рубли, прежде всего, развратом и нравственным растлением населения. Особенно ярким позитивным примером для современности является кинематограф тех лет.

Несомненно, новая государственная культурная политика России породит вскоре и новую идеологию, и все другие необходимые инструменты ее реализации. Несомненно, рождение новой государственной культурной политики не только заказ государства, но и требование общества, призыв наступающего нового времени, обеспечение новой роли России в глобальном мире.

В.А. СМИРНОВ

Предания о «волотах» в Ивановском крае

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования былинной традиции во Владимиро-Суздальской Руси. Ее предшественницей, безусловно, были предания о волотах великанах.

Ключевые слова: ритуал, волоты, герой, пра-память.

Abstract: The article consider the problem of forming bylicki tradition in the Vladimir-Suzdal Rus. She, of cours, was preceded by the traditions of ancestor-giants.

Key words: ritualia, valoti, heroes, proto-memory

Сообщение о «волотовых» курганах на территории нынешней Ивановской области впервые появились на страницах «Северной пчелы» и «Журнала Министерства народного просвещения». В своих статьях, посвященных археологическим раскопкам, об этих курганах и связанных с ними поверьях писал граф А.С. Уваров[87].

Цепь таких курганов (всего четырнадцать) расположена между селами Мирославль и **Веска**, весьма выразительным и восходящим, по всей вероятности, к общерусским названиям населенных пунктов.

Сами же предания о великанах — «волотах», широко распространенные в Ростовской, Переславль-Залесском и Нерехтском уездах, привлекли внимание и основателя Ростовского музея, известного купца-мецената А.А. Титова, в чьем распоряжении оказался архив М.Л. Диева, известного нерехтского священника, наставника и учителя шуянина А.В. Борисова[88].

О них упоминает и редактор «неофициальной части» «Владимирских губернских ведомостей» К. Тихонравов[89]. В двадцатые годы о «волотовых» курганах, находящихся в Кинешемском и Юрьевецком уездах, писал председатель Костромского научного общества В.И. Смирнов[90].

---

[87] Уваров А.С. Археологические разыскания во Владимирской и Ярославской губерниях // Северная пчела. 1854. № 191. С. 87—89; Его же. Известие о курганах Владимирской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1856. № 5—6. С. 112—114.

[88] Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии (историко-археологическое описание уезда). М., 1885. С. 142—144.

[89] Тихонравов К. Курганы в Суздальском уезде за селом Ратницким // Владимирские губернские ведомости. 1867. №32. (Часть неофициальная).

[90] Смирнов В.И. Паны, клады и разбойники // Труды Костромского научного общества. Т. 26. Кострома, 1927. С. 67—69.

Таким образом, можно говорить о весьма репрезентативном материале, представленном в записях краеведов Верхнего Поволжья, начиная с 30-х годов XIX века.

В семидесятые — восьмидесятые годы экспедициями нашего университета шесть таких преданий, т.е. сравнительно немного, было зафиксировано в Ильинском, Лежневском, Савинском, приволжском и кинешемском районах. Если учитывать архаичность тематики, ее сакральный смысл, безусловно содержащийся в рассказах такого рода, то становится понятным, что чем-то они были дороги местному населению, что-то было необходимым для передачи из уст в уста.

По сути эти рассказы однотипны, очень кратки и в них лишь упоминаются «волоты», то есть великаны, которые жили в этих местах в незапамятные времена и перебрасывались громадными камнями, стоя на самих курганах.

Если учесть, что сами курганы расположены в так называемых «медвежьих углах», то есть месте слияния двух рек (скажем, Уводь и Вязьма, Которосль и Волга, Кокуй и Уводь), сакральных по своей изначальной сути, то становится понятным, что типологически близкими к ним являются две эпохи: «век кремаций» (brunaold) и «век курганов» (haugsold). Как отмечает Снорри Сурлсон в «Прологе» к «Кругу Земному»: «В древности конунгов сжигали на погребальном костре, а в память об умершем воздвигали мемориальный курган, но когда Фрейра (предка конунгов) похоронили в кургане в Упсале, многие вожди стали переходить к этому новому обычаю. После того, как Дана гордого, одного из датских конунгов, погребли по его повелению в кургане в королевском облачении и вооружении, вместе с **конем** и многочисленными сокровищами, начался век курганов»[91]. Обращает на себя внимание то, что конунга хоронят вместе с конем, так как варяги, «Люди побережья», конного боя не знали. Только в VIII—XI веке в результате продвижения на юг, слияния с конными дружинами русичей, они переняли такой способ боя и, очевидно, погребения. Напомню, что сама тризна по Игорю и месть древлянам княгиней Ольгой (Хельгой) осуществляется двумя способами: ритуальным сожжением древлян в ладье и погребением в кургане.

Сравнительный же анализ наших записей с более развернутыми нарративами белорусских преданий и сказок показал, что первоисточником являются, несомненно, русские и типологически, а, может быть, и генетически восходящие к ним, скандинавские. Так, в одной из сказок, записанных белорусским собирателем

[91] Гуревич А.Я. Время, судьба, миф и история в саге / Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвного большинства. М., 1990. С.247.

Е.Р. Романовым, говорится об «асілках», которые принимают людей за мух: «Не, брат, — говорит один из них, — тут мы девок себе не найдем по нашей силе, а нада ици, спускаца на тэй свет»[92].

Наряду с рассказами о волотах-великанах, оружием которых были камни и гигантские палицы, молоты, в белорусской эпической традиции встречаются и предания о женщинах — «волотовках». Так, в сказках «богатырская девка» щелчком убивает своего противника[93] (напомню: так Брюнхильда расправляется с Гюнтером, а Зигфриду стоит немало усилий, дабы покорить ее). Вместе с тем, как считает Л.Г. Бараг, по белорусским поверьям, распространенным еще в начале XX века, облик волота принимают различные силы природы[94].

Как отмечает А.Я. Гуревич, термины, обозначающие вермя в «Королевских сагах» и восходящие, разумеется, к глубокой древности, указывают на цикличность его восприятия (это «аг» — год, урожай, плодородие). И от мифологических, божественных предков конунгов, поведения их зависит благополучие их потомков[95]. Поэтому так болезненно воспринималась скандинавами гибель Олега/Хельги от укуса змеи, так как на скандинавском языке саги это означало «месть земли», потерю благополучия всего рода, потерю королевской власти. Примечательно, что конунга при море, неурожае нередко убивали, то есть приносили в жертву богине земли, Матери/Деве.

В дореволюционной Белоруссии в некоторых местах на «кутью» просили Деда мороза, то есть Велеса, а в некоторых — Зюзю, которого представляли исполином, вооруженным палицей[96]. Для нас это обстоятельство представляется чрезвычайно важным, так как на границе Лежневского и Савинского районов находится село Волотово. На вершине холма стояла когда-то Ильинская церковь.

По сути, перед нами явная мифологическая оппозиция «верха» и «низа», или, по определению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, универсальная мифологическая модель, отражающая борьбу Громовержца со своим противником, змеем/Волосом[97]. Победа над змеем означает перенимание силы былого тотема, хранителя богатства, благополучия. И не случайно в сказках **под камнем**, то есть

---

[92] Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 6. Витебск, 1901. С. 139. №15.
[93] Романов Е.Р. Указ. соч. вып. 3. Могилев, 1887. С. 93.
[94] Бараг Л.Г. «Асілкі» белорусских сказок и преданий // Русский фольклор. Т. VIII. М., 1963. С. 33.
[95] Гуревич А.Я. указ. соч. С. 249.
[96] Романов Е.Р. Указ. соч. Вып. 6. Витебск, 1901. С. 143.
[97] Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции образа «Волоса — Велеса» как противника Громовержца // VI Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы докладов. Тарту. 1970. С. 47.

на вершине кургана, богатыри находят оружие и коня. Под камень уходят змеи и медведи в день осеннего равноденствия, 21 сентября, на Воздвиженье Честного Креста, а на Благовещенье, совпадающее с весенним обновлением природы, выходят. Да и в самом деривате «Велес — волос — волот» явно ощутимо семантическое ядро, связанное с благом, волшебством, волхованием.

Как показали исследования Б.В. Успенского, культ Велеса предшествовал культу Перуна, это скотий бог торговли и богатства, нередко принимающий вид медведя или змея[98]. В мировом фольклоре противником былинных богатырей, как правило, является змей, но именно от него они получают знание и силу.

Следовательно, возведение курганов было связано не только с почитанием предков-воинов, но и сакральным пониманием блага. Вместе с тем перед нами наглядный путь, маршрутная карта по пути из «варяг в арабы», то есть заселения нашего края кривичами и, возможно, частично, новгородцами.

В.М. КУРИЦЫН

Иностранный язык как средство культурной идентификации учащейся молодежи в условиях глобализации

Аннотация. В статье рассматривается проблема культурной идентификации в современном мультикультурном глобальном обществе и взаимосвязь языкового образования и культурной идентичности современных учащихся. При этом особо подчеркивается мультилингвальное образование и значение многоязычия в современном мире. В качестве примера реализации многоязычия в образовании приводится Европейский проект MuViT.

Ключевые слова: культурная идентичность, идентификация, языковое образование, многоязычие, мультикультурное общество, межкультурная коммуникация, проект MuViT (Мультилингвальная виртуальная аудиокнига).

Abstract. This article presents the problem of cultural identification in the modern multicultural global society, and an interrelation of language education and cultural identity of modern students. At the same time we can

[98] Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 27—29.

emphasize the multilingual education and the value of multilingualism in the modern world. The example of the implementation of multilingualism in education is a European project MuViT.
Keywords: cultural identity, identification, language education, multilingualism, multicultural society, intercultural communication, MuViT-Project (Multilingual Virtual Talking Books)

Современное общество в условиях глобализации и активных международных, в том числе и межкультурных, контактов, а также интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий подвержено, с одной стороны, проникновению в него и прежде всего в молодежную среду самых разных культур/субкультур. С другой стороны, имеется негативная тенденция к постепенной утрате культурной самобытности, ослаблению внутренних связей молодежи с собственной национальной культурой. В этой связи важной проблемой представляется проблема культурной идентичности, т.е. принадлежности субъекта к определенной культуре, и процесс культурной идентификации/ самоидентификации, т.е. установление и осознание собственного отношения к той или иной культуре, принадлежности к определенному социокультурному пространству, усвоение культурных и духовных ценностей и ориентаций как конкретного социума, так и общечеловеческих.

Проблема культурной идентичности и культурной идентификации/ самоидентификации самым тесным образом связана с образовательным процессом от дошкольного образования до высшего образования. Образовательный процесс должен обеспечить постепенное и последовательное вхождение личности в окружающее его социокультурное пространство и постепенное расширение границы сознания индивидом своего места в окружающей культурной среде: учебное социокультурное пространство — региональное социокультурное пространство — национальное социокультурное пространство — глобальное социокультурное пространство. Таким образом, в образовательном процессе необходимо создать такие условия, в которых культурная идентификация личности позволит ей осознать свое место и предназначение не только в рамках своего родного культурного пространства, но и чужого, в том числе глобального мультикультурного социума [1].

Поэтому одной из ведущих задач современного образования представляется обеспечение каждой личности от учащегося школы до студента возможности «укрепить его культурную идентичность, не позволить ей оказаться «размытом» в поликультурном контексте, сформировать готовность к межкультурной коммуникации и диалогу

культур, имея внутри себя стержень ценностей национальной культуры, представляющих фундамент идентичности» [2]. Из этого следует, что современная личность должна овладеть ключевыми компетенциями, обеспечивающими межкультурную коммуникацию и воспитываться в духе культурной толерантности, гордости «своей» культурой и уважения «чужой» культуры.

Реализация этих задач возможна при условии, что образовательный процесс организуется и реализуется в поликультурном контексте в рамках компетентностного и культуроориентированного подхода.

Особое место здесь должно занять языковое образование молодежи, овладение и владение неродными (иностранными) языками, в первую очередь языками международного общения в контексте диалога культур. В.В. Сафонова отмечает, что иностранный язык как учебный предмет является инструментом «поликультурного развития личности обучаемых, способствующего осознанию себя как культурно-исторического субъекта: <….> осознающего взаимозависимость, целостность мира и необходимость межкультурного сотрудничества народов в решении глобальных проблем человеческой цивилизации; признающего гражданские (включая культурные и языковые) права человека и вступающего за политические свободы; проявляющего готовность и способность к сотрудничеству с другими людьми, движениями, общественными институтами <….>; способного выполнять роль субъекта диалога культур» [3, 5].

Не вызывает сомнения, что изучение неродных (иностранных) языков расширяет языковую и культурную картину мира, формирует компетенции межкультурной деятельности, повышает уровень культурной идентичности и толерантности по отношению к культурному и языковому многообразию общества [4]. Многочисленные исследования, проведенные в Германии, убедительно подтверждают, что язык и идентичность составляют неразрывное единство и именно через язык осуществляется процесс идентификации личности с окружающим социокультурным пространством. А владение и/или овладение несколькими языками расширяют идентификационные возможности и способности личности в современном мультикультурном и многоязычном мире [5].

Усиление культурной и общей социальной взаимозависимости в обществе обостряет культурное, социальное, этническое и религиозное самосознание. В силу этого субъективная культурная самоидентификация людей, тесно связанная с особенностями языковой идентичности, может стать причиной конфликтов в обществе [6].

В этой связи все большее значение приобретает многоязычие, способное противостоять конфликтам в ходе межкультурного взаимодействия. Многоязычие становится ведущей стратегией межкультурной деловой и межличностной коммуникации и находится также в фокусе языковой политики большинства стран. Под многоязычием (полилингвизмом, мультилингвизмом) понимается равноправное и равноценное сосуществование, и коммуникативное использование человеком нескольких языков в пределах определенной социальной общности. Многоязычие в практическом плане относится, как к способности отдельного человека использовать несколько языков, так и к сосуществованию различных языковых сообществ на одной территории [7, 40—41]. Поэтому формирование и поддержка мультилингвальных компетенций играет все большую роль в образовательных системах в ряде стран. Мультилингвальное обучение предполагает наряду с родным языком обучение минимум двум неродным (иностранным) языкам. Ряд исследователей рекомендуют вводить мультилингвальное обучение уже в начальной школе, во всяком случае так практикуется в странах Евросоюза, где в школах обучаются дети с разными первыми (родными) языками [8; 9]. В качестве примера можно привести проект MuViT — Multilingual Virtual Talking Books[99], в разработке и реализации которого наряду с учеными из Германии, Испании, Турции и Латвии принимал участие автор статьи. Одной из целей проекта является подготовка учащихся к жизни в многоязычном, мультикультурном и информационно развитом обществе через формирование языковой и культурной сензитивности, повышение межъязыковой и межкультурной информированности [10; 11; 12], что в значительной степени облегчает процесс культурной идентификации в глобальном мире. Программа MuViT построена на 5 языках (английском, немецком, испанском, русском и турецком) и предполагает переключение с одного языка на другой. Апробация программы проходила в школах Германии, Испании, России и Турции. Следует отметить, что эта программа, как и обучение многоязычию в целом были положительно оценена и учащимися, и педагогами.

Интерес учащихся российских школ к овладению несколькими языками достаточно высок. В настоящее время подлинное многоязычие реализуется лишь в отдельных школах некоторых регионов России, напр., в школах Мордовии изучается один из национальных языков (мокша или эрзя) как родной язык, русский язык как государственный язык и иностранный язык. Нельзя однозначно

[99] См. сайт проекта www.mu-vit.eu

утверждать, что в русских школах не формируют многоязычную личность, способную к языковому и культурному самоопределение в поликультурном мире, т.е. к культурной идентификации. В письме Минобразования РФ от 28.11.2000 г. «Об изучении иностранных языков в общеобразовательных учреждениях» говорится, что государственная образовательная политика в области обучения иностранным языкам основывается на идее плюрализма, на признании важности и ценности всех языков и в этой сфере требуется создать все необходимые условия для развития двуязычия и многоязычия на территории России [13]. «Одним из стратегических направлений развития системы российского образования должно стать формирование поликультурного образовательного пространства, наиболее полно соответствующего современному состоянию и перспективам развития полиэтничного, многоязыкового, поликонфессионального российского общества и государства. Решение именно этой задачи предусмотрено Концепцией развития поликультурного образования, разработанной в рамках проекта Федеральной целевой программы развития образования “Поликультурное образование как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательных учреждений”» [14].

В настоящее время в контексте ФГОС среднего (полного) общего образования наша школа ориентирована на формирование коммуникативной иноязычной компетенции в двух иностранных языках, необходимой для успешной социализации и самореализации, т.е. как инструмента самоидентификации и межкультурного общения в современном поликультурном мире. Наиболее распространенной комбинацией иностранных языков в российской школе по объективным причинам представляется сочетание английского языка с немецким, французским и другими языками в зависимости от региона. Причем в качестве первого иностранного языка выступает главным образом английский язык. В целом в языковом образовании приоритет отдается английскому языку как обязательному предмету, что может привести к определенным негативным последствиям культурной идентификации учащихся. В этом случае культурная идентификация учащихся может выразиться в основном американизации культурных предпочтений. Тем более что далеко не лучшие образцы западной и в первую очередь американской культуры довольно активно навязываются молодому поколению средствами современных масс-медиа, в первую очередь через телевидение, кино, музыку. В этой связи представляется необходимым и важным предоставить свободный выбор иностранного языка, как в качестве первого, так и

второго языка, что положительно скажется на мотивации и осознанном отношение к овладению неродным языком.

При этом чрезвычайно важно уделить большое внимание обучению родным языкам, в первую очередь русскому языку как родному языку и как неродному или второму родному языку. Обучение родному языку должно также осуществляться в контексте культуроориентированного подхода, так как именно родной язык является базой и фундаментом языковой и культурной идентичности личности.

Литература

1. *Ефремов А.А.* Ценности мультикультурного образования с позиций гуманистической и культурной парадигм //Мультикультурное образование и обучение межкультурной коммуникации: Междунар. сб. статей/ Отв. ред.: В.М. Курицын. Шуя: Изд-во «Весть», 2005.С. 75—81
2. *Ежова Е.Ю.* Культурная идентификация личности в поликультурном пространстве // Ж-л «Регионология» № 1, 2010. [Электронный ресурс] URL: http:// www.regionsar.ru/node/479?page=0,1
3. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: ИСТОКИ, 1996.
4. Die deutsche Sprache als Teil der sprachlichen und beruflichen Identität. Eine Studie unter Germanistikstudierenden der Universität Helsinki: Magisterarbeit Vorgelegt von Jenni Salminen im Mai 2010 [Электронный ресурс] URL:http://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/19329/diedeuts.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.07.14)
5. Nurtac Perazzo, Marie-Luise Sparka, Gerrit de Jong (Juli 2012): Keine Identität ohne Sprache. [Электронный ресурс] URL: http://www.erziehungskunst.de/artikel/waldorfschulen-interkulturell/keine-identitaet-ohne-sprache/ (дата обращения: 15.07.14)
6. Huntington, Samuel P.: Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert./ Aus dem Amerikanischen von Holger Fliessbach — München, Wien: Europa Verlag GmbH, 1966
7. *Курицын В.М.* Многоязычная личность и программа MuViT как одно из средств ее формирования // Научный поиск, 2012. № 4 (6).
8. Mehrsprachigkeit früh fördern — Anforderungen an ganz besondere Sprachlernmaterialien. Lehrzentrum Sprachen und Kulturen der Technischen Universität Dresden: http://www.heuropa.eu/fileadmin/dok-pool/dokumente/Artikel-HEUROPA-FINAL.pdf (дата обращ.:05.07.14)
9. Elsner, Daniela (2010): „Ich habe was, das du nicht hast…“ oder: Welchen Mehr hat die Mehrsprachigkeit für das Fremdsprachenlernen? In: Institut für Migrationsforschung und Interkulturelle Studien (Hrsg.) (2010):

IMIS-Beiträge 37,9—119. URL: https://www.repositorium.uni-osnabrueck.de/bitstream/urn:nbn:de:gbv:700-2013082611460/1/imis37.pdf

10. *Эльснер, Д., Вильдеманн, А.* Проект «MuViT» – мультилингвальная виртуальная книга: что, зачем, как? // Научный поиск, 2011. № 2. С. 15—23

11. *Худгарзаде, Махзад, Мюллер, Александр, Шварц, Александр, Курицын, Владимир.* Электронные средства масс-медиа в учебных ситуациях// Научный поиск, 2012 .№2(4). С. 24—29.

12. *Худгарзаде, Махзад, Мюллер, Александр, Шварц, Александр, Курицын, Владимир.* Аудиокнига и электронная иллюстрированная книга в обучении иностранным языкам: использование и разработка // Компетенции владения иностранным языком и их формирование: междунар. сб. статей. Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 70—88.

13. Письмо Минобразования РФ от 28 ноября 2000 г. № 3131/11-13 «Об изучении иностранных языков в общеобразовательных учреждениях». URL: http://www.school.edu.ru/laws.asp?cat_ob_no=5959&ob_no=4437&oll.ob_no_to= (дата обращения – 15.11.2012).

14. Многоязычие поможет личности? «Учительская газета», №21, 25 мая 2010г. [Электронный ресурс]. http://www.ug.ru/archive/31033/version/print (дата обращения: 15.11.2012).

А.В. ПЕТЕЛИН, Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Материальное и духовное начала в душе русского делового человека: антиномия, антитеза или возможность гармонии

«Быть может, эти электроны
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!»
Валерий Брюсов

Аннотация. Деловые круги России считают, что русская православная культура, в отличие от культуры атлантической, дает возможность создания общества на основе гармонии материальных, социальных и духовных ценностей.

Ключевые слова: духовность, экономика, гармония, религия, культура.

Abstact. Russian business considers the Russian orthodox culture — vs. Atlantic culture — to be capable of building a society, based on harmony between material, social and spiritual values.

Keywords: Spirituality, Economics, Harmony, Religion, Culture.

Немного сегодня найдется в России, да и за ее пределами, людей, которые будут упрекать обычного делового человека в избыточной духовности. На Западе это «бизнесмены» т.е. занятые люди; в России честный человек обязательно спросит — чем же он занят — «делом» или «не делом» и судить будет по критерию нравственности, а не выгоды. Да, конечно, были в России великие меценаты, люди и деловые (в основном выходцы из купечества и старообрядцев), и душевные, и духовные. Общеизвестно имя Павла Михайловича Третьякова, основателя художественной галереи, ставшей российской государственной. Помнит Россия и Савву Ивановича Мамонтова, который одним из первых организовал частную оперную труппу. Он оказывал большую помощь русским художникам И.Е. Репину, В.М. Васнецову, В.А. Серову, М.А. Врубелю, В.Д. Поленову, К.А. Коровину, многим музыкантам, в том числе Ф.И. Шаляпину. Сам С.И. Мамонтов был одаренным человеком — писал либретто для спектаклей, выступал в качестве актера и режиссера, но кроме всего он обладал способностью разглядеть талант в человеке задолго до того, как он становился очевидным для всех.

Яркий след в культурной жизни России оставил Савва Тимофеевич Морозов. Он получил качественное образование, закончив естественное отделение физико-математического факультета Московского императорского университета с дипломом химика, написал значительную работу о красителях, общался с Д.И. Менделеевым, изучал химию в Кембриджском университете. Он оказал огромную помощь русскому театру, входил в состав Товарищества для учреждения в Москве Общедоступного театра, вносил пожертвования на строительство и развитие МХТ, заведовал его финансовой частью, был инициатором строительства нового театрального здания в Камергерском переулке. Обращаясь к нему, К. Станиславский сказал: «…внесённый Вами труд мне представляется ПОДВИГОМ, а изящное здание, выросшее на развалинах притона, кажется сбывшимся наяву сном… Я радуюсь, что русский театр нашёл своего Морозова подобно тому, как художество дождалось своего Третьякова…».

Хорошо известно, что С.Т. Морозов не только уделял огромное внимание поддержке развития художественной культуры России, но и искал решение социальных проблем своего времени. Он был связан с революционным движением, дружил с М. Горьким, финансировал издание социал-демократической газеты «Искра», большевистских легальных газет «Новая жизнь» и «Борьба». Он же, после событий 9 января 1905 года, заявил председателю Комитета министров

С.Ю. Витте о необходимости покончить с самодержавием; составил Записку с требованиями свободы слова, печати и союзов, всеобщего равноправия, неприкосновенности личности и жилища, обязательного школьного образования, общественного контроля за государственным бюджетом.

К славной плеяде российских деловых людей принадлежал и ивановский фабрикант, меценат и коллекционер, собиратель редкостей, выходец из старообрядцев, Дмитрий Геннадьевич Бурылин, основатель уникального Ивановского краеведческого музея. Он коллекционировал на протяжении своей жизни все или почти все, что можно подвести под понятие редкостей. Его собрание еще при жизни коллекционера во многом определило культурную жизнь Иваново-Вознесенска, а позднее стало катализатором создания целой семьи музеев и музейных экспозиций, сделавших Иваново одной из самых богатых в этом отношении территорий России.

Политика не интересовала Д.Г. Бурылина, к политическим партиям он относился нейтрально, но был истинным меценатом и благотворителем. Он был попечителем реального училища, механического училища, женской гимназии, женской торговой и профессиональной школ, церковноприходской школы, земского училища, школы колористов, почетным членом Шуйского уездного попечительства детских приютов. За деятельность и пожертвования в пользу учреждений министерства просвещения Бурылин императорским указом был награжден золотой медалью со Станиславской лентой. В 1910 году на собственные средства Дмитрий Геннадьевич устроил бульвар на Александровской улице. Бульвар существует по сей день и носит название проспекта Ленина. В 1918 году «Товарищество мануфактур Д.Г. Бурылина» перечислило в фонд устройства обсерватории и метеорологической станции 50 тысяч рублей.28 лет подряд он избирался гласным Городской думы, занимал различные должности в 57 городских и общественных учреждениях.

И все же современному российскому гражданину, когда речь идет о соотношении духовного и материального начал у представителей деловых кругов, на память скорее придут не имена меценатов, а имена М. Ходорковского, Б. Березовского, С. Мавроди, американского бизнесмена, бывшего председателя совета директоров фондовой биржи NASDAQ, строителя грандиозной пирамиды Бернарда Медофа, основателей империй Рокфеллеров и Ротшильдов, нынешних украинских олигархов, вроде И. Коломойского, и т.п. А кто не помнит К. Маркса с его утверждением: «… при 100 % прибыли капитал попирает все человеческие законы, при 300 % — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под

страхом виселицы»? Понятно, что вовсе не случайно известные французские мыслители лидер жирондистов в Конвенте периода Великой французской революции Жан Пьер Бриссо и экономист, социолог, философ, член французского парламента Пьер Жозеф Прудон утверждали, что «крупная собственность — это кража».

В чем сложно согласиться с Марксом, так это с его утверждением, что классовая принадлежность определяет социальную позицию личности. Есть смыслы гораздо более высокие и непреходящие смыслы бытия, нежели интересы быстро менявшихся и исчезающих в истории социальных групп и классов. История это убедительно показала. Да и не в социальной позиции дело. Не случайно молодой Сергей Николаевич Булгаков совершил свой путь «от марксизма к идеализму», найдя антропологию и философию марксизма несостоятельной. Высшие смыслы бытия человека и человечества марксизмом описаны не убедительно.

Убедительно это сделала разработанная С.Н. Булгаковым и совершенствуемая Ю.М. Осиповым «философия хозяйства». Многое проясняет современная культурология, отражающая русскую интеллектуально-духовную традицию (В.П. Океанский) и теория оптимума развития (Е.В. Шелкопляс). Русские религиозные мыслители показали, что религия и наука не отрицают, а дополняют друг друга в тварной Софии. Материальное и духовное принципиально не противопоставлены друг другу. Они лишь разные стороны Бытия, которое по Божьему Замыслу софийно составляют, как утверждает теория оптимума развития, динамическую гармонию, единство бинарно и системно комплементарных сущностей. Мотивацию поведения отдельного человека (во многом и социума) хорошо отражает трехуровневое древо жизни, смыслов, потребностей человека заданных самим Логосом, Законом Бытия (теория оптимума развития).

Да, в мире есть святые люди, отрешенные от материальных забот. Их немного. Есть огромное количество людей достигших материального комфорта, отрешенных от духовного и душевного начала бытия (вроде Б. Березовского в период расцвета его безнравственной карьеры). Но есть ли антиномия, противоречие в законе бытия человека или противоречие закона самому себе? Может ли быть достигнута гармония начал? Могут ли в принципе противоположности прийти к гармоничному единству в рамках философии хозяйства, современной культурологии, теории оптимума развития? Быть может, это апория (Платон, Аристотель), безвыходное положение?

Как известно, Иммануил Кант использовал понятие «антиномия» для оправдания основного тезиса своей философии, согласно которому разум не может выйти за пределы чувственного опыта и познать «вещи в себе» («Ding an sich»). Он полагал, что такого рода попытки приводят разум к противоречиям, так как делают возможным обоснование как утверждения (тезиса), так и отрицания (антитезиса) каждой из следующих «антиномий чистого разума»:

- Мир конечен — мир бесконечен.
- Каждая сложная субстанция состоит из простых частей — не существует ничего простого.
- **В мире существует свобода — в мире не существует свободы, но господствует только причинность.**
- Существует первопричина мира (Бог) — не существует первопричины мира.

И. Кант трактует «антиномию» как противоречие, в которое теоретический разум впадает сам с собою, когда он **идею абсолютного** относит к **миру как совокупности всех чувственных явлений**. Отсюда именно являются противоречивые законы и мнимо основательные теории, ведущие к принятию положений, непостижимых для нашего рассудка.

Антиномия состоит в том, что можно привести одинаково убедительные доказательства в пользу как утвердительного, так и отрицательного ответа на эти вопросы, разрешение антиномии необходимо приводит к выводу, что человеческое познание в подобных вопросах встречает преграду, которой ни перешагнуть, ни победить не может. Отсюда следует отказ от **догматического** изучения этих вопросов. Идея абсолютного и бесконечного имеет значение только регулирующего принципа, то есть она сама не служит источником расширения знания, а лишь руководящим принципом прогрессирующего расширения знания.

Георг Гегель указывал на принципиальное значение кантовских антиномий, отражающих диалектику всего сущего. Антиномии (противоречия) существуют «во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях». Теория оптимума развития определяет антиномии как абсолютное требование диалектического процесса познания, как «бинарную комплементарность» любой познаваемой сущности, смыслов жизни человека в том числе.

Техника антиномического мышления связана и с христианской богословской традицией, в которой непостижимость основных догматических положений часто формулируется в виде антиномий. Примером может служить позиция Алексея Фёдоровича Лосева,

который вместе со своим учителем Павлом Александровичем Флоренским, другом С.Н. Булгакова, был сторонником имяславия и утверждал: «Бог не есть имя, но Имя — Бог». В рамках исследования античной эстетики слова и символа он изучал философию Имени как «изначальной сущности» мира.

Еще более яркий пример антиномии в христианстве явлен в **сути халкидонского догмата, который говорит о соединении во Христе-Богочеловеке трансцендентного Божественного (т.е. Духа, который не принадлежит нашему материальному миру) и полностью человеческого (в т.ч. материи, вполне принадлежащей нашему миру). Христос-Бог при рождении (воплощении) соединился с человеком:**

- **Неслитно**
- **Нераздельно**
- **Неразлучно**
- **Неизменно**

Признание «истиной» лишь одной части этой антиномии приводит к ереси: с одной стороны,— к отрицанию или умаление Божества Иисуса Христа, с другой — отрицанию или умалению Его человечества. Православная Церковь исповедует во Христе одно лицо (ипостась) и две природы — божественную и человеческую.

Ярко демонстрировал диалектику гармонии в своем творчестве Павел Александрович Флоренский. Наряду с богословием и философией он занимался физикой и математикой, проводил исследования в области техники и материаловедения, работал в системе Главэнерго, принимал участие в ГОЭЛРО, опубликовал большую монографию о диэлектриках, затем научно-философский труд «Мнимости в геометрии». Однако, главный вклад П.А. Флоренского в русскую культуру все же относится к категории определяемой в теории оптимума развития как «долгие смыслы».

Магистерская диссертация доцента Московской Духовной Академии Павла Флоренского «Столп и утверждение истины» посвящена теодицее — справедливости Бога. Лейтмотивом концепции является снятие противоречия между существованием «мирового зла» и доминантой идеи ***благой*** и ***разумной*** божественной воли, управляющей миром. Название взято из Первого послания к Тимофею (3:15). Современники говорили о нем: «Если бы меня спросили, как в общем итоге определить значение Флоренского для людей, я бы сказал, что оно может быть сведено к **властному направлению нашего сознания в реальность духовной жизни, в действительность общения с божественным миром»** (С. Фудель).

Таким образом, **истину нельзя познать ни посредством слепой интуиции, познающей разрозненные эмпирические факты, ни посредством дискурсивного мышления — стремления к сведению частичного в целое, путём сложения одного элемента с другим**. Парадоксальный для непросвещенного ума **синтез антитез заключается в гармоничном выводе (решении проблемы): истина становится доступной сознанию только благодаря рациональной интуиции, которая доводит до степени единства сочетание дискурсивной дифференциации ad infinitum (до бесконечности) с интуитивной интеграцией.**

Сказанное выше позволяет по-новому смотреть на проблему соотношения материального и духовного начал в жизни русского делового человека. Эта антиномия принципиально абсолютно аналогична вышеописанным. Проблема заключалась лишь в ее нерешенности до последнего времени наукой на уровне системы технологий, притом, что с точки зрения христианской, православной церкви проблема принципиально отсутствует — нравственное богатство, средства, заработанные полезным обществу трудом, — не грех.

Сегодня подходы с позиций философии хозяйства, теории оптимума развития, современной культурологии позволяют, на наш взгляд, обеспечить этот духовный принцип материальными и социальными технологиями, в частности теми, которые разработаны в рамках теории оптимума развития. Сегодня появляется возможность подхода с позиций «деятельного идеализма» С.Н. Булгакова, возможность «властного направления нашего сознания в реальность духовной жизни, в действительность общения с божественным миром», возможность синтеза тезиса и антитезиса, рождение гармонии нового уровня. Человек завтрашнего дня — не нищий святой и не грешный делец, а человек, услышавший призыв Бога-Логоса (Христа), призыв к вселенской системной любви, человек, движущийся на призыв к всеединству!

Поэтому предприниматели России не хотят более довольствоваться материальным благополучием. Между миром материального и духовного блага нет пропасти, нет антиномии, есть лишь антитеза, ведущая в рамках новой культуры и теории оптимума развития, философии хозяйства к Гармонии. Бизнесмен России человек верующий в Логос (Христа — Бога Логоса), в Софию (премудрость Божью), в Гармонию (в Любовь на всех уровнях Бытия, в данную человеку Благодать, Спасение, Богочеловечество).

То, что мы не совпадаем с Мартином Хайдеггером и Сёренном Кьеркегором в восприятии Мира… Ну, что же… Федор Михайлович

Достоевский предупреждал, что это возможно, что именно Россия будет со временем учить Европу правильному восприятию христианства… Возможно эти времена наступили… А то: «Ужас…». Ну, ужас… Но, никак уж не ужас, ужас, ужас… Не бойтесь, европейцы! Мы с вами!

Похоже, что в России сегодня настало время, когда организаторы и мыслители экономики (вайшьи) готовы к созданию союза с мыслителями и организаторами социально жизни (политиками, «кшатриями» сегодняшнего дня), и с мыслителями социальными (метафизиками — духовенством, философами и учеными, современными «брахманами»). Любовь — это взаимодополнение ради общей цели, это неразрывный союз комплементарных сущностей, это Соборность, это Счастье. С-частье — это возможность быть единством с частями общей гармоничной сущности, это церковь малая (семья), это церковь общины, это церковь страны и вселенская церковь, это высший союз человека и Бога в познании Бога и соединении с Богом.

По нашему убеждению, Россия имеет право стать страной гармоничного развития, откликающейся на призыв Бога!

Предприниматели России не хотят быть счастливыми наполовину, так как это принято у каких-нибудь Рокфеллеров и Ротшильдов, на нижнюю половину как говорит Михаил Задорнов. Русская душа необычна, как говорил Н.А. Бердяев: «В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви».

Мы будем этого добиваться, мы этого добьемся. Бог милостив! Бог не выдаст! И свинья не съест! И черт нам — никак не родственник.

А начнем мы с первого шага — общины, гражданского общества, союза социальных слоев и групп.

Так будет! Или мы не русские и православные люди?! А если так — придется делать! Таков призыв Логоса, таковы законы православия! Да и делать то придется не одному, вместе, соборно! А русские люди это умеют, особенно, когда гром грянул... А он грянул! Пора перекреститься. И — за дело!

С.К. РЕДКОВ

Семейная политика в современной России

Аннотация. В статье поднимаются проблемы семейных отношений, семейного воспитания, роли государства в семейных отношениях. Особое внимание уделено ювенальной юстиции как части общественных отношений в области регулирования семьи. Также в статье обращено внимание на опыт прошлого в обеспечении ответственного воспитания подрастающих поколений.

Ключевые слова: семейное строительство, семейная политика, ювенальная юстиция, ювенальная политика, ювенальные технологии, родительский авторитет.

Abstact. The problems of family relationships, family upbringing, the role of the government in family relationships are raised in the article. The special attention is paid on the juvenile justice as part of social relationships in the sphere of family regulation. The attention is also paid on the past experience in providing the responsible upbringing of the growing generations in the article.

Key words: family building, family politics, juvenile justice, juvenile politics, juvenile techniques, parental authority.

Семья как ячейка общества в современных европейских культурах разрушается этим обществом. Нарушается естественное право человека иметь семью, а также право детей — жить в своей семье. Да и сам подход к семьестроительству на государственном уровне претерпевает попытки привития чуждой «фаустовской» культуры на российскую почву. То есть, предпринимаются попытки сформулировать основу создания семью на коммерческой основе. Имеется в виду, так называемый брачный договор. Предполагается, что основой создания семьи является не любовь, а некие прагматичные соображения. Таким образом, возникает законный вопрос о необходимости семьи, о целях создания семьи. Получается, что молодой человек, подписывая брачный контракт, утверждает свою монополию на конкретную женщину, и наоборот.

Остается открытым вопрос об основах, на которых зиждется семья. Еще Аристотель, говоря о государстве, задавал вопрос: кто хочет в своей семье демократии?

Воспитание детей должно быть основано на авторитете родителей, то есть в семье необходим авторитаризм.

Однако политика российского государства направлена на разрушение авторитета родителей. Какой может быть авторитет, если

дети зачаты не по любви, а по контракту? Отсюда и соответствующая ювенальная политика.

Ювенальная политика — научно обоснованная, системная деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как разумное и полное обеспечение прав и свобод несовершеннолетних с использованием ювенальных технологий посредством бесперебойного функционирования ювенальной юстиции.

Ювенальные технологии — комплекс мер, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, совершивших правонарушения, включающие в себя мероприятия юридического, социального, педагогического, медицинского и иного характера.[100] Понятие «ювенальная юстиция» представляет собой симбиоз двух латинских слов, которые обозначают правосудие для неполовозрелых.[101]

Теперь, когда мы разобрались с определениями, необходимо обратиться к практике применения ювенальных технологий, которые в свою очередь определяют векторные направления ювенальной политики государства.

В ст. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указано, что ст. 425 УПК РФ предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет — при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии. Показания такого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога, в силу части 2 статьи 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами.

Кроме того, происходит экспериментальная «обкатка» ювенальных судов, цель которых — оградить несовершеннолетнего преступника от негативного влияния на психику атмосферы общего судопроизводства. Тем самым, мы атрофируем у подростков чувство ответственности напрочь. Да, и сам процесс выглядит как комплекс увещевательных процедур.

---

[100] Постановление Правительства Москвы от 06.04.2010 № 269-ПП «О Городской межведомственной программе «Дети улиц» на 2010—2012 гг.»

[101] Словарь иностранных слов. М.: Рус.яз., 1989.

Однако ювенальная политика не ограничивается только лишь ювенальной юстицией. Цивилизованная ювенальная политика должна обеспечить нормальное развитие и воспитание ребенка в семье, именно в семье, а не в попечительских учреждениях. В последнее время в России началась и активизируется компания по изъятию детей из их привычной среды обитания — из семьи. Еще Фридрих Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» назвал семью ячейкой общества, а бездумные действия исполнительной власти разрушают эту ячейку, посягая на неотъемлемые права граждан, в том числе и детей — право жить в своей семье. Даже в самой бедной, неблагополучной семье ребенку комфортнее, чем в детском доме, если домашняя среда ему не враждебна. Если ребенку в семье не комфортно — он убегает на улицу. Поэтому проблема беспризорности более важная проблема семейного быта.

Считаем необходимым обратиться к истории за положительным опытом.

В свете проблем ювенальной юстиции в Российской империи был издан «Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражею» (Изд.1890 г.), глава вторая которого так и называлась «Об исправительных приютах» (ст.ст. 153—167). В последствии нормы указанной главы были заменены «Положением о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних» (Изд. 1909 г.), где указывалось, что «воспитательно-исправительные заведения учреждаются для нравственного исправления помещенных в них несовершеннолетних и подготовления их к честной и трудовой жизни». В обозначенные учреждения направлялись несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет для перевоспитания. Их учеба сочеталась оплачиваемым трудом.

«В воспитательно-исправительные заведения помещаются несовершеннолетние в возрасте от десяти до семнадцати лет:

1) признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния — по определениям и приговорам суда;

2) обвиняемые и подсудимые, относительно которых окажется необходимым принять мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда взятие их под стражу, — по постановлениям судебной или следственной власти;

3) нищенствующие, бродяжествующие и вообще бесприютные и беспризорные — по постановлениям комитетов, правлений или советов обществ, заведывающих воспитательно-исправительными заведениями, и

4) отдаваемые для исправления родителями по соглашению с учреждениями, заведывающими сими заведениями» (Извл. Из Положения)».[102]

Как видим, в Законе ни слова не сказано о насильственном изъятии ребенка из семьи.

В случае нарушений прав детей в этих учреждениях разбирательство учиняла специальная комиссия «Московского общества покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним».

Может быть, есть смысл изучить и внедрить в рамках ювенальной политики и этот, безусловно, разумный исторический опыт.

Справедливости ради необходимо отметить, что нечто подобное имеется и в современном российском законодательстве. Так, в УК РФ прописаны особые нормы, регламентирующие освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности. В ст. 92 УК в зависимости от категории совершенного несовершеннолетним преступления и от назначенного вида наказания предусматривается несколько вариантов освобождения от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

1. Несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой тяжести или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК.

2. Несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. К специальным учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа органов управления образованием относятся: а) специальные профессиональные училища закрытого типа; б) специальные (коррекционные) образовательные учреждения закрытого типа. Несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на три года.

---

[102] Российское законодательство X—XX веков. Т.9. М.,1994.— С.77.

А Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120 от 24.06.1999 г., регламентирует различные виды изоляции для детей с 11-летнего возраста.

Что же касается семейного строительства, то оно должно основываться на любви и авторитете родителей, а также на приоритете родительского права над государственным.

Антон Семенович Макаренко писал о необходимости родительского авторитета в семейной жизни: «Авторитет необходим семье. Надо отличать настоящий авторитет от ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами. Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание».[103]

Литература

1. Постановление Правительства Москвы от 06.04.2010 № 269-ПП «О Городской межведомственной программе «Дети улиц» на 2010—2012 гг.»
2. Словарь иностранных слов. — М.: Рус.яз., 1989.
3. Российское законодательство X—XX веков. Т.9. М.,1994.
4. Макаренко А.С. Книга для родителей. М.: Педагогика, 1988.

Ю.И. ЕРМИЛОВ

Философские заметки: проблема американизации

Аннотация. В ходе либеральных российских реформ у западного общества могло сложиться впечатление об утрате населением нашей страны качества патриотизма, полного культурного завоевания российского социума ценностями американской культуры. На деле столкновение цивилизаций пошло на пользу российской культуре, показав обществу ее полное принципиальное превосходство над либеральными ценностями. Созданы условия для возвращения России на лидерские позиции в глобальном мире на основе благородного патриотизма, а не западного китчевого.

[103] Макаренко А.С. Книга для родителей. — М.: Педагогика, 1988. — С.255.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, позитивные следствия социального кризиса в России и перспективы культурного лидерства.

Abstact. The Russian liberal reforms may have led the western society to believe that the Russian population has lost its patriotism, and that the Russian society has been culturally overtaken by American values. In practice, the collision between the civilizations made good for the Russian culture, as it has shown the latter's total superiority over liberal values. Now we have the grounds for Russia to become again the world's leader, deriving from noble patriotism vs. the western patriotism, deriving from nothing else but kitsch.

Key words: Conflict between civilizations, positive consequences of the social crisis in Russia and opportunity of becoming the cultural leader.

Американизация Российского образа жизни — вопрос уже давным-давно закрытый. Казалось бы, говорить не о чем. Тема эта пета — перепета вдоль и поперек, и все возможные аспекты включенных в нее проблем обсуждены до дыр. Однако, новые исторические условия, создавшиеся на международной арене за последние полгода, требуют возвращения к вопросу об американизации российской реальности: этого требует назревшая проблема естественного патриотизма, без решения которой Россия, а вслед за ней и остальной трезвый мир, вряд ли выживут в том качестве, в каком они себя идентифицируют сейчас.

Трижды проклятый демократами патриотизм, которым, по их утверждению, заменяют все, когда ничего другого нет у государства, оказался необходим для простого физико-биологического выживания нации и страны. Многие действия гражданского и общественного свойства оказались в таком положении, когда их невозможно делать без крайнего напряжения, если оставаться в той системе американизированной ментальности, в которой находится большая часть производительного населения России. Корень проблемы состоит не в том, как избавиться от американизма тем, кто в нем погряз и вряд ли выберется из него в ближайшие годы, а в том, как попытаться оградить от него младшее поколение, очистив все его возрастные группы от 0 до 25лет и старше. Автор этого текста прекрасно понимает чрезвычайную сложность, почти невозможность этой задачи. Но деваться некуда. Отстаивать независимость, будучи ментально-зависимыми, невозможно.

Американская культура сама по себе, включая ее суб-, андер- и все другие главные и не главные составляющие, не вызывает каверзных вопросов, ставящих под сомнение самобытность и качество этой культуры, особенно в тех случаях, когда она обращена к себе самой и сама себя питает. Но давным-давно замечено в разных по типу

культурно-политических системах: когда на местную ментальность накладывается любой тип или типы американской, происходит изъязвление национального строя, его искажение и деградация, приводящие в итоге к полной потере национальной идентификации и к безразличию к любым проявлениям чувства родства по отношению ко всему, что составляет основу полноценного личного мироощущения у представителя любой нации.

Американская самость совсем не такая широкая, универсальная и открытая, как ее многие давным-давно привыкли представлять. Это очень жесткая система социальных и биологических взаимоотношений индивидуума и общества, где выпадение одного, на первый взгляд незначительного его звена, приводит к полному разрушению этой личностной конструкции. Для внешнего политического наблюдателя очень сложно определить ценностный уровень разных социально-психологических позиций коренного американца. Поэтому возвеличивание американского образа жизни в качестве примера для подражания также нелепо и абсурдно, как призыв к античному образу жизни. Необходимо подчеркнуть и то, что наступление американизма на иные мировые культуры нельзя считать прямой культурной агрессией, хотя в этом явлении просматриваются естественные наступательные тенденции конкурентного типа. Все дело в том, что американизм почти всегда выигрывает и делает это не так, как победитель в войне, а удовлетворяясь лишь тем, что приобретена новая сфера приложения, рынок сбыта, неважно, чего, культуры или товаров. Инициативность американцев имеет широчайший диапазон, но лишена криминального оттенка, как например, у россиян. Их готовность к труду, к делу в любую минуту жизни дает им возможность жить так, как хочется, но не в состоянии беспредела воли. Их глубинная дисциплина достойна уважения и очень тяжело поддается копированию.

То, что сейчас можно с большой долей точности назвать американизацией, принадлежит в России инициативе ее элитных представителей — деятелей культуры, политики и социальной сферы, которые в силу их особой компетенции в этих вопросах прекрасно осознавали, куда и как двинется изменение психологии нашего народа, ставшее почти обычаем, когда он обретет совершенно новые привычки, желания, чаяния и мечты. Можно поверить и в то, что такое изменение кому-то представлялось прогрессивным. Но в вопросе о воспитании детей разногласий быть не могло: однозначное и однонаправленное освобождение ребенка от его родственных, возрастных и гражданских обязанностей, разрыв связей с родной историей, с живыми национальными реалиями и их замена на

иностранные духовные суррогаты — все это получилось именно так, как хотелось. Мы вырастили стойкий, трудноизменяемый тип ментальности, склонный к саморазвитию в определенном русле, одним из главных признаков которого является отрицание или, как минимум, безразличие ко всему тому, что составляет основу родства, родного, родины и Родины. В новый российский менталитет вползла и намертво закрепилась потребность в мелочности, суете, поверхностности, кривлянии и пустословии. Поклонение Количеству Потребляемого приобрело религиозно-биологический характер, а презрение к всему, что несет отблеск мысли, таланта и человечности стало признаком хорошего тона. В круг ненужного вошло все то, что на протяжении веков составляло основу личного и гражданского, что давало надежду на счастье и на место в жизни. Понятно, что в мире давно берет верх тенденция к отчуждению между людьми, поколениями, социальными группами. Но вне России это происходит в терпимых пределах, и это при всем том, что по западным законам разрешается еще большее размежевание с близкими, чем это есть там в реальности. Российская взаимоотчуждаемость стимулируется своим же американизмом.

Попробуем проанализировать некоторые моменты бытия нашего молодого поколения на примерах из жизни студентов Художественного училища за 2012—2014 годы. Прекрасное поле для исследования — социальные сети, в частности, контакт. Более семидесяти студентов и выпускников разного возраста выставляют в новостях все, что доступно их друзьям и что составляет подлинную их сущность, которую можно открыть своим, и которую не стыдно показать всем, кто это может прочитать.

Трагедия ситуации заключается в том, что вопреки воспитательному характеру американского воздействия, в большинстве представителей младшего поколения живет на низшем или высшем уровне интуитивное чувство правды, которое не позволяет до конца освободить себя от родственных связей. Этот, на первый взгляд, естественный случай, на российской, а особенно на русской почве, приобретает зловещий оттенок. Отрок, юноша или подросток не могут даже частично осознать причину их страшного душевного дискомфорта, к которому понуждает их американизированное социальное положение. Пребывание в кругу ровесников становится не естественной и закономерной частью их жизни, а ритуальной ситуацией, поглощающей их сознание всегда и везде. Даже взрослому человеку часто невозможно осознать причину стойкого душевного неравновесия когда кругом все хорошо, дома мир и лад, на работе и в учебе успехи. Точно также любой живой организм,

привыкший к конкретной пище, ощущает стойкий дискомфорт от изменения ее состава, и это при полном сохранении полезных и питательных веществ. Мы не удивляемся, посещая общепит, что никогда не бываем сыты: через эту пищу человек может жиреть, но не наедаться, и никакие калории не обеспечивают сытости. Душа современного молодого человека подобна раздутому желудку ресторанного завсегдатая, который никак не может до конца утолить голод, независимо от качества и количества поглощаемой им пищи. Сравнение с общественным питанием в данном случае правомерно еще и потому, что русская традиция всегда предпочитала хороший стол дома, изобильный в праздники и простой, добрый и сытный по будням. Такая банальная вещь, как еда, а тем более, способ ее употребления составляет одну из важнейших и необходимых частей жизни. Многие вообще страдают, если лишены привычного образа приема пищи. С проблемой общения все серьезнее и сложнее. Возрастные особенности детей 12—17 лет не требуют от них полного и реального отчуждения от родителей. Для стабильности их возрастного специфического состояния достаточно не столь высокого уровня самостоятельности и пребывания во внеродительской изоляции, как это есть сейчас. Потребность быть в кругу сверстников в нормальной социальной и психологической ситуации не может продолжаться более положенного ей срока: в противном случае происходит патологическое продолжение детства, культивирующее принудительную инфантилизацию личности. На практике получается так, что социально и гражданско одаренные молодые люди оказываются не в состоянии произвести достойное их приложение сил в работе и творчестве. Количество таких «конфликтов» между личностью и обществом, вообще немыслимое три десятилетия назад, стало теперь общим местом. С этим явлением невозможно конкретно бороться, потому что каждая отдельная ситуация, легко разрешаемая на техническом уровне, не имеет пока собственного психологического решения.

На новостной странице «вконтакте» студентов художественного училища регулярно появляются личные, общественные и профессиональные послания. Из сотен художественных иллюстраций за три года только одна, и то случайно, посвящена русскому художнику Билибину. Все остальное, это максимум Сальвадор Дали и подобные ему художники, эстетика которых насквозь американизирована и ограничивается изображением страшного и омерзительного, а психология не выходит за рамки животного страха. К этому можно добавить звездно-галактические туманы и бытовые дымы, символизирующие самый примитивный тип загадочности. Все

это вписывается в голливудскую схему киноиндустрии, которая всегда избегает реального психологизма, реальных проблем и всего того, что составляет подлинную жизнь любого современного человека. Прекрасно понимая, что возраст требует стандартных страшилок, загадкой остается пренебрежительное отношение студентов к собственному дарованию. Ведь художник отличается от простого смертного тем, что он не только намного лучше рисует и точнее видит, но и своей особой, чисто профессиональной способностью выделить в мире нечто действительно высокохудожественное. Во все времена круг интересов начинающих мастеров ИЗО, касающийся истории искусств, резко отличался от аналогичного интереса нерисующих старших и младших. При этом каждый юный художник без подсказки понимал, что его особый выбор прекрасного достоин и особого уважения. Сейчас же из моря изобразительной информации особо одаренный выбирает в качестве образца для подражания или восхищения то же самое, что и абсолютная бездарность или непрофессионал.

Таким образом, талант оказывается совершенно не нужным ни для себя, ни для людей. Подобных парадоксальных ситуаций, в которые поставлено молодое творческое сознание, так много, что их невозможно даже классифицировать. Если у музыкантов степень личного в творчестве почти интимна и не столь нуждается в обязательном общественном признании, то у художника то же самоеобращено во внешний мир: он может обойтись без аплодисментов и комплиментов, но пропадет без зрителя. Сопроводительные тексты новостной стены, равно как и фотографии, имеют точно очерченный круг стилистики и содержания. За редчайшим исключением они принципиально поверхностны и суперэлементарны, но претендуют на глубину. Фотографии композиционно и идейно подчинены правилам, принятым в глянцевых журналах, и то, и другое — китч. Таким образом, представители элитной профессии, имеющие особый Божий дар, оказываются на дне интеллектуально-эстетического омута, совершая свой странный выбор.

В русле личных (учебных и дружеских) отношений происходит то же самое. Китчевая ментальность не позволяет до конца и полноценно строить взаимоотношения со сверстниками и старшими. Теоретически возможная реальная теплота отношений, в которой нуждается любой нормальный человек, делается запретной. В любом случае молодым приходится поддерживать мнение окружающих о том, что без сочувствия можно обойтись. Присущая юности откровенность концентрируется на таких явлениях, которые не могут

составлять основы реального психологического комфорта, в частности, на интимно-сокровенном.

Демонстративное поверхностное поведение становится нормативным, при этом любая ситуация, требующая помощи и вмешательства близких, становится неразрешимой: вдруг появившийся крик о помощи не поймут — примут за очередной прикол. В этой позиции возрастные свойства, которые в нормальной национальной реальности помогают встать на ноги и выйти из тяжелой ситуации, здесь совсем не работают. Если не так давно, в годы классических возрастных капризов, отчуждение молодых касалось только тех, кто старше и имеет с ними имеет дело, то сейчас этого отчуждения не миновало ни одно звено онтологической цепи, заключающей жизнь юноши или девушки.

В поле отчуждения прочно встали такие, ранее не отчуждаемые явления и предметы, как учеба, профессия, образование вообще, все виды коммуникативных связей с близкими и дальними, культура в целом, собственное здоровье, мечты о будущем и размышление о смысле жизни. И дело даже не в том, что количество самоубийств среди юной возрастной группы давно уже зашкаливает, а в том, что любой сильный характер, лишенный многогранного и всеобъемлющего национального тепла, если и способен сам встать на ноги, то точка его опоры всегда будет зыбкой, шаткой и в критическую минуту вообще может пропасть.

Вспоминая детство полувековой давности, безкомпьютерное и безэлектронное, бедное и почти нищее, невозможно не видеть без всякого напряжения сотен а может и тысяч таких деталей жизни, которые состояли из сплошной доброты и родства. Все они были связаны с тем, что составляет бытийственную сущность русского национального ядра. Запах бабушки — корица, мед и сладость — русский, и не потому, что эти предметы или продукты имеют отношение к русскому полю или саду, а потому что в семьях русских иконописцев женщины умели прекрасно готовить сладкое. Сотни запахов, связанных с теплотой заботы и умением строить быт, создавали важную часть русского мироощущения за которое, возможно, воевали наши предки, защищая родину. Эти запахи почти никогда не были ассоциативно связаны с чем-то неприятным, они передали нашей памяти понятие о том, что такое родной дом и дома родных. И те крупицы уже интеллектуального и информационного знания о своей родине никогда не отрывались от этих запахов не просто малой, а очень маленькой родины.

Не стоит думать, что теплота подобных воспоминаний держится лишь на детской привязанности: сейчас мы не можем не видеть, что

наши дети и внуки не только лишены этих запахов, за которыми стоит целая смысловая вселенная, но имеют им «адекватную» замену в виде компьютерных игр и электронных прибамбасов, заполняющих их убогий, лишенный фантазии и изобретательности, досуг. Кстати, запахи теперь только косметические, остро-узкие, без ассоциаций с человечностью. У наших детей отнято целое онтологическое пространство, из которого складывается прочность внутреннего мира.

Конструкция американской семьи не предполагает столь же высокой степени теплоты и близости отношений, какая есть в русских семьях. Поэтому для американских подростков отчужденность от близких не является такой жестокой проблемой, как для наших. Как бы ни строила себя русская семья, как бы она сама себя добровольно и сознательно не погружала бы в электронно-компьютерное отчуждение, в ней всегда найдется хотя бы один ее член, который на дух не принимает машинных взаимоотношений и жаждет простых человеческих добра, теплоты, любви и уважения. Но пока такая личность в усредненном общественном сознании — белая ворона и погоды не делает.

Психология молодых художников, личность каждого из которых требует не только покоя и умиротворения, но и осознания собственной высокой миссии в этом мире, сталкивается с парадоксальными трудностями, которые были немыслимы 30 лет назад. Пограничная планка между высокодуховными требованиями к своему творчеству с одной стороны и полным отсутствием каких-либо требований к чистоте и ясности собственной души с другой давным-давно переместилась туда, куда никакое творчество, даже в своих темных закоулках, раньше не заглядывало. Поэтому можно считать чудом изобразительные успехи наших современников — именно тех, которые не лишают себя «прелестей» современной американизированной жизни.

Если внимательнее взглянуть вокруг, особенно на теамериканоидные «мелочи», без которых жизнь молодых не существует, то наши выводы будут еще более плачевны. В недавнем и давнем прошлом молодежный сленг был одной из важных частей юмора и занимал четко определенное ему место, то сейчас он стал всегдашним «нормальным» способом выражения мыслей и чувств. Это значит хочешь-нехочешь, а приходится выполнять его антикультурные и антиинтеллектуальные приказы. Не только набор слов и понятий, но и главное, их социальный смысл, представляющий из себя ментальную кальку с американского, производит непоправимое насилие над сердцем и мозгом русского

человека. Если раньше молодой человек мог пошутить, подшутить, перешутить, пришучивать, шутковать, отшутиться и нашутиться, то сейчас он может только приколоться, а уж «отприколоться» никак не сможет. Относительная и абсолютная бедность сленга юношества заключена не только в скудном количестве терминов, но главное, в связанности их композиционного взаиморасположения. Так языки, не имеющие флексий, создают, однако, такие словестные конструкции, которые дают почти неограниченную возможность смысловых нюансов. В американизированном же словесном поле сленга таких операций просто не предполагается: в словесном богатстве нет нужды, оно под запретом. Присоединяемая к этому другая языковая проблема, переходящая в социальную, это сращивание тюремного сленга с молодежным. Она соединяет две разнохарактерные ментальности, возрастную и криминогенную в одну — в ядовитый плод уголовной юности. Некоторые социологи считают, что это нормальное явление, один из знаков времени, который ни плох, ни хорош. Хочется отметить, что все «научные» разговоры о том, что молодые просто «другие», «не такие, как мы», не стоит серьезного внимания.

К «другим» можно отнести представителей любой антисоциальной или нетрадиционной группы людей, большинство из которых представляют реальную угрозу для общества. Не лучше ли признать в молодых полноценных людей, во всем равных старшим? Только делать это надо не с натяжкой, не комплиментарно заискивая, а давая им понять, что реальное достоинство не только дорого стоит, но и дорого достается. Но эта «дороговизна» вполне подвластна возможностям любого нормального молодого человека, если он стоит на «национальных» ногах.

Среди общего потока американизированной российской молодежи все чаще и чаще встречаются яркие нестандартные типы. В них нет никакой фольклорной экзотики, нет демонстрации национальных атрибутов или качеств, нет того, что называют ура-патриотизмом. Их любовь к родине тиха и почти скрыта, но столь очевидна, что проявление их национальной самобытности происходит зачастую на первый взгляд даже вне русской почвы. Это переосмысленные и заново поданные японская и китайская живопись и керамика, индийский танец, кавказская кухня, подлинные и переводные стихи иностранных поэтов и многое другое.

В самореализации этих необыкновенных юношей и девушек бесспорно участвует нечто сверхъестественное, вынуждающее чуткие к национальному души искать и находить нечто чисто русское в окружающем американизированном поле. Эти «божьи

посланники» в наш компьютерный мир каким-то образом отслеживают те крохотные точки русского национального во всем, что нас окружает, делая это безошибочно, красиво и результативно. И не только взрослые, но и сверстники начинают относиться к ним с уважением, прекрасно понимая, что за такими — будущее. Все это касается профессиональной гуманитарной деятельности.

Но есть сейчас и другое. Это неожиданно появившееся на фоне внешнего разврата и сексуальной распущенности таких юных и молодых, которые способны по-настоящему глубоко крепко любить. Для них невозможно соединить в своем сознании американское «заниматься любовью» с любовью как таковой. Возможно, они являют собой пример еще большего мужества в этой нашей, очень злой и неприкаянной жизни. Они не стыдятся настоящей любви, будущей семейной жизни, которая, как они знают, будет намного тяжелее нашей. При этом они не оставляют в своих мечтаниях место глупой и пустой фантазии или несбыточным прожектам. И этим они обязаны не только личному божьему дару, но и умению найти опору в остатках той национальной чистоты, которая каким-то чудом открывается их внутреннему взору.

Включите телевизор. Переключайте каналы. Найдете ли вы что-нибудь русское?

Неважно, в историческом или в каком-нибудь другом аспекте. Может, на одном из каналов промелькнет русская мульт-сказка или что-то ей подобное, но не более того. Малыш не найдет ничего того, что могло бы не просто пощекотать ему нервы, но и показать нечто важное из детской сокровищницы русского искусства, что может соединить его с историей и культурой Родины. Ничего этого нет. Все юмористические программы, особенное молодежные, не говоря уже о различных шоу, представляют из себя копии или кальки с «американских» программ. Их язык чаще всего страдает сходством с американским вариантом английского с помощью русских слов. В большинстве передач работают насыщенные американизированные словесно-психологические клише, не позволяющие всерьез воспринимать и производить то, что не только умно, но и свято. Появилась стойкая привычка смеяться над тем, над чем у нас смеяться было не принято: над чистотой семейных отношений, над святынями родины, над церковью и ее атрибутикой. Такой социальный цинизм не может не иметь последствий. Всякий, посмеявшийся над историческим памятником за его «сходство» с тортом, не преминет посмеяться и над более запретными с точки зрения религии и морали вещами. Даже интеллектуальная программа «умники и умницы», в которой, казалось бы, не могло быть и места

каким-либо заокеанским формулам, иногда страдает акцентированной антирусской стилистикой.

Нам не хочется утверждать, что Россия должна быть изолирована от влияний каких-либо культур, в том числе и американской. Просто нам больно видеть изобилие целых языковых и ментальных конструкций, которые охватывают любой предмет или явления цепкими лапами американизма, превращая простое и знакомое нам в нечто экзотическое, заведомо чужое, с вывернутой наизнанку сущностью. Любая мелочь повседневности уже несет печать, или след, или отблеск чего-то американизированного.

Для младенцев, юных и молодых, не существует другой реальности. Педагоги и профессура уже давно не избегают сленговых оборотов для повышения контактности со студентами и школьниками. Это свидетельствует о том, что в среде нашей культурной элиты жирная червоточина. Если мы не жалеем себя, то пожалеем же наших детей! Пусть они никогда от нас — русских не слышат как норму ни фени, ни сленга, ни американизмов, пусть эти стилистические фигуры станут достоянием чистого юмора, особого – не нормального языка, чтобы они ассоциировались только с тем, что абсолютно не серьезно. Мы прекрасно понимаем, что тех, кому за 25, вряд ли можно переделать: те их них, кто сумел выжить и остаться русским, в помощи не нуждаются. Те же из них, кто погрузился в стихию американоидного бытия, даже попав сейчас в идеальную национальную атмосферу, вряд ли ее примет. Не будем скрывать, что известно по нашим жизненным наблюдениям: именно из этой среды вышло очень мало ярких и одаренных личностей, и очень много бесцветных, отстаивающих свою серость, людей, стремящихся сделать весь остальной русский мир серым и безнациональным. Не все из них знают и понимают, что с них обязательно спросится за безразличие и презрение к судьбе их детей, потому что человек, определяющий свою заботу о потомках в чисто материальном ключе, не способен видеть ни будущего их, ни настоящего, вообще ничего того, что дает надежду на лучшее.

Невозможно и не нужно русифицировать ни процесс образования на всех уровнях, ни повседневную жизнь. Но совсем не трудно и не требует никаких затрат (при колоссальном конкурсе!) подбирать дикторов радио и телевидения (на все каналы!), владеющих правильным русским языком именно как своим родным, а не как вычурным актерским мастерством. Чтобы не путали «одеть» и «надеть», чтобы ударение в слове «цепочка» было не на первом слоге, чтобы «комплиментарно» называя человека сексуальным, не

забывали о том, что это слово означает на самом деле, и стоит ли его вообще употреблять вслух.

Первый шаг — это наша защита, «поддержка и опора» наш великий русский язык. С рождения ребенок должен познать его ни с чем не сравнимые возможности. Мама, мамочка, мамуля, мамусик, мамулятинка, мамища, мать — это только небольшой перечень того, чем ребенок может овладеть.

Постигнув в раннем детстве безграничные возможности выражения мыслей и чувств на русском языке, ребенок научится хотя бы, если не точно и выразительно говорить, то понимать умную и содержательную речь. Если его еще лишить возможности регулярно слышать нецензурную брань от ровесников и старших, привив к ней отвращение и неприятие, то он сможет спокойно и не дергаясь, не вызывая в своей душе лишних пустых эмоциональных всплесков, обдумывать какие-то простые ясные, но очень серьезные вещи. И те крупицы национальных знаний, которые пока еще нам доступны на уроках литературы, истории и МХК смогут добавить в сокровищницу его души нечто такое, что не заменишь ни тренировкой памяти, ни обширным чтением, ни разговорами на тему преимуществ русского национального характера.

И вообще, наверное, надо поменьше говорить о русском, давить им на сознание. Лучше стараться быть русскими, а это значит научить себя любить то, что ты уже когда-то хорошо, но поверхностно знал. А если не знал, то узнал. И сумел полюбить. То, что раньше не любил, и не думал о том, что это можно любить. Любовь к родине — загадка. У каждого она своя, как любовь к любимой. Но для каждого патриота есть нечто, что его объединяет с другими, подобными себе: это понимание реальной ценности всего того, что Россия сумела сделать на духовном поприще за тысячу лет своего существования. Это осознание передастся тем, кто в этом так сейчас нуждается, в основном не через называние патриотических предметов, а через подлинное ощущение родины, присущее нормальному патриотическому сознанию.

А.Е. ХОДАКОВ

Идея кармы: рациональные аспекты страха и надежды на исправление ошибок рода

Аннотация. В социальной науке произошли перемены принципиального характера, которые еще не стали общим культурным достоянием современного общества. Концепция традиционной русской «философии хозяйства» и современная российская теория системного оптимума адаптации и развития человека и социума позволяют на практике осуществлять перемены в сценарии жизни человека и рода, которые прежде выражались в терминах мистических представлений о роке, судьбе, карме. Совершенствование бытия на уровнях личность — род — народ — человечество представляет собой задачу не только философскую и психологическую, но и социальную. Она выражается сегодня формулой: «В России Бытие есть принятие Ответственности и призвание к Гармонии».

Ключевые слова: род, судьба, карма, психология, теория оптимума развития, сценарий жизни, совершенствование.

Abstract: The social science has seen dramatic changes, which have not yet been assimilated by modern society. The traditional Russian theory of economy and the modern Russian optimum development theory for human and social adaptation and development help to materialize changes in man's and kin's scenario of existence, previously interpreted in terms of mystical views on doom, fate, and karma. Improving life on the levels of an individual, kin, nation and humanity is a philosophical, psychological and social challenge. Today we may lay down this challenge as "Existence, in Russia, means assuming a responsibility and commitment to harmony".

Keywords: kin, fate, karma, psychology, optimum development theory, lifetime scenario, perfection.

Всех нас, и истинно верующих, и материалистов, и даже агностиков, рано или поздно, но чаще по достижении возраста социальной зрелости, начинают беспокоить философские вопросы. Прежде всего — о смыслах бытия. Они универсальны. Кто мы? Откуда пришли в этот мир? Куда ведет наш путь? Ответить на них, пользуясь исключительно догматическими религиозными взглядами или только рациональным научным подходом, — сложно.

С одной стороны, наука не берется судить о событиях, которые не повторяются. Ведь гипотезы, объясняющие законы их развития, в принципе, экспериментально не проверяемы. А в обозримом будущем — новых сотворений мира, которые будут показаны

любознательному человечеству, никто не ожидает. Если науке непонятно само начало мира, то и следствия этого события, во многом, совершенно непонятны. Непонятны, например, конечные цели, к которым стремится наша Вселенная (Мультивселенная?). Соответственно, неясны и цели, смыслы бытия человека, как части этой Вселенной.

С другой стороны, священник, готовый рассказать каждому прихожанину о Замысле Бога и состоявшемся Божественном творении, не обязан разбираться в тонкостях рациональной социальной психологии и психологии личности, консультировать как психолог. Но его прихожане, чаще всего, страдают именно от дисгармонии отношений с близкими людьми, т.е. от психологических проблем. Что им посоветовать? Молиться, исповедоваться в грехах, принуждать себя любить тех, кто, как они считают, их же и «мучают»… Пробуют… Но прихожане не понимают, как можно перескочить на вертикали «древа жизни» от низших потребностей первой группы (материальных) — к потребностям высшей, третьей группы (духовным), минуя вторую группу потребностей (душевных, социальных), т.е. среднего уровня бытия [10] и… часто своей цели не достигают. Между тем, базовых смыслов бытия человека — не два и не три, не …, как считал А. Маслоу [11], их целых двенадцать на трех уровнях адаптации и развития человека [9]. Ни в учебных заведениях, ни в семье об этом подрастающему человеку не говорят. Правильно не говорят. Иначе человек начнет понимать, что быть счастливым, полноценно реализовать смыслы бытия более всего ему мешает отсталое «современное общество» и его малопродуктивная элита. Но так и до отрицания прелестей либерализма дойти можно…

Между тем, приоткрыть дверь в будущее, заглянуть в книгу судеб и понять, что нас ждет, с позиций современной психологической науки, теории оптимума развития (ТОР) вполне возможно. Для этого нужно попытаться изучить закономерности жизни нескольких поколений своего рода. Его история как спираль обвивает древо жизни поколений. Рассматривая фотографии предков, мы часто замечаем несколько уровней повторения, например, свое внешнее сходство с людьми, жившими еще в начале XX века, на заре изобретения метода фиксации событий жизни — фотографии. Порой это не только внешнее сходство, но еще и явное совпадение судеб в поколениях рода. Выясняется, что ряд поколений родственников глубоко взаимодействует между собой на духовном уровне, и это взаимодействие сегодня вполне поддается рациональному научному анализу. Из рассказов бабушек и дедушек мы с удивлением узнаем о том, что и наш характер, и наши мечты, и наши взгляды на мир

предельно близки или совпадают с подобными качествами наших предшественников в роду. Что это, мистическое переселение душ? Нет, современная наука объясняет это явление как генетической близостью, так и наследованием принципов и правил бытия, культурой рода, представляющей собой его социальную генетику, порождающей сходные варианты адаптации к окружающему миру, как успешные, так и нет. Мы принимаем как естественное явление не только наше внешнее сходство с представителями рода, но и наследственные болезни, однако не сразу можем принять закономерность сходства судеб в поколениях рода [8]. Между тем, непонимание закономерностей своей судьбы ведет к переживаниям несправедливости ее испытаний или наказаний; нам может казаться незаслуженным и счастье другого, «везучего» человека. Между тем, и религия, и наука совпадают в утверждении, что ничего случайного в этом мире не бывает.

Сегодня стало модным использовать для объяснения «зигзагов судьбы» мистический подход, но не в рамках традиционного для нашей культуры христианства, а с позиций законов «кармы», перерождения личности, ее неоднократного появления в этом мире, свойственных философии индуизма и буддизма. Первое упоминание о законе кармы относится к древним текстам Упанишад, хотя возможность возвращения умерших на землю предполагалась и ранее. Но, только начиная с этих текстов, качество реинкарнации связывалось с балансом результатов действий индивида в предшествовавших воплощениях (dic.academic.ru). Наиболее широко распространенно понимание термина ка́рма, ка́мма (санскр. пали kamma) как «причина-следствие, воздаяние», а также «дело, действие, труд». Карма трактуется как вселенский причинно-следственный закон, согласно которому праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, его страдания или радости в жизни. Карма лежит в основе понимания связей поколений рода, выходящих за пределы одного существования.(wikipedia.org). Однако и такое объяснение не дает достаточного понимания того, за что же мы собственно страдаем. Ведь своих «предыдущих жизней» мы не помним, и воспользоваться предыдущим опытом не можем. Но как держать ответ за те поступки, которых, как нам кажется, мы не совершали? Подобный «закон жизни» может показаться как минимум несправедливым. Ведь если я не знаю, какую ошибку совершил ранее, как ее исправить? Значит, существует большая вероятность повторения негативного поступка, т.е. невозможность осознанного стремления к улучшению своей кармы. Буддизм смещает акцент внимания с поступков, которые индивид совершил в предыдущих

жизнях, на действия, которые происходят в данный момент. Утверждается, что только осознанные поступки могут влиять на карму, неосознаваемые — есть следствие предыдущих ошибок прошлых воплощений. Таким образом, живя достойно сейчас, можно улучшить свое будущее воплощение.

Христианские богословы также уделяли внимание проблемам «родового греха». Например, в Евангелие от Иоанна есть упоминание о человеке, слепом от рождения. Увидев его, ученики спрашивают Иисуса «Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (Ин. 9:2).Сторонники реинкарнации считают, что сам факт того, что первые последователи Иисуса задали ему такой вопрос, предполагает их веру в предыдущее существование и реинкарнацию, распространённое представление о наказании детей за грехи родителей. В Библии есть и другие тексты, вызывающие споры о переселении души, однако пусть ими занимаются богословы. Ортодоксальное христианство уже решило этот вопрос на пятом вселенском соборе, признав учение о переселении души ересью и предав анафеме известного греческого христианского теолога и философа Оригена, одного из основоположников учения. В истории Ориген известен как ученый, основатель библейской филологии, автор термина «Богочеловек». Ориген утверждал, что предсуществовавшая ранее душа не воплощается затем в животных или растения, а продвигается по пути к совершенству, принимая всё более и более «просветлённые» тела в человеческих формах жизни. Падшие души реинкарнируются в телах ангелов, в человеческих телах на земле или в более низших, демонических формах жизни, постепенно проходя череду перевоплощений в условной «лестнице иерархий» разумных существ.

Христианство, убрав возможность размышлять о множественных перерождениях души, тем самым позволило человеку не фантазировать о грехах предыдущих воплощений, а сосредоточиться на сегодняшних поступках, пытаясь не грешить в единожды данной жизни. Однако при такой, казалось бы, понятной позиции — «кайся в грехах своих и все будет хорошо», простой человек, приходящий в церковь, так и не может понять, почему при нерешенности психологических проблем, соблюдение всех обрядов не делает его жизнь лучше, а состояние, порой, ухудшается, добавляя в душу лишь суеверия и новые страхи. Так можно ли, хотя бы частично, постичь рассудком обычного человека причинноследственные связи в событиях поколений рода? Решить этот вопрос непросто, но, пользуясь новыми научными взглядами на понятие кармы как совокупности идей, привычек и правил жизни ряда поколений рода,

«культуры рода», можно. С большой долей вероятности нам дано понять суть событий, происходящих в судьбе (реализуемом сценарии жизни). Для понимания метаморфоз нашей жизни можно поступать по-разному — изучать гороскопы, медитировать или смотреть в хрустальные шары, обращаться к кудесникам… Но в решении важных для нас задач есть и другой способ — понять, какие закономерности лежат в основе исходно неясных событий, научиться контролировать происходящие процессы. Человек способен научиться управлять не только велосипедом или автомобилем, которые тоже, на первых порах, кажутся непослушными, нам дано управлять и самолетом, и космическим кораблем и атомным реактором. Поддаются пониманию и контролю, пусть не все, но многие события в судьбе, в сценарии нашей жизни, который мы пишем и реализуем вместе с нашими родственниками, близкими людьми, обществом и человечеством.

«Не поминай имя Божье всуе!» — требует религиозный канон. Не гоже сваливать на Бога ответственность за те дела, которые уже стали нам по плечу. Современной наукой установлено, что основной закон, регулирующий поведение человека, — его потребности. Чаще всего, чтобы понять свою «судьбу», вовсе не нужно уходить в далекие области познания. Достаточно обратить внимание на то, что находится ближе всего — на нашу семью и на «культуру рода». Взглянуть на него придется не так, как мы это делаем в повседневной жизни, а через новую «волшебную» призму теории оптимума развития (ТОР), предложенную Е.В. Шелкоплясом [6].

Схематически содержание **мотивационного аспекта теории** отражено в таблице 1.

Таблица 1

Адаптационные требования, потребности	Биологическая среда 1-я группа	Социальная среда 2-я группа	Духовная среда 3-я группа
1. Дифференциации	Самосохранение через отличия от окружающей среды	Выделяться из окружающих людей	Выход за пределы индивидуального и группового эгоизма. Осознание необходимости поиска системного смысла всего происходящего

2. Идентификации	Обмен веществом и энергией	Отождествление с членами семьи, партнерами, друзьями	Отождествление мировоззрения с той или иной научной или религиозной метафизической концепцией
3. Экспансии	Продолжение рода	Реализация основных ролей сценария жизни	Развитие выбранной или создание собственной концепции
4. Познания	Понимание стремлений тела	Понимание стремлений души	Понимание законов мироустройства

Изучая мотивационные аспекты поведения, мы начинаем понимать, какие биологические, социальные или духовные потребности в нашей повседневной жизни не были реализованы в полной мере. Нарушение закона реализации базовых потребностей чрезвычайно опасно, оно неизбежно ведет к пустым конфликтам, душевным страданиям, ощущению несчастливой судьбы, одиночеству, извращениям, болезням и, в конечном итоге, к преждевременной смерти человека, прекращению существования его рода.

Но с помощью ТОР, как современной антропологии, основанной на принципах философии хозяйства, можно объяснить не только важные события собственной судьбы, но и переосмыслить судьбу рода. Конечно, проследить его историю большинству из нас можно не более чем на четыре поколения, однако и это дает возможность увидеть закономерную схожесть судеб, а, значит, во многом предвидеть направление развития своего сценария жизни, своевременно устранять явные грехи, ошибки поведения, создавать условия для формирования счастливой судьбы своих потомков. Не правда ли, это напоминает стремление к улучшению кармы, которое в древности люди осознавали лишь мистически? Не случайно появилось современное правило воспитания: Понимая свои цели, посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу.

Наш род во многом определяет нашу неповторимость как через биологические законы генетического повторения свойств в потомках, так и через социальные законы воспитания и подражания, законы культурной традиции. Нет ничего удивительного в том, что дочь, не

замечая того, разводится с мужем в таком же возрасте, как и ее мама, да и недостатки характера ее мужа удивительно совпадают с характером ее отца. Мальчик, видевший униженное подчинение матери слабого духом отца, или выбирает похожее существование в собственной взрослой жизни, или не доверяет всем женщинам, или «наказывает» их грубостью, изменами, равнодушием. Он не знает сути женщины, поэтому и не умеет любить, не знает, как создать гармонию отношений в семье.

Выросший ребенок строит уклад своей семьи по лекалам родительских отношений. Выбор места работы, спутника жизни, типа реагирования в конфликтных и кризисных отношениях чаще всего происходят по сценарию, подготовленному родителями, который напоминают их собственный, а также предусматривает преодоление осознанных родителями собственных ошибок. То, как жили наши предки, как трудились, как строили систему отношений в семье, часто передается следующим поколениям практически в неизмененной форме. Неосознанные ошибки попросту воспроизводятся — «меня драли как сидорову козу, моим детям это тоже не помешает». Можно ли эти факторы назвать проявлением кармы? В определенном смысле — да. Назвать «культурой рода»? Несомненно. Причинно-следственные отношения прошлого и будущего признаются как религией, так и наукой. Наблюдая в членах семьи, в детях черты наших родителей и прародителей собственные черты, можем ли мы говорить о реинкарнации бессмертной души? Христианская религия отвечает — нет. Наука же обращает внимание человека на то, что в детях, внуках, своих далеких потомках человек обретает своеобразное бессмертие, присутствие в будущем. ТОР, современная наука позволяют заглянуть в важные стороны будущего, сделать его счастливее тем, что уже сегодня мы принимаем решение — устранить грубые ошибки поведения, грехи.

Формат статьи не позволяет автору описать все основные формы нарушения гармонии развития родов и индивидуальных судеб. Следует лишь отметить, что ТОР позволяет найти общий корень искажения гармоничного сценария бытия как отдельных людей, так и целых родов. Общая причина несчастий — недополученная в детстве любовь родителей, которые сами не были счастливы в детстве, вступили в свой брак без настоящей любви, не понимая до конца смысла главного утверждения Библии «Бог есть любовь». Рациональная сторона этого принципа заключается в том, что любовь есть несомненный признак полезности, нужности, необходимости человека окружающему миру людей, предметов и явлений. Ребенок, не получивший доказательств своей ценности для Мира из главного

источника — души своих родителей, неизбежно будет иметь низкую самооценку и реализовывать сценарий жизни, основанный на недоверии к себе, людям и Богу.

Семейное воспитание в детские годы навсегда откладывается не только в сознании и памяти, но, в гораздо большей степени, в области «неосознаваемого». Свою семью мы будем строить так, как нас научили ее понимать, т.е. на тех принципах и в тех рамках, которые нам кажутся наилучшими. Все это предопределяет и выбор нашего будущего партнера и взаимоотношения с ним, а затем и воспитание наших детей и внуков. При ошибочном понимании жизни — круг замыкается, змея кусает себя за хвост, порой это очень больно. Так можно ли разорвать порочный круг ошибок и грехов, сделать его спиралью неуклонного возвышения человека и рода, устремленной к небу? Ведь известный русский философ и богослов Павел Флоренский считал, что задача рода – взрастить в себе «святого» человека [5].

Сказанное выше позволяет задаться следующим вопросом. Можно ли изменить свое и общее будущее? Общий ответ — да. Существуют биологические и культурные предпосылки для выбора индивидуального оптимума в реализации сценария жизни человека и рода (тип нервной системы, темперамент, конституция). Зная сильные и слабые стороны своей индивидуальности, значительно легче осуществить выбор профессии, спутника жизни, стиля отношений с окружающими, чтобы выполнять требования великого закона гармонии, дополнения, активного соответствия индивидуальных свойств человека Миру. Но мир так сложен и разнообразен, а количество типов конституции и воспитания человека ограничено. Может ли человек во всех случаях найти такое счастливое соответствие?

К счастью, Богочеловеческое единство, подаренное нам Провиденьем, дает человеку способность к творчеству, т. е. к созданию нового, того, что еще не существовало. К результатам творческого труда относится не только новое научное знание о законах Мира и жизни человека, но и создание нового качества жизни, основанного на этих открытых наукой законах. Порой выводы нового знания, в том числе психологического, парадоксальны (ведь «гений — парадоксов друг»). Так теория оптимума развития предлагает «усыновлять» и «удочерять» своих родителей для снятия конфликта повзрослевшего ребенка с постаревшими родителями, которые не по злой воле, а от собственной детской обездоленности недодали в детстве любви своему ребенку. Повзрослев психологически, родители смогут, пусть с опозданием, начать отдавать любовь, сделать счастливыми в этой взаимной любви и себя и своих взрослых детей.

Практика показывает, что это весьма действенный подход, что особенно много могут сделать на этом пути женщины, по природе своей обладающие огромным (часто совсем не израсходованным) природным потенциалом заботы, жалости и любви.

В формировании личностных свойств человека кроме влияния семьи всегда существует влияние социальных референтных групп, окружающих нас практически с момента рождения. Это детский сад и школа, институт и трудовой коллектив, друзья и товарищи, родственники супруга и свои собственные, соседи и знакомые, герои книг и фильмов, священники и психологи и т. д. и т. п. Важно также влияние тех людей, которые в психологии именуются «значимым другим», т. е. человека, не являющегося родителем, но своим авторитетом и поступками оказывающего на его развитие большое влияние. Что касается профессионального психолога, то он по определению Е. Евтушенко — «наемный друг» (еще один пример парадокса), т. е. учитель жизни, помогающий узнать ее законы жизни и освоить нравственные способы удовлетворения базовых потребностей. Современному человеку, выбираясь из круга неудач, не стоит рассчитывать на случай, лучше это делать при поддержке психолога, грамотного и нравственного специалиста.

Возможности современной психологии значительно шире технологий психоанализа З. Фрейда, делавшего ставку преимущественно на осознание психических травм, вытесненных в область бессознательного, мешающих человеку объективно воспринимать окружающую реальность. Это во многом устаревшая, ошибочная в метафизических и нравственных выводах концепция, созданная человеком, который сам не был счастлив и не нашел выхода из собственных тупиков бытия. «Не верь унылым учителям, они свои ошибки пытаются превратить в неудачи Бога» — таков шутливый постулат современной теории оптимума развития. Одно лишь осознание корней своей проблемы на уровне логики не приводит к положительным результатам, необходимо еще и прочувствовать проблему на главном, большем по объему в психике, эмоциональном уровне. Сознание человека, защищая от боли, склонно закрывать доступ к причине большинства страхов — необходимости принципиальных перемен поведения для достижения гармоничного бытия. Для этого сознание постоянно выстраивает разнообразные психологические защиты. Оно пытается отгородить нашу личность от ответственности за качество жизни, от необходимых еще неясных по содержанию и последствиям перемен [3]. Оно предлагает экономить истощенные силы, избегать новых душевных потрясений за счет пустого ожидания, что проблема «как-то решится». Обычно защиты

содержат надежду на то, что позитивные перемены произойдут не за счет наших собственных ресурсов.

Один из очередных парадоксов заключается в том, что люди с интровертивной акцентуацией психики, обладающие природной мощной логической системой, имеют более сложный доступ к собственной эмоциональной сфере. На деле, это вполне объяснимо. Их психологические защиты имеют более мощное, в сравнении с другими психологическими типами, интеллектуальное обеспечение. Оправдания бездействия, ссылки на неотвратимость судьбы, рок — лишь самообман. Психологическая наука подчеркивает, что обман и самообман — продукт ума, эмоции — гораздо искреннее в оценках происходящего. Поэтому ТОР одним из важных признаков психического здоровья считает гармонию «ума» и «сердца», которая переживается как чувство тихой радости, порожденной гармоничной жизнью. Такую же позицию несложно найти и в религиозных учениях.

Люди экстравертивного типа гораздо более внушаемы, им не нужны серьезные логические аргументы. На них легко воздействует авторитет и ритуал, т. к. они, в отличие от интровертов, не вполне самостоятельны в суждениях. Но их готовность к переменам страдает недостатком самостоятельности и стабильности перемен. Они готовы, доверяя по-детски, идти за лидером, стремясь превратить психолога в замену своего родителя. Но задача психолога иная, он должен помочь человеку стать взрослым, ответственным и самостоятельным. Рациональная проработка проблемы для экстравертов не первый, а второй этап психологической помощи. Успех психоанализа в начале XX века во многом был обусловлен тем, что первыми пациентками З. Фрейда и его последователей-психоаналитиков, в силу социальных обстоятельств, были женщины, страдавшие истерическим неврозом (в ТОР — «умеренные экстраверты»), для которых эмоциональная сфера является доминирующей в психике. Эти люди инфантильны конституционально, им несвойственна социальная самостоятельность. Внимание и манипуляции, производимые специалистом, на время заменяют им реальную любовь, реальное внимание, но не решают существующих проблем. Жизнь показала неэффективность такого подхода.

С позиций ТОР, вектором развития психических функций и системообразующим фактором является последовательность движения обрабатываемой информации. ТОР наряду с общеизвестными первой и второй сигнальными системами выделяет также и третью сигнальную систему. «Условно можно говорить и о третьей сигнальной системе, которая представляет в психике синтез функций сознания, под- и надсознательного, отражаемый в понятиях мораль, культура,

нравственность, духовность». Работа с качествами третьей сигнальной системы дает возможность изменить не только понимание прошлого (ретроспекция), но и принципиально создать образ гармоничного будущего и для себя и для своего рода (проспекция). Работа с духовным уровнем потребностей по своему содержанию намного сложнее, она выходит за рамки бытия одной личности. К психотерапевтической работе в этом случае необходимо привлекать и членов семьи. Кроме того, это требует нового уровня квалификации специалиста, которому желательно сочетать в себе качества культуролога, философа, психолога, врача, человека, широко осведомленного в сфере многих социальных наук. Такая подготовка поможет совместно с человеком, обратившимся за помощью, преодолеть еще и страх изменения «кармы», которая воспринимается как «рок», как данная Богом судьба. Ведь если верно это суждение, то попытка изменения судьбы выглядит как борьба с Богом, т.е. недопустимое действие. Но проблема соотношения воли Бога и воли человека в его судьбе в христианской культуре решена. Современная христианская церковь трактует «спасение» (итог гармонично реализованной судьбы) как дело богочеловеческое, требующее полноты участия человеческого начала.

В российской науке существует традиция подхода к познанию мира и человека с позиций «философии хозяйства», где научный и религиозный подходы дополняют друг друга [1; 2]. Теория оптимума развития подчеркивает, что гармоничное развитие человека встречает массу препятствий в дисгармоничном современном обществе [7]. Очевидна огромная роль государства в поддержке духовных ценностей общества и морали, в развитии культуры. Многое имевшееся потеряно, многое возможное — не сделано. Однако, начинать, как обычно, правильнее с себя. Тогда при нашем участии и наше общество, возможно, начнет меняться. Россия — страна колоссальных возможностей, культура мессианского призвания [4; 12]. Современная российская наука провозглашает в качестве принципа жизни формулу: «Сегодня в России Бытие есть принятие Ответственности и призвание к Гармонии».

Независимо от метафизической позиции, то, что именуется как «карма» или «культура рода», может совершенствоваться лишь трудом. Менять их можно, но только совершая определенные действия, осознанные усилия, направленные на гармонизацию своей судьбы. Проблема же заключается в том, чтобы не ошибиться, не перепутать истину с иллюзией, двигаться в правильном направлении. Каждому современному человеку, нашему гражданину практически важно разобраться и в древней мудрости, в религиозных воззрениях

различных культур, и в достижениях современной науки, психологии. Без этого понять неочевидные причинно-следственные связи поступков и их следствий — довольно сложно. Один из вариантов глубокого объяснения современной жизни и гармоничного пути в будущее — теория системного оптимума адаптации и развития человека и общества. Принципом действий современного гармоничного человека в узловых событиях его жизни может быть максима: Делай, что должно! Делать же должно то, чего требует совокупность, система законов материального, социально-нравственного и духовного мира. Действуйте! Это поможет сделать счастливее и себя, и свой род, будет полезно для гармоничного бытия народа и человечества. Значит, наше будущее небезнадежно!

Литература

1. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
2. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011.
3. Руководство по телесно-ориентированной терапии. Первичная терапия А. Янова. СПб.: Речь, 2000. С. 154—242.
4. *Тойнби А*. Место России в истории // Цивилизация перед судом истории: сборник / А. Тойнби. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003.
5. *Флоренский П.А*. Столп и утверждение истины. (Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах). [Электронный ресурс] http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhdenie/.
6. *Шелкопляс Е.В.* Введение в психологию оптимума. (Цикл популярных лекций. Лекция первая). Иваново, «Траст Сервис», 2003.
7. *Шелкопляс Е.В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, май 2012 г. Иваново: Юнона, 2012.
8. *Шелкопляс Е.В.* От невроза индивида — к неврозу рода. Смена парадигм // Актуальные вопросы клинической психологии. Материалы межвузовской научно-практической конференции / Под ред. И.Ю. Добродеевой. Шуя: ГОУ ВПО ШГПУ, 2008.
9. *Шелкопляс Е.В.* Психология уровней тварной Софии и Логоса // София. 100 лет русской философии. / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2012.
10. *Шелкопляс Е.В.* Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии / Человек завтрашнего дня: взгляд с

позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов Междунар. науч. конф. / под ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.

11. *Шелкопляс Е.В.* Философия хозяйства и обновление культурной системы России // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал, № 2 (14), 2014.

12. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 Образ и действительность. Минск.: «Попурри», 2009.

А.М. АЛЯБЬЕВ

О роли православной школы в развитии российского общества

Аннотация. Современная система образования в России может быть адекватна задачам общества и государственной политике лишь в случае освоения молодым поколением граждан традиций не только светской, но и религиозной культуры, православия. Это позволяет научить молодое поколение глубокому пониманию мира, подоплеки событий, поиску нравственных и духовных путей бытия для каждого, патриотизму, ответственности за будущее. В качестве высокого примера ученикам предлагается жизненный путь земляка — адмирала Невельского.

Ключевые слова: российская школа, православие, культура, ценности, государственная политика.

Abstract. Russia’s modern education system may match social and state expectations only if the young generation assimilates both secular traditions and those of the orthodox church. This will help young people gain a deeper understanding of the world, actual reasons for events, patriotism, responsibility for the future, and find moral and spiritual principles to live by. This is illustrated by an example of an outstanding fellow countryman — Admiral Nevelskiy.

Keywords: Russian school, orthodox religion, culture, values, government policy.

Известно, что система образования играет важнейшую роль в воспроизводстве всей системы ценностей культуры. Преподаваемая в среднем учебном заведении информация об истории общества и основных принципах его гармоничного устройства, основанных на соответствии национальной культурной традиции, закономерно становится ядром мировоззрения будущих граждан страны. Искажение информации о прошлом своей страны и мира, игнорирование

душевных и духовных смыслов бытия, невнимание к сути самобытности национальной культуры, имевшие место в школьном возрасте, будут иметь самые серьезные последствия и для повзрослевшего человека, и для всего общества. Ярчайшим негативным примером этого посыла является современная Украина, стремящаяся превратить ненависть к русским братьям в принцип формирования новой национальной идентичности. Основу манипуляции общественным сознанием составили изменения в школьных программах, осуществленные теми людьми, для которых национальная культура и высшие смыслы бытия — пустые слова.

Поиск новой модели социальной организации современного российского общества, осознавшего неприемлемость либерального пути развития, не может не учитывать того факта, что стержнем российской культуры, как и любой другой крупной и устойчивой социальной общности, является ведущая религия. Постижение сути православия в период обучения в средней школе — не просто благое пожелание, но и принципиальная необходимость. С момента крещения Руси православие, как метафизика бытия, развиваясь в православном богословии и религиозной философии, формировало социальную и экономическую культуру во все периоды российской истории [1; 2; 3; 4].

О православном просвещении в образовании следует говорить не столько как о его формально-обрядовой стороне, сколько как о метафизике, мировоззрении, как об «истинном суждении обо всем» (прп. Анастасий Синаит). При этом каждому ученику в процессе обучения необходимо предоставить возможность познакомиться и с мировым развитием религиозно-философских взглядов в истории человечества, с тем, чтобы выбор его мировоззренческой позиции был и активным, и ответственным.

Мой пятнадцатилетний опыт руководства Православной школой, по сути, есть постоянное совершенствование такой ее модели, которая способна дать ответы на вызовы времени. Среди главных проблем — вопрос о том, как подготовить современных детей к реальной жизни, где много внимания уделяется материальным смыслам бытия и недостаточно душевным и духовным. Последствия искажения смыслов бытия — колоссальны. Пример — либеральное общество Запада. Но критика чужих ошибок — еще не гарантия предотвращения и исправления собственных.

Мы стремимся учить детей глубокому пониманию мира, подоплеки событий, поиску нравственных и духовных путей бытия для каждого. Задача сложнейшая, требующая последующего продолжения образования за пределами школы и духовного роста, но вполне

решаемая с позиций православного мировоззрения. Ответственность за будущее лежит не только на государстве, но и на каждом гражданине России. В нашей школе, в нашем кадетском корпусе, в качестве примера такой ответственности и патриотизма ученикам предлагается жизненный путь адмирала Невельского.

Успешность действующей модели православной школы подтверждается как оценками наших выпускников, так и их родителей, а также государственными грантами, поддерживающими наши программы развития. Однако, один или несколько успешных примеров работы православных школ в стране еще не создают государственной системы. Важность такой формы образования в России делает необходимым обсуждение данной проблемы как государственного проекта. Для воспитания патриотизма и уважения к традициям национальной культуры в обществе необходим диалог педагогического и научного сообщества, институтов гражданского общества, с церковью и государством. В Ивановской области такая работа идет. Православное образование, безусловно, открывает дорогу и к православной церковной жизни, которая дает силы преодолевать все сложные препятствия. Духовно подготовленный человек помнит, что он не одинок в своих добрых устремлениях. С ним не только близкие люди, но и Бог. «Все нужное просите у Отца вашего Небесного. Просите, и дано будет вам. …Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. …Отец ваш Небесный даст просящим у Него» (Еванг. от Матфея.7: 7-20).

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Издательство МГУ, 1990.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
4. *Флоренский П.А*. Столп и утверждение истины. (Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах) [Электронный ресурс] http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhdenie/.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), доктор экономических наук, профессор; Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (г. Москва) (*osipov.msu@mail.ru*).

КЛЕЙНЕР ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ,
член-корреспондент Российской академии наук**,** доктор экономических наук, профессор**,** заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (г. Москва). *(george.kleiner@inbox.ru)*

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕ; Заслуженный деятель науки и образования, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Центра кризисологических исследований; заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета (г. Иваново) (*ocean_65@mail.ru*).

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА,
доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Ивановского института ГПС МЧС России, кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета, кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета (г. Иваново) *(ocean_65@mail.ru).*

ШЕЛКОПЛЯС ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
действительный член АФХ, член-корреспондент Международной академии организационных наук, доктор философских наук, кандидат медицинских наук, директор Института развития, изучения, здоровья и адаптации человека (г. Иваново) *(evs-optimum@mail.ru).*

КОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
действительный член АФХ, кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента Международного университета (г. Москва) *(ekosov38@mail.ru).*

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики экономического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by).*

ОЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член РАЕ, доктор экономических наук, профессор кафедр экономической теории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Уральского института бизнеса (г. Екатеринбург) *(Alek.oleinikoff2010@yandex.ru*) (г. Москва).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,
действительный член АФХ, доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ (г. Москва) *(shylevsk@mail.ru).*

ПРОХОРОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социально-политических и юридических дисциплин Нижегородского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (г. Нижний Новгород) *(mmpro@mail.ru).*

ТИХОНОВ АНДРЕЙ ИЛЬИЧ,
доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой физики Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина (г. Иваново) *(ait@dsn.ru).*

ФАДЕЙЧЕВА ГАЛИНА ВСЕВОЛОДОВНА,
действительный член АФХ, кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и финансовых дисциплин Владимирского института бизнеса (г. Владимир) *(fadeycheva@mail.ru).*

ФЕДОТОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член РАЕ, доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск); главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу» (г. Иваново) (*aalfedotov@ya.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,
академик-секретарь АФХ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (г. Москва) *(eszotova@mail.ru).*

НОВИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Ивановского государственного университета (г. Иваново) *(novikov-ivanovo50@yandex.ru).*

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета; заведующий кафедрой церковной и общей истории Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии (г. Иваново) *(orvozi@rambler.ru).*

ТАРАСОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ,
кандидат культурологии, киновед, писатель, старший научный сотрудник Института развития, изучения здоровья и адаптации человека; член Союза кинематографистов России (г. Иваново) (*alekst_24@mail.ru*).

БАКУЛЕВ КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВОВИЧ,
действительный член АФХ, кандидат экономических наук, директор Института социально-экономической модернизации (г. Москва) *(kbakulev@gmail.com).*

УТКИН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета (г. Иваново) *(igorutkin@mail.ru).*

БАЛАГУРОВ ОЛЕГ АНДРЕЕВИЧ,
кандидат культурологии, преподаватель Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии (г. Иваново) *(ruzante@yandex.ru).*

ПЕТЕЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
почетный член АФХ, руководитель департамента природных ресурсов и экологии Ивановской области; исполнительный директор Российского центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова (г. Иваново) *(avpetelin@mail.ru).*

МАСЛЕННИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета *(onmaslennikova@gmail.com)*.

ШУТОВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА,
магистр культурологии, аспирантка кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета (г. Иваново) *(siv_1989@mail.ru).*

ШЕВЦОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор психологических наук, профессор Балтийской педагогической академии; ректор Музея-заповедника народного быта; член Союза писателей России (г. Иваново).

СМИРНОВ ВАДИМ АНДРЕЕВИЧ,
доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета *(smirnovva1@ya.ru).*

КУРИЦЫН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ,
кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германских языков и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета *(kurbar@mail.ru).*

РЕДКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и права Шуйского филиала Ивановского государственного университета *(redkovsergei63@mail.ru).*

ЕРМИЛОВ ЮРИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ,
теолог, арт-теоретик, иконописец, лингвист, преподаватель Ивановского Православного богословского института св. апостола Иоанна Богослова, Ивановского художественного училища имени М.И. Малютина (г. Иваново) *(ermilov-yurij1948@mail.ru).*

ХОДАКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,
психолог, научный сотрудник Института развития, изучения здоровья и адаптации человека (г. Иваново) *(x.lesha@yandex.ru).*

АЛЯБЬЕВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
директор Православной школы Феодоровской иконы Божией Матери Иваново-Вознесенского морского кадетского корпуса имени адмирала Г.И. Невельского (г. Иваново) *(semkrug@yandex.ru).*

Учредитель (соучредители)
ООО «Инвестиционная компания БАРРЕЛЬ»
(свидетельство о перерегистрации средства массовой информации
в связи со сменой учредителя
ПИ № ФС 77-25920 от 29 сентября 2006 г.)
115280 г. Москва, 1-й Автозаводский пр-д, д. 4, корп. 1

Типография Ивановского энергетического колледжа
153025 Иваново, ул. Ермака, 39

354